МИР В ВОЙНАХ

МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КРАСНОГО МАРШАЛА

Борис Соколов

МИР В ВОЙНАХ

МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В лагере белой эмиграции Тухачевского считали беспринципным карьеристом, готовым проливать чью угодно кровь ради собственной карьеры. В СССР, напротив, развивался культ самого молодого командарма, победившего Колчака и Деникина. Постараемся же понять где истина, где красивая легенда, а где злобный навет…

- Борис Вадимович Соколов Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала»
  -
  - От автора
  - Откуда есть пошли Тухачевские. Детство и юность
  - «Надетая на Вас форма — это пожизненно». Кадетский корпус и юнкерское училище
  - Первая мировая война и германский плен
  - «На той далекой, на Гражданской»
  - Даешь Варшаву! Битва двух маршалов
  - Даешь Кронштадт!
  - «Сурово и беспощадно»: удушливые газы для тамбовских крестьян
  - «Хочешь мира — готовься к войне». Тайна Лидии Норд
  - Заговор Тухачевского: правда и миф
  - Литература

Борис Вадимович Соколов Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала»

МИР В ВОЙНАХ

МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КРАСНОГО МАРШАЛА

Борис Соколов

Смоленск
«Русич»
1999

От автора

В разные годы этого человека называли по-разному. То «Красным Наполеоном» или «советским Бонапартом», то «врагом народа», то «извергом из бухаринско-троцкистской банды», то видным полководцем, безвинно погибшим в эпоху культа личности Сталина, то «красным маршалом», достигшим самых выдающихся успехов в борьбе против Колчака и Деникина, то «кровавым маршалом», отличившимся лишь в войне против «нищих крестьян Тамбовщины» и ничем не обогатившим военную науку. Его имя обросло толстым слоем легенд, домыслов, версий, романтических историй. Апологетика сменилась грозным приговором и многолетней фигурой умолчания. Потом опять биографии типа жития невинно убиенного мученика, а в самые последние годы — публикации, в которых канонизированный было маршал превращается чуть ли не в дьявола в человеческом обличье. Кто же этот многоликий Янус, и что здесь правда, а что ложь? Речь пойдет об одном из первых советских маршалов Михаиле Николаевиче Тухачевском. А каким он был полководцем и человеком, читатель узнает, прочитав эту книгу.

Свояченица Тухачевского, двоюродная сестра его второй жены и сама жена ближайшего друга Михаила Николаевича, расстрелянного вместе с ним, после второй мировой войны смогла эмигрировать на Запад. Там, укрывшись под псевдонимом Лидия Норд (дальше мы узнаем, кто именно за этим псевдонимом скрывается), в парижском журнале «Возрождение» в 1957 году она опубликовала биографию «красного маршала», где попыталась ответить на вопрос, почему так много споров и легенд породил этот незаурядный человек: «Пожалуй, ни о ком не сплеталось столько „легенд“, как о нем. Туманные, часто противоречивые — они распространялись с двух сторон.

В среду офицеров гвардии Тухачевский вошел только за несколько месяцев до первой мировой войны — фактически в царской армии его знали очень немногие: офицеры лейб-гвардии Семеновского полка, начальство и преподаватели Московского Александровского военного училища да его товарищи по училищу и корпусу.

Но в те времена вряд ли кто особенно интересовался внутренним миром юнкера, а после — молодого поручика. О Тухачевском заговорили тогда, когда он выдвинулся во время гражданской войны как выдающийся красный командарм. Старая военная среда считала его ренегатом и выскочкой. Большинство, обсуждая его личные качества, говорили со слов других и редко

беспристрастно… Так складывались породившие плохую славу легенды…

В Красной Армии он, несмотря на все заслуги перед революцией, оставался „бывшим гвардейским офицером“ — человеком чужой среды. Люди, расположенные к нему, старались прибавить к его биографии и личным качествам побольше такого, что могло приблизить его к „пролетарскому обществу“… Другие выискивали в молодом красном генерале „гвардейские замашки“ и все те недостатки, которыми, по их мнению, обладали все люди с „голубой кровью“, и если не находили их, то выдумывали. Так рождались легенды другого сорта».

Словом, чужой среди своих, но и не свой среди чужих… В лагере белой эмиграции Тухачевского считали беспринципным карьеристом, готовым проливать чью угодно кровь ради достижения очередной ступеньки военной иерархии. В СССР, напротив, развивался культ самого молодого командующего армией и фронтом в гражданской войне, носившего лавры победителя Колчака и Деникина. Но подспудно у многих коллег, а особенно у партийных вождей всегда присутствовала аналогия между молодым офицером, ставшим большевиком через несколько месяцев после революции, и поручиком-корсиканцем, начинавшим как якобинец, а в конечном счете ставшим могильщиком Великой Французской революции…

Постараемся же понять, где истина, а где — красивая легенда, рожденная любовью, или злобный навет — следствие зависти соперников или ненависти побежденных. Наша задача трудная. Документов о жизни Тухачевского до сих пор опубликовано очень мало. Большинство близких ему людей не уцелели в волне репрессий, последовавшей за делом о «военно-фашистском заговоре». Почти ничего не известно о трех женах маршала, о его личной жизни. В Советском Союзе в 60-е годы, когда в связи с реабилитацией о Тухачевском заговорили вновь, после четвертьвекового молчания, вспоминать о женах великих людей, если жен было больше, чем одна, а тем более о любовницах, считалось дурным тоном. Поэтому мемуары выходили пресные, а их герой получался совсем без изъянов, словно икона, а не живой человек. На исходе же 80-х и в 90-е годы Тухачевского стали рисовать преимущественно черным, вспомнив не только Варшаву, но и Кронштадт с Тамбовом. Некоторые историки и публицисты вообще отказали ему в каких-либо полководческих способностях и выдвинули тезис, что расстрел Тухачевского и его товарищей, независимо от справедливости предъявленных обвинений, по сути явился благом для Красной Армии, поскольку расчистил путь к высшим

должностям Жукову, Рокоссовскому, Коневу, Василевскому и другим генералам и маршалам — победителям в Великой Отечественной войне. Я же постараюсь, дорогой читатель, показать Тухачевского во всей сложности и противоречивости его необыкновенной натуры. Мой герой не был бездушной машиной, но и излишней рефлексией не страдал. Знал крупные победы и не менее крупные поражения. Храбро держал себя под неприятельскими пулями, но смалодушничал перед лицом скорого и неправого суда. Стяжал славу выдающегося полководца и не менее выдающегося карателя. Не верил и верил в Бога, как верил и не верил в большевизм и мировую пролетарскую революцию. Любил общество музыкантов, артистов, композиторов, сам изготовлял скрипки и играл на них, и одновременно с увлечением разрабатывал планы газовых атак против восставших от безысходности тамбовских крестьян. Полюбишь ли, читатель, Тухачевского или проклянешь его, когда закроешь эту книгу?

В заключение этого несколько затянувшегося предисловия хочу принести свою искреннюю благодарность П. А. Аптекарю и А. В. Молчанову за предоставленные материалы и ценные советы в процессе работы над этой биографией.

Откуда есть пошли Тухачевские. Детство и юность

Михаил Тухачевский родился 4/16 февраля 1893 года в помещичьем имении Александровское Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Имение это — 200 десятин заложенной-перезаложенной, не слишком плодородной земли. Тухачевские были из сильно обедневших дворян, с трудом сводивших концы с концами. Мать Тухачевского, Мавра Петровна Милохова (другой вариант написания фамилии — Милехова), сама была из крестьян села Княжино. Отец ее от бедности вынужден был отдать одну из пяти дочерей в услужение помещице-вдове Софье Валентиновне Тухачевской. В Мавру влюбился сын вдовы, Николай Николаевич, к тому времени — единственный оставшийся в живых мужчина в древнем роду. От брака дворянина и крестьянки родился будущий маршал.

Происхождение рода Тухачевских в не меньшей степени окутано легендами, чем его трагический конец. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о Тухачевских говорится следующее: «…Дворянский род, происходящий, по сказаниям старинных родословцев, от выехавшего в Чернигов из цесарской земли при вел. кн. Мстиславе Владимировиче графа Индриса, в крещении Константина. Его потомки в XV в. переселились из Чернигова в Москву и приняли фамилию Тухачевские. В XVI и XVII вв. Тухачевские служили по Брянску, а во второй половине XVII в. были стольниками, стряпчими и т. п. Николай Сергеевич (1764–1832) был тульским губернатором, его сын Николай Николаевич — наказным атаманом донского казачьего войска (1846). Род Тухачевских внесен в VI часть родословной книги Московской губернии…»

К этой довольно скупой справке можно добавить, что, по семейным преданиям, легендарный основоположник рода Тухачевских граф Индрис был венгерского происхождения. Самое же любопытное — эта легендарная личность считалась родоначальником не только Тухачевских, но и еще трех русских дворянских фамилий, в том числе такой знаменитой, как Толстые, давшей России и миру трех великих писателей — Алексея Константиновича, Льва Николаевича и Алексея Николаевича. У тех же Брокгауза и Ефрона о Толстых читаем: «… графский и дворянский род, происходящий, по сказаниям старинных родословцев, от мужа честна Индриса, выехавшего, „из немец“, из цесарской земли, в Чернигов в 1353 г., с двумя

сыновьями и дружиною из трех тысяч человек; он крестился, получил имя Леонтия и был родоначальником нескольких дворянских фамилий. Его правнук, Андрей Харитонович, переселился из Чернигова в Москву и, получив от вел. кн. Василия Темного прозвище Толстой, стал родоначальником Т.». Как знать, не обладал ли Индрис литературными способностями (если вообще, конечно, знал грамоту)? Во всяком случае, приказы, выступления и статьи Тухачевского отличаются определенным, ему присущим стилем и написаны хорошим русским языком, что, в частности, способствовало их популярности как среди военной, так и среди гражданской публики.

Более подробные сведения о начале рода Толстых я нашел в капитальном труде Н. И. Гусева «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии». Там цитируется «старинный родословец» — роспись, которую в 1686 году Толстые вместе со многими другими служилыми людьми подали в Палату родословных дел Разрядного приказа: «В лета 6861-го (что есть в 1352 или 1353 году от Р. Х. — Б. С.) прииде из немец ис цесарского государства муж честного рода именем Индрос з двумя сыны своима с Литвонисом да с Зигмонтеном а с ними пришло дружины и людей их три тысячи мужей и крестися Индрос и дети его в Чернигове в православную христианскую веру и нарекоша им имена Индросу Леонтием а сыном его Литвонису Константином а Зигмонтену Федором; и от Константина родился сын Харитон а Федор умер бездетен, о сем пишет в летописце Черниговском». Первый граф Толстой, Петр Андреевич, один из славных «птенцов гнезда Петрова», который, скорее всего, и составил роспись, в своей автобиографии прямо писал: «В лето 1352-е прародитель мой выехал из Германии в Российское государство».

Далее в толстовской росписи сообщалось, что правнук Индроса Андрей Харитонович «приехал из Чернигова к Москве к великому князю Василию Васильевичу всея России. И великий князь Василий Васильевич всея России прозвал его Толстым, с того пошли Толстые».

Таким образом, имя у прародителей Тухачевских и Толстых практически одинаковое, Индрис-Индрос, так что можно с большой долей уверенности говорить, что это был один и тот же человек. Но вот о времени его появления в черниговской земле родовые предания сообщают по-разному. Если учесть, что Мстислав Владимирович был черниговским князем в 1026–1036 годах, то в венгерское происхождение Индриса верится с трудом. Ведь тогда Венгрия в «цесарскую землю», то есть в «Священную

Римскую империю германской нации», будущую Австрийскую империю, еще не входила, да и сама Австрия еще не была империей и даже герцогством. Больше доверия заслуживает толстовская версия о появлении Индроса с сыновьями и дружиной в Чернигове в 1352 или 1353 году. Правда, Черниговская летопись, на которую ссылаются Толстые, до нас не дошла, и вообще нет никаких данных, что после разгрома Чернигова татарами в 1239 году и фактической гибели княжества там велось хоть какое-то летописание. Возможно, это обстоятельство и побудило Тухачевских отнести прибытие Индриса в Чернигов к домонгольской эпохе. Но в этом случае совершенно непонятно, что делали потомки Индриса целых четыреста лет, до времен Василия Темного, когда их имена появляются наконец в русских летописях, грамотах и разрядных книгах.

Что же касается мнения о том, что Индрос был выходцем из Германии, то оно не более основательно, чем мысль о его венгерском происхождении (напомню, что и в XIV веке Венгрия еще не являлась частью «Священной Римской империи»). Недаром С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» считал родословные росписи «сочиненными», а советский историк С. Б. Веселовский несколько дипломатичнее говорил о «злоупотреблении вымыслом» в родословных преданиях. Пусть читатель судит сам, мог ли быть немцем «муж честного рода», если имена его и сыновей явно литовские или, в случае с Зигмонтеном (Сигизмундом), даны явно в литовской огласовке. Кстати, не исключено, что этот последний, в отличие от отца и брата, — лицо вымышленное. Дело в том, что князья, герцоги, короли и прочие властители по страницам русских летописей и византийских и западноевропейских хроник, как правило, ходят тройками — либо три брата, либо отец с двумя сыновьями. Вспомним, что и легендарный основатель княжеской династии Рюрик появился в Новгороде, если верить летописцам, не только с верной дружиной, но и с братьями Синеусом и Трувором. Это объясняется тем, что троичность — основополагающее свойство нашего мышления (потому и в дружинах хронисты чаще всего числят 3 тысячи «добрых мужей», порой увеличивая эту цифру до 30 или 300 тысяч). Правда, потом лишние персонажи имеют обыкновение умирать, не оставляя потомства, поскольку на продолжение их генеалогий у летописцев не хватает ни фантазии, ни времени. Возможно, именно по этой причине бездетным умер сын Индроса Зигмонтен-Федор. Литвинос-Константин же и Инд рос, скорее всего, существовали в действительности и, судя по именам, до переезда в Чернигов еще придерживались древних

литовских языческих верований. И дружина у них, если и была, то, конечно, не в три тысячи (по тем временам — громадное войско), а в несколько десятков человек. Потомки Константина вполне могли дать начало Толстым и Тухачевским, равно как и другим дворянским родам. Если верно предание, что предок Тухачевских, как и правнук Индроса Андрей Харитонович, прибыл из Чернигова в Москву в XV веке, в княжение Василия Темного, то можно предположить, что родоначальник Тухачевских был братом того, кого великий князь наградил прозвищем Толстой (видно, по причине неимоверной тучности и чревоугодия). В ту пору черниговская земля входила в состав католического Великого княжества Литовского, где православные были ущемлены в правах по сравнению с католиками. Поэтому многие православные шляхтичи предпочитали отъезжать к московским великим князьям, рассчитывая, что служить у единоверцев будет легче.

По распространенному в роду преданию, фамилия Тухачевские происходит от названия деревни Тухачевское. Будто бы все тот же Василий Васильевич Темный пожаловал некоего Богдана Григорьевича «волостью Тухачевский стан». Верится, честно говоря, с трудом. Ведь, как правило, деревню называли по фамилии помещика, а не наоборот. И очень уж сомнительно существование славного мадьяра графа Индриса. Здесь Тухачевские отнюдь не оригинальны. Когда в 1686 году вместе с Толстыми и Тухачевскими родословные росписи подали еще 540 служилых (не княжеских) родов, только 35 признали свое исконно русское происхождение. Остальные же в качестве родоначальников указали именитых иноземцев из Пруссии и Польши, Литвы и Венгрии, Англии и Швеции, Франции и Сербии, Золотой Орды и «Туреции», «из гор черкасских» и Персидского царства. Справедливости ради надо заметить, что если не большинство, то очень значительная часть российских дворянских родов, включая, наверное, и все 35 «исконных», а также почти все княжеские, происходили от пришельцев — варягов-руси, Рюрика с дружиной. Однако в конце XVII века норманнской теории происхождения русских князей еще не существовало. Родословная «Бархатная книга» русского дворянства, для которой и собирал родословные росписи Разрядный приказ, считала Рюрика потомком в 14-м колене брата римского императора Августа, легендарного основателя Прусской земли Пруса. Наверное, найдется мало русских (да и не только русских) столбовых дворянских родов, где в качестве основоположника не фигурировал какой-нибудь мифический иностранец. Вот Бестужевы, например, считали своим предком

некоего англичанина Беста явно из лучших побуждений («best» по-английски и значит «лучший»). Но в данном случае выдает фамилия. «Бестужий» по-древнерусски значило то же, что современное слово «бесстыжий». Очень уж хотелось облагородить прозвище-фамилию, да еще и удревнить род, что, между прочим, имело не последнее значение при местнических спорах о получении должностей («мест») на государственной службе, когда учитывалось происхождение и служебное положение предков. Видно, и с Тухачевскими и графом Индрисом была точно такая же история.

В этом имени действительно можно уловить германский корень. В русских летописях и грамотах мы найдем несколько реально существовавших лиц с похожим именем Индрик, причем почти все они — выходцы из Скандинавии. Так, в конце XVI века упоминаются шведские воеводы Индрик Ирик (Хейндрек Эйрик) и Индрик Бискупов, разбитые русскими казаками, а еще ранее, во время Ливонской войны, последний магистр Ливонского ордена Готгарс Кетлер прислал в 1558 году к Ивану Грозному некоего Индрика, пытаясь достичь мира. Не исключено, что предок Тухачевских и Толстых тоже был скандинавского происхождения и носил имя Хейндрек. Затем нанялся на службу к какому-то феодалу в Великом княжестве Литовском, и в Литве его имя приобрело литовское окончание, а на Руси трансформировалось в Индроса-Индриса. Но вот откуда его потомки приобрели фамилию Тухачевские? Ведь она действительно редкая, и все ее носители в конечном счете принадлежат к одному и тому же роду.

Сразу отмечу, что что-то венгерское при желании в ней можно расслышать. Хотя бы по аналогии с венгерским городом Мохач. Только на самом деле это название тюркское, от побывавших на территории Венгрии половцев (можно вспомнить и боснийский Бихач — наследие Оттоманской империи). Так что Индрис или его потомки могли породниться с литовскими татарами (а, возможно, уже на Руси — с выходцами из Золотой Орды) или с потомками хазар — караимами, составлявшими гвардию литовских князей. Сама форма окончания фамилии также указывает, что ее носители были выходцами из Литвы, как и князья Массальские, Трубецкие, Глинские. Как и другие перешедшие в православие польские и литовские шляхтичи, Тухачевские быстро обрусели, и в XVI веке, когда службу Тухачевских можно уже проследить по разрядным книгам, в этническом отношении вряд ли выделялись из основной массы русского дворянства.

Чтобы покончить с генеалогией, приведу еще одну, на этот

раз уж совершенно легендарную версию происхождения графа Индриса. Он, якобы, — прямой потомок одного из предводителей Первого крестового похода графа Фландрского Балдуина, сперва правившего отвоеванной у мусульман Эдессой, а в 1100 году ставшего королем созданного крестоносцами Иерусалимского королевства. Один из его потомков не нашел ничего лучшего как наняться на службу в Литву, где и получил во владение деревню Тухачево, местоположение которой, правда, до сегодняшнего дня так и не установлено.

Николай Николаевич был добрым, но непрактичным человеком. Дочери Екатерина и Ольга утверждают, что отец «был передовых для своего времени воззрений, свободным от дворянской спеси». Что свободным от сословных предрассудков — сомневаться не приходится, поскольку женился на бедной крестьянке. Женился по большой любви, да и было за что любить. Как это произошло, вспоминал доживший до 60-х годов XX столетия Абрам Петрович Косолапов, служивший в Александровском хлебопеком: «Жил в ту пору в нашем селе Княжнино бедный мужик, звали его Петр Прохорович Милохов. И вот у него, у этого бедного мужика, было пятеро дочерей и… все они… были красавицы. Хоть Аксинья, хоть Настя с Ольгой, хоть и Алёнушка… Ну а Мавра, так про эту и говорить нечего, красавица: что ростом, что статностью, что лицом. И разбитная, хоть она и грамоты тогда еще не знала, ну а так, ежели поговорить с кем, то другая грамотная с ней не сравняется… Она работала у Тухачевских в имении, и Николай Николаевич полюбил ее. Бывало, стоит, смотрит на Мавру и всё улыбается… Конечно, старше ее годами, а так сам по себе — ничего, рослый, чернявый, только глаза были какие-то утомленные. Софья Алевтиновна понимала, что ее Коленька влюбился в Маврушу, она ведь женщина была зоркая…» Родители Мавры наверняка радовались, что дочка столь удачно вышла замуж, поднялась из беспросветной бедности к достатку, который Милоховым и не снился. Однако относительное благосостояние Тухачевских сохранялось очень недолго. И виной этому был сам Николай Николаевич.

Ольга Николаевна вспоминала: «Отец не выносил пьянства. Дома никогда не подавалось вино, даже рюмок не было. Он обожал лошадей, бега и скачки». Нелюбовь к спиртному Михаил унаследовал от отца. Всю жизнь пил очень умеренно, предпочитая хороший коньяк. Этим он разительно отличался от многих сослуживцев по русской и Красной армии. Например, прославленный впоследствии маршал Георгий Константинович Жуков в конце 20-х, будучи еще простым командиром полка,

получил «строгача с занесением» не только за «аморалку» (тогда за него боролись первая и вторая жены из четырех), но и за столь же банальное пьянство. Им в Красной Армии грешили даже больше, чем в царской. А вот на Тухачевском, как и на его отце, этого греха не было. Только трезвость не спасала Николая Николаевича. Та экономия, что образовывалась благодаря отсутствию трат на спиртное, с большим избытком перекрывалась проигрышами на скачках.

К тому же в сельском хозяйстве Николай Николаевич ничего не смыслил и, будучи от природы человеком добрым, не проявлял необходимой твердости с арендаторами. Отношения с крестьянами строились довольно патриархально и по большей части в ущерб барину. Двоюродный брат Николая Николаевича полковник М. Н. Балкашин, доживая свой век в эмиграции, вспоминал: «В случае какой-либо нужды или беды — пожара, увечья, падежа скота — крестьяне шли к Тухачевским и получали ту или иную помощь. По праздникам у тетки (Софьи Валентиновны. — Б. С.) был амбулаторный прием, усадьба заполнялась всевозможными пациентами, она их сама лечила и давала лекарства. Крестьяне нещадно травили их луга и делали порубки в лесу. Когда брат их за это стыдил, говорили: „Так где же нам и взять, как не у тебя, Николай Николаевич?“ — и начинался обычный припев: „Мы ваши, вы наши“, тем дело и кончалось. Со своей стороны, крестьяне в случае какого-либо события у Тухачевских: прорыва плотины у мельницы, лесного пожара и прочих — без всякого зова дружно приходили на помощь».

Семья, в которой родился будущий маршал, была большая. Михаил был третьим по счету ребенком, а всего Бог наградил четырьмя сыновьями и пятью дочерьми Николая Николаевича и Мавру Петровну. Последняя, по свидетельству того же Балкашина, «была прекрасной души человеком, скромная, приветливая, хорошая мать и хозяйка. Она пользовалась большим уважением соседей-помещиков и крестьян». Однако домовитость жены не могла компенсировать беспомощность мужа в хозяйственных делах. В 1898 году пришлось за долги продать Александровское, и Тухачевские перебрались в столь же расстроенное, но меньших размеров имение Софьи Валентиновны близ села Вражское в Чембарском уезде Пензенской губернии. Здесь Тухачевские были столь же нерасчетливы в отношениях с крестьянами, как и в Александровском. Но эта непрактичность после октября 1917 года совершенно неожиданно обернулась, можно сказать, нешуточной выгодой. Сестра Михаила Ольга вспоминала об отце: «Это был прямой, чистый человек, без всяких

условностей и предрассудков. Потому они и разорились и сами остались без всего. Зато после революции, когда крестьяне делили имение, то собрали сход и постановили выдать нам две коровы, две лошади, сельхозинвентарь и сказали, что они помнят, как помогали им отец и бабушка».

Бабушка Михаила была женщиной, замечательной во многих отношениях. Умная, образованная, Софья Валентиновна не раз бывала в Париже, лично знала Тургенева и даже будто бы послужила прототипом героини тургеневского рассказа «Вечер в Сорренто», посещала кружок Полины Виардо. Была неплохой пианисткой, училась у самого Антона Рубинштейна, познакомилась во Франции с великим Шопеном, любила играть его произведения, а также музыку Бетховена, Листа, Моцарта. Софья Валентиновна и Николай Николаевич часто музицировали в четыре руки на рояле, на котором некогда давал концерты Рубинштейн. С ними дружил ученик Танеева и лучший знаток Скрябина Николай Сергеевич Жиляев, позднее подружившийся и с Михаилом Николаевичем, с которым сохранил на всю жизнь самые добрые отношения и разделил трагическую судьбу. Через Жиляева Тухачевский познакомился с первым в своей жизни большевиком — музыковедом Николаем Николаевичем Кулябко, также ставшим его другом и сыгравшим немаловажную роль на начальном этапе военной карьеры «красного Наполеона».

Михаил с ранних лет тянулся к музыке. Много лет спустя, зимой 37-го, наверное, предчувствуя скорый арест, он сказал одной из сестер: «Как я в детстве просил купить мне скрипку, а папа из-за вечного безденежья не смог сделать этого. Может быть, вышел бы из меня профессиональный скрипач…» В итоге играл на скрипке Тухачевский лишь на любительском уровне. Зато проявил большой интерес к изготовлению скрипок, став единственным в мире маршалом — скрипичным мастером.

Николай Николаевич привил детям интерес не только к музыке, но и к книгам. Михаил рано научился читать и читал много, запоем. Устраивал и домашние спектакли. Сестры вспоминают: «Пьесы сочиняли сами, и сами же рисовали смешные афиши. Главными действующими лицами бывали Михаил и Шура. Николай открывал и закрывал занавес, а также исполнял обязанности суфлера. Игорь играл на рояле». Потом, уже в гимназии, на смену самодеятельным пьесам пришел Чехов. В инсценировке чеховской «Хирургии» Михаил играл роль фельдшера, а в «Канители» — дьячка. В те годы эти и другие чеховские вещи входили в стандартный репертуар домашних театров. Тезка Тухачевского и почти что сверстник Михаил Булгаков в это же самое время за сотни верст от глубоко

провинциальной Пензы, в цветущем, благоухающем садами Киеве, «матери городов русских», своим сестрам запомнился блестящим исполнением роли бухгалтера Хирина в другой чеховской постановке — «Юбилее». Булгакову суждено было стать великим писателем и драматургом. Похоже, литературные и артистические способности были и у Тухачевского. Те, кто его знал, отмечали необыкновенное для советских военных умение держать себя в любом обществе, а также то неотразимое, почти гипнотическое впечатление, которое маршал производил на женщин. Даже прочно связав свою жизнь с армией, Тухачевский остался не чужд литературному труду, публикуя много статей на военную тему в газетах и журналах. Бывший секретарь газеты Западного округа «Красноармейская правда» Н. В. Краснопольский свидетельствовал: Тухачевский «не терпел так называемого „заавторства“. Неоднократные наши попытки подсунуть ему на подпись статьи, подготовленные сотрудниками редакции, отвергались с порога. Михаил Николаевич имел определенное литературное имя, свой литературный стиль, устойчивую литературную репутацию и очень дорожил этим».

Но не в литературе и искусстве увидел Тухачевский свое предназначение. С детства он мечтал стать офицером и готовил себя к тяготам военной службы. Сестры Елизавета и Ольга вспоминали: «Еще совсем маленьким Михаил пристрастился к верховой езде, упражнялся с гирями, очень любил бороться. И редко кто из сверстников мог побороть его. Брат Николай удивленно спрашивал:

— Что ты, в цирк готовишься, что ли? Зачем тебе все эти тренировки? Для чего силы копишь?

И Миша отвечал с детской непосредственностью:

— Силы нужны мне, чтобы не нуждаться в посторонней помощи, если потребуется передвинуть письменный стол или шкаф с книгами.

Эта привычка все делать самостоятельно, не прибегать без необходимости к помощи других осталась у него на всю жизнь».

Рано проявился у Михаила интерес к воинской службе. М. Н. Балкашин вспоминал: «Миша отличался особой живостью характера. С раннего детства у него была любовь к военным, всё равно, будь то солдат, пришедший на вольные работы, заехавший в гости исправник или кто-либо другой, лишь бы он был в военной форме. Меня, когда я приезжал к Тухачевским юнкером, а потом офицером, он буквально обожал, сейчас же завладевал моей шашкой, шпорами и фуражкой. Заставлял меня рассказывать разные героические эпизоды из наших войн, про подвиги наших солдат и офицеров. Десятилетним мальчиком он

зачитывался историей покорения Кавказа во времена Ермолова и Паскевича. В юношеском возрасте он увлекался походами и сражениями великих полководцев. Русскую военную историю он знал превосходно, преклонялся перед Петром Великим, Суворовым и Скобелевым».

Лидии Норд сам Тухачевский рассказывал, что военным делом в совсем еще юном возрасте заразился от своего двоюродного деда генерала, вояки до мозга костей: «Я всегда смотрел на него с восторгом и с уважением, слушая его рассказы о сражениях. Дед это заметил, и раз, посадив меня к себе на колени, мне было тогда лет семь-восемь, он спросил: „Ну, Мишук, а кем ты хочешь быть?“ — „Генералом“, — не задумываясь, ответил я. „Ишь ты! — рассмеялся он. — Да ты у нас прямо Бонапарт — сразу в генералы метишь“. И с тех пор дед, когда приезжал к нам, спрашивал: „Ну, Бонапарт, как дела?“ С его легкой руки меня дома и прозвали Бонапартом… В Бонапарты я, конечно, не метил, а генералом, сознаюсь, мне очень хотелось стать».

Михаил продолжал заниматься гимнастикой и борьбой, наращивал силу, которая, был уверен, на военной службе очень пригодится. Среди товарищей физическая сила и готовность всегда прийти на помощь слабому придавали ему авторитет. Общался Михаил в основном с детьми из простых семей. Сказывался привитый отцом демократизм. Кроме того, бедность не позволяла мальчику чувствовать себя на равных в компании гимназистов из состоятельных дворянских семей.

Гимназический товарищ Тухачевского В. Студенский вспоминал: «Наибольший интерес для нас представляла французская борьба. Как раз в эти годы в цирке начались выступления борцов, и мы, гимназисты, подражая им и называя себя именем того или иного борца, устраивали свои чемпионаты по борьбе. Миша выступал под именем Поддубного и равных себе по силе среди нас не имел. Да и ростом он значительно превосходил каждого из нас. Кроме борьбы, мы нередко занимались и поднятием тяжестей. Миша, которому тогда было около 14 лет, легко проделывал упражнения с пудовой гирей. В гимназии, используя силу Миши, мы, его товарищи, часто устраивали такое развлечение: по нескольку человек навешивались на него, и он таскал нас по классу, стараясь не сбросить». Другой одноклассник, В. Г. Украинский, подтверждает, что Тухачевский выделялся среди товарищей крепким телосложением и большой физической силой, а «по своему характеру он был тверд в решениях, держался просто, охотно делился со всеми приобретенными знаниями и пользовался среди

товарищей авторитетом. Следует, однако, отметить, что он мало общался с гимназистами из аристократического и духовного общества. Ребята из простых семей, близкие к нему, ценили и уважали его… Миша любил гимнастику, был сильным… Он мог одновременно, упираясь в парту, сразу передвинуть несколько парт на некоторое расстояние. Часто боролся, и небезуспешно, с гимназистами из старших классов. Вместе с тем Миша Тухачевский препятствовал тому, чтобы споры между его однокашниками заканчивались дракой или расправой над кем-нибудь. Он всегда заступался за слабых. И эти гуманные качества старался привить другим». Такой же портрет нашего героя рисует еще один гимназист, С. Островский: «…Михаил Николаевич… выделялся своей физической силой и выносливостью. Так, например, подставляя спину, он разрешал ударять по ней со всей силой, какой обладал каждый из нас, причем во всё время этого „упражнения“ улыбался. Он отличался удивительным хладнокровием и выдержкой, я не видел его рассерженным или взволнованным. По отношению к товарищам… был справедлив, никогда не пользовался превосходством своей физической силы, и слабые находили у него надежную защиту». То же самое подтверждает и Студенский: «Характером Миша был весьма общителен, хорошо относился к товарищам, которые ему платили тем же, и даже дружеское прозвище „Бегемот“ явилось только выражением товарищеского поощрения, а может быть, и некоторой зависти к его силе». Бегемот — животное большое, сильное и добродушное, поэтому и наградили Тухачевского таким прозвищем. Оно подчеркивало еще и невероятную устойчивость Тухачевского — его, как и многотонного обитателя Нила, очень трудно было свалить с ног. С. Островский так объяснил происхождение забавного прозвища: «Был невероятно сильный, широкоплечий, мы его в шутку называли „бегемотом“ — он разрешал себя бить по спине и никогда не падал». И в жизни Тухачевский был очень стойким, неудачи и неприятности никогда не могли его сломить или даже надолго вывести из душевного равновесия.

Люди знающие, или хотя бы те, кто читал булгаковский роман «Мастер и Маргарита», могут вспомнить, что Бегемотом звали одного из демонов. А ведь гимназиста Мишу Тухачевского много лет спустя назвали «демоном гражданской войны» — в эти слова глава Реввоенсовета Лев Троцкий вкладывал сугубо положительный смысл, подчеркивая его заслуги в разгроме белых армий. Позднее многие публицисты, не ведая о гимназической кличке, называли самого молодого красного маршала демоном уже в традиционном смысле этого слова, особенно припоминая

ему жестокость при подавлении Кронштадтского и Тамбовского восстаний. Многие верят, что имя определяет судьбу человека. Не повлияло ли на жизненный путь Тухачевского шуточное прозвище? Впрочем, гимназисты, вероятно, о демоне Бегемоте ничего не знали.

Во Вражском жили только летом, а зимой — в Пензе, где учились дети. По воспоминаниям соседей и друзей, во Вражском Тухачевские уже едва сводили концы с концами, постоянно испытывая острую нехватку денег. Михаил поступил в 1-ю пензенскую гимназию, где пробыл с 1904 по 1909 год. Учился он ни шатко ни валко. В гимназических журналах сохранились нелестные для будущего полководца записи: «Несмотря на свои способности, учился плохо»; «Прилежание — 3»; «Внимание — 2»; «За год пропустил 127 уроков»; «Имел 3 взыскания за разговоры в классах». И так далее, и так далее. Как вспоминал одноклассник Тухачевского Сергей Степанович Островский, по уровню развития Михаил значительно превосходил подавляющее большинство сверстников, и учиться в гимназии ему было просто скучно. Хотя отдельные предметы любил и знал их очень хорошо. Так, по-французски и по-немецки Тухачевский говорил настолько свободно, что впоследствии вызывал удивление у французских и немецких военных и политиков. Увлекался астрономией. Вместе с братом Николаем Михаил оборудовал во Вражском метеостанцию, а вечерами любил смотреть в подзорную трубу на звездное небо. Зато самые серьезные проблемы возникли с законом Божьим.

Николай Николаевич в Бога не верил и детей воспитывал в атеистическом духе. И, как вспоминали сестры, «самым воинственным безбожником стал Михаил. Он выдумывал всяческие антирелигиозные истории и подчас даже „пересаливал“, невольно обижая живущую в нашем доме набожную портниху Полину Дмитриевну. Но если Полина Дмитриевна все прощала своему любимцу, мама иногда пыталась утихомирить антирелигиозный пыл расшалившегося сына. Правда, это ей не всегда удавалось. Однажды после нескольких безуспешных замечаний, рассердившись не на шутку, она вылила на голову Мише чашечку холодного чая. Тот вытерся, весело рассмеялся и продолжал как ни в чем не бывало…» Вот уж действительно, как с гуся вода (или, может, чай?). Рискну предположить, что крестьянка Мавра, даже став женой помещика-вольнодумца, веры в Бога не утратила и в глубине души тяжело переживала, что сын Михаил растет таким богохульником… Нелюбовь Тухачевского к православию заметили и в гимназии, что грозило стать серьезным препятствием для продолжения

образования. На педсовете священник жаловался: «Тухачевский Михаил не занимается законом Божьим». По свидетельству В. Г. Украинского, гимназического товарища нашего героя, тот «не верил в Христа и на уроках закона Божьего допускал некоторые вольности в отношении к преподавателям. За это его несколько раз наказывали и даже удаляли из класса». Тот же мемуарист утверждает, будто гимназическое начальство только на пятом году выяснило, что Тухачевский ни разу не причащался и не был на исповеди. Отца вызвали в школу, потребовали воздействовать на сына. В результате Михаил все-таки причастился и исповедался, но оставаться в пензенской гимназии ему стало опасно. Из-за сложившейся репутации могли в любой момент исключить. И якобы именно поэтому родители решили перебраться в Москву, где Михаил продолжил учебу в 10-й московской гимназии. Не исключено, что переезд действительно был связан с желанием избежать скандала. Но могла быть и более прозаическая причина. Николай Николаевич не без основания полагал, что гимназии в первопрестольной дают образование куда более высокого уровня, чем в Пензе. Особенно ощутимой разница становилась именно в старших классах, а дети подрастали. К тому же как раз в последнем, 4-м классе в пензенской гимназии Михаил учился особенно плохо. Здесь ему не нравилось. Будущий полководец давно мечтал сменить гимназический мундир на кадетский.

Елизавета и Ольга Тухачевские так объясняют, почему брат не горел желанием грызть гранит гимназической премудрости: «С малых лет Миша просил отца отдать его в кадетский корпус, но отец был против. Он уступил этим просьбам только после того, как у Миши появились переэкзаменовки и тот дал слово учиться отлично, если ему разрешат стать кадетом. В корпусе Миша учился превосходно, переходил из класса в класс с наградами».

Тут необходимо небольшое отступление. В кадетском корпусе Тухачевский проучился всего год, в выпускном классе, и никак не мог переходить из класса в класс, с наградами или без. Зато в московской гимназии, где пробыл два года, действительно стал учиться лучше и при переходе из класса в класс получил похвальный лист. Можно предположить, что отец поставил сыну условие: сначала доказать перемену отношения к учебе в гимназии и тем самым серьезность своих намерений, и лишь потом поступать в кадетский корпус.

Могла быть и еще одна причина, побудившая наконец Николая Николаевича уступить. Причина вполне материального свойства. Ее доходчиво изложил друг и первый советский биограф Тухачевского генерал Александр Иванович Тодорский,

которому посчастливилось вернуться из ГУЛАГа живым: «Семья с трудом сводила концы с концами… Михаил заканчивал 6-й класс гимназии. До получения аттестата зрелости оставалось два года, а до выхода в люди были еще целые годы университетской учебы. Только минимум через шесть лет он мог стать на ноги… Этот срок можно было сократить наполовину, поступив в военное заведение».

«Надетая на Вас форма — это пожизненно». Кадетский корпус и юнкерское училище

Известный советский генерал-диссидент Петро Григоренко всего один раз был на приеме у заместителя наркома обороны маршала Тухачевского. И услышал от человека «с аристократическим, так хорошо знакомым по портретам лицом»: «Запомните, что надетая на вас форма и всё, что с ней связано, — это пожизненно». Последнее слово он подчеркнул. Любовь к свободе в конце концов заставила Григоренко отказаться от генеральского мундира и всех привилегий, связанных с высоким воинским званием и должностью, сменить военную службу на правозащитную деятельность. Тухачевский же, 16 августа 1911 года приступив к занятиям в последнем, 7-м классе 1-го Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса, впервые надел военную форму — кадета. И уже не снимал вплоть до последних мгновений жизни (правда, незадолго до смерти роскошный маршальский мундир пришлось сменить на поношенную красноармейскую гимнастерку). В военной профессии он нашел свое жизненное призвание.

1-й Московский корпус представлял собой привилегированное заведение. Здесь хорошо было поставлено преподавание не только специальных военных, но и общеобразовательных предметов. 18-летнего юношу увлекло военное дело. Он вполне привык к спартанскому быту в стенах корпуса, охотно занимался строевой подготовкой, ходил в бойскаутские экскурсии-прогулки, будучи физически сильным и ловким, был первым в гимнастическом классе… Рассказывали, что Тухачевский мог, сидя в седле, подтянуться на руках вместе с лошадью.

Год выпуска Тухачевского, 1912-й, — год 100-летия Отечественной войны 1812 года. Соответственно и темой выпускного сочинения у кадетов стала «Отечественная война и ее герои»: Им устроили экскурсию на Бородинское поле, да не простую, а в условиях, приближенных к боевым: с разведкой, марш-броском, с полевыми кухнями… Тухачевский все экзамены сдал на «отлично», и 1 июня 1912 года получил заветный аттестат. Его имя было занесено на мраморную доску. Еще в корпусе Михаил составил словарь пословиц и поговорок, относящихся к военному делу: «Смелый приступ — половина

победы», «Бой отвагу любит», «Крепка рать воеводой», «Умей быть солдатом, чтобы быть генералом». Юный кадет продолжал мечтать о будущем генеральстве.

В бытность Михаила в кадетском корпусе умер его дед генерал. Много лет спустя Тухачевский рассказал свояченице о его завещании: «Дед перед смертью захотел видеть меня… Когда я приехал и вошел к нему, дед указал, чтобы я сел на край кровати, и, подняв уже с трудом свою длинную и костлявую руку, положил ее мне на плечо. „Ты мне пообещай три вещи, Мишук, — сказал он. — Первое, что ты окончишь училище фельдфебелем. Второе, что будешь умеренно пить. И третье, что окончишь Академию Генерального штаба. Постарайся выйти в Семеновский полк. В Семеновском служил с начала его основания, при Петре, наш предок Михаил Артамонович Тухачевский. Вон там, в бюро, в верхнем ящике его портрет-миниатюра, я его дарю тебе, ты на него и лицом похож…“» И внучатый племянник выполнил все дедовские заветы.

В августе 1912 года Тухачевский поступил в Александровское военное училище в Москве. В более престижные петербургские училища, вроде элитного Павловского, поступать не стал: жизнь в столице империи, вдали от родителей, была не по карману. Учился юнкер Тухачевский истово: надо было закончить курс одним из лучших, чтобы иметь возможность выбрать вакансию в гвардейском полку, дать хороший старт карьере. Уже в училище он особенно тщательно штудировал военные дисциплины, с прицелом на будущее поступление в Академию Генерального штаба. Сбыться этой мечте помешали первая мировая война и революция.

К 1912 году относится знакомство Тухачевского с большевиком Н. Н. Кулябко, вскоре переросшее в большую дружбу. Николай Николаевич окончил Гнесинское музыкальное училище и стал учиться в Консерватории у профессора Н. С. Жиляева, благодаря которому стал вхож в дом Тухачевских. Первая встреча с будущим маршалом хорошо запомнилась Кулябко: «В один из воскресных дней, когда я беседовал с двумя братьями Тухачевскими, пришел третий. Отец представил его мне. Это был Михаил Николаевич. Он только что окончил Московский кадетский корпус и поступил юнкером в Александровское военное училище… Мои политические взгляды уже определились, и я не без предубеждения отнесся к юнкеру Тухачевскому. „Будущая опора трона“, — подумал я о нем. Однако не кто иной, как сам Михаил Николаевич тут же заставил меня усомниться в правильности этого моего предположения. Братья сообщили Михаилу, что они готовятся к посещению

Кремлевского дворца, где обязательно будут „августейшие“ особы. К моему удивлению, он встретил это сообщение довольно скептически.

— Что же, ты не пойдешь? — удивились братья.

— Меня это не очень интересует, — пожал плечами Михаил и заторопился к себе в училище.

Из дома мы вышли вместе. По дороге завели разговор о революции пятого года. Михаил с огромным интересом расспрашивал меня, и я окончательно убедился, что мой спутник — юноша серьезный, думающий, отнюдь не разделяющий верноподданнических взглядов, характерных для большинства кадетов и юнкеров.

Постепенно я все больше проникся симпатией к Михаилу Николаевичу. Наши беседы раз от разу становились все более откровенными. Михаил не скрывал своего критического отношения к самодержавию и так называемому „высшему обществу“. Откуда взялось такое свободомыслие? Вероятно, сказывались прежде всего воззрения, господствовавшие в семье Тухачевских. Да и сам Михаил, будучи юношей умным, впечатлительным, не мог оставаться равнодушным ко всем тем мерзостям, которые везде и всюду сопутствовали царизму».

Сестры же Тухачевского антимонархические настроения брата относили главным образом за счет влияния Кулябко. И вспоминали другой характерный случай: «Однажды во время прогулки няня повела нас посмотреть приехавшего в Москву царя. Когда Миша узнал об этом, он принялся объяснять нам, что царь — такой же человек, как всякий другой, и специально ходить смотреть на него глупо. А потом через стену мы слышали, как Михаил в разговоре с братьями называл царя идиотом».

Несомненно, отец-атеист монархистом быть не мог и детям никакого почтения к императорской фамилии не прививал. Да и друг-большевик мог только укрепить нелюбовь Михаила к самодержавию. Но была, думается, еще одна важная причина крайне уничижительного отношения Михаила к царствующему монарху. В русском обществе тяжело переживали унизительное поражение в войне с Японией, показавшее слабость русской армии и флота. Особенно остро ощущали это в военной среде, где многие видели причину в неспособности Николая II эффективно управлять государством и быть достойным Верховным Главнокомандующим. Тухачевский, мечтавший о лаврах полководца, наверняка очень близко к сердцу принял неудачу в русско-японской войне, и это укрепило его критическое отношение к самодержавию, неспособному обеспечить боевую мощь русской армии.

О годах, проведенных Михаилом Николаевичем в Александровском училище, сохранились воспоминания юнкера другого училища, Алексеевского, Владимира Посторонкина. Он сражался в рядах белых, и мемуары писал в 1928 году в эмиграции, в Праге, не испытывая к «красному маршалу» ни малейшей симпатии. Тем не менее то, о чем вспоминает Посторонкин, похоже на правду: «Тухачевский был фельдфебелем Александровского военного училища в 1913–1914 учебно-военном году, в то время как автор состоял юнкером Алексеевского военного училища. Совместная служба в Москве всех обучавшихся в этих двух училищах-близнецах слишком близко соприкасалась, что было связано обстоятельствами служебной подготовки по стрельбе, лагерно-полевой и тактически-маневренной. Кроме того, посещая друг друга в праздничное и внеслужебное время в стенах своих училищ, юнкера близко знакомились один с другим».

Конечно, другом Тухачевского Посторонкин не был и даже в одном училище с ним не учился, но какое-то знакомство у них все-таки было. Да и фигурой Тухачевский был заметной, юнкера о нем много говорили, так что мемуарист мог опираться и на свидетельства однокурсников и товарищей Михаила Николаевича. И вот каким предстает Тухачевский: «…Блестяще вице-фельдфебелем окончил кадетский корпус и был назначен для прохождения курса наук в Александровское военное училище. С 1 сентября 1912 года он был зачислен в списки… юнкером 2-й роты.

Отличаясь большими способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро выделяется из среды прочих юнкеров.

19-летний юноша… быстро вживается в обстановку жизни юнкера тогдашнего времени. Дисциплинированный и преданный требованию службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной является он сам, сторонится окружающих и ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых же шагов, Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем или старшим портупей-юнкером.

На одном из тактических учений юнкер младшего курса Тухачевский проявляет себя как отличный служака, понявший смысл службы и требования долга. Будучи назначен в сторожевое охранение, он по какому-то недоразумению не был своевременно сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту

сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному им посланным юнкером.

Он был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения 2-й роты. На это потребовалось еще некоторое время. О Тухачевском сразу заговорили, ставили в пример его понимание обязанностей по службе и внутреннее понимание им духа уставов, на которых зиждилась эта самая служба. Его выдвинули производством в портупей-юнкера без должности, в то время как прочие еще не могли и мечтать о портупей-юнкерских нашивках».

Столь образцовому служебному рвению Посторонкин находит не слишком возвышенное объяснение, хотя и признает выдающиеся качества Тухачевского как военного: «Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский тянулся к „карьере“, он с течением времени становился слепо преданным службе, фанатиком в достижении одной цели, поставленной им себе как руководящий принцип, — достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку».

Что ж, в конце концов, ничего дурного нет, если молодой одаренный (или даже не слишком одаренный) человек стремится сделать карьеру. Весь вопрос, какие средства он использует для достижения этой цели. Тухачевский удивлял преподавателей и юнкеров своими способностями в самых различных областях. Посторонкин вспоминал: «При переходе в старший класс он получает приз-награду за первоклассное решение экзаменационной тактической задачи (выдавалось одно из сочинений известных авторов по тактике). Далее за планомерное определение расстояний и успешную стрельбу получает благодарность по училищу. Будучи великолепным гимнастом и бесподобным фехтовальщиком, он получает первый приз на турнире училища весной 1913 года — саблю только что вводимого образца в войсках для ношения по желанию вне строя». Страсть к гимнастике Тухачевский сохранил до последних дней жизни. В его кабинете и в бытность заместителем наркома хранились гантели, с которыми он упражнялся в коротких перерывах в работе. В целом же о юнкерских годах создается впечатление, что Михаил Николаевич был настоящим баловнем судьбы, стремящимся во всем быть первым и практически всегда этого добивавшимся. Но вот какой ценой!

Посторонкин свидетельствует: «По службе у него не было ни близких, ни жалости к другим… В 1913 году, уже на старшем курсе, Тухачевский был назначен фельдфебелем своей 2-й роты. Учился он очень хорошо, в среде же своих сокурсников… не

пользовался ни симпатиями, ни сочувствием; все сторонились его, боялись и твердо знали, что в случае какой-либо оплошности ждать пощады нельзя, фельдфебель не покроет поступка провинившегося.

С младшим курсом фельдфебель Тухачевский обращался совершенно деспотически: он наказывал самой высшей мерой взыскания за малейший проступок новичков, только что вступивших в службу и еще не свыкшихся с создавшейся служебной обстановкой и не втянувшихся в училищную жизнь.

Обладая большими дисциплинарными правами, он полной мерой и в изобилии раздавал взыскания, никогда не входя в рассмотрение мотивов, побудивших то или иное упущение по службе».

Замечу, что в данном случае мемуарист обладает относительно большей объективностью стороннего наблюдателя: сам он был юнкером другого училища и от держимордских замашек фельдфебеля Тухачевского никак пострадать не мог. Тем ценнее сообщение Посторонкина о трагических результатах служебного рвения будущего «красного маршала»: «В служебной деятельности в роли фельдфебеля роты юнкеров требовательный и беспощадный Тухачевский оставил глубокий след в жизни училища: создался целый ряд конфликтов и инцидентов, имевших тогда печальные последствия. По докладу фельдфебеля два юнкера 2-й роты были переведены в Алексеевское военное училище: Немчинов Евгений за то, что позволил себе заметить фельдфебелю его излишнюю придирчивость, выразившуюся в ряде мелких замечаний, которые наконец вывели из терпения упомянутого юнкера, и отчислен из училища Маслов Георгий (впоследствии был убит в бою с немцами) за то, что, не в силах выдержать режима в роте, создавшегося под действием Тухачевского, выразил желание пожаловаться на излишнюю по службе требовательность фельдфебеля, назначавшего его безоглядно на все очередные и неочередные обязанности, вредно отзывавшиеся на учебной деятельности юнкера. Эти два конфликта, в результате имевшие лишь перевод из училища в училище, закончились благополучно.

Трое же юнкеров: Красовский, Яновский и Авдеев — по докладу были переведены начальником училища генерал-майором Геништой в 3-й разряд по поведению; несчастные юноши, самолюбивые и решительные, один за другим поочередно в короткий период (в течение двух месяцев) покончили с собой. „Протекцию“ для перевода в третий разряд по поведению означенным юнкерам составил исключительно фельдфебель Тухачевский».

Проступки бедняг, в общем-то, были ничтожны. Может быть, и наказание покажется не таким уж суровым, но надо принять во внимание, что, подобно Тухачевскому, юноши буквально бредили военной службой и каждое взыскание воспринимали как жизненную трагедию. Посторонкин пишет, в чем они провинились: «Красовский отправился в городской отпуск, будучи подвергнут лишению отпуска лично фельдфебелем, причем на эту крайность решился лишь после того, как фельдфебель несколько недель подряд лишал его права на отпуск.

Авдеев отправился в отпуск в неформенном обмундировании, приобретенном на собственные средства, и хотя дежурный офицер не обратил никакого внимания на это обстоятельство, тем не менее фельдфебель доложил ротному командиру и настаивал на строжайшем взыскании с виновного. Яновский был доведен до самого подавленного состояния тем обстоятельством, что фельдфебель наказал его неотлучкой, не разрешил ему отправиться на свидание с приехавшей из провинции сестрой. Фельдфебель не мог отменить наложенного им взыскания, несмотря ни на какие мольбы и доводы несчастного юнкера. Яновский, оставшись в роте, застрелился в умывальной комнате, и труп его был обнаружен лишь после вечерней переклички.

Все это едва не вызвало расследований главного начальства военно-учебных заведений (вероятно, руководству училища удалось замять скандал, покрыть своеобразную „дедовщину“ молодого перспективного юнкера-фельдфебеля; точно так же покрывали и даже поощряли „неуставные отношения“ в советской, а потом в новой российской армии. — Б. С.). Тем не менее властный и самолюбивый, но холодный и уравновешенный Тухачевский был постоянно настороже, чутко озираясь на все, что могло бы так или иначе угрожать его служебной „карьере“».

Данный эпизод решительно отвергается теми, кто знал Тухачевского уже по службе в Красной Армии. Они в один голос свидетельствуют о необычайной вежливости и корректности Михаила Николаевича, о его заботе о подчиненных, всегдашней готовности помочь бойцам и командирам, в том числе в решении чисто житейских проблем, и, соответственно, о том, что в войсках Тухачевского любили. Но я думаю, тут нет противоречия. Просто в бытность в юнкерском училище Тухачевский сознавал, что в тот момент его продвижение по службе всецело зависит от начальства, а не от дружбы с однокурсниками-юнкерами. Поэтому и демонстрировал максимальную требовательность и взыскательность, чтобы отцы-командиры оценили по достоинству и не препятствовали закончить училище первым. А это давало право свободного выбора вакансий, в том числе в гвардейские

полки. Для выходца из бедной дворянской семьи, не имевшего связей среди генералитета, это был, по существу, единственный путь, обеспечивающий неплохой старт карьере. Потом же, когда Тухачевский стал полководцем, он прекрасно понимал, что успех зависит от того, насколько солдаты и офицеры верят в своего командира, в его удачу и готовность заботиться о подчиненных. Думается, что по природе Тухачевский не был злым человеком. И без особой на то нужды гадостей людям не делал, тем более их не губил. Правда, нет никаких данных, что юный фельдфебель в ту пору или впоследствии испытывал угрызения совести о трех товарищах, покончивших с собой из-за его придирок. Впрочем, мы вообще очень мало знаем о Тухачевском-юнкере. Ведь подавляющее большинство сокурсников Михаила Николаевича, подобно пострадавшему от него Георгию Маслову, сложили голову в сражениях первой мировой и гражданской или сгинули в безвестности в эмиграции, так и не написав, из-за тягот жизни на чужбине, воспоминаний. Так что свидетельство Посторонкина здесь — едва ли не единственное.

Подчеркнем, что требовательность Тухачевского к товарищам по училищу могла быть вызвана отнюдь не только соображениями карьеры, как утверждает пристрастный к Михаилу Николаевичу мемуарист. Тухачевский был, что называется, военная косточка, по-настоящему жил интересами службы, за армию, сперва царскую, а потом Красную, буквально «болел», принимая близко к сердцу все ее заботы и проблемы. Он мечтал сделать русские войска непобедимыми, сам работал самозабвенно и того же требовал от подчиненных. Лидия Норд вспоминает, как, уже будучи заместителем наркома обороны, Тухачевский однажды позвонил в четыре часа утра начальнику артиллерии Красной Армии Н. М. Роговскому, участливо осведомился: «Спали?» — и, извинившись, поставил далеко не самую срочную задачу: организовать артиллерийский пробег Ленинград — Псков и обратно. А в молодые годы, в училище, Михаил Николаевич, не имея еще житейского опыта, вполне мог не соизмерять свои максималистские требования с возможными трагическими последствиями.

В бытность в училище Тухачевский впервые увидел последнего русского царя. Владимир Посторонкин так описал это знаменательное для всех юнкеров событие: «В дни Романовских торжеств (юбилейных мероприятий по случаю трехсотлетия дома Романовых в 1913 году. — Б. С.), когда Александровскому и Алексеевскому военным училищам приходилось в период приезда Государя-императора с семьей в Москву нести ответственную и тяжелую караульную службу в Кремлевском дворце, портупей-

юнкер Тухачевский отменно, добросовестно и с отличием исполнял караульные обязанности, возложенные на него.

Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его Величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил свое удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского».

Это свидетельство как будто противоречит утверждениям сестер Михаила Елизаветы и Ольги и друга Николая Кулябко о его антимонархических настроениях еще в юношеские годы. Однако, если вдуматься, никакого противоречия тут нет. Ведь Посторонкин не был близко знаком с Тухачевским, и тот, конечно же, не мог доверить ему свои сокровенные чувства. С другой стороны, Михаил не был столь глуп, чтобы демонстрировать нелюбовь к царю, стоя в почетном карауле, хотя бы небрежным исполнением караульных обязанностей или публичной дерзостью при представлении императору. Свою должность он всегда исполнял образцово, и тем более в столь ответственный момент юбилейных торжеств.

И в кадетском корпусе, и в юнкерском училище Тухачевский оставался убежденным атеистом, хотя уже, наученный горьким опытом в пензенской гимназии, не выказывал публично своего неверия. Известный музыковед, друг и биограф композитора и пианиста Сергея Танеева, Леонид Сабанеев, вхожий в семейство Тухачевских, свидетельствовал: Михаил был юношей «весьма самонадеянным, чувствовавшим себя рожденным для великих дел», причем порой «это у него носило характер мальчишества: он снимался в позах Наполеона, усваивал себе надменное выражение лица. По-видимому, он был лишен каких бы то ни было принципов, — тут в нем было нечто от „Достоевщины“, скорее от „Ставрогинщины“. Он, видимо, готовился в сверхчеловеки». Здесь под отсутствием принципов недружественно настроенный к Тухачевскому Сабанеев, несомненно, имеет в виду отсутствие религиозно-нравственных, христианских принципов.

Первая мировая война и германский плен

12 июля 1914 года Михаил Тухачевский закончил Александровское военное училище первым по успеваемости и дисциплине. Его произвели в подпоручики и, по правилам, предоставили свободный выбор места службы. Тухачевский, как и завещал дед-генерал, предпочел лейб-гвардии Семеновский полк. По словам дяди Тухачевского, полковника Балкашина, племянник собирался продолжить военное образование: «Он был очень способен и честолюбив, намеревался сделать военную карьеру, мечтал поступить в Академию Генерального штаба». А там, глядишь, — прямая дорога в генералы, если, чем черт не шутит, не в фельдмаршалы. Пока же свежеиспеченный подпоручик, получив 300 рублей казенных денег на экипировку — для Тухачевских сумма немалая, — отправился во Вражское в отпуск. Но отпуск пришлось прервать до срока: была объявлена мобилизация и война. Тухачевский вынужден был спешно догонять свой полк, выступивший в район Варшавы. Молодого подпоручика назначили младшим офицером (по-нынешнему — заместителем командира) 7-й роты 2-го батальона. Ротой командовал опытный воин капитан Веселаго, добровольцем участвовавший еще в русско-японской войне. Вскоре полк перебросили в район Ивангорода и Люблина против австро-венгерских войск. 2 сентября 1914 года рота Веселаго и Тухачевского под фольварком Викмундово у местечка Кржешов с боем форсировала реку Сан по подожженному австрийцами мосту, а потом благополучно вернулась на восточный берег с трофеями и пленными. Командир роты за этот подвиг получил орден Св. Георгия 4-й степени, младший офицер — орден Св. Владимира 4-й степени с мечами. Потом последовали другие бои с австрийцами и пришедшими им на помощь немецкими частями.

Тухачевский отличился еще несколько раз. Его товарищ по полку А. А. Типольт, командовавший взводом в 6-й роте того же 2-го батальона, вспоминал случай, происшедший в конце сентября или начале октября 1914 года: «Полк занимал позиции неподалеку от Кракова, по правому берегу Вислы. Немцы укрепились на господствующем левом берегу. Перед нашим батальоном посредине Вислы находился небольшой песчаный островок. Офицеры нередко говорили о том, что вот, дескать, не худо бы попасть на островок и оттуда высмотреть, как построена

вражеская оборона, много ли сил у немцев… Не худо, да как это сделать? Миша Тухачевский молча слушал такие разговоры и упорно о чем-то думал. И вот однажды он раздобыл маленькую рыбачью лодчонку, борта которой едва возвышались над водой, вечером лег в нее, оттолкнулся от берега и тихо поплыл. В полном одиночестве он провел на островке всю ночь, часть утра и благополучно вернулся на наш берег, доставив те самые сведения, о которых так мечтали в полку».

Осенью 1914 года Тухачевский на пару дней вырвался к семье в Москву в связи со скоропостижной смертью отца. Сестры не успели сообщить Михаилу об этом несчастье. Он сам почувствовал, что дома что-то случилось, и выбил у начальства краткосрочный отпуск. 1914 год был для Тухачевских очень несчастливым. Кроме Николая Николаевича, еще до начала войны, умерли дочь Надя, талантливая художница, выпускница Строгановского училища, умер сын Игорь. Двое других сыновей, Николай и Александр, были призваны в армию прапорщиками в один с Михаилом Семеновский полк. Но брата там они уже не застали.

Воевал Тухачевский храбро и умело. Не обходили его и награды. Позднее, уже в Красной Армии, Михаил Николаевич отметил, что за первую мировую войну удостоился всех орденов «от Анны IV степени до Владимира IV степени включительно». Мало кто из офицеров мог похвастать таким количеством отличий к 22 годам! 5 ноября 1914 года Тухачевский в бою у местечка Скала был ранен и отправлен в госпиталь в Москву. Здесь его в последний раз встретил В. Посторонкин, вспоминавший, что Тухачевский «особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии. В его глазах светился огонек затаенной досады — его заветная мечта о получении ордена Св. Георгия 4-й степени не осуществилась». Пристрастность свидетеля, стремящегося представить нам Тухачевского только как беспринципного карьериста, здесь сразу же бросается в глаза. Интересно, каким это образом Посторонкину удалось увидеть в глазах раненого подпоручика досаду, если она была «затаенной» и, как явствует из текста воспоминаний, Тухачевский о своем неудовольствии по поводу получения вместо Георгия Владимира в беседе с мемуаристом ни словом не обмолвился? К тому же нет никаких данных, что младший офицер не ладил с командиром роты, завидовал ему, в противном случае он вряд ли успел за полгода получить такое количество наград.

Георгиевский крест пригодился бедному капитану Веселаго лишь однажды, и то уже после смерти в последней для него и

Тухачевского схватке первой мировой войны.

Развернулись тяжелые бои в районе польского города Ломжа. О них вспоминал позднее генерал П. Н. Краснов, в гражданскую ставший донским атаманом: «Шли страшные бои под Ломжей. Гвардейская пехота сгорала в них, как сгорает солома, охапками бросаемая в костер». В тех боях суждено было сгореть без остатка и роте Тухачевского. 19 февраля 1915 года Семеновский полк занимал позиции в лесу перед селением Высокие Дужи, расположенном на дороге между городами Ломжа и Кольно. Днем немцы атаковали окопы семеновцев после мощной артподготовки, но захватить их не смогли. Тогда ночью они предприняли внезапную атаку, прорвались в стыке двух рот и окружили 7-ю роту. В рукопашном бою она была уничтожена почти полностью. Оставшиеся в живых солдаты и офицеры попали в плен. Выскочившего из блиндажа капитана Веселаго немцы подняли на штыки. Впоследствии на его теле насчитали более двадцати штыковых ран. Опознать обезображенный труп ротного удалось только по Георгиевскому кресту — сослужила-таки награда службу. Тухачевскому повезло больше. В момент атаки он спал в неглубоком окопчике. Проснувшись, пытался организовать сопротивление своей роты, отстреливался от нападавших из револьвера, но был быстро сбит с ног, оглушен и очутился в плену. Приказом по полку от 27 февраля 1915 года Тухачевский вместе с Веселаго были объявлены погибшими. Лишь несколько месяцев спустя семья получила через Красный Крест письмо из Германии от Михаила. Мать и сестры несказанно обрадовались его «воскрешению».

Письма Тухачевский писал бодрые, чтобы не волновать родных: «жив-здоров, всё благополучно». А в одной открытке с юмором сообщал: «Сегодня нам давали мёд, который вкусом и цветом похож на ваксу». Из-за морской блокады со стороны Антанты население Германии вело полуголодное существование. Пленных, даже офицеров, кормили довольно скудно, нередко заменителями натуральных продуктов, вроде эрзац-кофе. Очевидно, Михаилу довелось попробовать эрзац-мед — еще один плод немецкой изобретательности в эпоху «гениально организованного голода», как называли систему жесткого нормирования продовольствия сами немцы. В письмах сестрам Тухачевский советовал перечитывать «Слово о полку Игореве», намекая, что, подобно герою древней поэмы, готовится к бегству из плена. Но отнюдь не голод толкал Михаила Николаевича, как и многих других пленных офицеров, к побегу. Он хотел продолжать воевать, верил в победу над Германией и ее союзниками, горел желанием показать свое воинское мастерство,

найти на полях сражений свой Тулон.

Лидии Норд много лет спустя Тухачевский признавался: «Войне я очень обрадовался… Мечтал о больших подвигах, а попал в плен. Но еще до плена я уже получил орден Владимира с мечами. В душе я очень гордился этим, но старательно скрывал свое чувство от других. И был уверен, что заслужу и Георгиевский крест». Это откровение, кстати, гораздо больше походит на правду, чем утверждения Посторонкина, будто награждение Владимиром с мечами Тухачевский воспринял как обиду, поскольку рассчитывал на Георгий.

Пять раз пытался Тухачевский бежать из плена. Четыре попытки окончились неудачей. Так, во время третьего побега из офицерского лагеря в Бад-Штуере, Тухачевский вместе с прапорщиком Филипповым выбрались из-за колючей проволоки в ящиках с грязным бельем. Двадцать шесть дней добирались беглецы до голландской границы, питаясь только тем, что ночью удавалось стянуть на крестьянских огородах. Филиппову повезло уйти в Голландию, а Тухачевского у самой цели схватили германские пограничники. В конце концов его отправили в знаменитый интернациональный лагерь в 9-м форте старинной баварской крепости Ингольштадт, куда свозили со всей Германии самых неисправимых беглецов. Здесь были не только русские, но и французы, англичане, итальянцы, бельгийцы… Из казематов форта убежать было очень сложно, но Тухачевский не оставлял мысль о том, чтобы любой ценой вырваться из плена. И помогал бежать другим. Французский офицер Гойе де Мейзерак, дослужившийся потом до генерала, вспоминал, как Тухачевский согласился назваться вместо него на вечерней поверке, чтобы прикрыть побег и дать беглецу, выбравшемуся за пределы крепости в коробке из-под бисквитов, возможность выиграть первые, самые дорогие часы у погони.

Свояченице Михаил Николаевич позднее говорил: «Сидевший со мной в плену в Ингольштадте, куда меня привезли после четвертого побега, французский офицер, когда я снова начал строить планы побега, сказал: „Вы, наверное, маньяк, неужели вам не довольно неудачных попыток…“ Но неудачи первых побегов меня не обескуражили, и я готовился к новому. Немцев я ненавидел, как ненавидит дрессировщиков пойманный в клетку зверь. Рассуждения моих товарищей по плену, иностранных офицеров, о причинах неудач русско-японской кампании и наших поражений в эту войну меня приводили в бешенство. Устав обдумывать план побега, я отдыхал тем, что мысленно реорганизовывал нашу армию, создавал другую, которая должна была поставить на колени Германию. И дать почувствовать всему

миру мощь России. Я составлял планы боевых операций и вел армии в бой… Может, тогда я был на грани помешательства…» Много лет спустя Тухачевскому довелось воплотить мечту в жизнь, создать новую массовую армию, оснащенную самой передовой техникой.

В Ингольштадте у Тухачевского было немало интересных собеседников. Здесь он познакомился с французским капитаном Шарлем де Голлем, будущим генералом и президентом Франции, основателем Пятой республики, в чем-то повторившим путь Бонапарта. Де Голль, как и Тухачевский, пять раз пытался бежать из плена, но всё неудачно. В 1920-м им вновь пришлось встретиться, уже по разные стороны баррикад, на Висле, где Тухачевский командовал наступавшим на Варшаву Западным фронтом, а де Голль, офицер французской военной миссии в Польше, возглавлял польский пехотный отряд, подкрепленный несколькими танками. Впоследствии де Голль тепло вспоминал о молодом симпатичном подпоручике-гвардейце, поразившем его энергией и дерзостью как в 9-м форте Ингольштадта, так и на поле битвы под Варшавой.

Другой француз, Реми Рур, под псевдонимом Пьер Фервак опубликовавший в 1928 году первую книгу о Тухачевском, в бытность в Ингольштадте придерживался анархических взглядов. Он много беседовал с русским подпоручиком, к которому чувствовал симпатию. Фервак и Тухачевский часто спорили. Вынужденное безделье плена побуждало находить выход в интеллектуальной игре, в бесконечных спорах о продолжающейся войне и диспутах на мировые темы. Французский офицер свидетельствовал позднее: «Спорили о христианстве и Боге, искусстве и литературе, о Бетховене, о России и „русской душе“, о русской интеллигенции. Молодой русский офицер оказался заядлым спорщиком. Французы даже переделали в шутку его фамилию на Тушатусского (от „touche-a-tout“, буквально: „касаться всего“, что призвано было также подчеркнуть обширную, хотя и чуть поверхностную эрудицию Тухачевского. — Б. С.)». Тухачевский говорил Ферваку: «Чувство меры, являющееся для Запада обязательным качеством, у нас в России — крупнейший недостаток. Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому к нам больше всего подходит одеяние диктатуры. Латинская и греческая культура — это не для нас! Я считаю Ренессанс наравне с христианством одним из несчастий человечества… Гармонию и меру — вот что нужно уничтожить прежде всего!»

По словам Фервака, Тухачевский называл себя футуристом и

только в футуризме и близком к нему дадаизме видел будущее искусства. Что не мешало ему преклоняться перед Бетховеном. Именно с «великим глухим» сравнивал Тухачевский свою Родину: «Россия похожа на этого великого и несчастного музыканта. Она еще не знает, какую симфонию подарит миру, поскольку не знает и самое себя. Она пока глуха, но увидите — в один прекрасный день все будут поражены ею…» Мечты о военных подвигах закономерно предполагали и веру в величие России — иначе страна не будет иметь сильной армии, а без мощных вооруженных сил в своем распоряжении никому еще не удавалось стать великим полководцем. Тухачевский же явно грезил о лаврах Наполеона.

Тем временем в России назревала революция. Несмотря на скудость доходившей до узников информации оттуда (только из германских газет), Тухачевский ее предчувствовал. Незадолго до февраля 1917 года он поделился с Ферваком своими мыслями о будущем российской монархии: «Вот вчера мы, русские офицеры, пили за здоровье русского императора. А быть может, этот обед был поминальным. Наш император — недалекий человек… И многим офицерам надоел нынешний режим… Однако и конституционный режим на западный манер был бы концом России. России нужна твердая, сильная власть…»

Но саму революцию и сопровождавшее ее разложение русской армии Тухачевский сначала переживал очень тяжело. Лидии Норд он признавался: «Когда я узнал о революции и прочитал в немецкой газете о начавшемся развале армии, — я взял газету, ушел в уборную, там разорвал ее в клочки и… плакал… Да, плакал. Но той же ночью мне приснился сон, что Вел. Кн. Николай Николаевич взял армию в свои руки и формирует новые части. Сон был настолько живой и правдоподобный, что я поверил ему. Тогда мысль о побеге стала совсем неотвязчивой».

Молодой подпоручик мечтал о сильной личности, которая сможет восстановить порядок в стране и в армии. Но в этом качестве он рассматривал не только бывшего верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, пользовавшегося уважением у значительной части офицеров, но смещенного Николаем II после неудач 1915 года. Видя слабость пришедшего на смену царю демократического Временного правительства, Тухачевский однажды сказал Ферваку: «Если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать независимой, свободной и сильной державой, я пойду за ним». А в другой раз еще более определенно заявил: «Я выбираю марксизм!»

Как-то вечером Фервак с Тухачевским читали по-французски Достоевского. И когда дошли до рассуждений писателя о будущей славянской федерации, Михаил Николаевич заявил: «Разве важно, осуществим ли мы наш идеал пропагандой или оружием? Его надо осуществить — и это главное. Задача России сейчас должна заключаться в том, чтобы ликвидировать всё: отжившее искусство, устаревшие идеи, всю эту старую культуру… При помощи марксистских формул ведь можно поднять весь мир! Право народам на самоопределение! Вот магический ключ, который отворяет России двери на Восток и запирает их для Англии. Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои пределы далеко за пограничные линии, очерченные договорами… С красным знаменем, а не с крестом мы войдем в Византию!» А позднее добавил: «Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошивший Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а потом мы встряхнем весь мир!»

Как созвучно это той песне, что пели гитлеровские штурмовики в начале 30-х:

Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым.
Сомненья и робость отбросьте!
На приступ! И мы победим!
Нет цели светлей и желаннее!
Мы вдребезги мир разобьем!
Сегодня мы взяли Германию,
А завтра — всю Землю возьмем!..
Так пусть обыватели лают —
Нам слушать их бредни смешно!
Пускай континенты пылают,
А мы победим — всё равно!..
Пусть мир превратится в руины,
Всё перевернется вверх дном!
Мы — юной земли властелины —
Свой заново выстроим дом!

(пер. Льва Гинзбурга)

Написал эту песню, кстати сказать, тут же, в Баварии, поэт Ганс Бауман, заедаемый нищетой и тяжело переживавший унижение Германии после поражения в первой мировой войне. Наверное, сходные переживания испытывал и Тухачевский в ингольштадтской неволе, особенно в свете известий о неудачах и разложении русской армии. О большевиках он знал еще до войны от своего друга Кулябко. Теперь их программа мировой

революции и построения нового справедливого общества начинала казаться единственным средством возрождения величия Россия — ведь именно она должна была бы нести светоч великого учения всему миру! Может быть, прав Сабанеев: Тухачевского привлекал сверхчеловек Ницше, и у Достоевского, одного из его любимых писателей, Михаила привлекала не критика наполеоновского комплекса, а мысль о русском мессианизме.

Если заменить в песне Баумана Германию Россией, то ты, мой читатель, вполне мог бы предположить, что ее распевали не члены гитлерюгенда, а комсомольцы 20-х. Тухачевскому в Ингольштадте было 23, Бауману, когда написал «Одряхлевшие кости», — 19. У обоих была вера, что молодежи суждено разрушить старый мир одряхлевшей европейской цивилизации и построить на его руинах новый, светлый мир. Тухачевского влекло завораживающее:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим!
Кто был ничем, тот станет всем!

Чтобы разрушить, требовалась мощная армия, во главе которой должны были встать новые генералы, взамен царских. И вполне можно было повторить успех Наполеона. Думаю, что уже в Ингольштадте Тухачевский внутренне сделал выбор в пользу большевиков. Предчувствовал, что правительство Керенского долго не продержится. И стремился как можно скорее, любой ценой попасть в Россию, чтобы принять участие в надвигающихся великих, поистине исторических событиях.

После Февральской революции в России начались погромы помещичьих имений и самовольный захват крестьянами дворянских земель. Некоторые офицеры в Ингольштадте, имевшие поместья, возмущались поведением «взбунтовавшейся черни». Тухачевский же горячо доказывал, что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. Сказывалось воспитание в декабристском духе. Да и с крестьянами, как мы помним, Тухачевские жили душа в душу, а имение во Вражском было уже столько раз заложено-перезаложено, что никакая экспроприация не могла нанести его владельцам большого ущерба.

В конце концов для побега представился удобный случай. На основе международного соглашения пленным разрешили прогулки в городе, при условии, что они дадут письменное обязательство не пытаться бежать во время прогулок. Находившийся вместе с Тухачевским в Ингольштадтском лагере

А. В. Благодатов, (впоследствии — генерал-лейтенант Советской Армии), следующим образом описывает обстоятельства последнего, удачного побега: «Тухачевский и его товарищ капитан Генерального штаба Чернявский сумели как-то устроить, что на их документах расписались другие. И в один из дней они оба бежали. Шестеро суток скитались беглецы по лесам и полям, скрываясь от погони. А на седьмые наткнулись на жандармов. Однако выносливый и физически крепкий Тухачевский удрал от преследователей… Через некоторое время ему удалось перейти швейцарскую границу и таким образом вернуться на Родину. А капитан Чернявский был водворен обратно в лагерь.

Мы долго ничего не знали о судьбе Михаила Николаевича и очень волновались за него. Примерно через месяц после побега в одной из швейцарских газет прочитали, что на берегу Женевского озера обнаружен труп русского, умершего, по-видимому, от истощения. Почему-то все решили, что это Тухачевский. В лагере состоялась панихида. За отсутствием русского попа ее отслужил французский кюре».

Так Тухачевского похоронили во второй раз. А он между тем держал путь в Париж, оттуда — в Лондон, а далее — морем до Скандинавии и поездом — до Петрограда. Оставим удачливого беглеца наслаждаться свободой и сделаем небольшое мемуарное отступление.

В сентябре 1993 года, ровно через 76 лет после того, как Тухачевский смог покинуть не слишком-то гостеприимный 9-й форт, мне довелось побывать на международной конференции военных историков в славном городе Ингольштадте, известном во всем мире, в том числе и в России, автомашинами концерна «Ауди» (до 1945 года — «Хорьх»), Побывали мы и в крепости, для чего пришлось преодолевать по подъемному мосту ров с водой. Здесь теперь расположен баварский военный музей. В тот день его директор, подлинный энтузиаст своего дела, радовался новому ценному приобретению: родственники фельдмаршала Вальтера Моделя передали музею его позолоченный маршальский жезл. И я невольно сравнил судьбы двух полководцев, следы которых так неожиданно пересеклись под сводами ингольштадтской крепости. Модель был одним из двух немецких фельдмаршалов, покончивших с собой в дни поражения Германии, не пережив капитуляции своих армий в Рурском котле. Вторым оказался риттер Роберт фон Грейм, последний генерал, произведенный Гитлером в фельдмаршалы и сменивший обвиненного в измене Геринга на посту главкома люфтваффе. Кстати говоря, за исключением Вильгельма Кейтеля, ни один германский фельдмаршал или гросс-адмирал не был казнен

победителями. Кейтеля же подвела «плохая должность» — начальника штаба Верховного Главнокомандования (фактически — военного министра): здесь и преступные «приказ о комиссарах» и инструкции о бесчеловечном обращении с военнопленными, и соучастие в геноциде. Модель же в военных преступлениях не повинен. И тактику «выжженной земли» он проводил так, чтобы не страдало мирное население. Например, когда 9-я армия Моделя весной 43-го оставляла Ржевско-Вяземский плацдарм, в тыл эвакуировались не только все хозяйственные запасы, но и русское население, чтобы не обрекать его на голодную смерть. Биограф Моделя генерал Хорст Гроссман так писал о конце фельдмаршала, не боявшегося спорить с самим Гитлером: «По собственному желанию Модель был погребен среди своих солдат. Смысл своего существования он всегда находил в служении народу. Плен, колючая проволока, стены тюрьмы, позор и унижение ждали его. Это не могло вынести его горячее сердце, поэтому он остался на своем последнем поле сражения» (кстати сказать, успев своим приказом распустить по домам солдат старших возрастов и мальчишек из «Гитлерюгенда», а когда кончились медикаменты, то и всех остальных, чтобы те попытались избегнуть плена).

Тухачевский, как мы вскоре увидим, куда более сурово проводил тактику «выжженной земли» на двадцать с лишним лет раньше Моделя, в Тамбовской губернии, где не только жгли крестьянские избы, но и безжалостно расстреливали их обитателей, а убежавших в леса травили ядовитыми газами. «Красному маршалу» хватало мужества спорить и с наркомом обороны Ворошиловым, и с самим Сталиным, но вот мужества избежать позорного судилища и казни, застрелиться в тот момент, когда понял, что тучи над головой окончательно закрыли небо, не хватило, равно как недостало смелости отвергнуть на суде фантастические обвинения и перед лицом неминуемой смерти отстаивать свою невиновность, честь и достоинство. Здесь вспоминается другой германский фельдмаршал, Эрвин фон Вицлебен, участвовавший в заговоре против Гитлера и на суде, издевательски названном «народным», прекрасно сознавая, что его ждет виселица, отстаивавший правоту заговорщиков и благородные цели, ими двигавшие. У Тухачевского же очень рано подверглось эрозии понятие об офицерской чести — еще тогда, в 17-м, в Ингольштадте, когда он бежал, нарушив обещание — комедия с подменой подписей дела не меняет, да, может, и сам эпизод, когда за Чернявского и Тухачевского расписались другие, вообще придуман, чтобы хоть чуть-чуть облагородить совсем не благородный поступок будущего маршала. Ведь Тухачевский не

мог не понимать, что его побег, связанный с нарушением честного офицерского слова, неизбежно вызовет ужесточение режима, в частности запрет прогулок в город, и ухудшение положения других пленных в Ингольштадте. Его менее счастливого товарища Чернявского, прежде чем вернуть в лагерь, жандармы изрядно помяли, в отместку за подлость. Тухачевскому же повезло. И нет никаких свидетельств, что он испытывал муки совести, подставив тех, с кем делил невзгоды плена.

5/18 сентября Тухачевскому удалось перейти германо-швейцарскую границу. 29 сентября (12 октября) 1917 года истощенный голодными скитаниями, но не потерявший присутствия духа подпоручик явился к русскому военному агенту (по сегодняшней терминологии — военному атташе) генералу графу А. А. Игнатьеву, потом тоже перешедшему к большевикам и ставшему, наряду с Алексеем Толстым, еще одним «красным графом». Этим днем датировано письмо Игнатьева в Лондон военному агенту генералу Н. С. Ермолову: «По просьбе бежавшего из германского плена гвардии Семеновского полка подпоручика Тухачевского мною было приказано выдать ему деньги в размере, необходимом для поездки до Лондона. Прошу также не отказать помочь ему в дальнейшем следовании». Уже 16 октября Тухачевский оказался в Петрограде, где явился для продолжения службы в запасной батальон Семеновского полка. И тут же получил отпуск домой для поправления здоровья. Во Вражском его застало и величайшее событие в истории России XX века — Октябрьская революция, решающим образом повлиявшая на судьбу нашего героя.

«На той далекой, на Гражданской»

Тухачевский вернулся в столицу 20 ноября — через двенадцать дней после взятия Зимнего и свержения правительства Керенского. Солдаты избрали молодого и решительного подпоручика командиром роты (по численности запасная рота превышала обычный пехотный батальон). В Семеновском полку было сильно влияние эсеров, большой популярностью пользовался лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Тухачевский, похоже, к тому времени окончательно стал на сторону победителей — большевиков. Типольт, служивший в то время в запасном батальоне Семеновского полка, вспоминал, как вел себя его друг: «Случилось так, что моя комната превратилась в своего рода полковой клуб. Сюда набивались офицеры, унтер-офицеры, солдаты. Шум, споры, облака табачного дыма. Впечатление такое, будто все проснулись после многолетней спячки и каждый сейчас же, немедленно должен получить ответы на вопросы, терзавшие всех нас в последние месяцы. Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа. Отмирали извечные, казалось, истины. Рождались новые взгляды, и он их принимал близко к сердцу. Пожалуй, именно в это время у него созревали решения, определившие его дальнейшую, всем хорошо известную судьбу».

Думаю, что Фервак в своих мемуарах не врет, и решение перейти к большевикам начало складываться у Тухачевского еще в Ингольштадте. Другое дело, что Михаил Николаевич, с присущей ему дипломатией, предпочитал не высказывать открыто свои взгляды среди офицеров и солдат родного полка, в большинстве настроенных к новой власти враждебно. Нет никаких сведений об участии Тухачевского в разгоне Учредительного собрания. Возможно, тогда он еще не действовал вместе с большевиками. А скорее всего, Тухачевского в те роковые дни в начале января 1918 года уже не было в Петрограде. О его отъезде из города в конце 17-го (сестры припоминали, что в декабре) или в самом начале 18-го года сохранились воспоминания жены командира запасного батальона Семеновского полка полковника Бржозовского Лидии, доживавшей свой век в Париже: «В 1917 году Тухачевский завтракал у нас, во флигеле Семеновского полка… Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление. Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность

и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье „Наполеона“, на что Тухачевский только улыбался. Сам он мало пил. После завтрака мой муж, я и еще несколько наших офицеров уехали провожать его на вокзал, так как он уезжал в Москву. Одет он был в черное штатское пальто и высокую каракулевую шапку, увеличивающую его рост. После предыдущих разговоров я была полна энтузиазма и мне почему-то казалось, что он способен стать „Героем“. Во всяком случае, он был выше толпы. Я редко ошибаюсь в людях, и мне было особенно тяжело, когда впоследствии я узнала, что он будто бы вполне искренне стал большевиком. Все же в душе оставалось сомнение, что это не так. После второго звонка, в отделении второго класса, я сказала ему, когда мы расставались: „Прощайте! Благословляю Вас на Великие Дела!“ Поцеловала его в лоб и, три раза, мелко перекрестила. Он поцеловал мне руку, посмотрел на меня искренним серьезным взглядом и сказал: „Постараюсь“. Поезд тронулся, после третьего звонка. Тухачевский стоял у окна и смотрел серьезно и грустно на нас… Больше я его никогда не видела. В Петербург он не возвращался».

Что-что, а производить впечатление, нравиться людям, и в особенности женщинам, Михаил Николаевич умел. Вместе с тем ему хватало осторожности и такта не говорить о своем намерении служить у большевиков, тем более служить не за страх, а за совесть, чете Бржозовских, явно отрицательно относившейся к Советской власти. Тогда Тухачевский еще не занимал никаких значительных постов, но окружающие уже чувствовали в нем задатки будущего «Наполеона», «Героя», возносили его над «толпой». В то же время юный подпоручик производил впечатление, несмотря на возраст, человека серьезного, положительного, знающего цену себе и другим. Он нисколько не был похож на авантюриста, намеревающегося использовать революционную сумятицу для карьеры и обогащения. И женщинам Тухачевский очень нравился. Даже по воспоминаниям лишь мимолетно знавшей его Бржозовской видно, что и много лет спустя она сохранила к Тухачевскому, несмотря на его переход в противоположный лагерь, самые нежные чувства, а сцена их прощания на вокзале очень напоминает расставание двух любящих друг друга людей.

Если и был расчет при поступлении Тухачевского к большевикам, то он был связан с их способностью, очень рано увиденной нашим героем (похоже, еще в Ингольштадте), возродить со временем величие России и ее армии. Искренне считал, что с Лениным, Троцким и другими большевистскими лидерами ему всегда будет по пути. Верил, что в будущем русская

армия на штыках сможет принести счастье всему человечеству, и надеялся рано или поздно возглавить ее. Старая армия была мертва, Тухачевский это хорошо видел. Все надежды на возрождение вооруженных сил России подпоручик-семеновец теперь связывал с партией Ленина.

Из Петрограда Тухачевский опять вернулся во Вражское, где помогал матери и сестрам по хозяйству, в частности, заготовил достаточно дров, чтобы семья могла пережить суровую зиму.

В Москву Тухачевский прибыл в начале марта 1918 года, практически одновременно с переехавшим сюда из угрожаемого возобновившими наступление немцами Петрограда советским правительством. О начале его карьеры при новой власти сохранились противоречивые свидетельства. Близкий друг Тухачевского Н. Н. Кулябко утверждал: «Мы встретились вновь лишь в марте 1918 года… Он уже успел поработать в Военном отделе ВЦИК. А меня IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов избрал членом ВЦИК. После переезда правительства из Петрограда в Москву я был назначен военным комиссаром штаба обороны Москвы, потом стал заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. В эти дни как раз и возобновились наши дружеские связи с Михаилом Николаевичем». Здесь Николаю Николаевичу вполне можно доверять: в своих воспоминаниях он отнюдь не стремился преуменьшить значение своего знакомства с Тухачевским для успеха карьеры последнего (мы это еще увидим). С другой стороны, в силу занимаемых должностей Кулябко должен был быть осведомлен, где и когда начал служить Советам будущий «красный Наполеон». Слова друга Тухачевского опровергают, в частности, созданную Романом Гулем легенду, будто еще в январе 18-го, в Петрограде, в Таврическом дворце, сразу после разгона Учредительного собрания, Кулябко, якобы уже тогда будучи членом ВЦИК, встретился с Тухачевским, а через несколько дней отвел его в Смольный и рекомендовал для работы в военном отделе. Гуль даже приписывает Михаилу Николаевичу «историческую фразу», одновременно слегка повышая его в чине: «Гвардии поручик Тухачевский бежал из германского плена, чтобы встать в ряды русской революции!» На самом деле IV Чрезвычайный съезд Советов, на котором Кулябко и стал членом ВЦИК, проходил в Москве с 14 по 16 марта 1918 года. Очевидно, вскоре после съезда и произошла первая после многолетней разлуки встреча давних друзей. Ничего не пишет Николай Николаевич и о том, что Тухачевский по приезде в Москву остановился у него на квартире, на чем настаивают некоторые биографы маршала. Наоборот, Кулябко подчеркивает, что на

службу в Военный отдел ВЦИК Тухачевский поступил еще до их встречи, а не после. Может быть, у молодого подпоручика был еще какой-то покровитель среди старых членов партии. Лидия Норд утверждает, что был — не кто иной, как вождь самарских большевиков Валериан Владимирович Куйбышев: «Судьба столкнула Тухачевского с Николаем Владимировичем Куйбышевым (братом Валериана, капитаном царской армии, впоследствии ставшим комкором в Красной Армии и расстрелянным в 1938 году, в рамках чистки, начатой делом Тухачевского. — Б. С.) в 1918 году на вокзале в Москве. И эта случайная встреча определила дальнейшую судьбу маршала. Н. В. Куйбышев затащил его к себе и познакомил с братом. Старший Куйбышев, угадав и оценив незаурядную натуру Тухачевского, три дня уговаривал его примкнуть к большевикам. Он свел его со старшими офицерами, уже перешедшими к красным, и, когда Тухачевский был завербован, В. В. Куйбышев использовал все свое влияние в партии, чтобы выдвинуть молодого поручика на ответственный военный пост. Он сам поручился за Тухачевского и нашел для него еще других поручителей».

Три дня, в течение которых Куйбышев-старший будто бы уговаривал Тухачевского перейти к большевикам, уж очень смахивают на сказочные «три дня, три ночи». Но в самой по себе встрече Михаила Тухачевского с Валерианом Куйбышевым ничего сверхъестественного нет. В. В. Куйбышев действительно находился в марте 1918 года в Москве (вполне вероятно — вместе с братом Николаем), участвуя 6-го — 8-го числа в работе VIII Экстренного съезда партии, а 14-го — 16-го — в работе IV Чрезвычайного съезда Советов. И братья Куйбышевы, и Тухачевский были выходцами из интеллигентных дворянских семей, профессиональными военными (Валериан до революции учился в Военно-Медицинской Академии и всю жизнь серьезно интересовался военным делом) и легко могли найти общий язык. Правда, других свидетельств о столь раннем знакомстве Тухачевского с Куйбышевыми нет, а в очерке-некрологе «Друг Красной Армии», посвященном памяти В. В. Куйбышева, Михаил Николаевич ничего не говорит о времени их знакомства. Но очень может быть, что именно куйбышевская рекомендация открыла Тухачевскому двери Военного отдела ВЦИК, занимавшегося формированием только-только создававшейся Красной Армии. И, скорее всего, бывший гвардейский подпоручик произнес там что-нибудь вроде того, что приписала ему фантазия Романа Гуля. Но вряд ли одной-двух революционных фраз было достаточно, чтобы обеспечить столь стремительный старт карьеры вчерашнего

узника Ингольштадта. Нужна была чья-то серьезная протекция. По всей видимости, знакомства со старшим Куйбышевым и Кулябко вполне хватило для успешного начала службы Советской власти.

Лидия Норд приводит рассказ-исповедь своего шурина о том, как и почему он начал служить в Красной Армии: «Когда я попал в Петроград, у меня не было и мысли о переходе к большевикам. Все мои думы занимала армия, которая должна была восстановить порядок в стране и накостылять по шее немцам (которых Михаил Николаевич после тягот плена особенно не любил. — Б. С.). Я люто ненавидел Керенского и всех, кто развалил армию. По моему мнению, тогда было еще не поздно собрать силы и, сбросив Временное правительство, установить военную диктатуру. Когда я говорил об этом, мне рассеянно отвечали: „Да… Да… Это может спасти Россию…“ Но я был только поручик, „щелкопер“, и серьезно с моим мнением никто не считался. С генералитетом мне говорить не приходилось, но чем больше у меня было разных других встреч, тем сильнее было разочарование. В верхах были или потерянность, или словоблудие, а мы, молодые офицеры, полные сил и решимости, вынуждены были бездействовать и подвергаться унижениям. Питер был мне более чужд, чем Москва, и я надеялся, что в Москве другой дух, — уехал туда. Но там был такой же хаос и разброд мыслей.

Не думай, что мне было так уж легко избрать другой жизненный путь… Но когда я был у Куйбышевых, то я почувствовал, что меня там поняли и что мои планы о той армии, которые я вынашивал в плену, не казались им бредом безумца. Только старший Куйбышев подвел под эту армию другую основу. И как ни красноречив был Валериан Владимирович, но сознаюсь, в то время я очень мало разбирался в политике и понял только одно: тут люди не только живут своими идеями, но и действуют. Хотят они блага народу и порядка, а благо и спокойствие охраняются армией. Так это понимал и Николай Куйбышев. Как только я дал согласие, меня сразу же потащили по разным местам, и я убедился, что много старших офицеров и даже некоторые генералы избрали тот же путь, что и я. На душе сразу стало легче… Но тогда я совсем не рассчитывал на генеральскую должность, которую получил благодаря рекомендации Валериана Владимировича Куйбышева».

Свояченице Тухачевский объяснял свой переход к большевикам несколько иначе, чем ранее Ферваку, но в основном свидетельства двух мемуаристов не противоречат друг другу. Не исключено, что перед анархистом Реми Руром будущий маршал

не счел нужным скрывать свой интерес к марксизму и Ленину, усиливающуюся готовность принять программу большевиков. А вот дворянке из «бывших», никаких симпатий к марксистской доктрине не испытывавшей, куда понятнее были патриотические мотивы службы коммунистам как единственной реальной силе возрождения страны и армии, установления в перспективе, как казалось, спокойствия и порядка.

Вскоре после того, как Тухачевский устроился в Военный отдел ВЦИК, произошло очень важное событие в его жизни — вступление в ряды РКП (б). Здесь не обошлось без содействия Кулябко, а возможно, и Куйбышева. Правда, в день 5 апреля 1918 года, когда Тухачевского принимали в партию, Валериан Владимирович был уже в Самаре, но не исключено, что он еще раньше подобрал Тухачевскому других рекомендателей, помимо Кулябко. Николай Николаевич же так вспоминал об обстоятельствах, при которых бывший подпоручик и столбовой дворянин вступил в большевистскую партию: «Я видел, что он уже твердо стоит на позициях большевиков, слышал его восторженные отзывы о Владимире Ильиче и потому предложил ему вступить в ряды коммунистической партии. Михаил Николаевич Тухачевский был глубоко взволнован этим предложением. Он очень серьезно обдумал его и согласился.

Вместе мы отправились в Хамовнический райком партии, который помещался тогда, кажется, на Арбате. Я дал М. Н. Тухачевскому устную рекомендацию и подтвердил ее письменно. Делал это без малейших колебаний, твердо веря, что, став коммунистом, Михаил Николаевич принесет еще большую пользу Советской власти, которая очень нуждалась в преданных военных специалистах».

Столь раннее вступление в партию — на исходе пятого месяца Советской власти — открыло перед Тухачевским большие перспективы. Ведь кадровых офицеров в партии тогда были считанные единицы (наиболее известные примеры здесь — В. А. Антонов-Овсеенко и Н. В. Крыленко). Возобновившееся же в феврале немецкое наступление и уже начавшаяся на окраинах гражданская война требовали скорейшего возрождения регулярной армии. Тут как раз подвернулась оказия, о которой пишет Кулябко: «Во Всероссийском бюро военных комиссаров подбирались тогда кадры для так называемой Западной завесы (группировки войск, призванной защитить Центр России от возможного германского вторжения. — Б. С.). По моему предложению М. Н. Тухачевский был назначен военкомом Московского района Западной завесы. А когда на Волге вспыхнул мятеж белочехов, я имел случай доложить о Тухачевском

В. И. Ленину. Владимир Ильич очень заинтересовался им и попросил привести „поручика-коммуниста“». Сам Кулябко при разговоре Тухачевского с Лениным не присутствовал, но со слов друга передал содержание состоявшейся беседы с вождем: «Владимир Ильич сразу задал ему два вопроса: при каких обстоятельствах он бежал из немецкого плена и как смотрит на строительство новой социалистической армии? Тухачевский ответил, что не мог оставаться в плену, когда в России развернулись революционные события, и затем стал подробно излагать свои мысли о том, как соединить разрозненные красногвардейские отряды в настоящую регулярную армию».

В документах Совнаркома встречи Ленина с Тухачевским в апреле или мае 1918 года не зафиксировано. На этом основании часть историков вообще сомневается, что она состоялась. Однако надо иметь в виду, что в первые месяцы канцелярия Совета Народных Комиссаров работала далеко от бюрократического идеала 30-х годов и вряд ли на практике фиксировала все контакты главы правительства. Ленин вполне мог встретиться с Тухачевским, учитывая должность последнего — военный комиссар Московского района обороны, на территории которого и находился Совнарком и от устойчивости которого напрямую зависела судьба правительства. Если встреча, о которой писал Кулябко, всё же состоялась, то благоприятное впечатление, произведенное Михаилом Николаевичем на Владимира Ильича, могло способствовать тому, что Тухачевский получил ответственный командный пост на фронте борьбы с мятежным чехословацким корпусом, чье восстание в Поволжье, на Урале и в Сибири началось 25 мая.

Возможно, ко времени службы Тухачевского в Военном отделе ВЦИК относится забавный случай, о котором рассказал Сабанеев: «Им был составлен проект уничтожения христианства и восстановления древнего язычества, как натуральной религии. Докладная записка о том, чтобы в РСФСР объявить язычество государственной религией, была подана Тухачевским в Совнарком. Он явно издевался, но в Малом Совнаркоме его проект был доставлен на повестку дня и серьезно обсуждался. Тухачевскому только это и было нужно, он был счастлив, как школьник, которому удалась шалость». Подобная шутка ярко демонстрировала атеизм Тухачевского и наверняка пришлась по душе членам Совнаркома. По свидетельству Сабанеева, в другой раз Тухачевский вместе со своим преподавателем музыки Н. С. Жиляевым «сочинил нечто вроде „большевицкой мессы“, какого-то марксистского служения, названного ими „марксистская файв-о-клокия“». По всей видимости, это была

какая-то шуточная молитва, столь же обязательная для правоверных большевиков к ежедневному исполнению, как для британцев традиционный чай в пять часов вечера — «файв-о-клок». И это пародирование христианской религии должно было импонировать, по крайней мере, образованным большевикам и делало комиссара-богохульника из дворян «своим».

Да, да, я не оговорился. Тухачевскому пришлось поработать и комиссаром, правда короткое время. С 27 мая он в качестве военного комиссара надзирал за деятельностью военного руководителя Московского района обороны, бывшего генерала императорской армии А. К. Байова, известного военного теоретика. За генералом действительно нужен был глаз да глаз. Позднее Байов перешел к белым и эмигрировал. Но Тухачевского рядом с ним уже не было. «Подпоручик-коммунист» очень скоро получил новое назначение. 19 июня 1918 года он был направлен на самый опасный в тот момент для Советской власти Восточный фронт со следующим мандатом: «Предъявитель сего военный комиссар Московского района Михаил Николаевич Тухачевский командирован в распоряжение главкома Восточного фронта Муравьева для использования работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командования ими». 27 июня Тухачевский прибыл из Казани, где располагался штаб фронта, на станцию Инза, чтобы вступить в должность командующего 1-й Революционной армией. Эту армию еще только предстояло сформировать из разрозненных отрядов.

Спору нет, расположение к Тухачевскому Ленина, рекомендации, данные ему старым большевиком Кулябко, а возможно, и Куйбышевым, равно как и быстрое вступление в партию, значили немало в начале его военной карьеры в Красной Армии. Но не обладай юный подпоручик в действительности организаторскими и военными способностями, его звезда тотчас бы закатилась. Время было такое, что назначение командующих по знакомству или протекции, независимо от их профессиональных качеств, не имело смысла: ведь угроза существованию Советской власти была более чем реальна. Армии у Совнаркома фактически не было, поскольку старая армия уже развалилась, а новая только-только создавалась. На западе обширные районы оказались оккупированы Германией и Австро-Венгрией. На востоке значительные территории перешли под контроль чехословацкого корпуса и поддерживаемого им Комитета Учредительного Собрания (Комуча), где преобладали правые эсеры. От большевиков требовались энергичные усилия и решительные меры, чтобы сохранить власть.

По дороге на фронт Тухачевский прибыл в недавно оставленную чехословаками Пензу. Этот город давно уже стал для Тухачевского родным. Здесь прошли пять гимназических лет, которые в свете последующих событий должны были восприниматься как безмятежные. Здесь на гимназических балах Михаил встретил свою первую любовь. И вот теперь, прибыв в Пензу уже в должности командующего, он женился на своей возлюбленной. Первой женой Тухачевского стала Мария Владимировна Игнатьева, дочь машиниста пензенского депо. Михаил шел по стопам отца, связав свою судьбу с полюбившейся девушкой не из дворянского сословия. Мария сопровождала его на фронтах гражданской войны. Однако этот брак продолжался недолго. Как утверждает бывший сослуживец и друг Тухачевского генерал Н. И. Корицкий, вместе с ним учившийся в пензенской гимназии, М. В. Игнатьева «трагически погибла в Смоленске в 1920 году». Лидия Норд также передает распространявшиеся в Смоленске в конце 1920 года слухи, что первая жена Тухачевского покончила жизнь самоубийством и что муж даже не был на похоронах, поручив заняться ими своему адъютанту. Наиболее подробно об обстоятельствах самоубийства Марии Владимировны говорит Роман Гуль: «Может быть, Маруся никогда бы и не сделала рокового шага, но русский революционный голод во вшивой, замершей стране был страшен. А жена командарма Тухачевского может ехать к мужу экстренным поездом, ей дадут в охрану и красноармейцев и не обыщут, как мешочницу. Маруся из любви к родителям, по-бабьи, возила в Пензу домой мешки с мукой и консервными банками.

Не то выследили враги (врагов у Тухачевского пруд пруди) — о мешках стало известно в Реввоенсовете фронта. И наконец командарму Тухачевскому мешки поставлены на вид. Мешки с рисом, мукой, консервными банками везет по голодной стране жена побеждающего полководца?!

Я думаю, слушавшему „красную симфонию“ и глядевшему не на небесные звезды, а на свою собственную, Тухачевскому от этих мешков прежде всего стало эстетически невыносимо (прямо по Достоевскому — бывают стыдные преступления! — Б. С.). Мировой пожар, тактика мировой пролетарской войны — и вдруг мешки с мукой для недоедающих тестя и тещи! Какая безвкусица!

Тухачевский объяснился с женой: церковного развода гражданам РСФСР не требуется, и она свободна. Маруся была простенькой женщиной, но тут она поступила уж так, чтоб не шокировать мужа: она застрелилась у него в поезде. Враги, донесшие на Тухачевского, посрамлены, а Тухачевский женился еще раз».

Трудно сказать, что здесь от писательской фантазии, что — от недостоверных слухов, а что — от истинной трагедии, происшедшей в салоне-вагоне командующего Западным фронтом. Как мы убедимся дальше, недруги Тухачевского действительно писали в вышестоящие инстанции о «мешках» продовольствия, которые использовали для своих нужд командарм с супругой и его штаб, но это было задолго до прибытия четы Тухачевских в Смоленск и вряд ли могло послужить поводом для самоубийства Марии. Может быть, причиной трагедии послужило увлечение Михаила какой-то другой женщиной? Ведь слабый пол был от Тухачевского без ума, и бывший гвардейский подпоручик очень многих его представительниц дарил своей благосклонностью. Во всяком случае Тухачевский действительно очень недолго горевал о смерти Маруси и, как увидим, очень скоро женился вновь. Но мы забежали на два года вперед. Давайте вернемся в Инзу, где Тухачевский ускоренными темпами создает 1-ю Революционную армию.

Уже в начале июля молодому командарму удалось сформировать первые регулярные дивизии — Пензенскую, Инзенскую и Симбирскую, впоследствии получившие номера — соответственно 20-й, 15-й и 24-й. Все они, и особенно 24-я Железная во главе с Г. Д. Гаем, прославились на фронтах гражданской войны как наиболее стойкие и боеспособные соединения. Для укомплектования войск командным составом Тухачевский и глава симбирских коммунистов И. М. Варейкис впервые издали приказ о мобилизации офицеров. Он был опубликован 4 июля 1918 года. Появлению этого приказа предшествовал разговор Тухачевского с Варейкисом, который приводит один из мемуаристов, Б. Н. Чистов, при нем присутствовавший: «У нас в Симбирске несколько тысяч офицеров, — говорил Варейкис. — Из них лишь единицы пошли в Красную Армию. Большинство выжидает. Две недели назад губчека раскрыл подпольную белогвардейскую организацию. Но из офицерства в ней участвовали сравнительно немногие, только сынки помещиков и купцов». Тухачевский подхватил эту мысль: «Я знаю настроения офицерства. Среди них есть отъявленные белогвардейцы. Но есть и искренне любящие свой народ, родину. Надо помочь им пойти с народом, а не против него». «Помогали», правда, посредством трибуналов. Приказ командарма гласил: «Для создания боеспособной армии необходимы опытные руководители, а потому приказываю всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, немедленно стать под Красные знамена вверенной мне армии. Сегодня, 4 сего июля, офицерам, проживающим в городе Симбирске, прибыть к 12-ти

часам в здание Кадетского корпуса, ко мне. Не явившиеся будут предаваться военно-полевому суду». Те офицеры, которые послушались и пришли вовремя в назначенное место, могли лицезреть нового кандидата в Наполеоны. Вот как описал Тухачевского в тот день его друг Корицкий: «Он сидел в туго перехваченной ремнями гимнастерке со следами погон на плечах, в темно-синих, сильно поношенных брюках, в желтых ботинках с обмотками. Рядом на столе лежал своеобразный головной убор, имевший форму не то пожарной каски, не то шлема, и коричневые перчатки. Манеры Михаила Николаевича, его вежливость изобличали в нем хорошо воспитанного человека. У него не было ни фанфаронства, ни высокомерия, ни надменности. Держал себя со всеми ровно, но без панибратства, с чувством собственного достоинства». Одет Михаил Николаевич, как видим, был довольно бедно, донашивал, наверное, обмундирование, выданное еще до пленения. Но всё равно оставался подтянутым и по-своему элегантным.

Офицеры видели в командарме человека своей среды, вежливость и корректность Тухачевского производили на них благоприятное впечатление и облегчали принятие психологически непростого решения о вступлении в Красную Армию. Тем более что альтернативой был или расстрел, или, в лучшем случае, прозябание на случайные заработки — ведь другой профессии, кроме военной, подавляющее большинство офицеров не имело.

Позднее Тухачевский отстаивал свой приоритет не только в деле привлечения военных специалистов, но и в организации репрессий, без которых невозможно строить армию в военное время: «…Впервые в 1-й армии были введены армейский и дивизионные военно-революционные трибуналы. Учреждение трибуналов окончательно закрепило утверждение дисциплины».

Очень скоро войска Тухачевского достигли первых успехов. 8 июля 1918 года он телеграфировал Кулябко в Москву, желая поделиться с другом радостью победы: «Тщательно подготовленная операция Первой армии закончилась блестяще. Чехословаки разбиты. Сызрань взята с бою». Однако наступление не получило развития из-за последовавших драматических событий, в ходе которых Тухачевский едва не погиб. Против Москвы поднял мятеж главнокомандующий Восточным фронтом, левый эсер и бывший подполковник М. А. Муравьев. Это стало ответом на подавление выступления его товарищей по партии в Москве 6 июля. Вот как охарактеризовал Муравьева Тухачевский в мемуарной статье «Первая армия в 1918 году»: «Муравьев отличался бешеным честолюбием, замечательной личной

храбростью и умением наэлектризовывать солдатские массы… Мысль „сделаться Наполеоном“ преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках. Обстановки он не умел оценить. Его задачи бывали совершенно нежизненны. Управлять он не умел. Вмешивался в мелочи, командовал даже ротами. У красноармейцев он заискивал. Чтобы снискать к себе их любовь, он им безнаказанно разрешал грабить, применял самую бесстыдную демагогию и проч. Был чрезвычайно жесток. В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний. Это был себялюбивый авантюрист, и ничего больше».

Не вышло из Муравьева Наполеона. Прав Тухачевский: Михаил Артемьевич оказался никудышним предводителем мятежа (удавшийся мятеж, как известно, зовут революцией), не сумел правильно оценить обстановки и даже грамотно провести пропаганду среди своих солдат. 11 июля, прибыв в Симбирск на встречу с Тухачевским, Муравьев предложил командарму Первой прекратить борьбу с чехами и Народной армией Комуча, поддержать объявление войны Германии, и если Совнарком не одобрит эти действия, то, соединившись с чехословацким корпусом, идти походом на Москву для свержения власти Ленина и создания потом нового фронта против немцев. Тухачевский отказался и немедленно был арестован пришедшими с Муравьевым красноармейцами. Главком с сумасшедше блестящими глазами радостно заявил командарму: «Я поднимаю знамя восстания, заключаю мир с чехословаками и объявляю войну Германии». Потом Муравьев отправился занимать Симбирский Совет. Войска, которые поддержали главкома, не знали, что он изменил Советской власти, и думали, что Муравьев действует по согласованию, с Москвой. Когда обман раскрылся, песенка бравого подполковника была спета. После ухода Муравьева солдаты собирались без промедления и лишних церемоний «вывести в расход» Тухачевского. О своем спасении он рассказывает так: «Красноармейцы хотели меня тотчас же расстрелять, но были крайне удивлены, когда на вопрос некоторых, за что я арестован, я им ответил: „За то, что большевик“. Они были сильно огорошены и отвечали: „Да ведь мы тоже большевики“. Началась беседа. Услышав о левоэсеровском восстании в Москве и получив объяснение измены Муравьева, оставшиеся красноармейцы тотчас же избрали делегацию и отправили ее в броневой дивизион для обсуждения вопроса». Тухачевского же освободили. Тем временем Варейкис сосредоточил в здании губисполкома преданный большевикам латышский отряд и пригласил Муравьева на переговоры. Главком

явился с вооруженной свитой, но засады не заметил. Когда переговоры зашли в тупик, Муравьев с угрожающими словами: «Тогда я иначе с вами поговорю!» — ринулся к двери в коридор, где осталась его охрана. И увидел, что свита уже разоружена и вокруг стоят латыши с примкнутыми штыками. С криком «Предательство!» Михаил Артемьевич успел еще выхватить маузер и трижды выстрелить, ранив двоих, прежде чем был убит. После смерти Муравьева до прибытия нового главнокомандующего фронтом И. И. Вацетиса Тухачевский временно командовал Восточным фронтом. Советские войска изменой популярного среди красноармейцев Муравьева, зарекомендовавшего себя удачливым военачальником еще на Украине в войне против Центральной Рады, оказались на время деморализованы. Они успели получить муравьевские телеграммы о замирении с чехами и войне против Германии, а через несколько часов — новые телеграммы об убийстве Муравьева и продолжении борьбы с чехословацким корпусом и частями Комуча. Красноармейцев охватила паника, они почти без сопротивления оставили Бугульму, Мелекесс, Симбирск, а в начале августа — и Казань, где в руки чехов и Народной армии попала основная часть эвакуированного сюда российского золотого запаса. Комиссары, равно как и многие большевистски настроенные рядовые бойцы, стали подозревать в предательстве чуть ли не всех бывших офицеров. Не избежал подозрений и Тухачевский, хотя, казалось бы, его поведение во время, как говорил сам Михаил Николаевич, «шутовского восстания Муравьева» никаких поводов для сомнений в его верности Советской власти не давало. Член Реввоенсовета фронта П. А. Кобозев даже распорядился об аресте Тухачевского, но этому воспротивились Варейкис и член Реввоенсовета 1-й армии В. В. Куйбышев. Конфликт удалось уладить без вмешательства Москвы.

29 июля 1918 года Восточный фронт был объявлен главным фронтом Республики. Через несколько дней сюда выехал председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам Троцкий. Перед этим состоялось заседание Реввоенсовета с участием Ленина. Об этом заседании Троцкий вспоминал следующим образом:

— Надо мобилизовать всех и всё и двинуть на фронт, — говорил Ленин. — Надо снять из «завесы» все сколько-нибудь боеспособные части и перебросить на Волгу…

— А немцы? — отвечали Ленину.

— Немцы не двинутся, им не до того, да они и сами заинтересованы в том, чтобы мы справились с чехословаками.

В результате Троцкий отправился на восток с солидными подкреплениями из войск бывшей Западной завесы, с мобилизованными для политработы коммунистами. У Льва Давидовича с Владимиром Ильичом состоялся примечательный разговор, воспроизведенный Троцким по памяти в 1924 году: «Наспех сколоченные полки и отряды, преимущественно из разложившихся солдат старой армии… весьма плачевно рассыпались при первом столкновении с чехословаками.

— Чтобы преодолеть эту гибельную неустойчивость, нам необходимы крепкие заградительные отряды из коммунистов и вообще боевиков, — говорил я Ленину перед отъездом на восток. — Надо заставить сражаться. Если ждать, пока мужик расчухается, пожалуй, поздно будет.

— Конечно, это правильно, — отвечал он, — только опасаюсь, что и заградительные отряды не проявят должной твердости. Добёр русский человек, на решительные меры революционного террора его не хватает. Но попытаться необходимо».

И попытка, как известно, удалась. Сначала на Восточном фронте, а потом и по всей России. Троцкий как раз должен был железной рукой с помощью трибуналов и заградотрядов установить дисциплину в сражавшихся в Поволжье войсках. Председатель Реввоенсовета справедливо полагал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». В штаб фронта в Свияжск под Казань он прибыл вскоре после падения последней. И сразу же издал грозный приказ: «Предупреждаю, если какая-нибудь часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар, вторым командир. Мужественные, храбрые солдаты будут поставлены на командные посты. Трусы, шкурники, предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед лицом Красной Армии». Но угроза на бумаге немного стоит. Красноармейцы продолжали отступать без серьезного нажима со стороны неприятеля. И Троцкий быстро доказал, что словами не бросается. В мемуарах он описал, как исполнил обещание о пулях для трусов и дезертиров: «Свежий полк, на который мы так рассчитывали, снялся с фронта во главе с комиссаром и командиром, захватил со штыками наперевес пароход и погрузился на него, чтобы отплыть в Нижний. Волна тревоги прошла по фронту. Все стали озираться на реку. Положение казалось почти безнадежным. Штаб оставался на месте, хотя неприятель был на расстоянии

километра-двух и снаряды рвались по соседству. Я поговорил с неизменным Маркиным (знаменитый матрос, помощник Троцкого в наркомате иностранных дел, публикатор секретных договоров России с союзниками, а в те дни — комиссар Волжской флотилии. — Б. С.). Во главе двух десятков боевиков он на импровизированной канонерке подъехал к пароходу с дезертирами и потребовал от них сдачи под жерлом пушки. От исхода этой внутренней операции зависело в данный момент всё. Одного ружейного выстрела было бы достаточно для катастрофы. Дезертиры сдались без сопротивления. Пароход причалил к пристани, дезертиры высадились, я назначил полевой трибунал, который приговорил к расстрелу командира, комиссара и известное число солдат. К загнившей ране было приложено каленое железо. Я объяснил полку обстановку, не скрывая и не смягчая ничего. В состав солдат было вкраплено некоторое количество коммунистов. Под новым командованием и с новым самочувствием полк вернулся на позиции. Все произошло так быстро, что враг не успел воспользоваться потрясением». Всего в тот раз был расстрелян 21 человек. «Самочувствие» войск действительно изменилось: «добрые русские мужики», одетые в серые солдатские шинели, быстро «расчухали», что никто с ними шутить не будет, что время митингов прошло, и заградотряды из коммунистов и проверенных боевиков (частью с дореволюционным стажем) без колебаний применяют «решительные меры революционного террора». Даже бывший член Реввоенсовета Восточного фронта С. И. Гусев, не питавший симпатий к Троцкому, тем не менее уже в 1924 году, когда звезда председателя Реввоенсовета закатывалась, признавал выдающийся вклад Троцкого в достижение перелома на Восточном фронте: «Приезд тов. Троцкого внес решительный поворот в положение дел. В поезде тов. Троцкого на захолустную станцию Свияжск прибыли твердая воля к победе, инициатива и решительный нажим на все стороны армейской работы… Жесткие меры тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины и недисциплинированности… были прежде всего и наиболее целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свияжске (до отъезда в Москву 1 сентября в связи с покушением на Ленина. — Б. С.), была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани».

Молодому командарму удалось достичь в своей армии того же, чего Троцкий добился в 5-й. Как и председатель

Реввоенсовета, он был сторонником широкого привлечения офицеров царской армии на командные должности в Красную Армию и не останавливался перед применением репрессий для дисциплинирования красноармейской массы. Созданные Тухачевским первые в Красной Армии трибуналы без дела не сидели. И до того, как военное счастье вновь вернулось к советским войскам под Казанью и Симбирском, на фронте 1-й армии не раз создавались критические ситуации. Как писал комиссар армии О. Ю. Калнин: «Мы с товарищем Тухачевским тогда поставили для себя девиз: если умереть, то умереть только истинными бойцами после последнего выстреленного патрона — даже при условии, если весь центр будет захвачен и отрезан от нас». Однако такое трогательное единение под огнем противника не помешало комиссару и командарму несколько месяцев спустя затеять довольно банальную свару, следствием которой стало перемещение Тухачевского на другой фронт. Но мы несколько забежали вперед.

Тухачевский очень рано осознал необходимость мобилизации в Красную Армию не только военнослужащих царской армии, оказавшихся на советской территории (еще 29 июля он провел такую мобилизацию в обороняемой 1-й армией части Симбирской губернии), но и захваченных в плен белых солдат. Он прекратил поощрявшиеся в свое время Муравьевым грабежи и бессудные расстрелы пленных. И издал приказ, где предписывал «под личную ответственность командиров и политических комиссаров при них: никаких насилий и репрессий над перебежчиками и пленными из мобилизованных белогвардейцами крестьян и рабочих не чинить, а доставлять в штаб дивизии. Политические комиссары сумеют расправиться с явными врагами революции и сохранить жизнь тем рабочим и крестьянам, которые, будучи мобилизованы чехословаками, не захотели идти против своих братьев-красноармейцев».

Энергия и распорядительность Тухачевского, его готовность применять жесткие меры для водворения в своих частях революционного порядка удостоились похвалы от самого Троцкого. Он ставит в пример другим командармам «славное имя товарища Тухачевского».

Казань была возвращена частями Красной Армии 10 сентября. 1-я армия Тухачевского в это время наступала на Симбирск, отрезая путь отхода казанской группировки белых на юг.

Симбирская операция была первой крупной операцией, разработанной и успешно осуществленной Тухачевским. В очерке «Первая армия в 1918 году» он подробно описал ее ход. Сначала

должны были быть разбиты группировки белых южнее (в районе станции Кузоватово) и севернее Симбирска, у села Большое Батырево, а потом быстрой атакой планировалось захватить город и железнодорожный мост через Волгу, чтобы без промедления переправиться на левый берег. На Кузоватово наступала Инзенская дивизия и Витебский полк Симбирской дивизии, на Большое Батырево — алатырская группа Симбирской дивизии. Теперь предоставим слово Тухачевскому, описавшему первый свой крупный успех со свойственным молодости восторгом и три года спустя всё еще захваченному азартом сражения: «25 августа начинается стремительное выполнение поставленной задачи. Противник сбит и ошеломлен. 27 августа Инзенская дивизия выходит на линию восточнее деревень Русская Темрязань — Поливанов — Акшоут. Витебский полк, атаковав противника с тыла, вышел того же числа к юго-западу от деревни Баевка. Разбитый противник, стремительно ускользая из мешка, бежал к юго-востоку от станции Кузоватово…

28 августа Инзенская дивизия заняла станцию Кузоватово, и, таким образом, справа наступление на Симбирск было обеспечено.

Для обеспечения операции слева алатырской группе была поставлена задача разбить батыревскую группу противника ударом со стороны станции Ибреси.

Алатырская группа выставила заслон на подступах к городу Алатырю, а удар главными силами нанесла со станции Ибреси, в направлении Б. Батырево. Скопление противника было рассеяно, и остатки его бежали на Буинск… Главкомом были обещаны значительные подкрепления примерно к 25 августа. Однако в начале сентября я получил от него извещение, что подкрепления несколько запоздают.

В связи с этим, а также с тем, что обстановка на фронте армии слагалась благоприятно, пришлось отказаться от мысли ожидать подкреплений. Необходимо было начать операцию наличными силами.

Для усиления симбирского направления и обеспечения здесь нашего превосходства сил пришлось ослабить участки Пензенской и Инзенской дивизий, оставив здесь лишь слабые заслоны.

Первоначально я предполагал нанести удар на Симбирск двумя дивизиями: Инзенской и Симбирской, но затруднения в организации связи и тыла заставили все предназначенные для атаки Симбирска силы передать начдиву Симбирской Гаю.

В основу плана операции была положена идея концентрического наступления. Пензенской дивизии была

поставлена задача активной обороны занимаемых рубежей. Инзенской дивизии на фронте также была поставлена оборонительная задача. Зато кавалерии левого фланга ставилась задача занять селение Тереньга и прервать телеграфное сообщение Сызрань — Симбирск…

Силы ударной симбирской группы тов. Гая достигали примерно 8 тыс. штыков. Противник небольшими силами занимал передовые линии и имел довольно значительные силы в районе Симбирска (что было выяснено после взятия последнего). С этими резервами, как выяснилось после, белогвардейцы лишь немногим уступали в численности, при составлении же плана наши силы представлялись значительно превосходящими силы противника.

Исходное положение для Симбирской группы было намечено по линии Поповка — Анненково — Прислониха. Кроме того, 5-й Курский полк на грузовиках перебрасывался со станции Чуфарово в район станции Алгаим для наступления в обход правого фланга противника, вдоль большака станция Алгаим — Ногаткино — Симбирск. Таким образом, исходная линия достигала почти 100 верст по фронту.

Первые серьезные силы противника мы могли встретить на линии Елшанка — Выры — Петровка и отдельные отряды — в районе селения Шумовка. Главные силы группы двигались по большакам Поповка — Елшанка и Прислониха — Тетюшское и между ними. Таким образом, ко времени серьезных боев фронт атакующих частей сокращался до 60 верст к вечеру первого же дня наступления.

Приказом по армии за номером 7 начало наступления было назначено на утро 9 сентября, и взятие Симбирска было рассчитано на третий день наступления… В основу этих расчетов было положено: во-первых, превосходство наших сил, во-вторых, выгодность обхода при намеченном концентрическом движении и, в-третьих, быстрота движения и внезапность. На линии расположения противника наши части уже достигали полного взаимодействия, широко обходили расположение противника и тем предрешали быстрое его поражение.

Все эти расчеты полностью оправдались на деле. К вечеру первого же дня белогвардейские войска охватила паника. В центре они оказывали ожесточенное сопротивление, но бесконечный обход их флангов совершенно расстроил последние, и отступление приняло беспорядочный характер. На подступах к Симбирску они попробовали устроиться и оказать последнее сопротивление, но дружным натиском наших воодушевленных войск они были быстро сбиты и опрокинуты за Свиягу, а далее —

за Волгу.

Таким образом, основательно подготовленная операция одним ударом решила чрезвычайно важную задачу. Сильная симбирская группа противника была разбита, и была перерезана Волга, а стало быть, и наилучший путь отступления для белогвардейцев из-под Казани, павшей почти одновременно с Симбирском… Нами были захвачены колоссальные военные трофеи. Железнодорожный мост через Волгу был захвачен в полной исправности».

Во время операции по захвату Симбирска Тухачевский проявил черты своего собственного полководческого стиля. Здесь и суворовское «быстрота и натиск» (позднее, в Москве, Михаил Николаевич, собрав богатейшую библиотеку, специальный раздел посвятил редким книгам о жизни и войнах Суворова). Здесь и стремление достичь успеха с минимальными потерями для своих войск. Здесь и обыкновение в решающем пункте фронта вводить в дело почти все наличные силы, практически не оставляя резервов и отодвигая на второй план заботу о флангах. Данная тактика базировалась на твердой вере в превосходство собственных войск над войсками противника как в моральном отношении, так и по уровню боевой подготовки. Когда дело в действительности обстояло подобным образом, Тухачевскому сопутствовала удача. Однако однажды противник оказался не лыком шит, и тогда, как мы скоро увидим, последовал полный разгром. Еще отмечу, что Тухачевский смело использовал новые средства борьбы. Так, он едва ли не первым повторил опыт французского генерала Ж. Галлиени, во время Марнского сражения 1914 года организовавшего переброску целой дивизии на мобилизованных для этого парижских такси (Тухачевский применил более пригодные для военных перевозок грузовые автомобили).

Успехи на Восточном фронте облегчались для красных тем, что почти все чехословацкие войска уже были выведены из боя. Командование корпуса исповедывало почти что ленинский принцип: всякая русская контрреволюция только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет себя защищать. Братья-славяне не собирались таскать каштаны из огня для собравшихся в Самаре депутатов разогнанного большевиками Всероссийского Учредительного собрания. Народная же армия Комуча была еще слаба, даже формироваться начала позже, чем Красная Армия, и только-только училась по-настоящему воевать. Однако и у белых уже появились отряды, способные сражаться умело и стойко. Один из таких отрядов — Стрелковая бригада Особого назначения подполковника Генерального штаба В. О. Каппеля. Позднее у Колчака он станет генерал-лейтенантом и поведет

остатки белых армий в Сибири в последний трагический «ледяной поход» за Байкал, у самой цели погибнув от воспаления легких в суровую зиму 1920 года… Именно каппелевские части памятны нам по фильму «Чапаев» своей знаменитой «психической атакой» — «Каппелевцы идут!». Хотя позднее, в 19-м, Каппелю пришлось главным образом иметь дело с новыми, только что сформированными частями, бойцы которых то и дело норовили перебежать к красным. Но репутацию удачливого военачальника, способного повести за собой солдат и офицеров, Владимир Оскарович сохранил до самого конца. Сейчас, в сентябре 1918 года, у Каппеля было лишь три тысячи бойцов, и бригада еще не закончила формирования. Но значительная часть бригады — добровольцы, готовые сразиться с большевиками. И Каппель ведет своих офицеров и солдат в контратаку отбивать Симбирск, оттесняет войска Тухачевского с левого берега Волги и завязывает бой на симбирских окраинах. Но 1-я армия смогла удержать город. Помогла ей в этом и самая сильная из армий Восточного фронта, 5-я, во главе с бывшим поручиком из латышских стрелков, П. А. Славеном. Она подбросила подкрепления к Симбирску и отвлекла на себя отряд Каппеля. Армия же Тухачевского получила возможность развивать наступление на Самару — столицу Комуча.

В 1921 году командарм подробно рассказал о боях за удержание Симбирска: «Симбирск был взят утром 12 сентября. К вечеру противник опомнился, повел наступление на железнодорожный мост и потеснил наши передовые части. 13 сентября белые начали бомбардировку города.

Буржуазия стала сеять панику. Молодые войска могли легко разложиться. Появились случаи грабежей.

Необходимо было решительно и быстро переправиться на левый берег Волги и опрокинуть противника. Но этот берег был уже прочно занят белыми, и в наших руках оставался только один мост, в версту длиной. Вспомогательных средств переправы не было.

В таких условиях приходилось действовать смело. Было решено форсировать Волгу на глазах противника по мосту, находящемуся под непрерывным пулеметным и артиллерийским огнем белых. Такая атака окончательно должна была сломить дух противника и воодушевить наши войска.

Атака началась в час ночи. План атаки был следующий. В первую голову был пропущен паровоз без машиниста, на полных парах, с открытым регулятором, для испытания пути и разрушения бронепоезда противника, если бы таковой встретился. За этим паровозом двигался броневой поезд тов.

Тулинского. За бронепоездом двигалась вторая бригада Симбирской дивизии под командой тов. Недзведского. В голове шел 2-й Симбирский полк. Артиллерийской подготовкой руководил инспектор артиллерии армии тов. Гардер. Переправой руководил тов. Энгельгардт. Артиллерия пристрелялась еще днем и с начала наступления наших войск переносила постепенно огонь на тылы противника.

Бешено несущийся паровоз и убийственный артиллерийский огонь сразу же произвели на белых сильное моральное впечатление. За паровозом выступил бронепоезд, и завязалась перестрелка.

Движение по верстовому мосту пехоты было очень тяжелым. Еще днем противнику удалось зажечь на берегу несколько барж с нефтью, и теперь яркое зарево освещало мост.

Белые, пораженные неожиданной атакой, деморализованные артиллерийским огнем и атакой бронепоезда, открыли беспорядочный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь по железнодорожному мосту.

Однако стремительный напор наших войск сделал свое дело. Ближайшие к мосту части противника бежали, и главная опасность — пулеметный и ружейный огонь — была устранена. Артиллерийский огонь, плохо пристрелянный, мало наносил вреда.

В результате эта дерзкая атака наших молодых красных частей увенчалась полным успехом. Противник был в ночь разбит и оставил в наших руках вполне исправную железнодорожную переправу, и на месте боя оставил много артиллерии, пулеметов и проч. Наши преследующие части быстро выдвинулись на линию станции Чердаклы.

После такого решительного успеха противник, опасаясь угрозы на пути отступления белых войск от Казани к Нурлату, сосредоточил на симбирском направлении новые подкрепления и вновь перешел в наступление. Наши части были сбиты и вновь отброшены на правый берег Волги. На этот раз белым удалось подорвать крайнюю ферму моста.

В это время правобережная группа 5-й армии, после взятия Казани, перевозилась по Волге в Симбирск, чтобы сменить здесь части 1-й армии. К сожалению, силы эти запоздали.

Необходимо было возможно скорее отбросить противника и произвести смену, так как на сызранском направлении было совершенно необходимо участие Симбирской дивизии.

Был принят следующий план. Прибывающие части правобережной группы переправляются у селения Крестовые Городищи и атакуют белых во фланг и тыл в направлении

Петровское-Сучья. 5-й Курский полк переправляется у станции Старая Майна и идет в глубокий обход на станцию Бряндино с заслоном на станции Чердаклы. Части 2-й бригады Симбирской дивизии, форсировав Волгу, атакуют противника по фронту…

Операция закончилась блестящим успехом. Противник, застигнутый атакой врасплох, был наголову разбит в районе Петровское-Сучья и бежал на Бряндино. Здесь остатки его были настигнуты 5-м Курским полком и окончательно уничтожены. Наши передовые части заняли Мелекесс».

Несомненно, Железная дивизия Гая в тот момент еще далеко не оправдывала будущего громкого названия. Тухачевский понимал, что только успех может придать необходимую стойкость, предотвратить панику и разложение. При этом молодой командарм был глубоко убежден, что все его операции — блестящи, а соседние армии всегда обязаны вовремя приходить ему на помощь. Тухачевский словно забывал, что в гражданской войне приказы особенно часто не исполнялись в срок (да и в любой войне редко когда все идет по плану), а связь работала очень скверно. И, конечно, вспоминая о первом своем славном боевом деле, как и подавляющее большинство полководцев, не избежал поэтических преувеличений. Ни бригада Каппеля, ни другие части Народной армии, разумеется, не были уничтожены. Но понесли тяжелые потери и надолго отдали инициативу красным.

Сразу же после взятия Симбирска командующий 1-й армией отбил телеграмму Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!» Телеграмма была, что называется, «для истории». Видно, запомнил Ильич разговор с «подпоручиком-коммунистом», полюбил молодого гвардейца. И ответил телеграммой не менее «исторической», как и телеграмма Тухачевского, предназначенной для многократного цитирования в официальных учебниках истории страны и партии: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил».

Так получилось, что главные группировки белой Народной армии действовали на казанском направлении, против 5-й армии, и в районе Перми, против 3-й. Последнее вообще ни в какие каноны стратегии не вписывалось. Жизненно важных центров у большевиков там не было. Зато это был кратчайший путь соединения с англичанами, сидевшими в Архангельске. А через порты Архангельска и Мурманска можно было эвакуировать на родину чехословацкий корпус, солдат и офицеров которого не

очень прельщал долгий путь до Владивостока и оттуда — почти кругосветное путешествие морем. Потому-то только в наступлении на Котлас и Вятку, в направлении вожделенных северных портов еще можно было в перспективе использовать чехословацкие части. «Чехословацкий фактор» заставлял самарский Комитет Учредительного собрания и его преемницу Уфимскую Директорию, созданную в конце сентября, концентрировать свои силы на севере, тогда как Красная Армия основной удар наносила в центре. Войскам Тухачевского выпала судьба освободить от белых не только родной город Ленина Симбирск, которому скоро суждено было стать Ульяновском, но и столицу Комуча Самару, взятую 8 октября концентрическим ударом. Вскоре войска Директории оставили и Уфу. Антисоветские силы на востоке находились в состоянии глубочайшего кризиса. Но Тухачевскому в тот раз не довелось стать освободителем Урала и Сибири. Его перебросили на Южный фронт против казачьей армии атамана П. Н. Краснова. Она уже потерпела поражение под Царицыном, и командование Красной Армии рассчитывало в первую очередь добить Донскую армию, а затем разгромить Добровольческую армию генерала Деникина. 15 декабря 1918 года Ленин требует от Реввоенсовета Республики: «…Ничего на запад, немного на восток, всё (почти) на юг». А вот после казавшегося близким и реальным разгрома донцов и добровольцев открывалась возможность быстрого продвижения в области, оставляемые капитулировавшими в Компьене немцами, и надежда привнести на красноармейских штыках мировую революцию в Западную Европу.

Последние дни пребывания Тухачевского в 1-й армии омрачились конфликтом с ее комиссарами. Михаил Николаевич, как и подавляющее большинство командующих, не очень-то жаловал комиссаров. Считал, что, по крайней мере, таких, как он, командармов-коммунистов, члены Реввоенсовета не должны стеснять ни в конкретных оперативно-стратегических решениях, ни в приказах по кадровым вопросам и повседневной жизни боевых и тыловых частей. Комиссары, понятно, думали иначе. Кроме того, Тухачевский часто приглашал к себе родных, чтобы подкормить в голодное время за счет армейских запасов. У него по нескольку месяцев гостили мать и сестры. И жена постоянно сопровождала командарма. Всё это членов Реввоенсовета раздражало. Тухачевскому же не нравилось, что комиссары вмешиваются в его распоряжения, добиваются отмены отданных приказов. В конце декабря 1918 года, уже имея на руках предписание вступить в должность помощника командующего Южным фронтом, командарм 1-й добился отзыва из армии

комиссара С. П. Медведева, что повлекло череду рапортов-доносов со стороны политработников, принявших сторону Медведева. В частности, комиссар 20-й Пензенской дивизии Ф. И. Самсонович в январе 19-го писал не только Реввоенсовету Восточного фронта, но и председателю ВЦИК Я. М. Свердлову: «Считаю своим революционным долгом дать объективную оценку работе тов. Медведева как своего предшественника в Пензенской дивизии. В начале августа прошлого года нас около 40 человек коммунистов прибыло на Восточный фронт из Петрограда. В Пензе нас встретил тов. Медведев… Это был, кажется, не комиссар дивизии, а солдат, побывавший в окопах без перерыва несколько месяцев, весь в пыли, в изношенной солдатской шинели, загорелый, лицо осунувшееся, сосредоточенное… Тов. Медведев почти все время находился на передовых позициях, среди красноармейцев… Невольно приходит в голову сравнение первой встречи с Медведевым и Тухачевским, который приехал в вагон-салоне с женой и многочисленной прислугой, и даже около вагона, в котором был Тухачевский, трудно было пройти, чтобы кто-либо не спросил из прислуги Тухачевского: „Ты кто? Проходи, не останавливайся!“… Я могу сказать лишь одно: если у нас было бы больше таких работников, как Медведев, то наша армия была бы во много раз крепче и сильнее, чем в настоящее время».

Тогда же и комиссар 1-й армии О. Ю. Калнин телеграфировал в Реввоенсовет Республики: «31 декабря без нашего ведома командарм-1 Тухачевский послал телеграмму Реввоенсоветам фронта и Республики, в которой называет политкомиссара Медведева явным провокатором, действия которого, по словам Тухачевского, систематически разрушают армию, и приводит следующие факты в доказательство. Первое: Медведев подрывает авторитет командарма, а именно: отменяет разрешенную командармом служебную командировку помощнику зав. разведотделом армии, которому, как главное, поручено закупить и привезти для должностных лиц штаба на праздник (очевидно, Новый год. — Б. С.) масло, поросят, муку. Второе: Медведев, будучи комиссаром Пензенской дивизии, от августа до сентября 1918 года, расстроил дивизию, последствием чего явилось отступление Пензенской дивизии у Белебея. Обвинение в явной провокации со стороны Тухачевского, молодого офицера, который, по его личным словам, знаком с партией только с августа 1917 года (это уж явная фантазия Калнина — как-никак, еще в 1912 году Тухачевский познакомился и подружился с большевиком Кулябко. — Б. С.), является действием крайне демагогическим… Причиной обострения взаимоотношений политкомармов с командармом является следующее. С развитием

армии развивался и штаб армии, а также всё управление, но только по количеству и штату, но не по качеству. Замечался скрытый саботаж, халатное отношение, кумовство. По мере возможности принимались меры к пресечению подобных явлений, был ряд смещений и перемещений, с которыми командарм не вполне согласился. Из высших должностных лиц и командарма образовался кадр, который себя огородил китайской стеной от влияния и контроля политкомармов. Стремление избежать совместной работы замечалось особо с взятием Сызрани, так же с каждой похвалой со стороны высшего командования (в адрес командарма), а особо, когда в Реввоенсовете Республики наметили Тухачевского помощником командующего Южным фронтом. Наш лаврами побед армии увенчанный командарм-1 поднял голову, как настоящий красный генерал типа Наполеона. 22 декабря Главкому Вацетису заявляет, что он, как командир и притом коммунист, не может мириться, что к нему на равных со старым генералом приставлены политкомармы… Я не могу мириться с таким поведением командарма, рассматривая его как шаг, направленный к дискредитации власти комиссаров и попытку самочинно установить порядок единоличного управления армией… Прошу пресечь домогательства командарма и оградить достоинство комиссаров».

Троцкий и другие руководители Реввоенсовета Республики приняли в этом конфликте сторону Тухачевского и Медведева из 1-й армии убрали — в назидание другим. Комиссары при командармах — институт, конечно, необходимый, но слишком уж Сергей Павлович зарвался. Эка невидаль — салон-вагон у командарма с порученцами (адъютантами) и прислугой. Вон у председателя Реввоенсовета — не вагон, а целый бронированный поезд с большой командой. Иначе просто нельзя управлять войсками, когда связь ненадежна, а командиры неопытны, а порой и ненадежны, а снабжение войск всем необходимым и главе военного ведомства, и командарму приходится лично проталкивать в наиболее нуждающиеся дивизии и полки. Кстати, вот как описывает наделавший столько шуму салон-вагон Тухачевского Корицкий, в отличие от Самсоновича, настроенный к Михаилу Николаевичу вполне дружески: «Его салон-вагон, ранее принадлежавший какому-то крупному железнодорожному чиновнику, был комфортабелен и удобен для работы. Здесь стоял письменный стол, тяжелые кресла красного дерева, у кожаного дивана — круглый столик. За ним мы… пили чай… На письменном столе у Тухачевского я заметил томик Пушкина, раскрытый на „Истории Пугачевского бунта“. Рядом лежали „Походы Густава Адольфа“, „Прикладная тактика“ Безрукова,

„Стратегия“ Михневича… „Да, — вздохнул он, — со времен Разина и Пугачева этот край не знал войн. А теперь вот пожалуйста…“» Как видим, никакими особыми излишествами Тухачевский не злоупотреблял. Из «предметов роскоши» имел лишь книги по военному искусству. Да и их штудировал лишь ночами. Корицкий приводит слова проводника салон-вагона о Тухачевском: «За всю ночь только часика три вздремнул, а то всё читал…» Интересно, что, хотя в Красной Армии были полки имени Степана Разина и Емельяна Пугачева, в разговоре с Корицким с крестьянскими восстаниями XVII–XVIII веков Тухачевский соотносил не находившихся у власти своих партийных товарищей, а мятеж чехословацкого корпуса и Народной армии. Большевики для него в тот момент уже были новым воплощением российской государственности.

Что же касается поросенка к праздничному столу, то над этим Троцкий с коллегами наверняка от души посмеялись. Председатель Реввоенсовета и не такими деликатесами баловался. А уж насчет саботажа, кумовства и разгильдяйства, то вряд ли здесь штаб 1-й армии чем-то особо выделялся в худшую сторону. Все эти пороки цвели пышным цветом и в других штабах и сами по себе не могли стать причиной недовольства командармом со стороны Реввоенсовета. Тухачевский ведь города брал один за другим и крупных военных неудач на своем счету пока что не имел.

Не исключено, что комиссар Медведев действительно был аскетом, нисколько не заботившимся о личных удобствах и собственном внешнем виде, в противоположность подтянутому и ценившему уют Тухачевскому. Позднее Сергей Павлович был одним из лидеров «рабочей оппозиции», как раз и обвинявшей руководителей партии, что они наслаждаются всеми благами жизни за счет рядовых партийцев. Кончили же Медведев и Тухачевский одинаково: в разное время сгинули в волне сталинских чисток.

На Южный фронт Михаил Николаевич прибыл в начале января 1919 года. Он недолго оставался помощником командующего фронтом, предпочтя возглавить одну из армий — 8-ю, где сражалась теперь 15-я Инзенская дивизия, ранее — одна из лучших в 1-й армии. К тому времени разложившиеся под влиянием царицынской неудачи и советской агитации войска Краснова беспорядочно отступали, многие казачьи полки, поверив обещаниям, что Советы их трогать не будут, расходились по домам. Однако занимавшие территорию Донской области войска Красной Армии и отряды ЧК начали проводить бесчеловечную директиву о «расказачивании»,

санкционированную Лениным и Свердловым 24 января 1919 года. Она предусматривала не только юридическую, но едва ли не поголовную физическую ликвидацию казачьего сословия. Член Реввоенсовета 8-й армии И. Э. Якир, ставший одним из ближайших друзей Тухачевского и разделивший его горькую участь, в развитие директивы ЦК издал приказ, предусматривающий «расстрел на месте всех имеющих оружие» (а среди казаков был вооружен практически каждый) и «процентное уничтожение мужского населения». Новый командующий 8-й армией предпринял некоторые шаги по ограничению масштаба репрессий и реквизиций (хлеб у казаков отбирали подчистую), справедливо опасаясь массового восстания людей, с детства учившихся воевать. Так, Тухачевский смягчил приказ Реввоенсовета Южного фронта от 15 февраля 1919 года о конфискации у казаков лошадей и повозок, потребовав возложить всю тяжесть этой гибельной для казачьих хозяйств меры «исключительно на кулацкую и богатую часть населения». Но его власти как командующего армией для существенного изменения политики в Донской области явно было недостаточно.

Армия Тухачевского наступала вдоль Дона. Части Краснова оказывали лишь слабое сопротивление. Казаки тысячами сдавались в плен. Однако с конца января 1919 года в Донецкий бассейн вступили войска Добровольческой армии, и продвижение Южного фронта замедлилось. С середины февраля, после отставки Краснова и прихода на пост атамана деникинского ставленника генерала А. П. Богаевского, приток частей Добровольческой армии на Дон резко возрастает. Командующий Южным фронтом В. М. Гиттис направлял 8-ю армию на юго-восток, вглубь Донской области. Тухачевский же самовольно повернул свои войска на Миллерово, чтобы наступать на Ростов по кратчайшему пути — через Донбасс и нанести поражение добровольческим дивизиям. Он учитывал, что пролетарское население каменноугольного бассейна куда больше сочувствует Красной Армии, чем озлобленные расказачиванием казаки. Тухачевский, казалось бы, идет на прямое нарушение воинской дисциплины. Однако случай этот не так прост, как может показаться. Дело в том, что сам командующий фронтом Гиттис своими приказаниями нарушил директиву главкома Вацетиса, предусматривавшую маневр части сил фронта от Царицына в направлении на Донбасс. Гиттис исходил из сложившейся после поражения казаков под Царицыном группировки советских войск и трудности переброски новых сил на миллерово-ростовское направление, так как противник при отступлении основательно разрушил железнодорожные пути.

8-я армия, взаимодействуя с двигавшейся на Ростов группой И. С. Кожевникова, достигла определенных успехов. Но сил для решительной победы не хватило. Командующий фронтом, по настоятельному требованию главкома, согласившегося с предложениями командарма-8, пытался сделать то, чем не стал заниматься в январе: перегруппировать войска походным порядком для нанесения удара на Донбасс, но истощение конского состава и эпидемия тифа значительно замедляли маневр. Время было бесповоротно упущено. Армия Тухачевского смогла в марте оттеснить добровольческие части на правый берег Северского Донца в районе Калитвенская — Глубокая — Красновка — Луганская. Но тем временем начался ледоход, река вскрылась, и дальнейшее наступление через широко разлившийся Донец стало на долгое время невозможным. Кроме того, в начале марта на Верхнем Дону вспыхнуло казачье восстание, отвлекавшее всё большие силы красных. Тухачевский, как и Вацетис, считал Гитгиса главным виновником того, что не удалось добить Донскую армию и полностью занять Область Войска Донского и Донбасс. 23 марта 1919 года (именно этот день ранее главком называл в качестве крайнего срока для разгрома противника) Михаил Николаевич по его просьбе, мотивированной невозможностью сработаться с Гитгисом, получил новое назначение. Тухачевского возвращали на Восточный фронт, где вновь сложилась критическая обстановка.

18 ноября 1918 года правительство Директории, обосновавшееся в Омске, было свергнуто отрядами офицеров и казаков, приведшими к власти бывшего командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака. Адмирал провозгласил себя «Верховным правителем России» и фактически установил в Сибири и на Урале военную диктатуру. Колчаку удалось на какое-то время объединить разрозненные войска нескольких областных правительств на востоке России, сформировать более или менее боеспособную армию, снабженную всем необходимым Англией и Францией из оставшихся после первой мировой войны запасов. Адмирал бросил ее в наступление на советский Восточный фронт, рассчитывая выйти к Волге, а потом предпринять решающий поход на Москву. 4 марта Сибирская армия под командованием чешского генерала Р. Гайды, решившего попытать счастья с русским белым движением, перешла в наступление к реке Каме, отбросив части 2-й и 3-й армий красных. А 6 марта в атаку пошла Западная армия генерала М. В. Ханжина, опрокинувшая вдвое уступавшую ей по численности 5-ю советскую армию. Белые заняли Уфу, Бугульму, Бугуруслан, Белебей… До Волги им оставалось от 80 до

100 километров. 5-я армия была разбита и откатывалась без серьезного сопротивления на 20–25 километров в сутки. Центр Восточного фронта был прорван. Советскому командованию требовалось срочно усилить 5-ю армию, чтобы добиться перелома. Сюда направлялись дивизии как из соседних армий, так и с других фронтов, а также новые формирования из внутренних губерний. 5-я армия должна была превратиться в самую сильную на Восточном фронте. Во главе ее и был поставлен в начале апреля Тухачевский.

Командующий Восточным фронтом С. С. Каменев разработал план контрудара во фланг армии Ханжина войсками Южной группы М. В. Фрунзе, состоявшей из трех армий: 1-й, 4-й и Туркестанской. Еще одна армия, 5-я, до 11 мая находилась во временном подчинении Фрунзе. Тогда и завязалось личное знакомство Тухачевского с Фрунзе, быстро переросшее в дружбу.

28 апреля Южная группа начала контрнаступление во фланг и тыл Западной армии. 5-я армия атаковала противника фронтально в общем направлении на Бугуруслан и Бугульму. В ходе последующего наступления потерпел поражение левофланговый 6-й Уральский корпус белых, и Ханжин вынужден был приостановить стремительный марш к Волге. Отразив контрудар противника, введшего в дело только что сформированный и плохо обученный Волжский корпус Каппеля, 27-я стрелковая дивизия 5-й армии 13 мая заняла Бугульму. Войска Ханжина, хотя и избежали окружения, но понесли тяжелые потери и утратили боевой дух. Однако колчаковский наштаверх Д. А. Лебедев и командующий Сибирской армией не осознали всей серьезности положения. Сибирцы продолжали ставшее уже бессмысленным наступление на Вятку, в тщетной надежде, что красные перебросят против войск Гайды часть сил, громивших Западную армию.

Тем временем в командовании советского Восточного фронта произошли перемены. Вместо С. С. Каменева 5 мая был назначен бывший генерал А. А. Самойло, ранее возглавлявший 6-ю Отдельную армию на архангельском направлении. Это назначение стало следствием начавшегося противостояния Троцкого с членом Реввоенсовета Восточного фронта С. И. Гусевым, поддерживавшим Каменева. Этот конфликт обострился со второй половины мая, когда выявился разгром Западной армии белых. Каменев и Гусев настаивали на продолжении генерального наступления с целью добить Колчака, не давая ему передышки, иначе за зиму колчаковцы оправятся и к весне 1920 года опять будут представлять собой грозного противника. Но главком Вацетис и Троцкий считали, что

основные силы надо перебросить на юг против действовавшего всё более успешно Деникина, а на востоке ограничиться активной обороной на рубеже реки Белой после предполагавшегося взятия Уфы. Эти споры, происходившие не только в рамках военного ведомства, но и в ЦК партии, окончились только в июле, когда Каменев занял место Вацетиса, арестованного по не подтвердившемуся обвинению в бонапартистских наклонностях. Троцкий впоследствии признал правоту своих оппонентов: «Я считал уже тогда Южный фронт неизмеримо более серьезным и опасным, чем Восточный. Это подтвердилось впоследствии полностью. Но в оценке армии Колчака правота оказалась на стороне командования Восточного фронта… Центральный Комитет вынес решение против главного командования и тем самым против меня, так как я поддерживал Вацетиса, исходя из того, что в этом стратегическом уравнении есть несколько неизвестных, но что солидной величиной в него входит необходимость поддержать еще слишком свежий авторитет главнокомандующего. Решение Центрального Комитета оказалось правильным. Восточный фронт выделил некоторые силы для юга и в то же время победоносно продвигался в глубь Сибири по пятам Колчака». Во время короткого командования Самойло Восточным фронтом произошли первые драматические события этого противостояния, в котором и командарму-5 пришлось сыграть немаловажную роль.

В 1935 году в статье в «Красной Звезде» Тухачевский так изложил ход событий: «Начавшись 25 апреля (войска Тухачевского атаковали белых на три дня раньше главных сил Южной группы, чтобы привлечь к себе резервы Западной армии и облегчить ее фланговый обход. — Б. С.), наступление Южной группы развивалось очень успешно. Правый фланг 5-й армии к 1 мая вышел в район станции Заглядино… В это время Троцкий нашел нужным вмешаться в дела Восточного фронта. Командвост тов. С. С. Каменев был освобожден от должности, и на его место был назначен тов. А. А. Самойло. Это обстоятельство совершенно испортило блестящее начало нашего контрнаступления и позволило белым упорядочить их отступление. 5-я армия была изъята из подчинения тов. Фрунзе и перешла в непосредственное подчинение тов. Самойло. 11 мая тов. Самойло нацеливает 5-ю армию на север, к устью реки Вятка, 14 мая сворачивает ее на Белебей, 17 мая опять направляет ее на север, а 19 мая на северо-восток. Вместо преследования — топтание на месте.

Начались протесты против такого командования. 21 мая командарм-5 направил командвосту телеграмму, в которой говорилось: „Начиная с 10 сего мая, вероятно, ввиду многих

неизвестных мне обстоятельств, вами были отданы пять задач для 5-й армии, каждый раз отменяющие одна другую… Эти отмены приказов совершенно измотали дивизии, и части совершенно перепутались, связь нарушилась и проч.“

В заключение командарм просил командвоста соблюдать статью 19 Полевого устава, издания 1918 года, в которой говорится, что прежде чем отдать приказ, надо подумать.

Большие неприятности перенес и тов. Фрунзе, которому тов. Самойло неожиданно 18 мая запретил преследовать белых. Тов. Фрунзе дал решительный отпор, и тов. Самойло отменил свой приказ, разрешив занять Уфу. Тов. Фрунзе успешно провел операцию по занятию города Уфы».

Самому Самойло посчастливилось пережить Тухачевского более чем на четверть века. И ситуация мая 1919 года виделась ему несколько иначе, чем командарму-5. В мемуарах, вышедших в 1958 году, уже после реабилитации Тухачевского, Александр Александрович признался, что совсем не был рад новому назначению, считая нелепым в момент напряженных боев с неясным исходом на Восточном фронте заменять командвоста человеком, не знакомым ни с войсками, ни с условиями театра. Вначале он отказался от назначения, узнав от своего боевого товарища П. П. Лебедева, тоже бывшего генерала, а тогда — начальника штаба Восточного фронта, что Реввоенсовет фронта грозит отказаться от своих постов в случае смещения Каменева. Однако Самойло получил категорическое предписание вступить в командование и вынужден был подчиниться. И вот как он изложил историю с чехардой приказов 5-й армии Тухачевского: «Работа моя на новом фронте, как я и опасался, сложилась в условиях, тяжелее которых трудно себе представить. Реввоенсовет возглавлял фактически Гусев — старый большевик, хорошо осведомленный в военном деле. Два других члена Реввоенсовета фронта были лишь исполнителями указаний Гусева. Каменев, как сам он потом сказал мне в Москве, правда в шутливом тоне, таил неприязнь ко мне с той давней поры, когда в Киеве я отказался взять его, Каменева, моим помощником в штаб Киевского военного округа.

После моего приезда в Симбирск он не только оставался там, но продолжал жить на одной квартире с Гусевым и пытался через него влиять на все проводимые мной решения. Неоднократно бывало, что Гусев, соглашаясь со мной по какому-либо вопросу утром, во вторую половину дня, вернувшись с обеда и переговорив, очевидно, с Каменевым, отказывался от своего прежнего мнения. А эти колебания вызывали, разумеется, необходимость и с моей стороны в изменении, а иногда даже в

перемене решений. Все мои распоряжения дискредитировались.

Положение усложнилось резким конфликтом между мной и командующим 5-й армией Тухачевским из-за неправильных его донесений о действиях своих дивизий. Сторону его принял и Гусев. На мое обжалование главкому я получил разрешение отстранить командарма-5 от командования армией. Однако осуществить это разрешение я, конечно, не счел возможным по условиям оперативной обстановки, в силу тех же соображений, по которым я сам отказывался от назначения на Восточный фронт.

Наши общие разногласия дошли до Ленина и заставили центр пересмотреть все положение. В результате Каменев был восстановлен в должности командующего фронтом, а я возвращен на свою должность командарма 6-й отдельной армии…» В командование Восточным фронтом вновь вступил 29 мая 1918 года Каменев. И в тот же день в Реввоенсовет фронта поступила грозная ленинская телеграмма: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы». Вождь, как нередко с ним случалось, опасность гибели революции преувеличивал. Но завоевание Урала действительно в значительной мере укрепило положение большевиков. В их руки, в частности, попало вооружение и снаряжение, заказы на производство которого были размещены еще администрацией Колчака. Из-за быстрого отступления и жульничества спекулянтов-подрядчиков белые так и не успели их получить.

Тухачевский, естественно, в своей статье ни о каком фактическом двоевластии на фронте в короткий период командования Самойло предпочел не упоминать. А его конфликт с командующим фронтом был использован Гусевым для возвращения Каменева. Самойло свидетельствовал: «Позднее от Лебедева я узнал, что в качестве одного из аргументов против меня Гусев представил мою характеристику (за несколько дней совместной службы!) как ставленника Троцкого (очевидно, придавая слову „ставленник“ какое-то особое значение) и как лица, неспособного к командованию фронтом, внесшего в дело путаницу вследствие неоднократных перемен в своих решениях… Эта характеристика была продиктована не стремлением к объективной оценке моих действий, а являлась попыткой свалить вину с больной головы на здоровую».

В 19-м конфликт с Тухачевским порядком попортил кровь Самойло. Зато, вполне возможно, именно эта стычка спасла Александра Александровича от репрессий в 30-е годы. Когда Тухачевский, уже будучи первым заместителем наркома обороны, опубликовал цитированную выше статью с обвинениями против Самойло, прямой намек на то, что командующий Восточным

фронтом был креатурой Троцкого, мог означать гражданское, а часто — и физическое уничтожение человека. Самойло это понимал и направил Тухачевскому частное письмо с просьбой указать, как себя вести: «подать ли в отставку или выступить в печати с объяснениями». Через начальника штаба Московского военного округа бывшего генерала, в ту пору — военного руководителя в Московском гидрометеорологическом институте, успокоили — надо «смотреть на данный вопрос лишь как на эпизод истории, поэтому объяснения в печати не нужны, и продолжать служить, как служил до сих пор».

То ли Тухачевский действительно не желал зла Самойло, а стремился лишь утвердить собственную правоту в споре шестнадцатилетней давности, то ли Сталин и нарком обороны Ворошилов тогда, в 35-м, участь Тухачевского уже предрешили и не собирались обращать внимание на исходящий от него литературный донос, написанный, как всегда, хорошим стилем. Правда, данная Тухачевским нелестная характеристика Самойло перекочевала потом в предисловие к сборнику речей и статей Фрунзе, изданному в 1936 году, а в 1940 году, уже, наверное, по недосмотру цензора, была повторена в одной из посвященных Фрунзе брошюр. Сам же Самойло в тот год, после падения Тухачевского, неожиданно пережил последний всплеск военной карьеры. Ему присвоили звание генерал-лейтенанта авиации и назначили в Главное управление ВВС заместителем начальника оперативного отдела. Возможно, Сталин вспомнил о престарелом генерале (Александру Александровичу было уже за семьдесят) — противнике расстрелянного маршала и по какому-то капризу решил его возвысить. Благо, после чистки 37-го и последующих годов вакантных должностей высшего комсостава было предостаточно. Так причудливо сплетаются людские судьбы. Воистину не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

Но вернемся в незабываемый 1919 год. С точки зрения воинской субординации поведение Тухачевского было недопустимо, несмотря на то, что по существу он был прав. Однако в годы гражданской войны подобные пререкания нижестоящих начальников с вышестоящими и неисполнение приказов было довольно-таки распространено и у красных, и у белых. Например, почти одновременно со ссорой Тухачевского и Самойло, в конце мая, по другую сторону фронта командующий Сибирской армией генерал Гайда потребовал от Колчака отставки наштаверха Лебедева, а на прямой вопрос, намерен ли он, Гайда, впредь исполнять приказы Верховного Главнокомандующего, ответил: «Да, но поскольку они не будут мешать моим, как командующего Сибирской армией, оперативным распоряжениям».

В итоге сначала взбунтовавшегося командарма грозились арестовать, но в конце концов оставили в прежней должности, заручившись только обещанием исполнять все приказы, а не только те, которые понравятся. Очень многие приказы и в Красной Армии, и в белых армиях так и исполнялись: «постольку-поскольку». Грешил этим и Тухачевский, но не менее часто сам страдал от подобной практики со стороны подчиненных или соседей. К тому же связь работала плохо, и приказы и донесения об обстановке часто не доходили до соответствующих штабов.

Молодая кровь играла в жилах полководца. 27-летнему командарму казалось, что он лучше матерых генералов и полковников-генштабистов знает, как вести столь непохожую на первую мировую гражданскую войну.

Можно было бы применить к Тухачевскому нелестную характеристику, данную Будбергом свежеиспеченным молодым колчаковским генералам из поручиков, фельдшеров и штабс-капитанов под влиянием знакомства с генералом Лебедевым: «Впечатление от первой встречи с наштаверхом неважное: чересчур он надут и категоричен, и по этой части напоминает всех революционных вундеркиндов, знающих, как пишется, но не знающих, как выговаривается… Я это уже не раз видел во время Великой войны, в штабах армий, где стратегические мальчики, сидя за сотни верст от фронта, во все мешались и всех цукали. Здесь то же самое: такая же надменная властность, скоропалительность чисто эмоциональных решений, отмены отдаваемых армиями решений, дерзкие окрики и обидные замечания по адресу фронтовых начальников, и всё это на пустом соусе военной безграмотности, отсутствия настоящего военного опыта, непонимания психологии армии, незнания условий жизни войск и их состояния. Всё это неминуемые последствия отсутствия должного служебного стажа, непрохождения строевой службы и войсковой боевой страды, полного незнания, как на самом деле осуществляются отдаваемые распоряжения и как всё это отзывается на войсках…

Большинство ставочных стратегов командовали только ротами; умеют „командовать“, но управлять не умеют и являются настоящими стратегическими младенцами. На общее горе они очень решительны, считают себя гениями, очень обидчивы и быстро научились злоупотреблять находящейся в их руках властью для того, чтобы гнуть и ломать всё, что не по-ихнему и им не нравится».

Тухачевский, хотя до революции даже ротой не командовал, тоже грешил дерзостями по адресу вышестоящих начальников и наверняка уже в ту пору считал себя военным гением с великим

предназначением. Но от колчаковских «вундеркиндов» и «стратегических младенцев» отличался сильно и в лучшую сторону. Он имел стратегический кругозор, далеко выходящий за пределы ротного. Будберг возмущался, что колчаковские генералы из поручиков и капитанов, стремящиеся лично вести войска в атаку, не понимают ни необходимости должным образом готовить к боям новые формирования, ни истинного состояния транспорта и его возможностей поддерживать определенный темп перевозки войск, ни реальной боеспособности армий гражданской войны, гораздо более слабых, чем армии в войне 1914–1918 годов. Главное же, не могут объективно подойти к возможностям собственных войск и войск противника. Барон особо подчеркивал, что «28-летние генералы из недавних обер-офицеров, очень храбрые в штыковых и конных атаках, неспособны видеть дальше своего юного, очень вострого и решительного носа, и для них собственное усмотрение и распущенная обстоятельствами воля составляют высший закон». Тухачевский, напротив, сам войска в штыковые атаки не водил, но видел значительно дальше собственного носа. Свою деятельность в качестве командарма он как раз и начал с новых формирований, проведя мобилизацию как бывших офицеров, так и всех, способных носить оружие. В конце 1919 года в лекции «Стратегия национальная и классовая» Тухачевский специальные разделы посвятил организации транспорта, управления, темпам развития операции и проблемам укомплектования армии. Будберг отмечал одну общую особенность полководцев гражданской войны, как у красных, так и у белых: «С революцией и сопровождавшим ее нравственным развалом и отпадением многих условностей, к власти полезло всё честолюбивое, жадное, дерзкое и в сфере своих дерзаний сильное; полезло в огромном большинстве случаев не для дела и подвига, а для кормления и для упивания всеми благами власти…» Тухачевский был из тех дерзких, кому власть, в том числе власть военная, нужна была для подвига и славы, а не для получения связанных с властью материальных благ, позволяющих жить в роскоши и удовлетворять самые причудливые прихоти (аскетом Михаил Николаевич не был, но и прожигателем жизни его никак нельзя было назвать). Правда, его стратегические решения не всегда были продуманы и взвешены. Троцкий, например, высоко ценя Тухачевского как «талантливого, но склонного к излишней стремительности полководца», в 1937 году признавал: «Ему не хватало способности оценить военную обстановку со всех сторон. В его стратегии всегда был явственный элемент авантюризма». Будто повторял слова Будберга о юных колчаковских генералах, которые не разбирались «в непреодолимых условиях того, что в

военной науке называется общим именем „обстановки“…». Хотя сам Троцкий в спорах с Тухачевским во время войны готов был порой признать правоту молодого командарма. Лидия Норд приводит рассказ Тухачевского об одной из стычек с председателем Реввоенсовета Республики: «На фронт к Тухачевскому приехал Троцкий. Тухачевский наносил в это время на карту план сражения. Троцкий сделал несколько замечаний. Командарм встал, положил перед ним карандаш, которым отмечал на карте, и вышел. „Куда же вы?“ — крикнул в окно Троцкий. „В ваш вагон, — спокойно ответил Тухачевский. — Вы, Лев Давидович, видимо, решили поменяться со мной местами“. К чести Троцкого, тот сумел понять нелепость своего поведения и после этого инцидента не раз ставил Тухачевского в пример другим командирам. В 1938 году, откликаясь на московские политические судилища, Лев Давидович назвал Тухачевского среди „лучших полководцев и руководителей Красной Армии“».

Златоустовская операция, открывшая Красной Армии путь через Уральский хребет, была проведена с точки зрения канонов военного искусства почти образцово (при том, что просто «образцовых», без «почти», в природе не существует — в планы полководцев всегда вмешивается случай или неучтенные обстоятельства). Местность, где предстояло действовать 5-й армии, была труднодоступна для больших масс войск — лесистые горные кряжи, пересекавшиеся долинами рек Ай и Юрюзань, узким дефиле железной дороги и трактом Бирск — Златоуст (ранее этим трактом шел Ханжин в своем безумном наступлении к Волге). Главный удар Тухачевский наносил на крайнем левом фланге, от которого и отходил упомянутый тракт. Здесь он сосредоточил ударную группу из 15 стрелковых полков 26-й и 27-й дивизий с сильной артиллерией. А правее ее смело оставил незанятый войсками 90-километровый промежуток против практически недоступного хребта Кара-Тау. Белые, в свою очередь, и Бирский тракт, и Златоустовскую железную дорогу прикрыли двумя примерно одинаковыми по численности группировками. На тракте стоял сильно потрепанный Уральский корпус с полутора пехотными и тремя слабыми кавалерийскими дивизиями. Железную дорогу держали две пехотные дивизии того же корпуса и кавбригада. В тылу, в пяти переходах от линии фронта, располагались две пехотные дивизии Уфимского корпуса Каппеля и Ижевская бригада — самая боеспособная во всей колчаковской армии, сформированная из восставших против большевиков рабочих ижевских заводов. Пехотная дивизия белых тогда уже значительно уступала по численности личного состава стрелковой дивизии красных.

В ночь с 23 на 24 июня 26-я дивизия форсировала реку Уфа у селения Айдос и овладела выходом из дефиле реки Юрюзань. Через сутки Уфу преодолели и главные силы 27-й дивизии, наступая по Бирскому тракту, а одна из ее бригад, двигаясь вдоль железной дороги, 29 июня заняла Аша-Балашовский завод. 26-я дивизия двигалась по долине Юрюзани. Временами идти приходилось по руслу реки. Бойцы порой вынуждены были на себе перетаскивать орудия через горные перевалы. У селения Дуван 27-я дивизия разбила части Уральского корпуса и 1 июля вышла на Уфимское плоскогорье, по которому открывался путь к Златоусту — важному узлу дорог. С его захватом войска Колчака уже не смогли бы долго удерживать Урал. От Златоуста открывался путь в Западную Сибирь. Однако 26-я дивизия, не встречавшая сопротивления, вышла на плоскогорье на двое суток раньше 27-й и внезапно атаковала располагавшуюся на отдыхе 12-ю дивизию противника. Части последней сконцентрировались в районе селения Насибаш, где смогли 3 июля окружить три полка 26-й дивизии, которым, однако, удалось прорваться и соединиться со своим резервным полком. 4-я белая дивизия позднее вступила во встречный бой с только что преодолевшей горные проходы 27-й дивизией, в котором потерпела поражение. 6 июля 26-я дивизия овладела Насибашем. Однако основным силам корпуса Каппеля и Уральского корпуса удалось избежать окружения из-за того, что бои задержали продвижение обходных колонн 5-й армии. 10 июля Тухачевский начал атаку на Златоуст силами 27-й дивизии по кратчайшему пути, тогда как 26-я должна была прижать белых к горам. 13 июля город пал.

Неудачу белых в сражении на Урале военный министр Колчака барон А. П. Будберг, без преувеличения — наиболее талантливый и толковый генерал в лагере восточной контрреволюции, прокомментировал в дневниковой записи от 12 июля: «Фронт совершенно развалился, многие части перестали исполнять приказаниями без всякого боя, не видя по нескольку дней противника, уходят на восток, обирая население, отнимая у него лошадей, подводы и фураж». В общем 5-я армия встретила не слишком сильное сопротивление неприятеля, взяла несколько тысяч пленных и понесла совсем ничтожные потери. Так, за первую половину июля они составили менее 200 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

После потери Златоуста Западная армия Ханжина откатилась к Челябинску. Падение этого города грозило прервать связь основных сил Колчака с войсками, действовавшими на юге, в районах Оренбурга и Уральска, под руководством генерала Г. А. Белова. Поэтому белые пытались Челябинск отстоять. 5-ю

армию хотели заманить в ловушку, сперва сдав город, а потом окружив в нем дивизии Тухачевского. Но этот план требовал сложных маневров и хорошей подготовки бойцов и командиров. Колчаковские войска, состоявшие большей частью из мобилизованных крестьян и пленных красноармейцев, для масштабных перегруппировок и глубоких охватов уже не годились. Военный министр Будберг крайне скептически оценивал шансы на успех задуманного. 25 июля он так прокомментировал план Челябинской операции: «…Узнал, что задумана чрезвычайно сложная операция окружения Челябинской группы красных, требующая испытанных и надежных войск лучшего старого кадрового типа; операция сложна и искусственна даже для старых войск, так как требует идеального исполнения и малейшая где-нибудь неустойка всё рвет и может привести к полному краху. Такие операции можно проводить только на карте или на больших показных маневрах.

Состояние войск, их неспособность к маневру, их неспособность выдерживать прорывы и обходы заставляют считать, что для этой операции 95 % за то, что она кончится полной катастрофой. По грубой схеме, показанной мне в Ставке, некоторым дивизиям придется вести бой на два и на три фронта, т. е. дана такая задача, которой современные наши войска выполнить не в состоянии, ибо не выдерживают флангового огня и даже признаков нахождения неприятеля в тылу и на флангах. Несомненно, это безумная ставка Лебедева для спасения своей пошатнувшейся карьеры и для доказательства своей военной гениальности…»

А на следующий день барон-пессимист разузнал «кое-какие подробности сумбурной операции, рожденной мудрыми главами Лебедева и Сахарова; оказалось, что они задумали повторить Мамаево побоище, с заманиванием красных в ловушку при помощи добровольного очищения Челябинского узла; считают, что красные бросятся на эту приманку, после чего их там захлопнут при помощи очень сложного маневра, в котором главная роль отведена совершенно сырым в боевом отношении дивизиям Омского округа и конным частям.

С бумажной, теоретической точки зрения всё это очень красиво и заманчиво, так что немудрено, что ничего не понимающий в сухопутном деле адмирал согласился на эту операцию; но с точки зрения реального выполнения и оценки средств выполнения операция совершенно безумная и возможная только при условии, что красные представляют стадо баранов и скиксуют при первом же обнаружении нашего гениального плана; а так как на сие нет никаких надежд и так как мы замахиваемся

совершенно негодными для исполнения средствами, то у меня — по крайней мере — весь шанс на успех заключается в авоське и заступничестве Николая Чудотворца.

Страшно думать, что сложнейшая и труднейшая задача окружения неприятеля путем крайне рискованного маневра, требующего энергичного прорыва и сложного захождения боевого порядка, возложена на еще не бывшие в бою части. Я видел на войне много десятков разных дивизий и думаю, что лишь немногие из них, да и то только в самом начале войны, были способны выполнить такой маневр, который возложен теперь на милиционные части, с очень слабыми кадрами, с отсутствием понятий и практики на самых простых маневрах и с насильно набранным составом солдат, не желающих воевать».

При отходе белых из Челябинска там вспыхнуло восстание рабочих, в результате чего колчаковские арьергарды были сильно потрепаны. После того как 5-я армия 24 июля вошла в город, на ее флангах перешли в наступление группы генералов Войцеховского и Каппеля, насчитывавшие соответственно 16 и 10 тысяч штыков и сабель. Однако бывшие красноармейцы, преобладавшие у Каппеля, вскоре просто отказались идти в наступление, и генерал предпочел оставить их в обороне, опасаясь измены. Тухачевский же существенно пополнил свою армию за счет челябинских рабочих.

29 июля его войска перешли в наступление и отбросили белых дальше на восток.

7 августа 1919 года командующего 5-й армией наградили орденом Красного Знамени, как отмечалось в приказе Реввоенсовета, «за нижеследующие отличия: доблестные войска 5-й армии под искусным водительством командарма т. Тухачевского, после упорнейших боев, разбив живую силу врага, перешли через Урал. Бугуруслан, Бугульма, Бирск и Златоуст пали под нашими ударами благодаря смелым, полным риска, широким маневрам армии, задуманным т. Тухачевским. 24 июля геройскими частями 3-й бригады 27-й стрелковой дивизии взят Челябинск. Огромный успех, достигнутый армией, является результатом, главным образом, талантливо созданного т. Тухачевским плана операции, который твердо проведен им в жизнь». Тогда рискованность маневров безоговорочно ставилась командующему в заслугу. Никто не думал, что через год на польском фронте такого рода маневр приведет советские армии к полной катастрофе.

Остановиться войска верховного правителя России смогли только на рубеже реки Тобол. Здесь 5-й армии была поручена главная задача: форсировав реку, овладеть Петропавловском и,

разгромив противостоявшую ей 3-ю армию белых под командованием генерала К. В. Сахарова, идти на колчаковскую столицу Омск. 20 августа она форсировала Тобол и вышла на дальние подступы к Петропавловску, пройдя за короткий срок до 180 километров. Действовать приходилось в казачьих районах, где население в большинстве было настроено к большевикам враждебно. Поэтому Тухачевскому пришлось создать Троицкий и Кокчетавский укрепленные районы для защиты флангов армии от казачьих партизанских отрядов. Командарм вел наступление в двух направлениях — вдоль тракта Звериноголовская — Петропавловск, где наносился главный удар, и по железной дороге Курган — Петропавловск, рассчитывая охватить противника и принудить его к быстрому отходу. Командующий Восточным фронтом В. А. Ольдерроге, бывший генерал, настаивал на ином решении — концентрации всех сил армии в направлении железной дороги, где была сосредоточена основная группировка белых. Кроме того, он учитывал, что тракт проходил по казачьим районам, где можно было ожидать особо сильного сопротивления. Тухачевский, как обычно, поступил по-своему, продолжая действовать основными силами армии в направлении Звериноголовская — Петропавловск. Позднее, в 1935 году, в опубликованной в «Красной Звезде» статье «На Восточном фронте» он не пожалел черных красок для бывшего комфронтом, арестованного еще в начале 30-х в рамках чистки Красной Армии от бывших царских офицеров и потому не удостоенного теперь удостоверяющего благонадежность обращения «товарищ»: «Трудно понять, где выискивал Троцкий таких людей! Человек никому не известный, в лучшем случае бездарный, — Ольдерроге сделал все от него зависящее, чтобы наше неотступное преследование Колчака сорвалось». Да, умел Михаил Николаевич тонко намекнуть, что его оппонент — быть может, саботажник и скрытый враг Советской власти!

Ольдерроге настаивал на возвращении к своему плану и соответствующей перегруппировке войск. Как вспоминал Тухачевский, «произошла крепкая телеграфная перепалка, но Ольдерроге категорически настоял на перегруппировке. Белые учли эту ошибку. Уже на подступах к Петропавловску они перешли в контрнаступление, сковали части 5-й армии с фронта, а на правый фланг и тыл двинули с юга две пехотные дивизии», вновь сформированный Сибирский казачий конный корпус сибирского атамана генерала П. П. Иванова-Ринова и конную группу генерала Доможирова. Корпус сибирских казаков разбил одну из бригад 26-й стрелковой дивизии, опрокинул войска Тухачевского и погнал их назад, к Тоболу. «Никому не известный,

в лучшем случае бездарный» Ольдерроге спас легендарных «пятоармейцев» от разгрома, подкрепив армию Тухачевского дивизией из фронтового резерва и бросив против левого фланга ударной группы белых соединения 3-й армии, также форсировавшей Тобол. Благодаря этому 5-я армия отошла за реку без больших потерь и удержала плацдарм на правом берегу Тобола. 14 октября, пополненная за счет мобилизации рабочих Челябинска и других уральских городов и вновь сформированной кавалерийской дивизии, 5-я армия перешла в наступление и 29 октября овладела Петропавловском. Противник в беспорядке отступал к Омску. Здесь опять возник конфликт между Ольдерроге и Тухачевским. Командарм-5 хотел бросить кавалерийскую дивизию на перехват путей отхода белых от Омска, но командующий фронтом настоял, чтобы она была направлена для обеспечения правого фланга армии со стороны Кокчетава. Трудно сказать, кто же из них в действительности был прав. С одной стороны, фланговая угроза оказалась значительно преувеличенной: казаки отступили от Кокчетава на Акмолинск. С другой стороны, как признавал сам Тухачевский, в ходе операции действия кавалерийской дивизии «не носили характера достаточной решительности», вследствие чего она «не достигла всех тех результатов, которых… могла достигнуть». Так что вряд ли бы этой дивизии удалось предотвратить отход из Омска основных колчаковских сил. Скорее ей грозило бы поражение. Во всяком случае, на исход операции отсутствие кавдивизии в тылу омской группировки не оказало существенного влияния. 14 ноября 1919 года столица верховного правителя России пала под ударами 3-й и 5-й советских армий. На пути от Петропавловска до Омска было взято 45 тыс. пленных, в самом Омске было захвачено еще 16 тысяч раненых и больных тифом колчаковских солдат и офицеров.

За победу над Колчаком 5-я армия была награждена орденом Красного Знамени и Почетным Красным Знаменем ВЦИК. А ее командующий 17 декабря 1919 года удостоился высшей в то время награды — Почетного Революционного оружия, представлявшего собой позолоченную шашку с вмонтированным в ножны орденом Красного Знамени. Такое отличие было пожаловано Тухачевскому «за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной Армии на восток, завершившемся взятием города Омска».

В только что освобожденном от колчаковцев Омске Тухачевский после долгой разлуки встретил своего друга Кулябко, назначенного членом Сибревкома. Что-то

символическое было в этой встрече. С Кулябко Тухачевский расстался, когда уехал на Восточный фронт, именно ему сначала сообщил о своем первом успехе на Восточном фронте, и вновь встретился с другом в день разгрома Колчака и фактической ликвидации Восточного фронта. Портрет командарма в тот знаменательный день запечатлел в своих воспоминаниях боец 5-й армии Н. В. Краснопольский: «Это был красивый молодой человек в ладном барнаульском полушубке, валенках и белой сибирской заячьей шапке с длиннющими ушами, которыми при нужде можно было закрыть и шею». Несколько экзотическое для военачальника, но со вкусом подобранное одеяние диктовалось суровым омским морозом.

Теперь организованное сопротивление основных сил белых на востоке почти прекратилось. С ними должны были покончить сибирские партизаны и морозы. Красные дивизии еще с конца лета ускоренно перебрасывались с востока на юг, против Деникина. После падения Омска был отозван в Москву и Тухачевский. На бывшую его 5-ю армию легла основная тяжесть борьбы с войсками верховного правителя, и за Михаилом Николаевичем закрепилась слава победителя Колчака. У руководителей государства он завоевал солидный авторитет. На совещании политработников Красной Армии в декабре 1919 года Троцкий назвал Тухачевского «одним из лучших командармов», особо отметив его «стратегический талант». 18 декабря Тухачевского принял Ленин, попросивший его составить доклад об опыте использования военных специалистов в 5-й армии. Командарм не заставил себя ждать и уже на следующий день направил текст доклада заместителю председателя Реввоенсовета Э. М. Склянскому. Тухачевский особо подчеркивал роль тех бывших царских офицеров, что уже успели стать членами партии. Он довольно низко оценивал дореволюционный офицерский корпус в целом: «У нас принято считать, что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела… На самом деле русский офицерский корпус старой армии никогда не обладал ни тем, ни другим качеством. В своей большей части он состоял из лиц, получивших ограниченное военное образование, совершенно забитых и лишенных всякой инициативы». Указав на реформу военной школы после русско-японской войны, Тухачевский оговорился, что ее результаты стали сказываться лишь к 1908–1910 годам. Поэтому «хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства… Значительная его часть, как наиболее

активная, погибла в империалистической войне. Большая часть из оставшихся в живых офицеров, наиболее активная часть, дезертировала после демобилизации и развала царской армии к Каледину, единственному в то время очагу контрреволюции. Этим и объясняется обилие у Деникина хороших начальников. Среди старого офицерства способные начальники являются исключением».

В докладе отразился личный опыт командарма, неоднократно конфликтовавшего и с коммунистами-комиссарами, и с вышестоящими беспартийными начальниками из штаб-офицеров и генералов. Здесь Тухачевский противопоставляет молодых офицеров в небольших чинах их более старшим товарищам, генералам и штаб-офицерам — в чине полковников и подполковников. 26-летний командарм верил, что «из среды… скороспелого офицерства», прошедшего ускоренный курс обучения во время войны, «мы имеем больше хороших командиров, чем из среды старых офицеров». Поскольку многие из молодых офицеров занимали в то время «очень ответственные посты», Тухачевский делал смелый и радикальный вывод о том, что «возможность командования вовсе не сопряжена с такими трудностями, чтобы они не были достижимы для наших партийных товарищей». Он доказывал: «Только в службе генерального штаба, в штабной работе старое офицерство имеет преимущества перед новичками». Автор доклада ратовал за «свой, коммунистический командный состав, который будет не только энергичным и самодеятельным, не только позволяющим Коммунистической партии надежно проникнуть в массы Красной Армии и обеспечить ее за собой», но и сделает шаг вперед «в отношении осмысленного руководства армией на войне». Тухачевский убеждал Склянского, Троцкого и Ленина в необходимости установления единоначалия, путем выдвижения на командные посты военкомов и командиров-коммунистов из числа младших офицеров и унтер-офицеров: «Среди военкомов и младшего комсостава есть много достойных быть командирами на ответственных постах. Надо только дать широкий простор для продвижения и широко назначать военкомов на командные должности, давая некоторым из них краткую теоретическую подготовку. Во всяком случае, все военкомы из бывших офицеров или унтер-офицеров должны быть сразу обращены в командный состав. Нужно только бросить лозунг о переходе к коммунистическому командному составу (в главной массе), и этот командный состав появится, так как он уже имеется налицо в скрытом виде… В 5-й армии уже давно выдвинут этот лозунг, и командный состав в ней весь коммунистический, а боевая

действительность доказывает и превосходство его над генералами и старыми офицерами».

Командиры-коммунисты, по мысли Тухачевского, должны были очень скоро, еще до конца гражданской войны, вытеснить из Красной Армии бывших царских офицеров, особенно в больших чинах, не принадлежащих к партии большевиков: «Неспособные военспецы, а их большое множество, должны отстраняться. Их места занимают молодые и способные революционные начальники». Молодой командарм сетовал: «Очень часто у нас на ответственные должности назначения делаются не из числа младших, отличившихся начальников, а из числа тыловых работников, старых военспецов. Этот порядок очень тяжел для фронта. Начинают проводиться стратегические и тактические приемы, не соответствующие обстановке, младшие революционные начальники не считают этих начальников авторитетами, и, в общем, дело не клеится». И настаивал: «Необходимо дать широкий простор в продвижении молодому нарождающемуся революционному командному составу, наиболее способному и необходимому для Красной Армии».

Доклад Тухачевского отражал все усиливающийся конфликт поколений в Красной Армии. Командарм считал себя самым способным из «нарождающихся молодых революционных начальников» и отстаивал их приоритет при назначении на высшие командные должности. При этом он сознательно преувеличивал роль «активных» младших офицеров в армии Деникина. Ведь на самом деле все высшие командные должности в Вооруженных силах Юга России занимали генералы или, в лучшем случае, полковники, как командиры конных корпусов К. К. Мамонтов и А. Г. Шкуро. Наоборот, победа красных над войсками адмирала Колчака была во многом облегчена тем обстоятельством, что здесь у белых было не так много генералов и старших офицеров на высших командных должностях. Например, начальник штаба верховного правителя, срочно произведенный в генералы Д. А. Лебедев до революции был всего лишь штабс-капитаном. Такие же кадровые генералы, как командующий войсками Директории В. Г. Болдырев и военный министр барон А. П. Будберг, были при Колчаке либо принуждены к эмиграции, либо отстранены от активной роли в руководстве войсками и планировании операций. В Красной Армии же многими фронтами и армиями руководили (в качестве командующих, их помощников и начальников штабов) бывшие царские генералы, полковники и подполковники. Должность главнокомандующего занимали полковники И. И. Вацетис и С. С. Каменев, а начальниками штаба при них состояли генералы

П. П. Лебедев и М. Д. Бонч-Бруевич. Потом, после окончания гражданской войны, генералов и полковников, следуя рекомендациям Тухачевского, и не только его, тихо удалили на преподавательскую работу, а в 1930 году в рамках чекистской операции «Весна» большинство оставшихся в живых арестовали по обвинению в мнимом монархическом заговоре, а кое-кого даже расстреляли. Правда, большинство арестованных в течение года выпустили на свободу, но уж среди доживших до 37-го счастливчики, умершие в своей постели, исчислялись буквально единицами. Однако пока что отказываться от услуг кадровых офицеров-некоммунистов было еще слишком рано. Троцкий и Ленин это прекрасно понимали и совету Тухачевского не последовали. И от комиссаров в армии отказываться не торопились. Председатель Реввоенсовета резонно заметил, что многие командиры могут вступить в партию из чисто конъюнктурных соображений — избавиться от комиссарской опеки, и на таких большевики не смогут вполне положиться. Отмена же комиссарства для тех военачальников, кто, подобно Тухачевскому, вступил в партию в самом начале революции или даже до 1917 года, создала бы разнобой в структуре управления войсками и поставила бы в крайне двусмысленное положение тех командиров, при которых комиссаров сохранили.

В докладе Тухачевский демонстративно дистанцировался от основной массы мобилизованных в Красную Армию бывших царских офицеров: «Наше старое офицерство, совершенно незнакомое с основами марксизма, никак не может и не хочет понять классовой борьбы и необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата (читай: сам Михаил Николаевич основами марксизма давно уже овладел и понял суть классовой борьбы и неизбежность пролетарской диктатуры. — Б. С.)… Многие генералы и офицеры честно служат Советской республике, но руководствуются в данном отношении идеей национальной, а не своей солидарностью с рабочим классом. Каждый офицер с удовольствием переименовал бы Красную Армию в „народную“ (парадокс здесь в том, что, как мы помним, именно так, Народной, называлась армия Комуча, что, тем не менее, у ряда служивших в ней монархически настроенных офицеров вызывало только раздражение. — Б. С.) и в полном смысле слова не понимает значения классовой армии. При таком уровне развития офицерства в политическом отношении ему, конечно, трудно понять основы гражданской войны…»

Лидеры большевиков не были людьми глупыми или наивными. Вряд ли они до конца поверили, что вчерашний гвардейский подпоручик так скоро стал фанатичным марксистом.

Партийные вожди, наверное, в глубине души всегда подозревали Тухачевского в приверженности национальной русской, а не интернациональной идее, и потому не было к маршалу полного, абсолютного доверия.

24 декабря 1919 года в Академии Красного Генерального Штаба Тухачевский прочел программную лекцию «Стратегия национальная и классовая», где постарался применить марксистское учение к сфере военного искусства и условиям ведения войны. Он привел в качестве примера разговор с генштабистом: «Я помню, как весной прошлого года один из наших видных военных руководителей, старый офицер генерального штаба, говорил про старый офицерский корпус: „Мы не способны вести вашу войну (характерно противопоставление подпоручика-коммуниста старшим офицерам царской армии по принципу „мы“ — „вы“. — Б. С.). Мы подготовлены к ведению войны европейской, к вождению массовых армий, но мы не приспособлены к той войне, которая ведется вами, например, на Украине“». Тухачевский же, «не отрицая вечных основ стратегии», отстаивал некоторые новые законы, характерные для войны гражданской. Он подчеркивал, что, в отличие от войны национальной, план такой войны не может быть составлен ранее ее начала, а «армия восставшего, как революционная, так и контрреволюционная, будет наскоро сколоченная, т. е. будет продуктом импровизации». Тухачевский провозглашал: «Гражданская война по самому своему существу требует решительных, смелых наступательных действий. Революционная энергия и смелость доминируют над всем остальным». К сожалению, у самого Михаила Николаевича «революционная смелость» порой доминировала над здравым смыслом. Иначе как объяснить заявленное и обоснованное им пренебрежение к стратегическим резервам: «Стратегические резервы, польза которых всегда была сомнительна, в нашей войне и вовсе неприменимы… Фронты армий громадны. Пути сообщений в полной разрухе. Вместе с тем операции развиваются со стремительной быстротой. Все это делает употребление стратегических резервов с целью нанесения противнику удара в решительный момент совершенно излишним и вредным самоослаблением». На практике молодой командарм очень часто не заботился вообще ни о каких резервах. И когда, уже в качестве командующего фронтом, ему пришлось действовать в Польше, где, в отличие от Сибири, сеть путей сообщения была достаточно плотной, отсутствие резервов сыграло среди прочего роковую роль.

Тухачевский придавал важное значение политическому

фактору в гражданской войне, но выступал за независимость военачальников от политиков в принятии стратегических решений: «…Нет оснований считать, что в гражданской войне… политике дозволено вмешиваться в способы достижения поставленной стратегии цели. Высказываемые некоторыми положения о праве вмешательства политики в стратегию в гражданской войне надо отвергнуть как ничем не доказанное отклонение от общих оснований». Вместе с тем, он указывал на необходимость учета классового состава населения территорий, где разворачиваются боевые действия, и призывал относиться к тем местностям, которые удалось отбить у белых, как к завоеванным землям, на которых нужно установить жесткий оккупационный режим: «Мы действительно небольшими армиями можем завоевать колоссальные пространства, и притом имея тыл всегда обеспеченным. Это достигается с нашей стороны быстрым укреплением в занятых областях власти рабочих и крестьян. Военно-административные органы создают из родственных классов местные формирования и таким образом быстро обеспечивают за нами занятые области». Через полтора года Тухачевскому довелось самому «железом и кровью» восстанавливать «власть рабочих и крестьян» во взбунтовавшейся Тамбовской губернии.

Учитывая опыт командования 8-й армии в Донской области, Тухачевский фактически методом «от противного» обосновал правильность избранного Вацетисом и Троцким плана нанесения главного удара через пролетарский Донбасс с «классовой точки зрения»: «Значительно ухудшается дело в том случае, если в тылах у нас остаются „мертвящие“ для нас центры. Они требуют большого расхода войск для удержания этих центров в повиновении. Таких тылов надо избегать. Главная причина краха нашей кампании на Южном фронте весной этого года заключалась в том, что главные силы фронта были двинуты не там, где мы имели бы советские жизненные тылы в Донецком бассейне, а там, где мы имели „мертвящие“ тылы, требовавшие выделения больших гарнизонов для удержания за собой обширных Донских степей. Вопрос отношения числа к пространству не был учтен, и армии наши были разбиты». Он доказывал необходимость массирования всех сил на небольшом по протяженности участке фронта, поскольку из-за плохого состояния транспорта неприятель не сможет быстро сосредоточить здесь достаточно войск для отражения удара «дробящим молотом»: «…Мы можем достигать на отдельных участках фронта подавляющего превосходства сил, а это, в связи с невозможностью для противника вовремя уравнять силы,

принесет ему неминуемое поражение… Время, потребное противнику на перегруппировку, очень велико. Темп развития операций в нашей войне… отличается необычайной скоростью… Мы сохраним за собой превосходство над противником и на громадном протяжении преследования.

Кроме этого преимущества есть еще и то, что наступающий мобилизует в занятых областях родственные ему классы. Разбитые же армии в гражданской войне отличаются тем, что уроженцы теряемых областей дезертируют и остаются в своих родных местах. Таким образом, по мере наступления наступающий непрерывно усиливается, а отступающий непрерывно ослабляется. Это также одно из характерных явлений гражданской войны.

В войнах национальных отступающий, отходя на свои сообщения, легко получает подкрепления, а наступающий непрерывно ослабляется на обеспечение тылов. В нашей войне наступление по „мертвящим“ для нас центрам напоминает эти условия национальной войны. Сгладить их можно лишь систематической колонизацией покоряемых областей с большой потерей времени.

Превосходства сил можно достигнуть не только перебросками и перегруппировками, но и концентрическим наступлением (столь любимым Тухачевским. — Б. С.), если до пункта сосредоточения противник не окажет серьезного сопротивления.

Организацией в тылу противника восстаний и партизанских действий мы также можем создать благоприятное соотношение сил.

В нашей войне мы непрерывно грешим в смысле нарушения изложенных принципов. Наши наступления мы ведем на широких фронтах бесконечными, слабыми кордонами. Мы почти не практикуем переброс и перегруппировок, мы не создаем дробящих кулаков, и потому наша борьба на фронтах надоедливо выливается в какой-то танц-класс (Михаил Николаевич здесь вспомнил золотые времена кадетского корпуса. — Б. С.).

Для достижения успеха в нашей войне, как никогда, надо быть смелым, быстрым; как никогда, надо уметь маневрировать, а для того чтобы овладеть сознательно этими качествами, необходимо изучать военное дело всех времен и народов, необходимо уметь произвести научно-критический анализ условий ведения нашей войны».

Беда Тухачевского была в том, что он всякую будущую войну с участием Советской России рассматривал как продолжение гражданской войны и рассчитывал, что на помощь Красной Армии непременно придет европейский пролетариат. И войну с

Польшей в 1920 году не только тогдашний командующий Западным фронтом, но и большинство коммунистических вождей рассматривали как войну гражданскую, а не национальную. Потому и противника называли не просто «поляками», но «белополяками», а старое доброе шовинистическое «польские паны» приобрело сугубо классовую окраску — под «панами» понимались ненавистные польские дворяне, шляхта, а заодно — и капиталисты. Когда же выяснилось, что советско-польская война — это все-таки классическая национальная война, что при отступлении польские солдаты отнюдь не спешат расходиться по домам, а тем более вступать в ряды победоносно двигавшейся на Варшаву Красной Армии, что наступающий, как и бывает обычно в войнах между государствами, постепенно слабеет, отрываясь от своих баз, а отступающий, приближаясь к источникам пополнения людьми и вооружением, — усиливается, вот тогда войска Тухачевского в одночасье оказались почти полностью уничтожены. К несчастью, молодой полководец тот суровый урок до конца не усвоил. И двенадцать лет спустя в своем концептуальном труде «Новые вопросы войны» оптимистически предрекал: «В войне империалистов против СССР рабочие капиталистических стран, ведущие борьбу за превращение войны империалистической в войну гражданскую, будут создавать свои Красные Армии, подобно тому, как это делали польские рабочие в 1920 году (? — Б. С.), и будут вступать в ряды нашей Красной Армии в целях поддержать и обеспечить ее победу, как над собственной буржуазией, так и над буржуазией всего мира». Еще хуже оказалось то, что враги Тухачевского в Красной Армии, добившиеся в конечном счете падения и гибели маршала, полностью разделяли установку на исключительно наступательный характер действий советских войск в будущей войне и даже расчеты на помощь «братьев по классу» по другую сторону фронта. Это во многом способствовало катастрофическому для СССР началу Великой Отечественной войны.

Вскоре после доклада «Стратегия национальная и классовая», пользуясь представившейся двухмесячной вынужденной передышкой, Тухачевский написал тесно примыкающую к докладу статью «Статистика в гражданской войне». Она появилась в 1920 году в первом номере журнала «Революция и война». Автор статьи отстаивал «классовый подход» и интернационализм, утверждая: «Статистическое исследование народонаселения для гражданской войны будет прежде всего изучать его классовую группировку, его имущественное положение, его классовое… соотношение, сословия и проч.

Вопрос национальный в этом случае отходит на второй план. Правда, и в гражданских войнах мы видим явления, когда некоторые классы присоединяются к той или другой воюющей нации, но это будет лишь в том случае, когда вражда классовая совпадает с враждой национальной, т. е. когда известная нация эксплуатируется другой. Иногда даже религиозное движение может совпасть с классовым: у малокультурных народов». И критиковал специалистов Всероссийского главного штаба из бывших генералов за то, что в своей оценке тех или иных окраинных театров военных действий они преобладание русских в населении расценивали как фактор, в целом благоприятный для Красной Армии. «Чрезвычайно интересно знать, — издевательски осведомлялся Тухачевский, — с кем же, по мнению Всероглавштаба, ведем войну. Уж не с „басурманами“ ли, или не с инородцами ли вообще. Почему Всероглавштаб предпочитает всем другим национальностям русскую? Или, может быть, русских контрреволюционеров он не считает больше русскими и смело обращает их в инородцев вместе со всеми „славными“ их вождями: Колчаком, Деникиным и доброй половиной старого русского офицерства?»

Что-то уж очень усердно демонстрирует Михаил Николаевич свой интернационализм и марксизм. Словно самого себя пытается убедить в истинности коммунистических догм. И не только самого себя, но и внимательных читателей рангом повыше уверяет, что и в мыслях не имеет превратить Красную Армию в национальную русскую армию, что не национальная идея, а солидарность с рабочим классом движет его поступками. Ради счастья пролетариата делает карьеру в Красной Армии бывший подпоручик Тухачевский… Но, может, в глубине души ощущает он себя русским и через торжество мировой революции видит путь к величию России? Ведь утверждает же Сабанеев, что на его укоризненное замечание после шутовской «большевистской мессы»: «Как же это вы так — большевик и член партии?» — Тухачевский совершенно серьезно ответил: «Я не большевик, но сейчас мне по пути с большевиками».

Тухачевского опять направили на юг, добивать Деникина. Но новое назначение он получил не сразу. В конце декабря победителя Колчака определили командовать 13-й армией Южного фронта, нацеленной на Крым. Тухачевский прибыл в штаб фронта в Курск, но командующий А. И. Егоров на армию его так и не поставил. 19 января 1920 года Михаил Николаевич обратился в Реввоенсовет Республики с отчаянным письмом: «Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой: освободите меня от безработицы. В штаюгозапе (10 января 1920 года Южный фронт

был переименован в Юго-Западный. — Б. С.) я бесцельно сижу почти три недели, а всего без дела — два месяца. Не могу добиться ни причины задержки, ни дальнейшего назначения. Если за два почти года командования различными армиями я имею какие-либо заслуги, то прошу дать мне использовать свои силы в живой работе, и если таковой не найдется на фронте, то прошу дать ее в деле транспорта или военкомиссаров».

Об обращении стало известно Ленину, который буквально накануне или сразу после этого письма, еще не зная о его существовании, в записке Склянскому, где распорядился о бессудном расстреле выданного чехами в Иркутске Колчака и объяснил, как и когда надо будет объявить о казни незадачливого верховного правителя, также интересовался: «Где Тухачевский?»

Явно не без участия председателя Совнаркома так и не состоявшегося командарма-13 24 января назначили временно исполняющим обязанности командующего Кавказским фронтом, действовавшим против главных сил Деникина на рубежах рек Дон и Маныч. Укрепленные позиции белых здесь долго не удавалось прорвать, что послужило одной из причин смещения с поста командующего фронтом В. И. Шорина, у которого также возник острый конфликт с влиятельным руководством 1-й Конной армии — С. М. Буденным и К. Е. Ворошиловым. Последние считали, что их армию намеренно бросают в атаки на неприятельские укрепления без поддержки пехоты. Руководителей Конармии поддерживал близкий к ним со времени боев под Царицыном член Политбюро И. В. Сталин, состоявший тогда в Реввоенсовете соседнего Юго-Западного фронта. Однако и на этот раз Тухачевский не сразу приступил к своим обязанностям. Вокруг поста командующего главным на тот момент Кавказским фронтом в Реввоенсовете Республики продолжалась какая-то борьба, не до конца понятная и сегодня. Во всяком случае, в штаб фронта в Саратов Тухачевский прибыл только 3 февраля 1920 года, и, уже без приставки «врио», на следующий день приступил к новым обязанностям. В день приезда Тухачевского в Саратов Сталин сообщил в разговоре по прямому проводу на Кавказский фронт Буденному и Ворошилову: «Дней восемь назад, в бытность мою в Москве, в день получения вашей шифро-телеграммы (то есть 23 января, когда Буденный и Ворошилов прислали телеграмму Ленину, Троцкому и Сталину с просьбой сместить либо Шорина, либо их со своих постов, поскольку Шорин будто бы своими нереалистичными приказами поставил Конармию на грань гибели. — Б. С.) добился отставки Шорина и назначения нового комфронтом Тухачевского — завоевателя Сибири и победителя Колчака. В Ревсовет вашего фронта назначен

Орджоникидзе, который очень хорошо относится к Конармии». 5 февраля Тухачевский и Г. К. Орджоникидзе прислали Буденному и Ворошилову успокаивающую, очень благожелательную телеграмму: «…Неприятно поражены сложившейся обстановкой в отношениях соседних армий и некоторых отдельных лиц с героической красной конницей. Мы глубоко убеждены, что старые дружественные отношения возобновятся и заслуги и искусство Конной армии будут оценены по достоинству».

В ту пору, как видим, антагонизма между Тухачевским, с одной стороны, и Сталиным, Ворошиловым и Буденным — с другой, не было. Сталин хлопотал о назначении Тухачевского командующим фронтом (до этого Михаил Николаевич командовал только армиями), а тот вполне лояльно отнесся к Конармии, приняв сторону ее командования в спорах со штабом фронта и командующим соседней, 8-й армией Г. Я. Сокольниковым. Разлад начался позднее, во время похода в Польшу. А кончилось всё тем, что Сталин и Ворошилов в 37-м санкционировали расправу над Тухачевским, а Буденный был среди тех, кто вынес маршалу предрешенный смертный приговор. И даже четыре с лишним десятилетия спустя, когда Тухачевского с товарищами уже реабилитировали, Семен Михайлович, публикуя в 1958 году первую книгу мемуаров «Пройденный путь», предпочел, цитируя разговор со Сталиным, слова о назначении нового комфронтом — победителя Колчака опустить. Хоть и не был теперь Тухачевский «врагом народа», но крепкую нелюбовь к нему Буденный сохранил до конца своих дней.

С Кавказского фронта завязалась дружба Тухачевского с Орджоникидзе, продолжавшаяся вплоть до самоубийства Григория Константиновича в феврале 1937 года. Гибель Орджоникидзе и его конфликт со Сталиным в последние месяцы жизни тоже стали одной из причин падения Тухачевского.

Пока же Михаил Николаевич довольно успешно командовал Кавказским фронтом. Он вовремя повернул 1-ю Конную армию и ударную группу 10-й армии, наступавшие на станцию Тихорецкая, на север, что позволило внезапно атаковать кавалерийскую группу генерала А. А. Павлова, последнюю надежду Деникина, в районе станиц Среднеегорлыкская и Егорлыкская и в период с 25 февраля по 2 марта 1920 года разгромить ее в крупнейшем встречном кавалерийском сражении гражданской войны. Теперь белые практически безостановочно откатывались до Кавказских гор и Новороссийска — единственного порта на Черноморском побережье Кавказа, откуда они могли эвакуироваться в удерживаемый корпусом генерала Я. А. Слащова Крым. Тухачевский в ходе Кубано-Новороссийской

операции в марте не позволил Деникину спокойно провести эвакуацию из Новороссийска. Основная часть Вооруженных сил Юга России была пленена в ходе энергичного преследования. В Крым успел уйти лишь сильно потрепанный Добровольческий корпус и меньшая часть Донской армии, тогда как большинство донцов, не пропущенные в Грузию грузинским правительством, сдались Красной Армии в конце апреля в районе Сочи. Была разгромлена также Кубанская армия, остатки которой укрылись в горах.

Теперь Тухачевский к громкому титулу победителя Колчака добавил не менее громкий — победителя Деникина, нанеся по войскам «царя Антона» (так в шутку называли мягкого и доброго к солдатам генерала подчиненные) последний смертельный удар. 27 марта 1920 года командующий и Реввоенсовет Кавказского фронта доложили Ленину о захваченных пленных и трофеях. В руки советских войск попало свыше 12 тысяч офицеров и до 100 тысяч солдат деникинской армии, более 330 орудий и свыше 500 пулеметов, более 200 тысяч винтовок, вагоны боеприпасов, 240 паровозов, 6 бронепоездов, значительные запасы нефти и бензина…

А Тухачевский, по приказу из Москвы, уже обдумывал поход за Большой Кавказский хребет. 21 апреля он подписал директиву, согласно которой 11-я армия 27 апреля должна была вторгнуться в Азербайджан и стремительно двигаться на Баку. Но самому Михаилу Николаевичу не довелось непосредственно руководить операцией по вводу войск в Закавказье. Ему был дан другой приказ — на Запад!

Даешь Варшаву! Битва двух маршалов

Поход на Варшаву стал одновременно «звездным часом» Тухачевского и его «черным днем» в Красной Армии, потерпевшей под руководством молодого командующего фронтом свое самое сокрушительное поражение в гражданской войне. Позднее, в 1923 году, Тухачевский пытался оправдаться в книге «Поход за Вислу», написанной на основе курса лекций в Военной академии РККА. Он признавал свою вину — войну проиграла стратегия, а не политика, военные, а не вожди революции. Попробуй полководец заявить иначе, и его карьера моментально бы закончилась. Не стал бы маршалом Тухачевский, но, как знать, может, миновала бы бывшего подпоручика-лейб-гвардейца горькая чаша унижения и гибели в 37-м. Он утверждал: «Политика поставила Красной Армии трудную, рискованную и смелую задачу. Но разве может это означать неправильность?! (В том смысле, что не сомневайтесь, дорогие товарищи Ленин, Троцкий и Сталин в моей благонадежности: и в мыслях нет вас критиковать. — Б. С.) Не было ни одного великого дела, которое не было бы смелым и не было решительным. И если сравнивать Октябрьскую революцию с нашим внешним социалистическим наступлением, то, конечно, октябрьская задача была гораздо смелей, гораздо головоломней. Красный фронт имел возможность выполнить поставленную ему задачу, но он ее не выполнил».

Как же развивались события, приведшие в конце концов к походу Красной Армии на Варшаву? Советско-польский вооруженный конфликт начался еще в январе 1919 года со столкновения польских войск с частями Красной Армии под Вильно. Весной боевые действия распространились на Белоруссию, а летом — на Украину. Польская сторона стремилась создать союз с Литвой, Белоруссией и Украиной при своей ведущей роли в этой новой «федерации» (хотя употреблялся именно этот термин, создания единого государства не предполагалось). При этом Польша претендовала на Вильно, Восточную Галицию, часть Волыни и некоторые пограничные районы Белоруссии. Предполагалось, что в перспективе к федерации присоединятся Латвия, Эстония, Финляндия и Румыния. Советская Россия, в свою очередь, стремилась к установлению коммунистических правительств во всех перечисленных государствах, а в дальнейшем — к присоединению территорий этих стран. Установление Советской власти в Польше

рассматривалось как пролог к революции в Германии и началу «мировой пролетарской революции». Когда после краха Германии в первой мировой войне Красная Армия вступила в Литву, Белоруссию и на Украину, из местного польского населения стали формироваться отдельные части, предназначенные для «освобождения» Польши, что вызвало протест польского правительства. Позднее, когда в ходе Варшавской операции войска Тухачевского вторглись в так называемый Данцигский коридор, из проживавших там немцев успели сформировать Германскую стрелковую бригаду для похода на Берлин, который не состоялся только из-за последовавшего разгрома армий Западного фронта.

Пользуясь отвлечением основных советских сил сначала на борьбу с Колчаком, а потом — с Деникиным, польские войска к концу августа 1919 года, не встречая значительного сопротивления, вышли на линию Двинск (Даугавпилс) — Полоцк — Бобруйск — р. Птичь — Каменец-Подольский. Однако успехи Деникина побудили главу польского государства и верховного главнокомандующего маршала Юзефа Пилсудского прекратить наступление, позволив Красной Армии снять основные силы с Западного фронта и бросить их на разгром Вооруженных сил Юга России. Победа белых, не признававших польской независимости, была для поляков в тот момент даже большим злом, чем победа большевиков, хотя бы формально признавших право Польши на самоопределение. В сентябре 1919 года также прекратились бои между польской армией и войсками Украинской Народной Республики во главе с Симоном Петлюрой.

В период, когда генерал Деникин непосредственно угрожал Москве, советское правительство проявляло склонность, как и поляки, решать конфликт мирным путем. Однако ситуация изменилась с разгромом Добровольческой армии. В декабре 1919 года Польша оставила без ответа мирные предложения советской стороны. С окончательным же разгромом Деникина большевики опять всерьез задумались о возможности экспорта революции в Европу на красноармейских штыках. Еще 27 февраля 1920 года Ленин телеграфировал Реввоенсовету Западного фронта: «Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей». Это был ответ на выдвинутое тремя неделями раньше польское требование вывести все советские войска с территорий, лежащих в границах Польской Речи Посполитой до 1772 года, то есть до первого раздела Польши. Впрочем, еще до получения польских предварительных условий для заключения мира Ленин прозорливо предвидел, что поляки предъявят «абсолютно невыполнимые, даже наглые требования», и распорядился «все внимание направить на

подготовку, усиление Запфронта». Война между Россией и Польшей становилась неизбежной, причем обе стороны стремились к ней вне зависимости от действий потенциального противника. 5 марта польские войска захватили Мозырь и продолжали подготовку к большому наступлению. 21 апреля 1920 года в Варшаве был подписан договор с Петлюрой, по которому его правительство признавалось единственной законной властью на Украине, а взамен уступало Польше Восточную Галицию до рубежа реки Збруч. Через два дня была заключена военная конвенция о совместных действиях польской и украинской армий против большевиков. Готовилась к войне и Красная Армия. 14 марта Ленин телеграфировал Тухачевскому и Орджоникидзе на Кавказский фронт, добивавший Деникина: «Поляки, видимо, сделают войну с нами неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия (Кавказская трудовая армия. — Б. С.), а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфронт. На этой задаче сосредоточьте все усилия. Используйте пленных архиэнергично для того же». Через три дня в разговоре по прямому проводу со Сталиным Владимир Ильич потребовал поскорее ликвидировать деникинские войска в Крыму, поскольку «только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы (члены коммунистического „Союза Спартака“. — Б. С.) завладели частью города. Кто победит — неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на запад на помощь коммунистам» (на этот раз председатель Совнаркома ошибся: на берлинских улицах вели бои не коммунисты, а путчисты из числа правых, возглавляемые землевладельцем Вольфгангом Каппом). Идея помочь коммунистической революции в Германии красноармейскими штыками присутствовала у Ильича постоянно.

20 марта главком С. С. Каменев предложил Ленину «ввиду важности польского фронта и ввиду серьезности предстоящих здесь операций… к моменту решительных операций переместить на Западный фронт командующего ныне Кавказским фронтом Тухачевского, умело и решительно проведшего последние операции по разгрому армий Деникина». Репутация Михаила Николаевича как полководца была уже столь высока, что считалось необходимым назначить его командующим самым важным фронтом.

В роли противника Тухачевского на этот раз выступал маршал Юзеф Пилсудский, у которого был гораздо более значительный, чем у 27-летнего командующего Западным

фронтом, опыт участия в первой мировой войне. Маршал был вдвое старше — к моменту сражения под Варшавой ему исполнилось 53 года. В первую мировую Пилсудский был на генеральских должностях — командовал им же сформированной 1-й бригадой польских легионов в австрийской армии, затем был военным министром созданного Германией и Австро-Венгрией Королевства Польского, до того, как в 1917 году был заключен немцами в Магдебургскую тюрьму, после того как отказался разрешить польским солдатам принести присягу германскому кайзеру. То, что Пилсудский был опытнее Тухачевского в руководстве большими массами людей в условиях более «правильной», чем гражданская, первой мировой войны, сильно помогло ему в ходе советско-польской войны, которая во многих отношениях (наличие линий окопов и заграждений, сравнительно высокая плотность войск и артиллерии, наконец, столкновение между собой двух национальных армий) была всё-таки ближе к сражениям 1914–1918 гг., чем к боевой практике гражданской войны в России. Победа на Висле стала подлинным «звездным часом» «начальника Польского государства» и помогла ему утвердить свою диктатуру в Польше шесть лет спустя. Как знать, если бы победу тогда одержал Тухачевский, не изменила ли бы она его судьбу, не сделала ли бы в будущем настоящим «советским Бонапартом»?

25 апреля началось польское наступление на Украине, а 28-го был утвержден предложенный Тухачевским план разгрома поляков. 29-го Михаил Николаевич вступил в Смоленске в командование войсками Западного фронта. Своей свояченице Лидии Норд Тухачевский будто бы говорил, что время гражданской войны было для него тяжелым испытанием, поскольку «воевать приходилось против своих». А вот на польском фронте, заявил Тухачевский, он «почувствовал себя как рыба в воде», поскольку здесь уже пришлось воевать не против русских людей с другими кокардами, а против внешнего, иноземного врага. Сходные чувства испытали тысячи русских офицеров и генералов, в том числе А. А. Брусилов, выразившие готовность, под влиянием патриотических чувств, вступить в ряды Красной Армии для борьбы с поляками.

7 мая армии Пилсудского и Петлюры захватили Киев и на широком фронте вышли к Днепру, захватив плацдармы на его восточном берегу. Чтобы помочь советскому Юго-Западному фронту, Тухачевский, не ожидая сосредоточения всех сил, начал 14 мая наступление на Свенцяны, Молодечно и Борисов и занял эти города. 22 мая, в самый разгар операции, он был удостоен высокой чести. Вместе с С. С. Каменевым и А. И. Егоровым

Тухачевского без окончания академии причислили к Генеральному штабу. Этот акт знаменовал признание полководческого искусства командующего Западным фронтом. В изданном по этому поводу приказе Реввоенсовета Республики необычное решение мотивировалось следующим образом: «… М. Н. Тухачевский вступил в Красную Армию и, обладая природными военными способностями, продолжал непрерывно расширять свои теоретические познания в военном деле. Приобретая с каждым днем новые теоретические познания в военном деле, М. Н. Тухачевский искусно проводил задуманные операции и отлично руководил войсками как в составе армии, так и командуя армиями фронтов Республики, и дал Советской республике блестящие победы над ее врагами на Восточном и Кавказском фронтах».

Однако на этот раз до победы, тем более блестящей, было еще далеко. Не помогли Тухачевскому и добываемые бессонными ночами из чтения трудов классиков «новые теоретические познания в военном деле». Причисление к Генштабу, можно сказать, «сглазило» успех в Белоруссии. Польские войска 30 мая контратаковали и с помощью подошедших резервов восстановили положение. Только 15-я армия А. И. Корка смогла удержать небольшой плацдарм в районе Полоцка. Резервов у Тухачевского не оказалось. Он вложил все силы в первый удар, рассчитывая резервы создать позднее, из новых дивизий, перебрасываемых с Кавказского и Восточного фронтов, от Петрограда и внутренних округов. Но эти дивизии опоздали к началу польского контрнаступления. Тем временем под Киевом 1-я Конная армия Буденного, перешедшая в наступление в один день с началом польского контрудара в Белоруссии, прорвала фронт и 8 июня перерезала пути снабжения киевской группировки поляков. Польские войска стали поспешно отступать от Днепра. Пилсудский, рассчитывая, что армии Тухачевского еще не оправились от понесенного поражения, перебросил несколько дивизий из Белоруссии для борьбы с конницей Буденного, разбить которую считал не таким уж трудным делом. Расчеты маршала строились на опыте первой мировой войны, когда кавалерия показала полную беспомощность в условиях позиционной войны, сплошной линии фронта, окопов полного профиля, проволочных заграждений и насыщения войск артиллерией и пулеметами. Однако в советско-польской войне была совсем другая плотность войск и, особенно, огневых средств. Не было и сплошных линий окопов, в большинстве случаев отсутствовала колючая проволока — страшный враг кавалерии.

1-ю Конную полякам разбить не удалось, а Тухачевский, воспользовавшись ослаблением польских сил перед Западным фронтом, 4 июля, получив значительные подкрепления, в том числе 3-й конный корпус Г. Д. Гая, перешел в наступление с самыми решительными целями. Главный удар наносился на правом фланге, который должен был пройти вдоль границ Литвы и Восточной Пруссии. Несколько польских дивизий планировалось окружить в районе Германовичи — Лужки — Глубокое, тогда как основная часть противостоявших Западному фронту неприятельских войск загонялась в болотистое Полесье. В мемуарах Тухачевский утверждал: «Уже к 7 числу выяснилось с полной определенностью, что войска противника подверглись полному разгрому в районе нашего главного наступления». Главнокомандующий «подвергшихся разгрому» польских войск «первый маршал» Юзеф Пилсудский в своей книге «1920 год», написанной как ответ на «Поход за Вислу», иначе расценил результаты сражения в Белоруссии. Он подчеркнул, что «седанский замысел» Тухачевского не удался. Поляки избежали окружения и отступили без больших потерь в людях, часто не имея даже соприкосновения с советскими войсками. Зато испытали сильное моральное потрясение от того, что не удалось удержать или вернуть путем контратак достаточно укрепленные, как оказалось, позиции. Над польскими генералами и солдатами довлел опыт мировой войны, когда линии окопов, прикрытые колючей проволокой, считались почти неприступным препятствием, способным задержать продвижение неприятельских армий на многие месяцы. При этом забывали, что плотность боевых порядков, и особенно артиллерии, на советско-польском фронте была в несколько раз меньше, чем, скажем, на русско-германском фронте в 1915–1916 годах, и даже колючей проволоки катастрофически не хватало. Пилсудский так прокомментировал происшедшее: «Бедному солдату было тем более трудно понять это великое окопное искусство, что все узлы обороны, отсечные позиции и пронумерованные линии были чаще всего, как близнецы, похожи друг на друга, то есть существовали только на бумаге или были обозначены на местности какой-нибудь невзрачной, полузасыпанной траншеей. Когда же настала пора прекратить все эти чудачества, когда пропали впустую все труды солдата ради восстановления прежнего положения, наверное, чрезвычайно важные для высшего командования, — солдат, как обычно бывает в таких случаях, встал перед альтернативой: либо он со всеми своими усилиями просто неспособный и бессильный, и тогда европейские шпоры не для него, либо его командиры сами не ведают, что творят. Это было

для солдата моральным потрясением, от которого трудно было оправиться…»

Тухачевский же с самого начала подходил к войне с Польшей как к войне маневренной, опираясь на опыт своих побед над армиями Колчака и Деникина. В июльском наступлении он смело сконцентрировал две трети сил Западного фронта на узком участке в 90 километров и добился успеха. 11 июля войска Тухачевского заняли Минск, 14 июля — Вильно, 15 июля — Молодечно, 19-го — Барановичи и Гродно, а 23-го — Пинск. Армии польского Северо-Восточного фронта отступали в беспорядке. Сохранился рассказ беженки-помещицы о пережитом во время польского отступления в Белоруссии: «Когда я с дочерью приехали в город (Минск. — Б. С.), нельзя было и думать о том, чтобы попасть в поезд. За ночь железнодорожники испортили 25 паровозов, а посланные их усмирять и оберегать подвижной состав жандармские и полицейские чины отказались повиноваться, солдаты выкидывали публику с вокзалов, грабили и убивали население и поджигали город… Нас подхватила на возы последняя отходящая воинская часть… Мы ехали среди грабежей, избиений и пожаров, чинимых отступающей польской армией.

Все местечки на нашем пути горели. Нам пришлось 28 верст ехать сплошным лесом: распространился слух, что большевики устроили засады в лесу, чтоб перехватить наши обозы. Обезумевшие от страха поляки, посыпая каким-то горючим порошком по обе стороны дороги, устраивали сплошные огненные завесы. Пылали и трещали громадные сосны, взрывались снаряды, попадающие в огонь, мы задыхались, опалили себе щеки и руки, а лошади бока, но ни остановиться, ни податься куда-нибудь нельзя было; отстающие подводы бросались на произвол судьбы, ибо всякое промедление могло грозить катастрофой, большевики шли по пятам и окружали лес».

Здесь зафиксировано не только паническое отступление войск Пилсудского, но и применение поляками тактики «выжженной земли». О том, что неприятель основательно разрушал пути сообщения, а также здания, могущие быть использованными в военных целях, пишет Тухачевский, видя в этом одну из причин неудачи под Варшавой: из-за паралича железных дорог Западный фронт не получал достаточно боеприпасов, продовольствия, снаряжения и людских пополнений. Это же отмечал и тогдашний советский главком Каменев: «Белопольское командование с исключительной жестокостью, до бессмысленности, при отходе разрушало свой тыл, особенно железнодорожные пути и путевые сооружения…

Вообще надо отдать справедливость, что в отношении разрушения белопольское командование превзошло во много раз наших противников гражданского периода войны». Но не стоит преувеличивать значение порчи железных дорог для развития советского наступления. Тухачевский энергично занимался восстановлением разрушенного и достиг здесь серьезных успехов. Об этом писал и Пилсудский: «Мне хотелось бы отметить тщательную и энергично проведенную подготовку к быстрейшему налаживанию железнодорожных перевозок вслед за наступающими войсками. Энергия, которую проявил в этом деле г-н Тухачевский, поражала меня в течение всей операции в июле-августе 1920 года. Достаточно сказать, что после моей победы под Варшавой я обнаружил в Малкине — станции, удаленной от Варшавы на 80 км, — вагоны для широкой колеи, оставленные при поспешном отступлении противника. Такой прогресс в деле ремонта и пуска железной дороги при всех разрушениях, которые мы на ней оставили, является одним из самых больших достоинств нашего противника. И всё это в значительной мере благодаря энергии и предвидению г-на Тухачевского». Так что сетования самого бывшего командующего Западным фронтом и других советских авторов на почти непреодолимые трудности снабжения в ходе Варшавской операции кажутся, мягко говоря, несколько преувеличенными.

Взятие Варшавы, сокрушение Польши как пролог к мировой пролетарской революции виделись Тухачевскому как великое дело, лишь немногим уступающее в значении Октябрьскому перевороту. Еще перед началом июльской операции он издал знаменитый приказ, нацеливающий бойцов и командиров Западного фронта на сокрушение «белой Польши», на предстоящее в недалеком будущем последнее решительное наступление на польскую столицу: «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад!.. На Вильну, Минск, Варшаву — марш!»

Три года спустя Тухачевский размышлял, почему блестяще начавшееся наступление закончилось катастрофой: «Основными причинами гибели операции можно признать недостаточно серьезное отношение к вопросам подготовки управления войсками. Технические средства имелись в недостаточном количестве в значительной степени благодаря тому, что им не было уделено должного внимания. Далее, неподготовленность некоторых наших высших начальников делала невозможным

исправление на местах недостатков технического управления. Расхождение ко времени решительного столкновения почти под прямым углом главных сил Западного и Юго-Западного фронтов предрешило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу. Несуразные действия 4-й армии вырвали из наших рук победу и в конечном счете повлекли за собой нашу катастрофу».

Использовал бывший командующий Западным фронтом и такой традиционный аргумент всех битых полководцев, как якобы подавляющее превосходство противника в численности войск. Тухачевский уверял своих читателей и слушателей, что Западный фронт на заключительном этапе операции располагал не более чем 40 тысячами штыков и сабель, тогда как в противостоявших ему польских войсках штыков и сабель было более 70 тысяч.

Как же на самом деле развивались события и почему армии Тухачевского в первый и последний раз в его жизни оказались разгромлены? Замысел собственно Варшавской операции был, как всегда у Тухачевского, блестящим. Один из ближайших сотрудников маршала в послевоенные годы комбриг Г. С. Иссерсон, которому посчастливилось выжить в ГУЛАГе, вспоминал, как в 1936 году во время поездки в Париж начальник Французской военной академии говорил ему: «У вас ведь тоже есть большой стратег — Тухачевский. Его обходной маневр вокруг Варшавы импонирует». Командующий Западным фронтом решил брать польскую столицу глубоким обходом с севера. Он ошибочно полагал, что в этом направлении отходят основные силы польской армии. Кроме того, наступление на севере выводило Красную Армию к Данцигскому коридору и границам Восточной Пруссии. Тем самым перерезалась основная линия снабжения Польши военными материалами из Франции и Англии через порт Данцига (Гданьска) и появлялся реальный шанс на штыках принести революцию в Германию. Экспорту революции Тухачевский в «Походе за Вислу» посвятил специальную главу «Революцию извне». Он утверждал: «Положение в Польше… рисовалось в благоприятном для революции свете. Сильное пролетарское движение и не менее грозное движение батраков ставило польскую буржуазию в очень тяжелое положение. Многие польские коммунисты считали, что стоит только нам дойти до этнографической польской границы, как пролетарская революция в Польше станет неизбежной и обеспеченной. Действительно, когда мы заняли Белостокский район, мы встретили там самое горячее сочувствие и поддержку рабочего населения. На массовых митингах выносились резолюции о вступлении в Красную Армию (Тухачевский не учитывал, что в самом Белостоке, то есть среди

местных рабочих, резко преобладали не поляки, а евреи, которые к революции и Красной Армии относились благожелательно; однако по их поведению никак нельзя было судить о настроениях рабочих-поляков. — Б. С.). Крестьянство в первое время относилось к нам подозрительно под влиянием агитации ксёндзов и шляхты, но очень скоро освоилось с нами и успокоилось. Батрацкое население определенно нам сочувствовало. Таким образом, то, что мы видели в занятой нами части Польши, безусловно, сочувствовало социалистическому наступлению и готово было воспринять его…»

Даже потерпев разгром под Варшавой, Тухачевский отказывался верить, что национальное сознание большинства польских рабочих и крестьян отвергало идеи коммунистической революции, а Красная Армия и Советская Россия с самого начала войны воспринимались основной массой поляков как наследницы царской армии и Российской империи. Битый полководец тщился доказать, что только поражение красных в Варшавском сражении способствовало распространению мнения о преобладании у поляков национального чувства над классовым, тогда как в случае победы советских войск всё было бы наоборот: «Разговоры о пробудившемся национальном чувстве среди польского рабочего класса в связи с нашим наступлением являются, конечно, следствием проигрыша нами кампании. У страха глаза велики. Не надо забывать, что при подходе нашем к Варшаве рабочее население Праги (варшавского предместья. — Б. С.), Лодзи и других рабочих центров глухо волновалось, но было задавлено буржуазными польскими добровольческими частями. Расчет на революцию в Польше, как встречу нашего наступления, как следствие разгрома орудия принуждения в руках польской буржуазии, имел под собой серьезные основания, и, если бы не наше поражение, он увенчался бы полным успехом».

Но и в этом пункте Пилсудский опроверг Тухачевского. Польский маршал саркастически заметил: «Г-н Тухачевский вел свои войска к Висле и за Вислу во имя и ради насаждения при помощи силы того, что он называет революцией. В соответствии с этим он выбрал и название главы — „Революция извне“. Но цель войны, очерченная такими словами, уже сама по себе ясно показывает, что внутренняя революция у нас не существовала, если ее нужно было принести извне на острие штыков. Во всяком случае, не подлежит сомнению тот факт… что Советская Россия вела с нами войну под лозунгом навязывания нам, полякам, своего, т. е. советского строя и такую цель она назвала „революцией извне“. То, что Советы преследовали в войне именно такую цель, мне было хорошо известно с самого начала, поэтому

я сразу же хочу отметить, что лично я воевал за то, чтобы эта революция извне не была принесена к нам на советских штыках». И продолжал: «Г-н Тухачевский не хочет видеть, что в течение всей войны, которую Советы вели с нами, в ближнем, а еще больше в глубоком тылу фронта, повернутого против нас, другие советские войска и другие собратья г-на Тухачевского не занимались ничем другим, как только с трудом подавляли те или иные выступления против Советов! Да и большая часть армии г-на Тухачевского начала войну с нами только после того, как подавила различные восстания где-то в глубине Советской России. В Польше ничего подобного не было. И войска, если только они были собраны, свободно могли быть направлены для борьбы с тем, кто стоит перед фронтом, а не с тем, кто находится за ним! За всю войну только в нескольких местах я был вынужден послать небольшие отряды, да и то не для боя, а для проведения массовых обысков и изъятия оружия, которым мне можно было угрожать. Помню, как одному высокому представителю одного из западных государств, который… как и г-н Тухачевский, ожидал, что что-то должно „бурлить“ и „клокотать“, я показывал, как в моем тылу железные дороги и телеграфы работают без всякой охраны. Может, г-н Тухачевский усмотрит в этом, как и в других местах, недоразвитие „революции“, и наоборот, в восстаниях, с которыми сам боролся в тылу своего фронта, — излишек контрреволюции. В полководческой стратегии и расчетах эти слова ничего не меняют. Факты говорят, что в своих расчетах г-н Тухачевский ошибся, у меня же не было ошибки ни в сердце, ни в мыслях… В достижении своей цели — оставить между Варшавой и Советами возможно более широкое пространство — я действовал как человек, знающий театр войны как свои пять пальцев; каждый здесь принимал меня за своего, а не за чужого и разговаривал со мной на вполне понятном мне языке. И я хорошо видел, что подавляющее большинство населения относилось к Советам и их господству с глубоким недоверием, а часто и с явной неприязнью, видя в них — обоснованно или необоснованно, это также для стратегии неважно, — разгул невыносимого террора, который получил название еврейского. Поэтому в течение всей войны я не чувствовал беспокойства за свой тыл, что там может вспыхнуть какое-то восстание».

Весьма иронически, правда уже постфактум, к идее пролетарской революции в Польше, которая должна помочь Красной Армии в ее продвижении на Запад, отнесся главком Каменев, в 1922 году в статье «Борьба с белой Польшей» написавший о последних днях Варшавского сражения: «Теперь наступил тот момент, когда рабочий класс Польши уже

действительно мог оказать Красной Армии ту помощь, которая дала бы Рабоче-Крестьянской России обеспеченный мир без угроз новых нападений; но протянутой руки пролетариата не оказалось. Вероятно, более мощные руки польской буржуазии эту руку куда-то глубоко-глубоко запрятали».

Тухачевский же в «Походе за Вислу» рисовал радужные перспективы не только польской, но и немецкой революции: «Рабочие Германии открыто выступили против Антанты, загоняли в обратную сторону эшелоны со снаряжением и вооружением, которые Франция пересылала в Польшу, не допускали разгрузки французских и английских кораблей с амуницией и вооружением в Данциге, сбрасывали поезда под откос и прочее — словом, вели активную революционную борьбу в пользу Советской России. Из Восточной Пруссии, когда мы соприкоснулись с ней, к нам потекли сотни и тысячи добровольцев, спартаковцев, беспартийных рабочих под знамена Красной Армии, формируясь в Германскую стрелковую бригаду… Итак, Германия революционно клокотала и для окончательной вспышки только ждала соприкосновения с вооруженным потоком революции». И делал безоговорочный вывод: «Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией западноевропейской» (в последней фразе Тухачевский довольно оригинально совместил пространство и время, Западную Европу с Октябрем).

Обеспокоенное советским наступлением, британское правительство 11 июля за подписью министра иностранных дел лорда Джорджа Керзона направило Москве ноту с предложением немедленно заключить перемирие и признать в качестве восточной границы Польши линию, выработанную в конце 1919 года Верховным советом Антанты. Эта линия, в основном совпадающая с нынешней границей Польши с Украиной и Белоруссией, стала называться с тех пор линией Керзона. 16 июля ЦК ВКП(б) признал необходимым продолжать наступление до тех пор, пока сама Польша не обратится с просьбой о перемирии. При этом не исключался переход через линию Керзона, если бы в этом возникла необходимость. 17 июля наркоминдел Г. В. Чичерин ответной нотой известил, что Советская Россия готова к миру, но что посредничество Англии в его достижении неприемлемо, поскольку Лондон в случае возобновления наступления Красной Армии обещал Польше помощь и, следовательно, не может считаться нейтральным в советско-польском конфликте. 22 июля

польское правительство и генштаб предложили заключить перемирие и начать мирные переговоры. Польская делегация прибыла.

Командующий Западным фронтом был категорическим противником предлагавшейся некоторыми военными специалистами остановки примерно на линии Керзона — на Западном Буге, куда советские войска вышли к концу июля, взяв 1 августа город и крепость Брест-Литовск. Тухачевский и в 1923 году настаивал: «По свидетельству французских и польских офицеров, войсковые части потеряли всякую боевую устойчивость. Польские тылы кишели дезертирами. Никакой надежды на спасение не оставалось. Все бежали назад, не выдерживали ни малейшего серьезного боя… Если для нас… остановка дала бы возможность провести пополнение, укрепить свои тылы, привести в порядок весь организм наступающих армий, то, конечно, для поляков в этом смысле было гораздо больше возможностей. Не надо забывать, что на карту ставилось существование капиталистического мира не только Польши, но и всей Европы. Бесконечные транспорты и эшелоны с амуницией и вооружением следовали на помощь польской армии из Франции и Англии. Забастовки и активное противодействие германских рабочих в Данциге и на железных дорогах силою подавлялись французскими и английскими войсками, которые принимали на себя заботы о разгрузке и погрузке необходимого снаряжения. Польский капитал напрягал все свои силы, развивая бешеную агитацию против большевистского наступления. Ксёндзы служили ему в полной мере и призывали польское население к национальной самообороне. Формирование буржуазных добровольческих частей проходило очень успешно. И если бы только мы дали полякам спокойно провести эту работу, то через две-три недели, потребные нам для устройства наших дел, мы встретили бы против себя значительно сильнейшие, чем наши, армии и должны были бы снова ставить на карту наше стратегическое будущее. При том потрясении, которому подверглась польская армия, мы имели право и должны были продолжать наше наступление. Задача была трудная, смелая, сложная, но задачами робкими не решаются мировые вопросы».

27-летний командующий фронтом мечтал своим победоносным маршем на Варшаву решить главный, как ему казалось, вопрос современности — обеспечить торжество мировой пролетарской революции. И, на первый взгляд, его аргументы в пользу продолжения наступления представляются убедительными. Но только если не обращать внимания на очевидные противоречия в тексте «Похода за Вислу». Ведь в

другом месте, как мы помним, Тухачевский утверждал, что немецкие рабочие успешно саботировали военные поставки Польше и с нетерпением ждали, когда Красная Армия наконец принесет на своих штыках революцию в Германию. Польские же рабочие и крестьяне будто бы только и делали, что приводили в трепет собственную буржуазию и готовились вступать в ряды польской Красной Армии, которая «начала усиленным темпом формироваться», да вот беда, не поспела превратиться во что-либо осязаемое к моменту разгрома советских войск. И вдруг выясняется, что Антанта, оказывается, не испытывает, несмотря на германский саботаж, особых затруднений в снабжении Пилсудского всем необходимым, а польская буржуазия успешно и в короткие сроки создает многочисленные добровольческие части — неужели из одних только студентов и торговцев, как уверяла советская пропаганда?

Разгадка здесь, думаю, довольно проста. В тех главах книги, где Тухачевскому требовалось оправдать свой довольно-таки авантюристический план наступления на Варшаву, он подчеркивал слабость и деморализацию польской буржуазии и армии и силу и воодушевление польского пролетариата и батрачества. Когда же командующему Западным фронтом необходимо было объяснить происшедшую катастрофу объективными условиями, от него не зависящими, в ход пошли тезисы о многочисленных польских резервах и способности буржуазии задавить «нарождающуюся» польскую революцию.

Как же на самом деле оценивал обстановку Тухачевский накануне и в дни Варшавского сражения? Скорее всего, тогда он был уверен: противник разбит и в панике отступает, что создает благоприятные условия для польской революции, которая, в свою очередь, поможет Красной Армии довершить разгром войск Пилсудского. Только исходя из такого сценария развития событий, можно объяснить реально предпринятые Тухачевским действия по подготовке и проведению Варшавской операции. И, как мы уже убедились, случаи паники и беспорядочного отхода у поляков на самом деле были, попытки формирования частей польской Красной Армии предпринимались. Однако масштаб этих явлений в донесениях разведки и нижестоящих командиров, как водится, был сильно преувеличен. Сказался давний недуг русской армии, отмеченный критически мыслящим бароном Будбергом: «Любовь к дутым и ложным донесениям — наша старая болезнь, полученная на Кавказе (особенно ярко она проявилась уже в наши дни во время Чеченской — последней кавказской войны. — Б. С.) и в Туркестане, широко развившаяся во время боксерского восстания (в Китае в 1899–1901 годах,

подавленного войсками России, Германии, США, Японии и других великих держав. — Б. С.) и японской войны (когда на этом создались многие военные карьеры и многие геройские репутации) и махрово расцветшая в великую войну. Сейчас эта мерзость практикуется вовсю; врут и фабрикуют донесения почти все; ближайшее начальство это знает, но смотрит сквозь пальцы и само идет по той же дорожке; спрос на победы, успехи, трофеи и одоления вверху огромный, и посылаемый туда матерьял собственного изготовления охотно и бесконтрольно принимается на веру и щедро награждается; мало кто удержался от того, чтобы не присосаться к этому источнику наград и повышений; есть, конечно, исключения, но они наперечет и очень не в моде». То же самое явление подметил в Красной Армии Троцкий, даже издавший специальный приказ: «…Не писать ложных сведений о жестоких боях там, где была жестокая паника. За неправду карать, как за измену. Военное дело допускает ошибки, но не ложь, обман и самообман».

Сам Будберг, генерал-лейтенант еще царского времени, обладавший богатым военным опытом (в первую мировую командовал корпусом и был генерал-квартирмейстером штаба армии), хорошо научился, как и его противник — председатель Реввоенсовета, различать фальшь в поступавших к нему донесениях. Если, например, сообщается, что противник в панике отступает, но при этом ничего не сообщается о захваченных артиллерийских орудиях и пленных, то, не без оснований считал барон, поражение неприятеля «несколько преувеличено». У Тухачевского не было опыта старого генштабиста. В первую мировую он и ротой не командовал. А позднее, во время борьбы с Колчаком и Деникиным, не раз убеждался, что оптимистические донесения подчиненных в целом соответствуют действительности: пленные и трофеи были налицо, белые армии отступали, быстро тая от дезертирства. Тухачевский думал, что на Польском фронте будет та же картина. Ведь польские рабочие и крестьяне, мобилизованные Пилсудским, полагал подпоручик-коммунист, ничем принципиально не отличаются от своих русских братьев по классу, массами переходивших на сторону Красной Армии, стоило последней нанести войскам белых генералов несколько чувствительных ударов. Поэтому радужные донесения командармов и комдивов о разгроме «белополяков» некритически воспринимались молодым командующим Западным фронтом. Это был самообман. Можно согласиться с командармом 1-й Конной С. М. Буденным: «Из оперативных сводок Западного фронта мы видели, что польские войска, отступая, не несут больших потерь. Создавалось впечатление, что перед армиями

Западного фронта противник отходит, сохраняя силы для решающих сражений… Мне думается, что на М. Н. Тухачевского в значительной степени влиял чрезмерный оптимизм члена РВС Западного фронта Смилги и начальника штаба фронта Шварца. Первый из них убеждал, что участь Варшавы уже предрешена, а второй представлял… главкому, а следовательно, и командующему фронтом ошибочные сведения о превосходстве сил Западного фронта над противником в полтора раза».

Ну, насчет того, ошибочные или нет, судить трудно. Уж больно тонкий вопрос во всех войнах, не исключая и советско-польскую, о соотношении сил и потерях сторон. Мы его еще коснемся. А вот что Тухачевский и Реввоенсовет Западного фронта здорово преувеличивали возможности своих войск и серьезно недооценили противника — сомнений не вызывает.

Единственным из крупных руководителей с советской стороны, кто с самого начала не верил в «революционизирование» Польши с помощью красноармейских штыков, был Троцкий. Как председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам, он лучше любого другого представлял себе реальное состояние Красной Армии, так сказать, «изнутри». Позднее, в 20-е годы, Лев Давидович, возражая против ориентации советских вооруженных сил на наступательную доктрину и «экспорт революции», писал: «Ну, как же вы скажете саратовскому крестьянину: либо повезем тебя в Бельгию свергать буржуазию, либо ты будешь саратовскую губернию оборонять от англо-французского десанта в Одессе или Архангельске? Разве повернется язык так ставить вопрос?.. С такой абстрактной речью мы не заберемся в душу мужика». Троцкий понял это уже весной и летом 20-го, во время войны с Польшей. Председатель Реввоенсовета почувствовал, что саратовские, пензенские, сибирские и иные мужики уже очень устали от продолжающейся шестой год бойни. Их еще можно, хотя и с большим трудом, кнутом и пряником, заставить оборонять пределы бывшей Российской империи от польского наступления (часть украинских и белорусских крестьян, чьи земли занимали поляки, делали это даже с некоторым воодушевлением). Однако принудить крестьянскую массу, составлявшую подавляющее большинство красноармейцев, свергать в Варшаве «чужую» польскую буржуазию казалось Троцкому невыполнимым. Лев Давидович прекрасно знал, что всё больше мужиков уходит в леса, чтобы бороться с выгребающими последнее продотрядами, и еще в феврале 1920 года безуспешно предлагал ЦК душащую крестьянское хозяйство разверстку заменить твердым налогом. Как раз в дни решающих боев под Варшавой, 15 августа, началось

самое крупное, Тамбовское, восстание. В подобных условиях слишком уж рискованным представлялся Троцкому поход в Польшу и дальше, на Запад. В мемуарах он так охарактеризовал собственную позицию: «Мы изо всех сил стремились к миру, хотя бы ценою крупнейших уступок. Может быть, больше всех не хотел этой войны я, так как слишком ясно представлял себе, как трудно нам будет вести ее после трех лет непрерывной гражданской войны…

Страна сделала еще одно поистине героическое усилие. Захват поляками Киева, лишенный сам по себе какого бы то ни было военного смысла, сослужил нам большую службу: страна встряхнулась. Я снова объезжал армии и города, мобилизуя людей и ресурсы. Мы вернули Киев. Начались наши успехи. Поляки откатывались с такой быстротой, на которую я не рассчитывал, так как не допускал той степени легкомыслия, какая лежала в основе похода Пилсудского. Но и на нашей стороне, вместе с первыми крупными успехами, обнаружилась переоценка открывающихся перед нами возможностей. Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, чтоб войну, которая началась как оборонительная, превратить в наступательную революционную войну. Принципиально я, разумеется, не мог иметь никаких доводов против этого. Вопрос сводился к соотношению сил. Неизвестной величиной было настроение польских рабочих и крестьян. Некоторые из польских товарищей, как покойный Ю. Мархлевский, сподвижник Розы Люксембург, оценивали положение очень трезво. Оценка Мархлевского вошла важным элементом в мое стремление как можно скорее выйти из войны. Но были и другие голоса. Были горячие надежды на восстание польских рабочих. Во всяком случае, у Ленина сложился твердый план: довести дело до конца, т. е. вступить в Варшаву, чтобы помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть. Наметившееся в правительстве решение без труда захватило воображение главного командования и командования Западного фронта. К моменту моего очередного приезда в Москву я застал в центре очень твердое настроение в пользу доведения войны „до конца“. Я решительно воспротивился этому. Поляки уже просили мира. Я считал, что мы достигли кульминационного пункта успехов и если, не рассчитав сил, пройдем дальше, то можем пройти мимо уже одержанной победы — к поражению. После колоссального напряжения, которое позволило 4-й армии в пять недель пройти 650 километров, она могла двигаться вперед уже только силой инерции. Всё висело на нервах, а это слишком тонкие нити. Одного крепкого толчка было достаточно, чтоб потрясти наш

фронт и превратить совершенно неслыханный и беспримерный — даже Фош вынужден был признать это — наступательный порыв в катастрофическое отступление. Я требовал немедленного и скорейшего заключения мира, пока армия не выдохлась окончательно. Меня поддержал, помнится, только Рыков. Остальных Ленин завоевал еще в мое отсутствие. Было решено: наступать».

Если бы тогда, в начале августа, советская сторона проявила готовность заключить мир с правительством Пилсудского, то, вполне вероятно, смогла бы добиться признания польской восточной границей линии Керзона. Однако Красная Армия получила приказ: вперед, на Запад! 19 июля Тухачевский предложил главкому Каменеву «обдумать удар Конармии в юго-западном направлении, чтобы пройти укрепления в районе, слабо занятом противником, и выиграть фланг поляков подобно Конкорпусу Гая». К тому времени Каменев и сам пришел к выводу о целесообразности действий войск Юго-Западного фронта именно в этом направлении, о чем сообщил в своем ответе Тухачевскому. 22 июля командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров и члены Реввоенсовета И. В. Сталин и Р. И. Берзин направили главкому телеграмму, где предлагали изменить направление главного удара подчиненных им войск с Люблина на Львов. Данное стратегическое решение мотивировалось тем, что «поляки оказывают весьма упорное сопротивление, при этом особенное упорство оказывают на львовском направлении», и что «положение с Румынией остается неопределенно напряженным». На следующий день Реввоенсовет одобрил предложение Егорова, Сталина и Берзина.

Так началось расхождение Западного и Юго-Западного фронтов, до этого концентрически наступавших на польскую столицу. Советское командование явно недооценило противника. Хотелось захватить не только Варшаву, но и Львов, а заодно и с «румынскими боярами» разобраться. Революционизировать — так всю Европу, а не одну только Польшу. Ленин и Каменев, Тухачевский и Егоров, Смилга и Сталин думали, что у Красной Армии сил на всё хватит. После того как части конного корпуса Гая 19 июля с налета заняли крепость Гродно, главком Каменев отдал директиву о взятии Варшавы к 12 августа. Главный удар наносился северным крылом Западного фронта, чтобы как можно скорее перерезать Данцигский коридор, перекрыть путь англо-французской помощи Польше. Каменев и Тухачевский, рассуждая логически, полагали, что польское командование прекрасно понимает значение Данцига (Гданьска) для питания своей армии всем необходимым и не пожалеет сил для защиты северной

транспортной артерии, так что здесь будет сосредоточена наиболее мощная группировка польских войск. Ее разгром и предрешит участь Варшавы.

На самом деле основная часть польских войск в тот момент была сосредоточена против Юго-Западного фронта, где безуспешно пыталась разбить конницу Буденного. Их переброска на север была сопряжена со многими трудностями. Транспорт был расстроен войной, да и сами войска не имели опыта осуществления сложных перегруппировок. Поэтому Пилсудский планировал, чтобы свести перемещения войск к минимуму, сосредоточить наиболее боеспособные дивизии с Украины для удара с юга во фланг советскому Западному фронту. Он писал: «Моим общим стратегическим замыслом было: 1) Северный фронт должен только выиграть время; 2) в стране провести энергичную подготовку резервов — я направлял их на Буг, без ввязывания в бои Северного фронта; 3) покончить с Буденным и перебросить с юга крупные силы для контрнаступления, которое я планировал из района Бреста. Этого основного замысла я придерживался до самого конца… Я еще сильнее утвердился в своем мнении, когда увидел всю бесплодность попыток изменить абсурдное стратегическое построение наших войск на Северном фронте». «Покончить с Буденным» полякам не удалось. Но в районе Бродов Конармии в начале августа было нанесено поражение. Однако падение Бреста заставило польское командование отказаться от контрудара на Буге и отвести войска за Вислу.

Получилось так, что основные решения в ходе сражения за Варшаву обе стороны приняли почти одновременно — Пилсудский 6 августа, а Тухачевский 8 августа. Каменев вспоминал: «Перед нашим командованием, естественно, стал во всю величину вопрос: посильно ли немедленное решение предстоящей задачи для Красной Армии в том ее составе и состоянии, в котором она подошла к Бугу, и справится ли тыл… На это приходится ответить: и да, и нет. Если мы были правы в учете политического момента, если не переоценивали глубины разгрома белопольской армии и если утомление Красной Армии не было чрезмерным, то к задаче надо было приступить немедленно. В противном случае от операции, весьма возможно, нужно было бы отказаться совсем, так как было бы уже поздно подать руку помощи пролетариату Польши и окончательно обезвредить ту силу, которая совершила на нас предательское нападение. Неоднократно проверив все перечисленные сведения, было принято решение безостановочно продолжать операцию».

Собственно, за единственно разумное в тех условиях решение

«отказаться совсем» от наступления на Варшаву, остановиться на Западном Буге и добиваться заключения мира выступал один только Троцкий. Но его голос не был услышан. ЦК постановил: наступать. Тухачевский требовал объединения под своим командованием обоих фронтов, действовавших против Польши после выхода к Бугу и занятия Брест-Литовска. Позднее именно запозданием такого объединения он объяснял неудачу под Варшавой. Однако в мемуарах фактически признал, что управлять войсками Юго-Западного фронта был не в состоянии, поскольку не располагал средствами связи: «.. Болотистое Полесье не позволяло непосредственного взаимодействия Западного фронта и Юго-Западного фронта… Когда… мы попробовали осуществить объединение, то оказалось, что оно почти невыполнимо в силу полного отсутствия средств связи. Западный фронт не мог установить последней с Юго-Западным. Мы при наличии тех несчастных средств, которые имелись в нашем распоряжении, могли эту задачу выполнить не скоро, не ранее 13–14 августа, а обстановка уже с конца июля настойчиво требовала немедленного объединения всех этих войск под общим командованием… Рассчитывая со дня на день получить в свое подчинение 12-ю и 1-ю Конную армию, командование Западным фронтом уже заранее предопределяло им подтягивание к левому флангу основных армий фронта, но дело затягивалось, и эта задача осталась висеть в воздухе».

Расчеты Тухачевского оказались построены на песке. Еще 2 августа Политбюро приняло решение об объединении под его командованием войск двух фронтов. Однако передачу в Западный фронт 1-й Конной и 12-й армии осуществить немедленно не было возможности. 8 августа Тухачевский предложил штабу Юго-Западного фронта создать временный оперативный пункт для управления этими армиями, поскольку «обстановка требует срочного объединения армий, а средств быстро установить с ними всестороннюю связь у нас нет». Егоров и Сталин не возражали, но считали, что оперативный пункт должен создаваться силами и средствами Западного фронта, чтобы не дробить штаб Юго-Западного, которому предстояло руководить войсками, действовавшими против Врангеля. «Всякое другое решение вопроса, — утверждали они, — считаем вредным для дела вообще, в частности для достижения успеха над Врангелем». Здесь проявились местнические интересы руководства Юго-Западного фронта, не желавшего усложнять себе жизнь при организации операций против Врангеля. Кроме того, Егоров и Сталин надеялись, что Львов вот-вот падет, и рассчитывали пожать славу покорителей столицы Восточной Галиции. Главное

же, всё еще царила эйфория в связи с, казалось, уже состоявшимся разгромом «белополяков». Думали, что одновременно можно уничтожить и последнюю из белых армий — Русскую армию барона П. А. Врангеля. При этом как будто забылось, что польский фронт оставался основным театром войны, а вырвавшаяся из Крыма врангелевская армия, несмотря на захват Северной Таврии, всё равно не могла угрожать тылам наступавших на Варшаву и Львов советских войск.

Только 11 августа была достигнута договоренность о повороте 12-й и 1-й Конной армий на Варшаву. В этот день главком приказал вывезти Конармию в резерв, а 12-ю перенацелить на Люблин. Однако при передаче директив шифр был искажен, и руководство Юго-Западного фронта смогло ознакомиться с ними лишь 13 августа. А за день до этого уже бросили 1-ю Конную на «последний решительный» штурм Львова, хотя уже не имели права это делать. Конница Буденного по приказу главкома находилась в резерве и могла быть введена в бой лишь с его согласия. Сталин и Егоров рассчитывали быстро взять Львов, а потом бросить войска на помощь Западному фронту или даже, как предлагал Сталин, — сразу на крымский участок фронта, если под Варшавой всё уже будет кончено. Тухачевский тем временем потребовал немедленной передачи ему обеих армий. Главком отдал соответствующую директиву, требуя передачи армий к полудню 14 августа. Реввоенсовет Юго-Западного фронта возражал, что Конармия и 12-я армия уже втянуты в бои за Львов и немедленно двинуть их на север не представляется возможным. В действительности, как утверждает в своих мемуарах Буденный, в тот момент Конармия еще только выдвигалась к Львову и завязала бои с арьергардами противника. Ее еще можно было повернуть на Грубешов и Замостье для содействия войскам Тухачевского. Однако Егоров и Сталин упорно продолжали гнать конницу к Львову.

Тем временем Тухачевский продолжал глубокий обход польской столицы с севера. 8 августа он отдал приказ о форсировании Вислы 14-го числа. Четыре армии наступают севернее Варшавы — 3-я, 4-я, 15-я и 16-я. Вместе с ними — вырвавшийся вперед 3-й конный корпус Гая, угрожающий польским тылам и, как и буденновская Конармия, вынуждающий поляков стремительно откатываться. Южнее польской столицы наступает только слабая Мозырская группа Т. С. Хвесина. Тухачевский подкрепил ее 58-й дивизией из 12-й армии. Он ощущает какое-то смутное беспокойство за свой открытый из-за отставания Юго-Западного фронта левый фланг. Но конкретных данных о сосредоточении здесь поляками сил для контрудара не

имеет. А такое сосредоточение уже разворачивается вовсю.

Между тем Ленин торопил Тухачевского с занятием Варшавы и выходом к Данцигу. Советский вождь бомбардировал заместителя Троцкого Э. М. Склянского записками уже после начала польского контрнаступления (о котором в Москве еще не знают): «Если с военной точки зрения это возможно (Врангеля без этого побьем), то с политической архиважно добить Польшу…»; «Надо нажать: во что бы то ни стало взять Варшаву в 3–5 дней…»; «Немцы пишут, что Красная Армия близко от Грауденца. Нельзя ли там налечь и вовсе отрезать Польшу от Данцига?» Ильич видит простой способ обойтись под Варшавой даже без Конармии: указать руководству Западного фронта «поголовно (после сбора хлеба) брать в войско всех взрослых мужчин»; «Мобилизовать поголовно белорусских крестьян. Тогда вздуют поляков без Буденного…». Но вздуть не получилось.

Хорошо известно, что у победы много отцов, а поражение всегда сирота. После войны в Польше шли долгие споры, кто первый предложил идею контрнаступления с рубежа реки Вепш во фланг армий Тухачевского. Основных претендентов было трое. Это, в первую очередь, сам польский главнокомандующий «первый маршал» Юзеф Пилсудский, по выражению Марка Алданова, новый пан Володыевский, который «словно сорвался со страниц исторических романов Сенкевича», «последний пан Володыевский… вступивший в эпоху, когда Володыевским нечего делать». Это — начальник польского Генштаба генерал Тадеуш Розвадовский, будущий политический противник Пилсудского. Это, наконец, французский генерал Максим Вейган, являвшийся в те дни советником англо-французской военной миссии в Польше. Кстати, двое последних на дух не переносили друг друга и общались посредством записок или через Пилсудского. Объективное исследование опубликованных после войны документов и мемуаров показывает, что главную роль в успехе польского контрнаступления под Варшавой сыграл всё же «первый маршал». Вейган предлагал главный удар нанести на севере, чтобы защитить Данциг, против левого фланга Тухачевского ограничившись вспомогательным наступлением. Он считал, что ради успеха под Варшавой можно пожертвовать Восточной Галицией и Львовом. Пилсудский же настоял, что на севере должен быть лишь вспомогательный удар. Главное наступление маршал решил осуществить с Вепша, в разрыв между Западным и Юго-Западным фронтом. Розвадовский же, по должности, разрабатывал конкретные планы сражения, почему все директивы на проведение Варшавской операции подписаны им. Однако замысел ее принадлежал Пилсудскому. Розвадовский

предлагал главный удар нанести из района Гура-Кальвария вблизи Варшавы. Главнокомандующий, однако, остановился на более рискованном наступлении из района реки Вепш, гарантирующем более глубокий обход противника.

6 августа польское главное командование отдало знаменитый «приказ о перегруппировке», считающийся началом Варшавской операции. Северо-Восточный польский фронт предполагалось отвести на Вислу. Одновременно было решено «принять генеральное сражение у Варшавы». Польский план, согласно этой директиве, заключался в следующем: «1) связать противника на юге, прикрывая Львов и нефтяной бассейн (район Дрогобыча. — Б. С.); 2) не допустить обхода на севере вдоль германской границы и ослабить размах противника путем кровавого отражения ожидающихся атак его на Варшавский тет-де-пон (предмостное укрепление на правом берегу Вислы. — Б. С.); 3) для центра — наступательная задача: быстро сосредоточить на нижнем Вепше маневренную армию с задачей ударить на тыл и фланги противника, наступающего на Варшаву, и разбить его; группа войск на верхнем Вепше, собранная для прикрытия сосредоточения маневренной армии с востока и юго-востока, будет содействовать маневренной армии в северо-восточном направлении». С польского Юго-Восточного фронта на север во вновь формируемую 5-ю армию перебрасывалась 18-я дивизия, отбившая Броды у конницы Буденного. Эта армия под командованием генерала Владислава Сикорского, будущего главы польского эмигрантского правительства в Лондоне, 14 августа перешла в наступление и потеснила 15-ю советскую армию. Благодаря этому Тухачевский еще более утвердился в том, что главные польские силы сконцентрированы на севере, и продолжал осуществлять свой план. Кавкорпус Гая 16 августа форсировал Вислу и занял Влоцлавск. Дивизии 3-й армии вторглись в Данцигский коридор и к 18 августа заняли Сольдау и Страсбург. Таким образом, советским войскам наконец-то удалось перерезать основную транспортную артерию, по которой шла в Польшу французская помощь. Но было уже слишком поздно. Польская ударная группировка, названная Средним фронтом, закончила сосредоточение на Вепше и перешла к решительным действиям.

Пилсудский лично возглавил войска Среднего фронта. Он так объяснил свое решение: «Я хорошо помнил, что большая часть моих сил, собранных в Варшаве, пришла в столицу после целого ряда поражений и неудач. Уменьшение числа войск, находящихся в городе, вывод из него хотя бы нескольких частей — это представлялось мне небезопасным. Так что же, десять дивизий,

почти половину польской армии, обрекать на пассивное бездействие? Вот вопрос, который я себе задавал… Любой вариант упирался в недостаток силы, показывая всю бессмысленность борьбы или увеличивая до невероятных размеров риск, перед которым пасовала логика. Всё представлялось в черном цвете, навевало безысходность и тоску… Контратака, независимо от того, каким количеством сил она будет проводиться, должна управляться одним командующим… Самая трудная задача выпадала на долю того, кто, будучи самым слабым, должен был выказать силу и, вопреки здравому смыслу, решить исход сражения. Я с самого начала решил, что ни от кого из своих подчиненных не могу требовать, чтобы этот абсурд он возложил на свои плечи, и если уж я, как верховный главнокомандующий, закладываю этот абсурд в основу своего решения, то я должен взять на себя и выполнение наиболее абсурдной его части. Поэтому я утвердился в мысли, что контратакующей группой — неважно, сильной или слабой — я буду командовать лично. На эту мысль меня навело и нежелание в ходе решающей операции находиться под давлением наших мудрствующих трусов и паникеров.

Сопоставив несколько раз все возможные варианты, я определил для себя две вещи: отвести на юг главные силы нашей 4-й армии, рискнув создать прикрытие с юга, и забрать из его состава две дивизии, которые я считал лучшими, — 1-ю и 3-ю легионеров. Затем я окончательно решил, что контратаку поведу сам, хотя и отдавал себе отчет, что тем самым могу внести беспорядок в управление, так как беру на себя непосредственное командование лишь небольшой частью тех войск, для которых я оставался верховным главнокомандующим».

Генерал Розвадовский 6 августа предложил сосредоточить 4-ю армию в районе Гарволина и ударить на север против советской группировки, атакующей Варшаву. Пилсудский счел этот вариант слишком рискованным: превосходящие силы Западного фронта легко могли сбросить армию генерала Сикорского в Вислу (в том районе не было мостов и переправ). Маршал приказал ей отходить на юг, а две дивизии легионеров перебросить из состава Южного фронта для усиления контрударной группировки. 6-й польской армии было предписано отходить к Львову. Пилсудский предусмотрел и меры на случай, если Конармия попытается прийти на помощь Тухачевскому: «Если же Буденный двинется на север, то вся наша конница и лучшая пехотная дивизия должны немедленно пойти вслед за ним и любыми способами помешать его продвижению. Посовещавшись, в качестве района сосредоточения мы выбрали место, защищенное сравнительно

широкой рекой Вепш, с опорой левого фланга на Демблин. Тем самым прикрывались мосты и переправы как через Вислу, так и через Вепш».

13 августа Пилсудский вступил в командование Срединным фронтом и прибыл в его штаб в Пулавах на правом берегу Вислы. Польскому «верховному вождю» предстояло помериться силами с победителем российского «верховного правителя». Пожалуй, единственный раз за всю гражданскую войну Тухачевский имел против себя полководца, достойного его таланта, и войска, значительно отличающиеся по боевому духу от наспех, буквально из-под палки набранных белых армий Колчака и Деникина. В отличие от польского главкома, командующий Западным фронтом предпочел следить за решающими событиями под Варшавой издалека, все время оставаясь во фронтовом штабе в Минске. Может быть, это было ошибкой. Не исключено, что на месте Тухачевскому все же удалось бы разглядеть грозящую опасность, и если не предотвратить катастрофу, то уменьшить ее размеры. Впрочем, только из Минска он имел более или менее надежную связь со всеми подчиненными армиями, и не было гарантий, что при перемещении на запад можно будет поддерживать ее хотя бы на прежнем уровне. Так что, кто знает, не было бы даже хуже, если бы Тухачевский перед началом наступления на Варшаву решил перебраться, скажем, в Брест, в штаб Мозырской группы.

Потом, после войны, Тухачевский объяснял свое поражение численным превосходством противника и невыполнением командованием Юго-Западного фронта распоряжения главкома о переброске под Варшаву 1-й Конной армии. Ну, насчет численного превосходства он, безусловно, не оригинален. Во все времена и у всех народов проигравшие старались списать неудачи на численный перевес неприятеля, даже тогда, когда такого перевеса и в помине не было. Если почитать, например, советскую историографию Великой Отечественной, то создастся стойкое впечатление, что немцы превосходили Красную Армию в людях и технике вплоть до 43-го года, а порой — и в 44-м и чуть ли не в 45-м. Что же касается проблемы поворота армий Юго-Западного фронта на Варшаву, то она дискутировалась в Советском Союзе с начала 20-х и вплоть до начала 90-х и, в зависимости от политической конъюнктуры, решалась то в пользу Сталина, Егорова, Ворошилова и Буденного, то в пользу Тухачевского и Реввоенсовета Западного фронта. Посмотрим, как же обстояло дело в действительности.

Михаил Николаевич настаивал: «Западный фронт насчитывал в своих рядах едва только 40000 штыков. Зато польские силы

возросли до 70000 с лишком, по нашим разведывательным данным того времени, а на самом деле они были еще больше». И в другом месте повторил для убедительности: «По нашим подсчетам, возросший в числе противник имел… до 70000 штыков и сабель… Силы Западного фронта не превышали 40000 штыков и сабель». Пилсудский над этой арифметикой откровенно посмеялся: «Самыми забавными являются явно предвзятые расчеты и итоги… показывающие соотношение сил перед началом 4 июля главной советской операции, завершившейся под Варшавой. В самом низу таблицы добавлена рубрика: запасные батальоны и эскадроны действующих полков. Для нас они показаны цифрой 27000 штыков и 1200 сабель, готовых влиться в строй. С русской же стороны мы находим вместо штыков и сабель лишь три звездочки, не означающие никакую цифру, но зато поясняющие, что батальоны и эскадроны уже учтены в составе дивизий… Неизвестно почему в некоторых наших пехотных дивизиях каким-то чудом появилась конница в постоянно повторяющемся количестве 400 сабель, в то время как другие дивизии таким подарком облагодетельствованы не были… Такой странный расчет соотношения наших и советских сил, полный грубых ошибок, мог бы стать весьма грустным свидетельством плохой работы советских штабов в войсках, которыми командовал г-н Тухачевский, если бы не его явная агитационно-публицистическая направленность… выражающаяся в том, чтобы в окончательном итоге, в сумме, выводимой внизу колонок, тенденциозно преувеличить наши силы и, наоборот, приуменьшить свои».

Пилсудский ловит своего бывшего противника на очевидных противоречиях: «Г-н Тухачевский утверждает, что свыше 30 000 вполне надежных людей было мобилизовано и влито в ряды Красной Армии во время похода от Березины и Западной Двины на Варшаву, добавляя, что это есть „характерный блестящий пример классового укомплектования“. Однако в расчетах численного состава армий нет и следа нового пополнения. Естественно, возникает вопрос, где же на самом деле содержатся эти намеренные преувеличения г-на Тухачевского — в цифровых данных, приведенных в таблицах и имеющих явно агитационный характер, или в публицистическом восхвалении энергии красноармейских работников и системы классового комплектования армии?»

Со своей стороны, польский главнокомандующий, подобно уже знакомому нам барону Будбергу, весьма критически относился к донесениям подчиненных и призывал подобный здоровый критицизм применить и к советским донесениям о

численности войск: «О количественном составе своих сил можно судить на основании донесений, периодически представляемых командирами различных частей. Однако каждого, кто захочет опираться только на эти данные, я, как историк, должен предостеречь от этого опрометчивого шага. Прежде всего потому, что любое донесение, независимо от того, какая информация в нем содержится, с исторической точки зрения может считаться надежным источником лишь после критического анализа, ведь донесения пишутся для начальства, они всегда имеют цель не только отчитаться в чем-либо, но и подспудно склонить начальника к тем или иным мыслям, к тем или иным решениям в отношении пишущего это донесение. Если так происходит в армиях, имеющих глубокие традиции и давным-давно до мельчайших деталей отработанную систему подготовки кадров, то что же говорить о нашей армии, совсем недавно сформированной и, если речь идет о командирах, состоящей из людей, по сути дела случайно собранных из самых разных армий и школ. Именно по этой причине я никогда не относился в достаточной степени серьезно к донесениям наших командиров о численном составе войск. Я всегда вносил в них одну суммарную поправку, а именно: в нашей армии очень широко распространилась система откомандирования множества людей из боевых частей в ближний или дальний тыл для выполнения работ в интересах войск или командиров и по разным хозяйственным надобностям (в Красной, а особенно позднее, Советской Армии эта система „хозяйственного использования“ солдат, в том числе для строительства генеральских дач и прополки командирских огородов, расцвела пышным цветом. — Б. С.). В донесениях же эти откомандированные никогда или почти никогда не указывались, и для начальства их считали постоянно находящимися в полках. Попустительство в этом отношении зашло у нас слишком далеко, и мне не приходит на память хотя бы один случай, когда кто-нибудь из командиров применил бы здесь строгие дисциплинарные меры. Поэтому всегда, получая донесения о численности армий, я вносил в итоговую сводку… суммарную поправку… — по крайней мере треть людей, считавшихся штыками и саблями, я не засчитывал в боевой состав…

Я вовсе не хочу сказать, что советская армия не знала подобной системы хозяйственного откомандирования штыков и сабель. Более того, я уверен, что так и было. Тем не менее… дисциплина у нашего противника была чрезвычайно жесткой, часто даже жестокой, а меры, предпринимаемые для ее поддержания, настолько суровыми, что, думаю, неприятельскому

командующему не было необходимости производить такие грустные расчеты, какие делал я».

Пилсудский признался, что сильно завидовал командиру одной из советских дивизий, который сумел увеличить ее боевой состав за счет обозников и тыловых команд. В польской армии припомнить подобного маршал не смог. Он показал, каким образом подсчитывал количество своих войск и воск противника. По показаниям пленных оценивалась численность эскадронов и рот, а на основе этого — батальонов, полков и дивизий. Другой способ заключался в определении общего числа тех, кого удалось поставить под ружье, а потом в установлении примерного процента тех, кого реально можно было послать в бой. Этот процент, по расчетам Пилсудского, для польской армии составлял не более 12–15. Пилсудский следующим образом объяснил, почему так произошло: «Неблагополучное состояние нашей военной организации было следствием чрезвычайно поспешного и неорганизованного формирования нашей армии, которое мы начали только в 1918 году, и притом практически с нуля (Красная Армия находилась абсолютно в таком же положении. — Б. С.)… Представители нашей военной администрации всеми силами избегали, как какого-то греха, применения строгих дисциплинарных мер… Такое очевидное послабление в отношении тыловой работы приводило в итоге к тому, что огромная часть человеческого материала протекала у администрации между пальцев. Я всегда смеялся, что мы не можем избавиться от добровольческого характера армии, так как у нас воюет только тот, кто хочет, или тот, кто дурак».

Польский «верховный вождь» полагал, что в Красной Армии процент бойцов по отношению к общему числу едоков, из-за более жестких дисциплинарных мер против дезертиров и уклоняющихся от участия в бою, был существенно выше, и оценивал его до 25 процентов. Поскольку в составе Западного фронта в августе 1920 года числилось около 795 тысяч человек, то на период Варшавского сражения Пилсудский оценивал силы Тухачевского в 130–150 тысяч бойцов, а противостоявшие им польские войска — в 120–180 тысяч. Такая оценка кажется ближе к истине, чем та, что содержится в «Походе за Вислу». Вспомним, что тот же Будберг сетовал в период тяжких поражений колчаковских армий: «В неуспехе фронта виноваты те, которые позволили армии распухнуть до 800 тысяч ртов при 70–80 тысячах штыков…» Совершенно невероятно, чтобы во время победоносного марша на Варшаву Красная Армия имела столь ничтожную долю штыков и сабель, как и подвергшаяся разгрому и стремительно разлагавшаяся армия адмирала Колчака. К тому

же после варшавской катастрофы более 80 тысяч человек из состава Западного фронта попали в польский плен, а еще более 40 тысяч оказались интернированы в Восточной Пруссии. В основном *это* были те, кого на военном жаргоне именуют штыками и саблями — тылы-то ведь успели убежать за Западный Буг и спастись. Кроме того, многие бойцы и командиры нашли смерть в бою, а некоторой, хотя и небольшой части боевых подразделений Западного фронта удалось избежать гибели. Каким же образом взялось свыше 100 тысяч пленных и интернированных, если, по уверениям Тухачевского, его фронт располагал всего 70000 штыков и сабель? Нет, по всей вероятности, в Варшавском сражении силы противников были равны. Не исключено даже, что Тухачевский имел небольшое численное превосходство, но оно никак не могло ему помочь. План Пилсудского заключался в том, что польская ударная группа последовательно громила красных по частям, оказываясь в каждый данный момент сильнее противостоявших ей войск: сначала Мозырской группы, а потом — разрозненно вступавших в бой дивизий 16-й армии.

Войска, наступавшие с рубежа реки Вепш, были лучшими в польской армии. 1-ю и 3-ю дивизии легионеров развернули из бригад легионеров, сформированных Пилсудским в составе австрийской армии в начале первой мировой войны. Их костяк составляли закаленные бойцы, с большим боевым опытом. Две другие дивизии, 14-я Познанская и 16-я Поморская, в значительной степени были укомплектованы кадровыми унтер-офицерами и солдатами германской армии, также прошедшими войну. Как отмечал польский военный историк капитан Генерального штаба Адам Боркевич, «обе эти дивизии… характеризовало воспитание на немецкой тактической доктрине, а именно: сплоченность в бою, обеспечение себе условий и средств боя…». Теми же качествами обладали и дивизии легионеров. Кроме того, польские войска были охвачены патриотическим подъемом и на Красную Армию смотрели как на наследницу царской, стремящуюся поработить Польшу.

Иные настроения господствовали в войсках Тухачевского, даже в самом боеспособном из них — 3-м конном корпусе. Сражавшийся в его рядах П. М. Давыдов, в ту пору командовавший бригадой, вспоминал, как начальник 10-й кавдивизии Томин докладывал Гаю: «Три полка моей дивизии в ходе утреннего боя с конниками первой польской армии откатились без моего ведома на пятнадцать верст к пограничной деревне Ленчик и ушли к немцам… Со мной осталось всего четыреста бойцов и командиров». Легкораненый комиссар

корпуса Постнов вместе с политотделом присоединились к остаткам одной из стрелковых дивизий и перешли прусскую границу. Томин так рассказывал о состоянии и настроении своих бойцов: «После сегодняшнего боя моих полков и их позорного бегства за границу я не верю в наши возможности догнать фронт. Кони у нас никудышные, бойцы измотались и не верят нам, командирам, а верят тем, кто доказывает, что переход границы — лучший выход из создавшегося положения. Немцы разоружат нас, но не убьют, как могут сделать белополяки. Ведь наш корпус для пилсудчиков был грозой! Белополяки ненавидят нас. Помните, как поступили они, захватив в Новограде мой взвод? Все двадцать пять бойцов были убиты выстрелами в головы».

Тухачевский считал, что, если бы вовремя получил Конармию, можно было не только предотвратить разгром фронта, но и взять Варшаву. Много лет спустя он прервал вопрос одного из сотрудников штаба РККА В. Н. Ладухина о Варшавском сражении: «Не могу до конца понять, почему же вдруг в августе…» — характерной репликой: «На войне нередко случается „вдруг“. Но здесь было не совсем „вдруг“. Вы не первый, от которого я слышу этот вопрос. И всегда советую: обращайтесь, как и при всех сложных случаях, к Ленину. Ведь он ясно сказал, что мы переоценили тогда перевес наших сил. Это в равной мере относится и к главному командованию, и к командованию обоих фронтов — Западного и Юго-Западного». А в ответ на робкую попытку собеседника возразить, Михаил Николаевич продолжил: «Понимаю, вас интересуют частности. Но они неотделимы от общей причины. Командование Западного фронта, развивая наступление, имело все основания к концу лета двадцатого года внести некоторую поправку в оперативный план. Сергей Сергеевич Каменев не возражал против маневра армий Западного фронта севернее Варшавы. Он, как и я, вначале не особенно беспокоился за левый фланг Западного фронта, который предполагалось усилить тремя армиями с Юго-Западного фронта. Появление в намеченный срок даже одной Конной армии в районе Люблина сорвало бы контрудар Пилсудского…» Здесь Тухачевский ссылался на известные слова Ленина: «При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка… Эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами». Задним умом и председатель Совнаркома, и командующий Западным фронтом оказались крепки.

В книге «Поход за Вислу» Тухачевский так изложил события, связанные с переподчинением 1-й Конной: «Главное командование, учитывая необходимость консолидации левого

фланга Западного фронта, 11 августа в 3 часа отдает Юго-Западному фронту директиву о необходимости изменить группировку сил Юго-Западного фронта и в самом срочном порядке двинуть конную армию в направлении Замостье — Грубешов. Расчет времени и пространства показывает, что эта директива Главного Командования могла быть безусловно выполнена до перехода южной польской группировки в наступление. Если бы выполнение несколько и запоздало, то польские части, перешедшие в наступление, были бы поставлены перед неизбежностью полного разгрома, получив по тылам удар нашей победоносной конной армии». Командующий Западным фронтом был уверен, что против Конармии действуют только полторы польские кавалерийские дивизии и «украинские партизанские части». Под последними имеется в виду украинская армия генерала Павленко. Она насчитывала свыше 11 тысяч бойцов, но располагала всего 2 орудиями и 29 пулеметами и серьезной военной силы из себя не представляла. Однако Тухачевский ошибся. В тот момент против Конармии были сосредоточены куда большие силы — не только польская кавалерия, но и еще немалая толика пехоты. Пилсудский и тут не упустил повода посмеяться над поверженным противником: «В отношении наших действий у г-на Тухачевского есть еще одно странное недоразумение. Он утверждает, что мы вывезли из Восточной Галиции почти все войска, оставив там только украинские формирования Петлюры и генерала Павленко с одной кавалерийской дивизией. Правда, он сам сомневается в этом и уточняет, что кое-какие пехотные дивизии, как осколки нашей армии, там могли еще остаться. Но, одобряя в другом месте эту нашу смелость, он тем самым, как мне кажется, ищет возможность преувеличить собранные против него польские силы и одновременно обвинить своих южных коллег в том, что они не помогли ему во время разгрома под Варшавой. Однако дело обстояло совершенно иначе. Из нашей 6-й армии была вывезена только 18-я дивизия и небольшая часть конницы, а 12-я, 13-я и половина 6-й дивизии остались на месте. Кроме того, туда прибыла 5-я дивизия, сильно потрепанная в боях на севере…» Польский главнокомандующий вообще считал неосновательными расчеты Тухачевского на помощь со стороны 1-й Конной и 12-й армий, доказывал, что при любом развитии событий они не успели бы прибыть вовремя, чтобы повлиять на исход Варшавского сражения: «Признаюсь, что как во время самой войны, так… и при ее аналитическом разборе я не могу избавиться от впечатления, что г-н Тухачевский вовсе не рассчитывал на взаимодействие с югом, потому что он поставил

себе такую далекую цель, как форсирование Вислы между Плоцком и Модлином… А достижение столь глубокой цели было бессмысленно связывать и с действиями 12-й армии, робко переминающейся с ноги на ногу у Буга, и с действиями потрепанной армии Буденного, которая в течение нескольких дней после неудачи под Бродами не подавала никаких признаков жизни. Если сосредоточение советских войск под Варшавой (чего, кстати, я ожидал) отодвигало г-на Тухачевского от 12-й армии на Буге более чем на 200 километров, то „поход за Вислу“ в ее нижнем течении за Варшавой (чего я совсем не ждал) добавлял к этому расстоянию еще добрую сотню километров, превращая в полную иллюзию взаимодействие с оставшейся где-то далеко на востоке 12-й армией».

Если бы Конармия действительно начала свой маневр на север 11 августа, согласно директиве главкома, то выйти в тыл польской ударной группировки до того, как определился успех контрнаступления от Вепша, она могла только в том случае, если бы львовская группировка поляков осталась в бездействии и буденновские кавалеристы совершали бы марш без всяких препятствий, словно на учениях. Но мы уже убедились, что именно такого маневра опасалось польское командование и планировало любой ценой задержать Буденного. Сил для этого у поляков было достаточно. И сам командующий 1-й Конной считал, что его войска не могли в те дни немедленно повернуть от Львова на Люблин: «Все попытки главкома сменить Конармию пехотой и полностью вывести ее в резерв, начиная с 6 августа, не имели успеха. 13 августа он, разговаривая по прямому проводу с командующим Западным фронтом, заявил, что Конармия и сейчас стоит перед стеной пехоты, которую ей до сих пор не удалось сокрушить». Выходит, знал Тухачевский, что перед Юго-Западным фронтом — не «партизанские части», а «несокрушимая стена пехоты», и лукавил в своей книге, дабы оправдаться перед историей.

Буденный указал, что позднее, 16 августа, когда наконец поступила директива Тухачевского о выводе конницы из боя и сосредоточении ее в районе Владимира-Волынского для удара в люблинском направлении, она была еще более невыполнима, чем пятью днями раньше. Конармия вела тяжелые бои за Бугом, а сменять ее было некому. Семен Михайлович доказывал, что «физически невозможно было в течение одних суток выйти из боя и совершить стокилометровый марш, чтобы 20 августа сосредоточиться в указанном районе. А если бы это невозможное и произошло, то с выходом к Владимиру-Волынскому Конармия всё равно не смогла бы принять участия в операции против

люблинской группировки противника, которая… действовала в районе Бреста», то есть значительно восточнее. Так что на самом деле Тухачевскому трудно было винить в собственной неудаче соседей.

С данным Буденным объяснением действий 1-й Конной в период Варшавского сражения нельзя не согласиться. Вообще мы как-то привыкли представлять Семена Михайловича лихим рубакой, лишенным всякого оперативного кругозора. И еще: его имя неизменно произносится рядом с именем Ворошилова. И аксиомой уже стала большая и давняя дружба Семена Михайловича и Климента Ефремовича. У Буденного, пожалуй, вера в эту дружбу сохранилась на всю жизнь. А вот «луганский слесарь Клим» испытывал к командарму 1-й Конной гораздо более сложные чувства. В доверительном письме Сталину 1 февраля 1923 года Ворошилов без тени смущения утверждал: «Буденный… слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер… В представлении наших врагов, Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего „народное“ движение… Если действительно произошло бы когда-нибудь серьезное столкновение… интересов между пролетариатом и крестьянством, Буденный оказался бы с последним… Буденного знаю лучше, чем кто бы то ни было в партии, и считаю вместе с тобой, что его необходимо использовать для революции целиком и полностью. В меру моих сил я делал в этом отношении всё от меня зависящее, и как будто бы результаты положительные».

Особенно беспокоила будущего наркома обороны невероятная популярность Буденного среди конармейцев: «Наши милые товарищи (в центре), не отдавая себе отчета, чересчур уж много кричат о Буденном, „буденновской“ армии, „буденновцах“ и прочем, что ни в какой мере не отвечает ни партийным, ни общереволюционным задачам. Сегодня комиссар штаба 1-й Конной т. Тер сообщил мне случай из жизни эскадрона при штарме 1-й Конной. На вопрос молодому красноармейцу, за что он будет драться, последний ответил: „За Буденного“».

Выходит, «друг Клим» «друга Семена» использовал всецело в интересах партии и пролетарской революции, а в случае чего мог и шлепнуть, как бывшего командира Конного корпуса Бориса Мокеевича Думенко, о чем с гордостью вспоминал в том же письме: «Если бы я вовремя не убрал Думенко, он наделал бы нам больших неприятностей». И тогда всерьез опасался, что в случае конфликта партии с крестьянством народ тряхнет стариной, вспомнит Разина и Пугачева и изберет Буденного своим вождем. Его, как и Тухачевского, подозревали в бонапартизме. Нельзя

допустить, чтобы красноармейцы шли в бой и умирали «За Буденного». Положено-то было умирать «За партию»; «За мировую революцию»; сначала «За Ленина»; потом «За Сталина».

В сущности Буденного могла постигнуть та же судьба, что и Тухачевского (в 5-й армии, например, бойцы вполне могли умирать и «За Тухачевского», и недаром слово «пятоармеец» пользовалось таким же уважением, как и «конармеец»). Только Семен Михайлович становился неудобен при конфликте партии с крестьянством, а Михаил Николаевич — при конфликте со старой, дореволюционной интеллигенцией, теми же бывшими царскими офицерами. Всё было во власти случая. Другое дело, что в конце концов Сталин и Ворошилов сделали свой выбор в пользу Буденного, решив использовать его популярность и то, что в гражданской войне Семен Михайлович был наиболее тесно связан с ними, так что его успехи — это и их, Сталина с Ворошиловым, успехи. Всё равно надо иметь в армии прослойку преданных командиров. А Семен Михайлович — человек простой, не слишком образованный, крестьянского происхождения. От него подвоха ждать труднее, чем от всезнайки-аристократа. И в итоге Буденный оказался среди тех, кто судил и отправил на казнь Тухачевского и его товарищей. Но это было через долгих семнадцать лет. Тогда, под Варшавой, ничто еще, казалось, не предвещало трагической развязки.

Г. С. Иссерсон, настроенный по отношению к Тухачевскому почти апологетически, все-таки признает, что последний «по своей молодости и недостаточной еще опытности в ведении крупных стратегических операций в тяжелые дни поражения его армий на Висле не смог оказаться на должной высоте, хотя и проявил широкое понимание обстановки в масштабе всего польского театра войны. Впервые оказавшись в таком положении, неся огромную ответственность перед Революцией, он переживал в августовские дни 1920 года большую трагедию… Тухачевский упустил время для трудной, но всё же возможной перегруппировки с далеко зашедшего правого крыла к своему центру и левому флангу… Тухачевский со своим штабом находился далеко в тылу. Все его управление ходом операции держалось на телеграфных проводах, и, когда проводная связь была прервана, командующий оказался без войск, так как не мог больше передать им ни одного приказа».

Сам Тухачевский подчеркивал: «Наши силы к… решающему моменту оказались раздробленными и глядящими по разным направлениям. Те усилия, которые были предприняты главным командованием для перегруппировки основной массы Юго-Западного фронта на люблинское направление, к сожалению, в

силу целого ряда неожиданных причин успехом не увенчались, и перегруппировка повисла в воздухе». Михаил Николаевич не уточнил, что «неожиданные причины» свелись главным образом к плохой работе связи и ошибкам шифровальщиков, из-за чего директивы часто доставлялись адресатам с опозданием на сутки. Зато он намекал на неблаговидное поведение Реввоенсовета Юго-Западного фронта, сравнивая Варшавскую операцию с операцией 1914 года в Восточной Пруссии: «Там Ренненкампф задался целью взять Кёнигсберг и двинул на северо-запад всю свою армию, в то время как Гинденбург отходил на юго-восток, во фланг армии Самсонова. Это позволило ему сосредоточить все свои силы против половины русских войск, рассчитывавшей на взаимодействие соседа».

Командующий Западным фронтом надеялся, что, имея «против правого фланга польской основной группировки не менее 14… стрелковых дивизий и 3-й конный корпус» и учитывая «моральное превосходство», можно рассчитывать на победу. Он пренебрег данными разведки. Еще 10 августа в руки бойцов 1-й Конной попал приказ командования 3-й польской армии от 8 августа, где ставилась задача на отход для сосредоточения в районе Вепша. Тухачевский и главком сочли приказ дезинформацией. Дело в том, что с целью прикрыть отход 1-я и 3-я дивизия легионеров атаковали и потеснили соединения 12-й армии. Поэтому командование Юго-Западного фронта решило, что перечисленные в приказе дивизии все еще на прежних позициях и перегруппировываться не собираются. Тухачевский и Каменев поверили Егорову и Сталину. Вплоть до начала польского контрнаступления Западный фронт так и не смог вскрыть сосредоточение ударной группировки противника. Командующий фронтом пребывал в уверенности, что почти вся польская армия сконцентрирована в Варшаве и к северу от нее. Он продолжал осуществлять свой замысел. Между тем, 14 августа перешла в контрнаступление 5-я польская армия, и одно происшествие, вызванное этим контрнаступлением, оказалось, по мнению Тухачевского, роковым для исхода всего Варшавского сражения: «Полевой штаб 4-й армии, перешедший при наступлении в город Цеханов, был неожиданно атакован прорвавшимися между 4-й и 15-й армиями мелкими частями противника и должен был поспешно сняться и уехать на запад к своим частям. Таким актом нарушалась связь между штабом фронта и 4-й армией, которая больше не восстанавливалась вплоть до начала нашего отступления, что, конечно, произошло благодаря полному отсутствию в нашем распоряжении каких бы то ни было средств стратегической связи».

Тухачевский думал, что войска Сикорского окажутся легкой добычей: «5-я армия, слабейшая по числу единиц и слабейшая духом, перешла в наступление против нашей 15-й и 3-й армий, когда над ее оголенным левым флангом нависли самые свежие, самые боеспособные наши части 4-й армии. Радость этого события для фронтового командования была чрезвычайно велика, и оно отдало приказ 15-й и 3-й армиям на всем фронте встретить наступление противника решительным контрударом и отбросить его за реку Вкра; 4-й армии, оставив заслон в торнском направлении, всеми своими силами атаковать перешедшего в наступление противника во фланг и тыл в новогеоргиевском (модлинском. — Б. С.) направлении из района Рационж — Дробин. Казалось, гибель 5-й армии противника являлась неминуемой, и уничтожение ее повлекло бы самые решительные последствия в дальнейшем ходе всех наших операций». Но прекраснодушные мечтания командзапа опять, как уже не раз бывало в его боевой практике, разбились о всемогущее «вдруг». Тухачевский так объяснил постигшую его неудачу: «Полякам повезло. Наша 4-я армия, где новый командарм (в начале августа, за несколько дней до последнего наступления на Варшаву, Е. Н. Сергеева сменил начальник штаба А. Д. Шуваев. — Б. С.) потерял связь со Штабом фронта, не отдавала себе ясного отчета в складывающейся обстановке. Не получая приказов фронта, она выставила в районе Рационж — Дробин какой-то бесформенный полузаслон и разбросала свои главные силы на участке Влацлавск — Плоцк. 5-я армия противника оказалась спасенной, и совершенно безнаказанно, имея на фланге и в тылу у себя нашу мощную армию из четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизий, продолжала наступление против 3-й и 15-й армий».

В свете последующих событий радость Тухачевского остается совершеннейшей загадкой. Ведь даже не потеряй 4-я армия связи со штабом фронта и разбей 5-ю польскую армию, на исход сражения это могло повлиять только в худшую для красных сторону. Во-первых, даже в этом случае войска Сикорского вряд ли удалось бы полностью уничтожить. У него было четыре с половиной пехотных дивизии и до двух дивизий кавалерии — силы, практически равные силам 4-й армии, к тому же находящиеся в лучших условиях с точки зрения снабжения и скорее превосходившие противника в моральном отношении, вопреки утверждению Тухачевского. Во-вторых, и это главное, задуманный контрудар против 5-й польской армии, осуществись он в полном объеме, еще дальше увел бы основную массу войск Западного фронта на северо-запад и только уменьшил бы их шансы на спасение после успеха контрнаступления польского

Среднего фронта.

Да и само наступление к Данцигскому коридору в действительности не имело столь решающего значения, которое придавал ему Тухачевский. Перерыв снабжения через Данциг на несколько дней в тот момент уже не мог повлиять на успех польского контрнаступления. Кстати сказать, наиболее важный для Срединного фронта транспорт, ликвидировавший острую нужду в стрелковых боеприпасах, поступил еще 12 августа вовсе не через Данциг, а через Румынию. П. М. Давыдов приводит разговор по прямому проводу Г. Д. Гая с Д. А. Шуваевым в ночь с 15-го на 16-е августа по поводу вторжения в Данцигский коридор: «Один полк вы приказали выделить в распоряжение начальника 12-й дивизии для взятия Страсбурга. Я не понимаю, для чего нам так срочно понадобился этот город? Еще один полк дивизии Томина по вашему же приказанию пытается прорваться в местечко Любич под городом Торн. Зачем, кому это нужно?.. Надо принимать решения с учетом конкретной обстановки… Остальные части корпуса сконцентрированы по вашему требованию в двух отдаленных друг от друга местах для форсирования Вислы в районе городов Нешава и Влоцлавск. Разве можно при таком распыленном состоянии войск добиться успеха, ожидаемого от нас Тухачевским?» Фактически мощный удар на севере, на который рассчитывал командующий Западным фронтом, наносился не сжатым кулаком, а растопыренными пальцами и решающего успеха не принес.

Наступление польской ударной группы с рубежа реки Вепш, начавшееся 16 августа, пришлось по слабой Мозырской группе и 58-й дивизии 12-й армии. Для Тухачевского оно явилось неожиданностью. Правда, в последние дни, рассуждая логически, он не исключал атаки поляков против левого фланга фронта и потому настойчиво добивался передачи в свое подчинение Конармии и 14 августа переориентировал 16-ю армию на переправу через Вислу южнее Варшавы, потребовав одну дивизию выделить во фронтовой резерв. Но было поздно.

Мозырская группа и 58-я дивизия были разгромлены в первый же день польского контрудара. Такая же участь постигла выделенную во фронтовой резерв 8-ю дивизию 16-й армии. Как отмечает Боркевич, «вечером 16 августа Мозырская группа в действительности перестала существовать как оперативная единица». Разгром произошел так быстро, что части группы и ее штаб не успели информировать о начавшемся польском наступлении ни штаб 16-й армии, ни штаб Западного фронта. Тухачевский только 17-го утром узнал о происшедшем. Он отдал приказ своим северным армиям начать отход, чтобы избежать

ловушки. 16-я армия и Мозырская группа (что ее уже фактически не существует, командующий еще не знал) должны были задержать польскую контратакующую группировку, которую планировалось сокрушить ударом на Люблин 1-й Конной и 12-й армий. Тухачевский подозревал, что «отсутствие средств связи и бестолковые путешествия 4-й армии по Данцигскому коридору, по-видимому, не позволили получить командарму-4 отданного приказа вовремя». В действительности, по свидетельству Давыдова, командарм Шуваев директиву об отходе на юго-восток получил. Но собрать в короткий срок разбросанные далеко друг от друга дивизии и бригады было невозможно. Поэтому Шуваев, не представляя всей серьезности обстановки на левом крыле фронта, решил действовать как пьяница из анекдота, ищущий ключи не там, где потерял, а под фонарем, где светло. Командарм-4 приказал своим войскам и кавкорпусу Гая продолжать операции по форсированию Вислы, утратившие к тому времени всякий смысл.

Оказавшиеся в неприятельском тылу части Западного фронта утратили всякую боеспособность. В ночь с 19-го на 20-е августа из занятого тремя днями ранее Седльца Пилсудский писал военному министру генералу Сосновскому: «То, что здесь творится, трудно себе даже представить. Ни по одной дороге нельзя проехать спокойно — столько здесь шляется по окрестностям разбитых и рассеянных, но также и организованных отрядов с пушками и пулеметами. Пока что с ними справляется местное население и тыловые органы различных наших дивизий, которые, однако, должны идти дальше, за своими дивизиями; после их ухода остается такая ужасающая пустота, что если бы не вооружившиеся крестьяне, то завтра или послезавтра окрестности Седльца, наверное, были бы во власти разбитых и рассеянных нами большевиков, а я бы с отрядами вооруженных жителей сидел бы в укрепленных городах». Войска, с которыми без труда могут справиться вооруженные крестьяне, — это уже нечто, больше похожее на толпу с оружием, а не на регулярную армию. Тухачевский в одночасье лишился большей части подчиненных ему дивизий, да и на оставшиеся положиться было нельзя. Он пережил одно из тяжелейших потрясений в своей жизни, сравнимое только с германским пленом. По сути, Тухачевский опять оказался в плену, в плену обстоятельств — отрезанный от войск, бессильный что-либо изменить в ходе сражения.

Иссерсон свидетельствовал: «Тухачевский… остался безучастным зрителем разгрома своих армий. Тем тягостнее были его переживания. Когда Тухачевскому стала ясна картина уже разразившейся катастрофы и когда он уже ничего не мог сделать,

он заперся в своем штабном вагоне и весь день никому не показывался на глаза… Долгие годы спустя в частной беседе он сказал… что за этот день постарел на десять лет, намного вырос и понял все значение мысли Клаузевица о „трениях“ на войне… Он, несомненно, имел в виду те „трения“, которые пришлось ему испытать в своих отношениях с Главным командованием, руководством Юго-Западного фронта и Конармии и которых он не смог побороть».

В действительности бесполезно было надеяться на помощь со стороны Буденного. Конармия ни при каких условиях не успевала ударить в тыл войскам Пилсудского. К 22 августа поляки вышли к линии Остроленка — Ломжа — Белосток, тогда как основная часть армий Тухачевского оставалась западнее этой линии.

21 августа Ворошилов, уже после того, как 1-я Конная, подчинившись приказу, двинулась к Владимиру-Волынскому, направил телеграмму Реввоенсовету Республики, где осуждал отозвание Конармии из-под Львова: «…Снятие Конармии с Львовского фронта в момент, когда армия подошла вплотную к городу, приковав к себе до семи дивизий противника (насчет семи дивизий — обычное у военных поэтическое преувеличение, в действительности против 1-й Конной действовали полторы кавалерийские и две с половиной пехотные дивизии. — Б. С.), является крупнейшей ошибкой, чреватой значительными последствиями. Я не буду говорить о том, какое моральное действие оказывает подобный отход на армию. Вы это учтете сами, если вспомните огромные наши потери в последних боях, но я должен сказать, что, продолжая бои за овладение Львовом, мы не только служили бы магнитом для противника, но в то же время самой серьезной угрозой тылу его ударной группы, которой мы всегда смогли бы через Люблин нанести сокрушительный удар…» Климент Ефремович и Семен Михайлович отнюдь не были такими дураками и профанами в военном деле, какими их нередко изображают. Они прекрасно понимали, что никак не смогут от Львова грозить тылам польской ударной группировки, и что даже взятие Львова Тухачевскому будет как мертвому припарки. Но руководители Конармии хотели славы, которую принесло хотя бы кратковременное занятие Львова (о том, чтобы удержать город, нечего было думать). Кроме того, занятие богатой столицы Восточной Галиции действительно могло поднять боевой дух буденновцев, но как именно, Реввоенсовет Конармии предпочитал не уточнять. Дело в том, что многие свои проблемы конармейцы решали за счет «самоснабжения», проще говоря — грабежа. Зимой 20-го они славно пограбили Ростов, так что шум стоял на всю Красную Армию. Нельзя сказать, что

Ворошилов с Буденным грабежи поощряли — они прекрасно понимали их разлагающее влияние на бойцов. Но относились к этому как к неизбежному злу (многие и воевали-то, чтобы поживиться), следя лишь, чтобы разгул не перехлестнул через край.

После отхода от Львова Тухачевский 23 августа приказал Конармии двинуться в рейд на Замостье. Сам он был против этого, осознав, что спасти Западный фронт от разгрома уже невозможно, и отдал приказ о рискованном наступлении конницы только по настоянию главкома С. С. Каменева. Конармия в итоге с трудом вырвалась из окружения и полностью разложилась, ознаменовав свой поход по польской территории масштабными еврейскими погромами. Писатель Исаак Бабель, служивший в редакции газеты «Красный кавалерист», во время злосчастного рейда на Замостье зафиксировал «начало конца 1-й Конной». Он отмечал, что «комсостав подавлен» и появились «грозные признаки разложения». Еще хуже было положение в соседней 12-й армии. Бабель описал его следующим образом: «Заведение, которое называется 12-ой армией. На одного бойца — 4 тыловика, 2 дамы, 2 сундука с вещами, да и этот единственный боец не дерется. Двенадцатая армия губит фронт и Конармию, открывает наши фланги, заставляет затыкать собой все дыры. У них сдались в плен, открыли фронт уральский полк или башкирская бригада (ранее обе эти части были в колчаковской армии. — Б. С.). Паника позорная, армия небоеспособна. Типы солдат. Русский красноармеец-пехотинец — босой (как свидетельствует Пилсудский, босые солдаты не были редкостью и в польской армии. — Б. С.), не только не модернизованный, совсем „убогая Русь“, странники, распухшие, обовшивевшие, низкорослые, голодные мужики… Слухи, а потом факты: захвачено загнанное во Владимир-Волынский тупик снабжение 1-ой Конной, наш штаб перешел в Луцк, захвачено у 12-ой армии масса пленных, имущества, армия бежит».

Не лучше обстояло дело и в Конармии. Как сообщал уполномоченный Реввоенсовета Зилист самому Ленину: «1-я Конная армия и 6-я дивизия на своем пути уничтожали еврейское население, грабя и убивая на своем пути… Не отставала также и 44-я дивизия…» Конармейцы 6-й дивизии, которой командовал И. Р. Апанасенко, зарезали военкома Г. Г. Шепелева, пытавшегося воспрепятствовать погромам. Несколько наиболее разложившихся полков пришлось разоружить, а несколько десятков зачинщиков — расстрелять. Продолжать войну при таком настроении войск было слишком рискованно.

В дни Варшавского сражения завязался узел неприязненных

отношений между Тухачевским, с одной стороны, и Ворошиловым и Буденным — с другой. В 37-м наступила трагическая развязка.

Много лет спустя Тухачевский обсуждал детали Варшавского сражения с Иссерсоном и Уборевичем. Иссерсон так передал содержание этого разговора: «Иероним Петрович Уборевич спросил Тухачевского, почему он в эти критические дни на Висле не появился среди своих войск и не организовал лично их прорыва из окружения к северу от Варшавы. Уборевич сказал, что пробивался бы к своим войскам любыми средствами — на машине, на самолете, наконец, на лошади — и, взяв на себя непосредственное командование, вывел бы их из окружения… Подумав, Тухачевский ответил, что роль командующего фронтом тогда понималась иначе, и добавил, что сейчас, конечно, учить и воспитывать высший командный состав на этом примере нельзя и что в трудном положении высшие командующие должны брать на себя руководство войсками».

Думаю, что, отправься Тухачевский к своим разбитым войскам, ничего бы принципиально не изменилось ни в ходе советско-польской войны, ни в его собственной судьбе. Погибнуть в бою или попасть в плен у будущего маршала шансов было мало (в ходе Варшавской операции ни один из командующих армией Западного фронта не был ранен, убит или пленен). Разве только вспомнил бы опыт ротного офицера и повел с винтовкой в руках бойцов на прорыв. Будберг именно в вере молодых колчаковских генералов, что они «должны сами ходить в атаку и что в этом залог доверия к ним войск и боевого успеха», видел одну из причин краха белого дела: «Командующий армией не имеет права разменяваться в взводные командиры, ибо тогда останется без исполнителя огромная и важная сфера управления армией. Конечно, войска должны знать и верить в то, что когда обстановка прикажет, то все их начальники до самых верхов явятся к ним и разделят с ними и бой, и ночлег, и победу, и неудачу, и сытость, и голод. Те, кто говорят, что вид командующего армией, идущего с винтовкой в руках в атаку, одушевляет войска, говорят неправду, ибо в современном бою это увидят несколько десятков людей, не более, да и те едва ли разберут, кто это бежит среди них. Ореол начальника создается не этим; он создается доверием к знаниям и опыту начальника, уважением к его доблести, чести и высоким нравственным достоинствам и любовью к нему за его заботу о подчиненных».

В гражданскую войну изредка случалось, что высшим начальникам действительно удавалось личным примером остановить дрогнувшую часть (батальон или полк) и вновь повести ее в бой. Так, Фрунзе летом 1919 года под Уфой увлек за

собой обратившихся было в бегство красноармейцев, а осенью того же года Троцкий под Петроградом, сев на лошадь, сумел повернуть назад отступающие в беспорядке цепи стрелкового полка и повел их в наступление. В мемуарах председатель Реввоенсовета так прокомментировал этот эпизод: «..Имеет ли право человек, руководящий армией в целом, подвергать себя опасности в отдельных боях? На это отвечу: абсолютных правил поведения не существует ни для мира, ни для войны. Все зависит от обстоятельств… Мы не могли заражать эту под огнем сколоченную армию революционным порывом при помощи циркуляров или полуанонимных воззваний. На глазах солдат нужно было сегодня завоевывать тот авторитет, который завтра оправдывал бы в их глазах суровую требовательность со стороны высшего руководства. Где не было традиции, там нужен был яркий пример. Личный риск являлся необходимым накладным расходом на пути к победе…»

В обоих случаях, и с Троцким, и с Фрунзе, «красные генералы», взяв на себя роль нижестоящих командиров, смогли переломить ситуацию лишь на небольшом участке фронта — зато слухи об их героизме распространились по войскам очень широко. При этом обстановка для советских войск была отнюдь не безнадежна. Красная Армия уже обладала количественным перевесом и моральным превосходством над армиями Колчака и Юденича и имела все шансы разгромить их. Под Варшавой же войска Западного фронта находились в безнадежном положении, и подними Тухачевский в удачную атаку роту или полк, это никак не заменило бы ему отсутствующую связь с дивизиями и армиями, не вызвало бы перелома в неблагоприятной ситуации. Это молодой командующий фронтом прекрасно понимал. Он относил себя, если воспользоваться словами Будберга, к высшему разряду «не командующих, а управляющих боем, и действующих уже не руками, а головой, берущих не мускулами и физической храбростью, а знанием дела, боевым опытом, предусмотрительностью и умением распоряжаться, маневрировать и бить врага не на пятачке, а на широком фронте». Правда, на Висле всех этих качеств Тухачевскому явно не доставало. Непредусмотрительность командующего Западным фронтом и недостаток у него опыта руководства группами армий способствовали катастрофе.

Отправься Тухачевский к своим гибнущим армиям, повторю, вряд ли бы было суждено ему найти смерть на поле боя или оказаться в польском плену. Армейские штабы и тылы успели отступить на восток. Хотя иной раз отступать приходилось под огнем противника. Мой дедушка, Б. М. Соколов, в то время —

начальник медицинского околотка в одной из дивизий Западного фронта, рассказывал, как они с бабушкой на санитарной линейке бежали из-под Пултуска, и вдоль дороги рвались снаряды. Но польские артиллеристы стреляли плохо, и ни один снаряд так и не попал в отходящие по дороге обозы.

Впрочем, небольшой шанс на время выбыть из игры у Тухачевского все же был, окажись он по какой-либо надобности в штабе кавкорпуса Гая. Тогда командующего фронтом могли бы интернировать в Восточной Пруссии. Оттуда бойцы и командиры 4-й и 15-й армий вернулись только осенью 1921 года. При таком развитии событий Тухачевский не смог бы участвовать в подавлении Кронштадтского и Тамбовского восстаний и, кто знает, быть может, не столь стремительно продолжил бы свою карьеру в Красной Армии, оказался на вторых ролях, не вознесся бы столь высоко, зато получил бы хоть мизерный, принимая во внимание масштаб репрессий, но шанс избежать гибели в 37-м.

Тухачевский все еще верил, что, пополнив разгромленные войска фронта, можно будет вновь нанести полякам решительное поражение. Он утверждал: «Войска были настроены твердо. Проигранная операция толкала их на желание нового наступления. Мы имели все шансы на то, чтобы снова повернуть счастье в свою сторону. Вопрос был только в том, кто раньше подготовится и кто раньше перейдет в наступление».

Троцкий оптимизма Тухачевского не разделял. Председатель Реввоенсовета Республики вспоминал: «…Я застал в Москве настроения в пользу второй польской войны. Теперь и Рыков перешел в другой лагерь: „Раз начали, — говорил он, — надо кончать“. Командование Западного фронта обнадеживало: прибыло достаточно пополнений, артиллерия обновлена и пр. Желание являлось отцом мысли. „Что мы имеем на Западном фронте? — возражал я. — Морально разбитые кадры, в которые теперь влито сырое человеческое тесто. С такой армией воевать нельзя… С такой армией можно еще кое-как обороняться, отступая и готовя в тылу вторую армию, но бессмысленно думать, что такая армия может снова подняться в победоносное наступление по пути, усеянному ее собственными обломками“. Я заявил, что повторение уже совершенной ошибки обойдется в десять раз дороже и что я не подчиняюсь намечающемуся решению, а буду апеллировать к партии.

Хотя Ленин формально и отстаивал продолжение войны, но без той уверенности и настойчивости, что в первый раз. Мое несокрушимое убеждение в необходимости заключить мир, хотя бы и тяжкий, произвело на него должное впечатление». Решено было отправить Троцкого на Западный фронт, а по итогам его

доклада выработать план действий.

Тухачевский, оправившийся от потрясения, вызванного разгромом, был настроен решительно. Еще 17 августа в Минске состоялось заседание мирной конференции с участием польской делегации. Однако 20 августа командующий Западным фронтом издал приказ, где утверждал, что польские делегаты преследуют исключительно шпионские цели, и утверждал, что мир можно заключить только «на развалинах белой Польши». Политбюро пришлось принять специальное постановление, осуждающее «хуже чем бестактный приказ, подрывающий политику партии и правительства». Возобновление польского наступления в начале сентября полностью подтвердило правоту Троцкого. Войска Западного и Юго-Западного фронтов, почти не оказывая сопротивления, откатывались на восток. Тухачевский констатировал: «Поляки перешли в наступление первые, и наше отступление стало неизбежным».

Как самокритичная оценка собственных действий в качестве командующего Западным фронтом выглядит следующее признание в книге Михаила Николаевича «Новые вопросы войны», писавшейся в 30-е годы: «Очень часто командиры увлекались водоворотом событий, а не руководили, не организовывали и не ускоряли его». Так и вихрь похода на Варшаву и Берлин захватил Тухачевского. Казалось, вот-вот польский фронт рухнет, надо спешить, а то Антанта успеет помочь Пилсудскому, тут не до тонкостей организации, главное, чтобы войска быстрее двигались вперед. А в результате…

Главком С. С. Каменев осознал безнадежность ведения войны с Польшей. 12 октября 1920 года, в день вступления в силу советско-польского перемирия, он предложил Политбюро все силы бросить против врангелевской армии в Крыму, мотивируя это тем, что с Польшей вести борьбу Красная Армия всё равно не в состоянии: «Мы не можем рассчитывать на то, что до ликвидации Врангеля мы будем в состоянии, продолжая борьбу с ним, уделить такие силы и средства для Запада, чтобы в короткий срок восстановить там нашу боевую мощь до размеров, гарантирующих нам успех в борьбе с поляками, если бы они разорвали условия перемирия… Необходима резкая массировка сил и средств против одного из… противников, и именно против Врангеля, в силу общей обстановки; с этим решением связан известный риск ввиду ослабления наших сил на западе, но и при половинчатом решении этот риск тоже не может быть устранен в достаточной мере, так как нет никакой уверенности, что одновременно с борьбой на юге мы сможем дать на запад средства для полного восстановления его мощи».

Заключению перемирия с Польшей предшествовал визит Троцкого в штаб Западного фронта. Это посещение Лев Давидович описал следующим образом: «В штабе фронта я застал настроения в пользу второй войны. Но в этих настроениях не было никакой уверенности… Чем ниже я спускался по военной лестнице — через армию к дивизии, полку и роте, тем яснее становилась невозможность наступательной войны. Я направил Ленину на эту тему письмо… а сам отправился в дальнейший объезд. Двух-трех дней, проведенных на фронте, было вполне достаточно, чтоб подтвердить вывод, с которым я приехал на фронт. Я вернулся в Москву, и Политбюро чуть ли не единогласно вынесло решение в пользу немедленного заключения мира».

К миру стремилась и Польша. Польские войска продвинулись далеко на восток, в последние перед перемирием дни без боя заняв Минск, но потом оставив город (по условиям перемирия и заключенного в марте 1921 года Рижского мира белорусская столица осталась в нейтральной зоне на советской территории, где можно было размещать лишь ограниченное количество войск). Перед ними находились деморализованные остатки разгромленных армий Западного фронта. Фактически путь на Смоленск и Москву был открыт. Однако надвигалась весенняя распутица, и война грозила затянуться. Главное же, поляки вовсе не горели желанием захватывать Москву для генерала Врангеля. Как писал Пилсудский еще в начале 1919 года: «Возможно, я и смог бы дойти до Москвы и прогнать большевиков оттуда. Но что потом?.. Места у них много. А я Москвы ни в Лондон, ни в Варшаву не переделаю. Только, видимо, отомщу за гимназическую молодость в Вильне и прикажу написать на стенах Кремля: „Говорить по-русски запрещается“…» Если в противостоянии с Советской Россией, стремившейся зажечь пламя пролетарской революции по всему миру, Польша могла рассчитывать на помощь держав Антанты, то в случае прихода к власти в Москве Врангеля, сторонника «единой и неделимой России», Пилсудский уже не мог полагаться на англо-французскую поддержку польской независимости, пожелай российское «белое» правительство восстановить в той или иной форме контроль над Польшей. «Начальник Польского государства» явно считал большевиков, все-таки заявивших о признании независимости Польши, меньшим злом по сравнению с Деникиным, Колчаком и Врангелем. До Москвы поляки осенью 20-го, наверное, дойти бы смогли — но что потом? Менять одно недружественное российское правительство на другое, не менее враждебное польским интересам? Пилсудский был слишком опытным политиком, чтобы поддаться соблазну водрузить в

Кремле русского генерала с помощью польских штыков. 12 октября 1920 года вступило в силу советско-польское перемирие, а 18 марта 21-го, в день, когда войска под командованием Тухачевского штурмовали мятежный Кронштадт, в Риге был подписан мирный договор. Польша в Белоруссии удержала за собой линию старых германских окопов, так что здесь граница прошла примерно там, где установился фронт в первую мировую войну. На Украине поляки удержали Восточную Галицию и Волынь, переданные им правительством Петлюры. Граница прошла здесь по реке Збруч. Петлюровцы и отряды Народно-добровольческой армии Булак-Балаховича попытались самостоятельно продолжить борьбу с Красной Армией, но были разбиты в ноябре 1920 года. Операциями против Булак-Балаховича руководил Тухачевский, но эта победа над плохо вооруженными партизанскими группами была лишь очень слабым утешением за неудачный поход на Вислу.

Несколько лет спустя в разговоре с Лидией Норд Тухачевский так объяснял свое поражение под Варшавой: «Я ясно увидел, что все-таки моя армия состоит на 50 процентов из всякого сброда, и что она не такая, какую я хотел бы иметь. Что у меня нет еще достаточного опыта и знаний для большой войны… Приходилось порой полагаться на опыт других. Другие иногда сильно подводили… Горе-стратеги из Реввоенсовета тоже сыграли на руку полякам. Смилга, блюдя свой политический контроль, путался не в свои дела, и раз мы с ним чуть не перестрелялись. Шварц считал, что он, Генерального штаба полковник, лучший стратег, чем я… и старался действовать по-своему…» Если такой разговор имел место в действительности (а о нем мы знаем только со слов собеседницы командующего Западным фронтом), то Михаил Николаевич здесь, что называется, задним умом крепок. Ни его приказы, ни переписка и разговоры по прямому проводу не подтверждают, что еще в ходе операции Тухачевский сомневался в качестве собственных войск или в своих способностях командовать фронтом в сражении, более близком к условиям первой мировой войны, чем другие сражения гражданской войны. А вот разделить ответственность с другими участниками и организаторами похода на Варшаву он в самом деле будет стремиться всю оставшуюся жизнь.

Даешь Кронштадт!

Восстание матросов Кронштадта в марте 1921 года стало реакцией на политику военного коммунизма, продолжавшуюся и после окончания гражданской войны. Одновременно бушевали восстания в Тамбовской и ряде других губерний. Разоренное продразверсткой крестьянство не могло больше терпеть, особенно тогда, когда белые армии были окончательно разгромлены и возвращения помещиков можно было не бояться.

Большинство гарнизона крепости Кронштадт составляли выходцы из крестьянских семей. Они хорошо знали о тех тяготах, что приходилось нести деревне. Один из немногих участников восстания, доживший до начала 90-х годов, матрос Иван Ермолаев, бывший член революционной тройки отряда Волжской флотилии, переброшенного в Кронштадт, так передает настроение кронштадтцев накануне восстания: «Это были большей частью старые моряки-строевики, воевавшие на Волге и других фронтах гражданской войны и вернувшиеся *на* зимние квартиры. Все они… были связаны с деревней, знали о ее тяжелом положении — кто по коротким пребываниям в отпусках, кто по переписке. Мы знали, что наши семьи задавлены продразверсткой, терроризированы продотрядами, доведены до голода, и впереди не видно никакого просвета, никакой надежды на улучшение. Часто в разговорах о положении в стране прорывался ропот, а на собраниях звучали требования обратиться к правительству с требованиями облегчить участь крестьянства, отменить продразверстку, снять заградительные отряды и разрешить свободную торговлю». Немногим легче жилось и рабочим Петрограда, среди которых у кронштадтцев было немало родственников и знакомых.

Обстановка накалялась еще и тем, что основная масса матросов существовала на скудный продовольственный паек, тогда как руководство флота жило, что называется, на широкую ногу. Командующий Балтфлотом Ф. Ф. Раскольников, которого в конце жизни судьба сделала диссидентом и изгнанником, и его жена писательница Лариса Рейснер, прототип женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского, отнюдь не были такими аскетами, какими представлены большевики в благонамеренной пьесе. Они жили в роскошном особняке, держали прислугу, ни в чем себе не отказывали. Матросов Федор Федорович считал людьми второго сорта. Даже на камбузе установил своеобразную сегрегацию. Когда Раскольников со штабом на яхтах прибывали в Кронштадт,

для рядовых военморов готовили суп с селедкой или воблой. Для штаба и начальствующего состава — полный обед из трех блюд, причем суп — с мясом. Для самого же Раскольникова и особо приближенных к нему лиц готовили настоящие деликатесы. Он сменил две трети командиров и комиссаров флота, назначив людей по принципу личной преданности, а не по профессиональным качествам. На линкоре «Петропавловск» комиссару флота Николаю Николаевичу Кузьмину моряки жаловались, что Раскольников и его окружение чаще инспектируют винные погреба, чем пороховые. Они требовали создать специальную комиссию для обследования квартир своих командиров и комиссаров, не без оснований подозревая, что там найдутся не только предметы роскоши, но и продовольственные запасы, не дошедшие до матросского котла. Однако всё было напрасно. Председатель Кронштадтского отдела трибунала Баптфлота Ассар доносил в Петроград: «Кронштадтским отделом РВТ Балтфлота ведется напряженная борьба по искоренению злоупотреблений должностных лиц. Но нужно отметить, что зачастую эта борьба не приводит к желанному результату… Трибунал привлекает к суду ответственного работника по степени преступления, отстраняет его от должности… А в результате получается, что через несколько дней, через посредство всяких репутаций, эти люди переводятся по ходатайству какого-либо центрального органа в другой округ, на более выгодное для него место (должность). Таким образом, вместо исправления он получает повышение и свободно творит свое дело… Масса все это видит и ропщет…»

Масса роптала еще и потому, что Раскольников со товарищи жировали за их счет. Продуктовый паек морякам Кронштадта постоянно сокращался. Матросы не всегда получали положенные им продукты. Запасов рыбы, мяса, муки имелось не более чем на 20 дней. 27 января 1921 года Раскольникова временно отстранили от должности начальника Морских сил Балтийского флота и отозвали в Москву. Однако это не предотвратило стихийный взрыв возмущения месяц спустя.

Но начались волнения не в Кронштадте, а в Питере. В середине февраля, после того, как продпаек был в очередной раз сокращен, забастовали Трубочный и Балтийский заводы, фабрика Лаферма, ряд других предприятий. 24 февраля рабочие вышли на демонстрацию, требуя хлеба и демократизации Советов, ликвидации в них большевистского засилья. Власти бросили на разгон протестующих курсантов военных училищ с оружием в руках, ввели военное положение, произвели массовые аресты, назвав происходящее «контрреволюционным мятежом».

25 февраля в Кронштадте экипаж линкора «Севастополь» на общем собрании решил направить в Петроград своих представителей для выяснения причин рабочих волнений. На следующий день такую же делегацию направили и с «Петропавловска». Когда делегаты вернулись, моряки «Севастополя» и «Петропавловска» 27 февраля приняли резолюцию с требованием «свободы слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и социалистических партий, свободы собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений»; освобождения «политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями»; перевыборов Советов тайным голосованием; ликвидации всех «политотделов и коммунистических боевых отрядов»; немедленного упразднения заградотрядов; предоставления крестьянам свободно распоряжаться землей и торговать получаемой от нее продукцией; уравнения пайка для всех трудящихся. Ее поддержали и почти все коммунисты линкоров. Постановили обнародовать резолюцию на общегородском митинге на Якорной площади 1 марта.

Комиссар Кузьмин вернулся в Кронштадт из Петрограда только накануне. 28 февраля он побывал на «Петропавловске». Позднее, 25 марта 1921 года, уже после завершения кронштадтской эпопеи, Николаю Николаевичу пришлось давать объяснения на заседании Петросовета. Кузьмин оправдывался: «В общем картина не рисовала такого положения, что будет восстание, большое движение. Если бы это было ясно, то, поверьте, можно было закрыть люки и задержать всех. Но мы имели перед собой Петроград, где тоже было тяжелое настроение и все-таки удалось успокоить, так думали и здесь. Когда я явился на корабль, создалось определенное настроение. Предлагалась резолюция, которую они приняли. Резолюция была очень тонко и умно составлена, никаких страшных идей не было, говорилось о перевыборах Совета. Перевыборы Совета должны были быть 5 марта. Собрание этот вопрос обсуждало, обсуждался также вопрос о кустарной промышленности, о снятии „заградиловок“, — вопрос, который в принципе в Петрограде был решен, и т. д. Ничего страшного не чувствовалось. Чувствовалось некоторое резкое настроение…» Комиссар дал тогда в Петроград успокоительную телеграмму: положение в крепости меняется к лучшему. В результате решено было направить на митинг «всероссийского старосту» М. И. Калинина. Расчет был на то, что председателю ВЦИК удастся переломить настроение моряков.

Между прочим, на это надеялись не только в Москве, но и в самом Кронштадте.

Руководитель восстания, писарь с «Петропавловска» Степан Максимович Петриченко, возглавивший кронштадтский ревком, в 1927 году обратился в консульство в Риге с просьбой восстановить его в советском гражданстве. В заявлении на имя Калинина он писал: «Кронштадтское восстание свалилось на мою голову против моей доброй воли или желания… Я не был ни душой, ни телом в подготовке этого восстания (оно было для меня неожиданным). Принял участие опять-таки потому, что слишком чутко принимал к сердцу все нужды труженик ков и всегда готов был положить свою голову за интересы трудящихся». Эта возможность несчастному писарю, ставшему с тех пор агентом советской разведки, представилась 20 лет спустя, в 1947 году, в ГУЛАГе, куда его благодарная коммунистическая власть в конце концов упекла. Пока же в Риге ему пришлось еще написать о событиях в Кронштадте специальный доклад, где освещалась и роль Калинина: «Теперь одну минуточку — здесь навязывается вопрос: если бы товарищ Калинин объявил в это время, т. е. на Якорной площади, так называемый НЭП, было бы тогда успокоение и компромисс на этом и было бы тогда наше восстание? Как мыслил я, а таких очень много (нужно иметь в виду, что к революции присоединились… не только беспартийные, а даже сочувствующие и коммунисты), то я осмелюсь утверждать, что компромисс был бы найден и восстания не было бы».

Но Михаил Иванович на компромисс не пошел. Утром 1 марта в городском манеже, а потом на Якорной площади он выступил перед 16 тысячами матросов и красноармейцев отнюдь не с самыми удачными из своих речей. И. Ермолаев этот действительно судьбоносный для тысяч моряков, да и для всей страны, митинг запомнил на всю жизнь: «Открыв митинг, комиссар флота Кузьмин предоставил слово Калинину, которого весь манеж встретил бурными аплодисментами. Все ждали, что он хоть что-нибудь скажет о том, как намечается улучшить положение крестьян, а Калинин начал выступление с восхваления подвигов и заслуг кронштадтских моряков и солдат в революции, говорил о победах на фронтах гражданской войны, о достижениях Советской власти на хозяйственном фронте, о переживаемых страной трудностях.

В зале манежа раздались громкие реплики: „Хватит красивых слов! Скажи лучше, когда покончите с продразверсткой? Когда снимете продотряды?“ Выкрики с разных мест звучали внушительно. Оценив обстановку, Калинин, комиссар флота

Кузьмин и председатель горсовета Васильев с трибуны обратились с предложением провести митинг раздельно среди моряков и среди красноармейцев, мотивируя тем, что манеж не вмещает всех желающих. Этот маневр не поддержали, моряки предложили перенести митинг на Якорную площадь, куда и двинулся народ…

Когда на трибуне появился Калинин, его и здесь встретили аплодисментами, ждали, что он скажет. Но когда он опять стал говорить о заслугах моряков, о достижениях и трудностях Советской страны, снова раздались возгласы: „Хватит похвал! Скажи, когда отменят продразверстку? Когда перестанут душить мужика?“ Калинин пытался как-то оправдать продразверстку, но тут на трибуну поднялся широкоплечий немолодой матрос и громко крикнул: „Хватит хвалебной болтовни! Вот наши требования: долой продразверстку, долой продотряды, даешь свободную торговлю, требуем свободного переизбрания Советов!“ Далее в шуме и выкриках трудно было что-либо разобрать в выступлении матроса.

В ответ Калинин стал упрекать участников митинга… в том, что они затевают рискованную игру против Советской власти, как азартные игроки, ставят на карту достижения своих предшественников. Затем пошли беспорядочные выступления, сопровождаемые выкриками, среди которых были и „Долой коммунистов!“. К концу дня митинг закончился… Калинин уехал…» Тогда же крепость через Цитадельные ворота беспрепятственно покинули с оружием сотрудники Особого отдела и Кронштадтского отдела реввоентрибунала.

Н. Н. Кузьмин и П. Д. Васильев остались, рассчитывая переломить ситуацию на собрании 500 делегатов от кораблей, береговых частей и кронштадтских заводов и профсоюзов. Однако им устроили обструкцию и в конце собрания вместе с другими коммунистами арестовали. Вот что вспоминал об этом собрании Петриченко: «Первым долгом Кузьмин, а затем председатель Крон-совета Васильев попросили слова. В своих речах они не проявили никакого примирения к собранию. Все время оперировали цифрами по экономическим вопросам, предупреждали и угрожали собранию. Всё это подействовало неприятно на собрание, и оно потребовало ареста их. Стали поступать в президиум в большом количестве записки явно провокационного характера… С мест стали сообщать сведения одно фантастичнее другого. Кто это делал, мне так и осталось неизвестным, но факт тот, что это имело свои результаты, и собрание уговорить становилось невозможно. Наконец один моряк взбегает к президиуму и начинает кричать: „Что вы здесь

торгуетесь? Коммунисты ведь не спят, и Кронштадт уже окружен конницей! Нужны меры к самозащите!“ Тут получилась настоящая паника… Наскоро президиум уполномочили принять на себя обязанности „Временного ревкома“… Распоряжения делал я… Рубикон перейден… Неожиданное для всех нас самих свершилось. Перед Ревкомом стала задача: а что же делать? Ревком предписал: „Всем товарищам оставаться на местах и честно исполнять свой долг перед Родиной“. Правительственное сообщение говорило о белогвардейском мятеже в Кронштадте, будто бы возглавляемом начальником артиллерии крепости бывшим генералом А. Р. Козловским. В ответ ВРК обратился с воззванием: „Всем, всем, всем!

Вся власть перешла в руки Временного Революционного Комитета без единого выстрела.

Трудящиеся Кронштадта решили больше не поддаваться краснобайству коммунистической партии, называющей себя якобы представителями народа, а на деле это выходит наоборот.

Товарищи! Не верьте словам самодержавных комиссаров, уверяющих, будто в Кронштадте действует штаб белых офицеров во главе с генералом Козловским. Это наглая ложь.

Кронштадтские товарищи предлагают вам немедленно присоединиться к Кронштадту и установить прочную связь, общими и другими усилиями достичь долгожданной свободы“.

Ермолаев свидетельствует, что 5 марта на „Петропавловске“ собрались представители ревкомов всех частей гарнизона, и Петриченко выступил перед ними с речью, где достаточно объективно обрисовал создавшееся положение: „Братва, все вы прочитали, наверное, в газетах за 3 марта, что наши требования расценены как „контрреволюционный белогвардейский мятеж“. Отсюда надо сделать вывод, что информация Михаила Иваныча Калинина не была объективной. По привычке посчитали, что коли предъявлен протест против действий правительства, значит, это белогвардейщина и контрреволюция, несмотря на то, что революционные массы, преданные Советской власти, требуют облегчить участь крестьянства. А объяснить протест проще всего действиями генералов, кадетов и прочих империалистов. Поскольку наши требования истолкованы как мятеж, надо решить, что делать дальше“. Решили послать делегацию в Петроград, чтобы уладить дело миром. Но другая сторона уже готовилась к военному подавлению восстания.

Еще 2 марта Совет Труда и Обороны ввел в Петрограде и губернии осадное положение, передав всю полноту власти Комитету обороны Петрограда. К блокированному Кронштадту стягивались войска, а семьи восставших матросов задержали в

столице как заложников. Кронштадтцы, в свою очередь, объявили заложниками Кузьмина, Васильева и других арестованных сторонников большевиков. В дни восстания в крепости произошел массовый исход из партии: ее ряды покинули более 900 человек.

2 марта появилось правительственное сообщение, подписанное Лениным и Троцким: „28 февраля с. г. в г. Кронштадте начались волнения на корабле „Петропавловск“. Была принята черносотенно-эсеровская резолюция (?! — интересно, кому пришла в голову мысль совместить несовместимое, впрячь в одну колесницу социалистов-революционеров и „Союз русского народа“, Владимиру Ильичу или Льву Давидовичу? — Б. С.). Бывший генерал Козловский с тремя офицерами, фамилии которых еще не установлены, открыто выступили в роли мятежников“. 5 марта, в день, когда предполагались перевыборы Кронштадтского Совета, в Петроград прибыл Тухачевский, возглавивший 7-ю армию, численность которой к концу боев достигла 45 тысяч человек. Большевики очень опасались, что после мятежа в Кронштадте события в Петрограде будут развиваться по тому же сценарию, что и в феврале 1917 года: хлебные бунты, демонстрации, переход солдат и матросов на сторону демонстрантов и свержение правительства. Поэтому восстание хотели подавить в зародыше и быстро, еще до начала X съезда партии, который открывался 8 марта. Ленин, Троцкий и другие вожди торопили Тухачевского. 6 марта мирная делегация ревкома из четырех человек во главе с матросом Вершининым, направлявшаяся в Петроград, была арестована, а впоследствии расстреляна. Вечером 7 марта начался артиллерийский обстрел крепости. Выпустили 5 тысяч снарядов. А на рассвете следующего дня на штурм Кронштадта пошли в качестве ударного отряда 3 тысячи красных курсантов (всего же для наступления было сосредоточено 20 тысяч человек). Расчет делался на то, что восставшие будут застигнуты врасплох, не успеют еще сразу после горячих митингов организовать надежную оборону, побоятся сражаться с советскими войсками и капитулируют, не доводя дело до кровопролития. Лёнин был настолько уверен в успехе, что 8 марта в политическом отчете съезду заявил: „Я не имею еще последних известий из Кронштадта, но не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы“. Но в „ближайшие часы“ никак не получилось.

Артиллерийским огнем с линкоров и фортов кронштадтцы отразили атаку. Наступавшие без маскировочных халатов курсанты представляли собой отличную мишень на непрочном

весеннем льду. Почти все участники штурма были убиты или ранены.

Дабы пресечь выражение сочувствия мятежникам и побудить колеблющиеся части идти в атаку, в ход были пущены репрессии. Уже 7 марта были расстреляны первые двое — телеграфист Герасимов, за то, что, получив телефонограмму о восстании в Кронштадте, промедлил с докладом о ней начальству, и военнослужащая 4-го артдивизиона Анна Кожевникова, за распространение „провокационных слухов контрреволюционного характера“. „Распространение“ заключалось в том, что несчастная поделилась с подругой, женой политрука, последними новостями: „Ой, что происходит сейчас в крепости, ты не поверишь. Многие коммунисты решили выйти из партии, заявления несут пачками. Ходят слухи, что восставшие моряки будут расправляться с членами РКП“. Расправляться с коммунистами кронштадтцы, кстати сказать, так и не начали. Зато в Петрограде и его окрестностях маховик репрессий набирал обороты.

На следующий день, 8 марта, взялись за расположенные в Ораниенбауме морской дивизион, поддержавший требования кронштадтцев, и 187-ю отдельную бригаду, а также дислоцированный в Сестрорецке 91-й полк, отказавшийся участвовать в наступлении. Потом очередь дошла и до других неблагонадежных частей. Расстреляли трех курсантов за „дезертирство“ во время неудачного штурма. Расстреляли еще семерых за бегство в Петроград. 14 и 15 марта расстреляли 74 красноармейца. Взбодрив войска подобным образом, Тухачевский решился на повторный штурм крепости. До этого, 11 марта, кронштадтцы отправили еще одну делегацию в Петроград, во главе с матросом „Севастополя“ Перепелкиным. Ее постигла участь первой. Тем временем Ленин еще 8 марта объявил о решении поставить на съезде вопрос о замене продразверстки продналогом и разрешении свободной торговли. 15 марта соответствующее постановление было съездом принято. Кронштадтцы пришли к выводу, что продолжать сопротивление бессмысленно, поскольку основные требования восставших были удовлетворены. Но арест второй делегации показал, что кончить дело миром не удастся. Иван Ермолаев вспоминал: „Поступавшие с материка сведения говорили, что в районе Ораниенбаума продолжают прибывать крупные части во главе с командармом Тухачевским. Всё это ещё более убеждало нас, что, отвергая всякие переговоры, Троцкий, Зиновьев и Ворошилов твердо решили расправиться с нами вооруженной силой. На такую братоубийственную бойню гарнизон не мог пойти. Вместо серьезного вооруженного сопротивления решено было уйти на

финскую территорию, о чем ревком и договорился с правительством Финляндии“.

Перед началом восстания в Кронштадте насчитывалось около 27 тысяч военных моряков и красноармейцев. Большинство решило остаться в родном городе и не оказывать сопротивления советским войскам. Примерно треть гарнизона собиралась уйти в Финляндию, оставив небольшие арьергарды из наиболее опытных военморов для прикрытия отступления. 14 марта началась подготовка к отступлению. 16-го отряды прикрытия заняли позиции на линкорах и фортах, и в ночь с 16 на 17 марта отход на финский берег начался.

Тем временем 300 делегатов X партсъезда влились в изготовившиеся к наступлению на Кронштадт части, дабы пресечь всякие колебания среди красноармейцев и повести их в бой. Тухачевский отдал боевой приказ: „В ночь с 16-го на 17-е марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт… Артиллерийский огонь открыть в 14 часов 16 марта и продолжать его до вечера… Движение колонн Северной группы начать в 3 часа, Южной группы в 4 часа 17 марта… Группам ограничиться лишь занятием наиболее препятствующих движению фортов… Командующему Южной группой назначить общего начальника по руководству войсками в уличных боях в Кронштадте… Соблюсти полную точность движения колонн…“ Командарм также распорядился об использовании для обстрела линкоров и крепости химических снарядов, нисколько не волнуясь, что от него неизбежно пострадают и мирные жители города-крепости. Однако из-за неподходящих метеоусловий — густого тумана, резко снижавшего эффективность отравляющих веществ, от газовой атаки на этот раз пришлось отказаться. Да и близость Финляндии не позволяла развернуться как следует: вдруг газы достигнут и финской территории, скандала не оберешься. К тому же в крепости находились представители Международного Красного Креста, снабжавшего осажденных продовольствием. Они тоже могли стать нежелательными свидетелями. В результате химическое оружие Тухачевскому удалось применить лишь несколькими месяцами позднее, при подавлении Тамбовского восстания. Но сама идея травить мятежников газами родилась, как видим, еще под Кронштадтом.

В первой половине дня 17 марта кронштадтцам, несмотря на ураганный артиллерийский огонь с материка, удавалось отражать атаки советских войск. Двенадцатидюймовые орудия линкоров при разрыве проделывали во льду широкие полыньи, которые тут же покрывались тонкой ледяной коркой. Многие штурмующие проваливались в них и камнем шли на дно. Большие потери

красноармейцы несли также от осколков и ружейно-пулеметного огня. Тухачевский думал управлять действиями атакующих по телефону, но в первые же минуты боя телефонные провода оказались перебиты осколками. Так что командарму пришлось довольствоваться ролью зрителя. Правда, наблюдать за ходом сражения мешал сильный туман. Только к вечеру передовые отряды атакующих ворвались в Кронштадт. В 21 час 50 минут Тухачевский отдал боевой приказ о полном овладении крепостью, островом Котлин и батареей Риф. Им предписывалось сегодня же окончательно завладеть городом и ввести в нем железный порядок… При действиях в городе широко применять артиллерию в уличном бою»: В дополнение командарм послал секретную телеграмму о том, что делать с поверженным противником: «Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливая без всякого сожаления… пленными не увлекаться».

К утру 18 марта основная часть восставших переправилась на финский берег. Оборона Кронштадта была организованно прекращена. Некоторым отрядам прикрытия также удалось уйти в Финляндию, другие сдались на милость победителей. Но последние не склонны были к милосердию. Официальные данные говорят о более чем тысяче погибших кронштадтцев, более чем двух тысячах раненых и двух с половиной тысячах захваченных в плен вооруженных моряков. Потери советских войск называются гораздо точнее — 527 убитых и 3285 раненых. Выходит, что Красная Армия при штурме Кронштадта потеряла ранеными в полтора раза больше, чем защитники крепости, а вот убитыми — вдвое меньше. Но так не бывает. При штурме такой укрепленной позиции, как Кронштадт, да еще в условиях, когда наступать приходилось в лоб, по льду, на котором негде было укрыться атакующим, наступающая сторона должна нести потери, многократно превышающие потери обороняющейся. Можно с уверенностью сказать, что красноармейцы действительно не церемонились и что большинство из тысячи с лишним погибших кронштадтцев были расстреляны уже после сдачи на месте без суда и следствия.

Позднее многих судили. Всего в 1921–1922 годах по делам о Кронштадтском мятеже проходили 10001 человек. Из них к расстрелу осудили 2103, оправдали 1451, остальных отправили в тюрьмы и лагеря. На Западе часто фигурирует цифра в 18 тысяч погибших в бою и расстрелянных после капитуляции участников восстания в Кронштадте. Очевидно, что она получена путем простого вычитания из общей численности гарнизона накануне восстания в 26 887 человек количества кронштадтцев, оказавшихся в Финляндии, — более 8 тысяч человек.

Действительный размах репрессий был несколько меньше. Но он тоже впечатляет, особенно если учесть, что в руки Советской власти, даже по официальным и, скорее всего, завышенным данным, попало, вместе с ранеными, не более 4,5 тысяч тех, кто оказывал вооруженное сопротивление Красной Армии. Так что подавляющее большинство осужденных составляли матросы, солдаты и просто мирные жители, непосредственно в боевых действиях не участвовавшие. Многих кронштадтцев осудили на расстрел за то, что, хотя в бою не участвовали, но подносили патроны обороняющимся, за «контрреволюционную агитацию», за то, что во время мятежа несли обычную караульную службу или формировали летучие санитарные отряды для помощи раненым…

Восставшие же так и не расстреляли Кузьмина, Васильева и других арестованных коммунистов, хотя и приняли решение о казни 18 марта, после начала наступления советских войск. Но приводить в исполнение приговор никто не захотел. Арестованные разоружили конвой и присоединились к ворвавшимся в город частям 7-й армии. Кузьмин даже успел получить за участие в штурме второй орден Красного Знамени, за то, что «сражался в рядах войск как красноармеец, поднимая дух и наступательный порыв частей, чем оказал содействие нашему успеху». Это представление подписал Тухачевский. С Кронштадта началась дружба командарма и комиссара, познакомившихся еще на Западном фронте: там в последние недели польской кампании Николай Николаевич исполнял должность командующего 12-й армией. Тухачевский стал вхож в дом Кузьминых и покорил сердце жены Николая Николаевича, симпатичнейшей Юлии Ивановны. Она ушла от мужа, открыто стала любовницей Тухачевского, устроившего ей с родившейся от него дочкой Светланой квартиру в Москве. В 37-м арест Юлии Кузьминой по обвинению в шпионаже стал прологом к падению Тухачевского. Но ничего этого в марте 1921 года будущий маршал предвидеть, разумеется, не мог.

Из Кронштадта Тухачевский уезжал довольный. 23 марта на вокзале в Смоленске его во главе участвовавших в штурме курсантов Смоленских пехотных курсов встречали построенные шпалерами части гарнизона. Были на площади и одетые в красноармейскую форму студенты Смоленского милитаризованного государственного политехнического института. Как вспоминал один из них: «Явились мы сюда прямо с занятий, с книгами под мышками и за поясами, с рейсшинами и свертками ватмана. С точки зрения даже самого снисходительного строевика студенческие ряды выглядели… не блестяще. На большинстве студентов красноармейские шинели

висели, как юбки». Но покоритель Кронштадта был в веселом настроении. Окинул взором выстроившихся на парад студентов, шутливо сравнил их с шотландскими гвардейцами в знаменитых юбках-кильтах из столь же знаменитой шотландской шерстяной ткани: «Что за шотландские стрелки?» О погибших моряках уже не помнил. Как не помнил и несколько лет спустя, когда горячо доказывал свояченице, Лидии Загорской (она же Фельдман, она же Норд), что мук совести за Кронштадт не испытывает. Разговор возник после того, как один политработник, которого мемуаристка называет Запольский, горячий сторонник уже гонимого в то время Троцкого, утверждал: «Если бы Тухачевский не пустил по льду ночью замаскированные части, которые неожиданно к утру окружили крепость, то Кронштадт сопротивлялся бы еще долго и несомненно получил поддержку не только питерских рабочих, но и пролетариата других городов страны. И под давлением общественного мнения власти были бы вынуждены пойти на уступки. Народ от этого очень выиграл бы, и не было бы такой жестокой расправы со сдавшимися мятежниками». Милейший Запольский предпочел забыть, что под первым же обращением к кронштадтцам с требованием немедленно сложить оружие стояла подпись не только Тухачевского, но и Троцкого, который и был настоящим автором вот этого грозного текста: «Приказываю:

Всем поднявшим руки против социалистического Отечества немедленно сложить оружие.

Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей.

Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики.

Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников железной рукой…».

Троцкого и Тухачевского в действительности в тот момент волновало не облегчение положения рабочих и народа в целом, а подготовка жестокой расправы над мятежниками руками чекистов и благонадежных красноармейских частей.

Лидия Норд была потрясена «жутким и красочным рассказом» Запольского о Кронштадте, после которого Тухачевский представился ей «залитым с головы до ног кровью и… чудовищем». Она отправилась в свою любимую лицейскую церковь в Царском Селе заказать панихиду «по всем невинно убиенным». Попыталась помолиться и за спасение души «раба Божьего Михаила», однако «почувствовала к этому грешному рабу

такое отчуждение и отвращение, что слова молитвы не шли из сердца…».

Когда при встрече свояченица высказала Тухачевскому все, что думает по поводу его роли в подавлении Кронштадтского восстания, Михаил Николаевич испытал сильное душевное потрясение. Вновь предоставим слово Лидии Норд: «Он оторопел. Потом руки его сжались в кулаки, на лбу налилась жила и лицо стало страшным. „Вот он такой — настоящий“, — мелькнуло в моем мозгу и я с ненавистью бросила ему:

— Можешь убить еще и меня — одной твоей жертвой будет больше!

Лицо его стало серым. Он рванул рукой воротник френча и вырвал крюк „с мясом“. Потом пошарил, как слепой, по столу руками и, найдя графин, налил воду в стакан и выпил залпом.

Прошло довольно долго, пока он заговорил. Голос был какой-то сиплый.

— Тебя бы стоило убить, если бы ты дошла до этого своим умом, но ты, как граммофонная пластинка, передаешь чужие слова. Сволочей много… Оправдываться перед тобой не собираюсь. Скажу только, что никого из расстрелянных, за которых ты так усердно молилась, мне ни капельки не жаль. Я сам не судил и не расстреливал, но если бы пришлось — сделал бы и это (есенинское „Не расстреливал несчастных по темницам“ Тухачевскому, как видно, было абсолютно чуждо. — Б. С.). И тогда, как и теперь, не почувствовал бы на душе никакого греха… — и, зло усмехнувшись, продолжал: — Но хотя ты, досточтимая „святая Цецилия“, и отслужишь по ним двадцать панихид, я очень сомневаюсь, чтобы хотя бы одна из этих душ попала в рай. Ведь ты должна помнить, как беспощадно действовала во время революции матросня! Кто ходил по домам с обыском, грабил, насиловал, зверски расстреливая схваченных, не доводя их даже до чрезвычаек… Каким зверским образом расправлялись матросы с офицерами флота, вообще с офицерами и даже с теми старыми заслуженными солдатами, которые имели мужество отстаивать свое бывшее начальство…

В этом пьяном, кровавом разгуле, да еще при неумеренном употреблении кокаина, большинство матросов окончательно превратились в бандитов. В людей, которые не способны уже жить нормальной жизнью, без дебошей и крови… Когда их стали сдерживать, они заорали: „Братишки — за что мы боролись!!!“

Нет, мне этой сволочи не жаль. Они никогда не станут в моих глазах героями — ни революционными, ни контрреволюционными… Спроси у того, кто тебе все это рассказал, если это мужчина, как он реагировал на матросские

расправы и самосуды? Противнее всего то, что сейчас только из-за того, что матросы подняли мятеж против власти, их считают „героями“ и чуть ли не причисляют к лику святых — и даже те, родных и близких которых они в революцию растерзали… или наглумились… Я же, получив приказ подавить мятеж, конечно, большого удовольствия от этого поручения не чувствовал, так как понял, почему партия остановила выбор на мне — в этом их особая тактика, но я, составляя план, опасался одного: что в сражении могут погибнуть мои солдаты и командиры… А каждого бойца я расцениваю дороже, чем полсотни прококаиненных „братишек“…

Проговорив это, Михаил Николаевич прошелся несколько раз по комнате, одергивая на ходу пояс. Лицо его снова стало принимать землистый оттенок. Потом он ткнул папиросу в пепельницу и остановился передо мной. Плотно стиснутые его губы разжались, но он ничего не сказал, только мотнул несколько раз головой, и вдруг схватил столовый стул, поднял и грохнул его о пол так, что тот рассыпался… Затем быстро вышел из комнаты, сильно хлопнув дверью».

Что ж, перед нами классический способ самооправдания всех палачей во все времена: представить свои жертвы исчадием рода человеческого, перенести ответственность за эксцессы отдельных «братишек» на весь гарнизон Кронштадта, хотя, например, многие матросы были призваны на службу уже после 1917 года и к действительно дичайшим расправам над офицерами в Кронштадте и Гельсинфорсе никакого отношения не имели. Но само состояние Тухачевского во время неприятного разговора со свояченицей доказывает лучше всяких слов: вспоминал Кронштадт молодой командарм не со спокойной совестью. Конечно, Тухачевский был если не великий, то выдающийся полководец, а кронштадтцы — далеко не ангелы, но зачем же стулья ломать? Кстати сказать, и подчиненных Тухачевского при двух штурмах полегло немало, не очень-то их берегли, особенно при первой, плохо подготовленной атаке. А вот почему именно его послали на подавление Кронштадтского мятежа, Тухачевский понял совершенно правильно. Власть хотела не только использовать его полководческие и организаторские способности бывшего подпоручика, но и надежно гарантировать его будущую лояльность кровью вчерашней «красы и гордости революции», балтийских матросов, представителей той массы, что потенциально могла вознести к вершинам власти нового Бонапарта.

Следующим же шагом в карьере Тухачевского стало подавление тамбовских крестьян — еще одна проверка на

преданность большевистскому руководству. Быть может, на этот раз командарм заглушал муки совести, убеждая себя, что крестьяне заслужили суровое наказание уже тем, что жгли усадьбы и садистски расправлялись с помещиками и их семьями. Правда, как мы уже успели убедиться, семейство Тухачевских со своими крестьянами жило душа в душу и никаким насилиям после революции не подверглось. Да и Михаил Николаевич, еще будучи в плену, выступал за конфискацию помещичьих земель. Но он наверняка не был сторонником физического уничтожения бывших владельцев дворянских гнезд. А о крестьянских зверствах и в родных Тухачевскому Смоленской и Пензенской, и в мятежной Тамбовской, и во многих других российских губерниях известно было предостаточно. Так что повод для морального оправдания в собственных глазах жестокого подавления «взбунтовавшейся черни» изобрести было несложно.

Михаил Николаевич гордился Кронштадтской операцией. Он утверждал: «Атака фортов курсантами почти беспримерна по своей смелости, натиску и единству действий. Надо посмотреть, что представляли собой кронштадтские форты — эти отвесные громады железобетона, снабженные богатой противоштурмовой артиллерией и пулеметами и густо обнесенные колючей проволокой. В этом штурме курсанты показали, как надо воевать». Но так ли уж велики были заслуги Тухачевского и подчиненных ему войск в Кронштадте? И вообще, что же там произошло? Советские газеты с первого дня уверяли, что мы имеем дело с заранее подготовленным контрреволюционным мятежом во главе с генералом Козловским и другими бывшими офицерами. Большевиков не смущало, что штаб обороны военспецы образовали лишь через несколько дней после начала событий, когда реальной стала угроза штурма крепости, а потом работали под полным контролем ревкома, никакой самостоятельности не проявляя. Главное же, заговорщики оказывались просто клиническими идиотами. Нет чтобы подождать недель 4–5, когда вскроется лед. Тогда воды Финского залива сделают крепость недоступной для сухопутных атак, и, наоборот, кронштадтские линкоры смогут подойти к Петрограду и своими двенадцатидюймовыми орудиями сделать власть гораздо восприимчивее к матросским требованиям. Однако чудаки-заговорщики почему-то подняли матросов на восстание именно тогда, когда лед был еще достаточно прочен, чтобы выдержать брошенные против Кронштадта красноармейские части. Более того, Петриченко и его товарищи категорически отвергли предложения офицеров из штаба обороны действовать наступательно, атаковать Ораниенбаум и Петроград, чтобы

привлечь на свою сторону колеблющиеся гарнизоны.

Бее загадки разрешатся, если мы примем единственно верное объяснение. Кронштадтское восстание представляло собой не мятеж, направленный на свержение Советской власти, а стихийную вооруженную демонстрацию, имевшую целью добиться от власти определенных уступок. Поэтому кронштадтцы легко отбили первый штурм почти неприступной крепости и не стали отражать второй. После того как основное требование об отмене продразверстки было удовлетворено, продолжение вооруженной борьбы потеряло для них смысл. Однако кончать дело миром Ленин, Троцкий и прочие не намеревались. Кронштадтцев, как позднее тамбовских крестьян, требовалось примерно наказать, чтобы другим было неповадно. Отсюда и бессмысленный штурм, и расстрелы сотен и тысяч сдавшихся в плен. Хотя достаточно было подождать сутки, пока желающие достигнут финского берега, и остатки гарнизона наверняка сдались бы без единого выстрела.

Так что особого военного искусства от Тухачевского на этот раз не потребовалось. Тем не менее Политбюро оценило способности молодого командарма-карателя. Он показал умение быстро организовать армейскую наступательную операцию, едва ли не впервые в истории атаковав морскую крепость пехотой по льду. Кроме того, Тухачевский проявил твердость и решительность в борьбе против тех, кто еще вчера вместе с ним сражался против белых генералов. Такому можно было без страха поручать действовать против любого внешнего или внутреннего врага. Память о варшавской катастрофе постепенно заглаживалась. Окончательно загладить последствия неудачи на Висле помогло Тухачевскому подавление крупнейшего в России крестьянского восстания в Тамбовской губернии.

«Сурово и беспощадно»: удушливые газы для тамбовских крестьян

Мы переходим к самой позорной странице военной карьеры Тухачевского. В конце апреля 1921 года Михаила Николаевича назначили командующим войсками Тамбовской губернии, в задачу которых входило как можно скорее подавить мощное крестьянское восстание во главе с бывшим сельским учителем, эсером А. С. Антоновым. Назначение было обставлено довольно оригинально. Заместитель Троцкого Э. М. Склянский писал Ленину: «Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. Последнее время там нет улучшения, и даже местами ухудшение. Получается несколько большой эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?» На эту записку председатель Совнаркома наложил мудрейшую резолюцию: «Предлагаю назначить его без огласки в Центре, без публикации». Неудобно было посылать победителя Колчака и Деникина, чуть было не принесшего на красноармейских штыках сомнительное счастье советизации пролетариату и иным классам Западной Европы, по всем правилам военной науки давить какое-то там крестьянское восстание. Стыдно было признаться перед Европой, что почти безоружные тамбовские крестьяне страшнее для Советской власти, чем щедро снабжаемые Антантой (в лучшие времена) вооружением и снаряжением армии белых генералов. Выходит, крестьянского гнева большевики боятся ничуть не меньше, чем Деникина, Колчака и Врангеля! Потому-то и не объявили о назначении Тухачевского в центральных газетах: чтобы народ и заграницу зря не будоражить. Как давно уже в России повелось, Ленин и его товарищи были очень чувствительны к тому, что будет говорить европейская «княгиня Марья Алексевна».

Политбюро ЦК РКП (б) 27 апреля решило «назначить единоличным командующим войсками в Тамбовском округе Тухачевского, сделав его ответственным за ликвидацию банд Антонова. Дать для ликвидации месячный срок. Не допускать никакого вмешательства в его дела…». Командарму после Кронштадта полностью доверяли. Силы под началом Тухачевского были собраны нешуточные. Численность советских войск (с тылами) превышала 120 тысяч человек. Непосредственно же на линии фронта против повстанцев действовало 53 тысячи бойцов, подкрепленных 9 артиллерийскими бригадами, 4 бронепоездами, 6 бронелетучками, 5 автобронеотрядами и 2

авиаотрядами. Красноармейцы не знали недостатка в боеприпасах. 63 орудиям, 463 пулеметам, 8 самолетам и 6 бронеавтомобилям антоновцы, насчитывавшие 18 тысяч бойцов, могли противопоставить 5 орудий и 25 пулеметов, к которым катастрофически не хватало снарядов и патронов. Повстанцы, несмотря на сочувственное отношение со стороны населения и свою способность быстро рассеиваться, уходя из-под удара, превращаться на время в мирных землепашцев, чтобы потом вновь собраться в вооруженные отряды и возобновить борьбу, были обречены и все равно рано или поздно капитулировали бы. Но Тухачевский еще 20 апреля, когда встречался с Лениным, обещал вождю мирового пролетариата подавить восстание в самый кратчайший срок. И принял соответствующие меры.

Еще в феврале 1921 года с Тамбовской губернии была снята продразверстка, что, без сомнения, уменьшило недовольство крестьян Советской властью, но само по себе не привело к прекращению восстания. Предшественник Тухачевского А. В. Павлов (в 37-м он разделил судьбу своего преемника) 22 марта нанес тяжелое поражение двум антоновским армиям. Красная Армия перешла к преследованию повстанцев, скрывавшихся, нередко вместе с семьями, в труднодоступных лесах и болотах, где регулярным войскам бороться с ними было непросто. Сам Тухачевский Павлова ценил очень высоко и позднее, командуя Западным военным округом, дал ему как командиру корпуса очень высокую аттестацию: «Выдающийся работник. Обладает блестящим оперативным мышлением. Характера твердого и смелого. В походной жизни вынослив, искренне революционно настроен и предан Советской власти». Однако в Москве все еще не могли забыть страх, который нагнало антоновское восстание, грозившее перекинуться на другие губернии, и ошибочно считали, что способность тамбовских повстанцев к активным действиям «искренне революционно настроенный командующий» еще далеко не сломил. Поэтому решили заменить Павлова тем, кто в две недели усмирил мятежный Кронштадт.

12 мая, в день своего прибытия в Тамбов, Тухачевский издал истребительный приказ № 130. Популярное изложение этого приказа 17 мая опубликовала Полномочная комиссия ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии, озаглавив как «Приказ участникам бандитских шаек». Там говорилось:

«1. Рабоче-Крестьянская власть решила в кратчайший срок покончить с разбоем и грабежом в Тамбовской губернии и восстановить в ней мир и честный труд.

2. Рабоче-Крестьянская власть располагает в Тамбовской

губернии достаточными военными силами. Все, поднимающие оружие против Советской власти, будут истреблены.

Вам, участникам бандитских шаек, остается одно из двух: либо погибать, как бешеным псам, либо сдаваться на милость Советской власти.

3. Именем Рабоче-Крестьянского правительства Полномочная комиссия вам приказывает:

Немедленно прекратить сопротивление Красной Армии, разбой и грабеж, явиться в ближайший штаб Красной Армии, сдать оружие и выдать своих главарей.

5. К тем, кто сдаст оружие, приведет главарей и вообще окажет содействие Красной Армии в изловлении бандитов, будет широко применено условное осуждение и в особых случаях — полное прощение.

6. Согласно приказу красного командования за № 130 и „Правилам о взятии заложников“, опубликованным Полномочной комиссией 12 сего мая, семья уклонившегося от явки забирается как заложники, и на имущество накладывается арест.

Семья содержится две недели в концентрационном лагере. Если бандит явится в штаб Красной Армии и сдаст оружие, семья и имущество освобождаются от ареста. В случае же неявки бандита в течение двух недель семья высылается на Север на принудительные работы, а имущество раздается крестьянам, пострадавшим от бандитов.

7. Все, кто оказывает то или иное содействие бандитам, подлежат суровой личной и имущественной ответственности перед судом реввоентрибунала как соучастники измены трудовому народу. Только немедленным раскаяньем, выдачей главарей и оружия они могут заслужить прощение.

Участники бандитских шаек!

Полномочная комиссия вам заявляет:

Ваши имена известны Чека. Будете взяты либо вы, либо ваша семья и имущество. Сдавайтесь!»

Обращение же Постоянной комиссии к армейским коммунистам (их было немало, о чем говорит 10-тысячный тираж воззвания) от 20 мая нацеливало их на беспощадную ликвидацию восстания: «Товарищи военные коммунисты! На плечи Красной Армии в Тамбовской губернии возложены великие задачи. Тамбовское кулацкое повстанье (кулацкое! Хотя в нищей губернии кулаков было раз, два — и обчелся, да и сам Антонов, мещанин города Кирсанова, никогда не был кулаком! — Б. С.) — это гнилая заноза в исхудалом теле нашей трудовой Республики. Ее надо вырвать немедленно твердой и умелой рукой».

К концу мая в Тамбове, Борисоглебске, Кирсанове и других

городах губернии спешно поставили концлагеря на 15 тысяч человек и попробовали по каждому селу составить список «бандитов». 28 мая войска перешли в решающее наступление на повстанцев. К 20 июля все крупные отряды антоновцев были уничтожены или рассеяны.

Успех был достигнут не в последнюю очередь благодаря некоторым, довольно специфическим, методам работы с крестьянством. В селах восстанавливались органы Советской власти, которые должны были выявить скрывшихся повстанцев и изъять оружие у населения. Местные жители поначалу отказывались давать какие-либо сведения об антоновцах и их семьях и выдавать их имущество, отданное на хранение соседям. А чтобы чекисты, которым, вопреки утверждениям приказа, не были известны имена всех участников восстания, не смогли составить полные списки сельчан, крестьяне начисто забывали свои имена и фамилии, когда к ним обращались люди в кожанках. Председатель политкомиссии Борисоглебского боевого участка следующим образом описал операции по «зачистке» сел в период со 2 по 13 июня:

«С первых же дней производства операции отмечалось:

1. Массовое бегство семей бандитов, причем имущество распылялось, зарывалось в землю, бралось с собой, раздавалось односельчанам и родственникам. Зачастую оставались одни голые стены на попечение дряхлых стариков.

2. Списки населения в большинстве случаев отсутствовали или были уничтожены бандитами: добровольных сведений крестьяне из-за боязни мести бандитов в большинстве случаев не давали. Были случаи арестов целых сходов за отказ выдать бандитов.

3. Оружие в большинстве случаев, несмотря на тщательные обыски, обнаруживать не удалось».

Фиалковский признавал, что «отношение населения к проведению операций было самое разное, начиная с резко враждебного и кончая самым положительным, в большинстве же случаев крестьянство относилось к операциям осторожно, выжидательно, упорно замалчивая все, что относилось к бандитизму. Как усматривается из всех донесений, крестьянство замучено, разорено, перебито, боится представителей Советской власти и кровавой расправы со стороны бандитов…».

И Тухачевский придумал великолепное лекарство против этого страха — еще больший страх перед Советской властью и Рабоче-Крестьянской Красной Армией. В «Инструкции по искоренению бандитизма» он так объяснял поставленные задачи командному составу: «Работа милиции вместе с впечатлением

непоколебимой мощи Красной Армии, которое обязательно должно быть внушено крестьянам нашими войсками, создает то устойчивое, успокаивающее настроение, которое должно быть затем закреплено советской работой ревкомов. Для внушения вышеупомянутого уважения к силе Советской власти и Красной Армии необходимо провести следующие меры: 1) никогда не делать невыполнимых угроз; 2) раз сделанные угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца; 3) переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов; 4) имущество этих семейств конфисковывать и распределять между советски настроенными крестьянами — это внесет расслоение в крестьянство, и на это может опереться Советская власть; 5) советски настроенные крестьяне должны прочно и надежно охраняться нашими силами от покушения бандитов: вообще, проведение успокоения сразу создаст много сторонников Советской власти, так как бандитизм и утомителен, и разорителен для крестьянской массы; 6) советски настроенных крестьян надо всячески втягивать в советскую работу, в организацию разведки против бандитов и пр., — это поставит между этими крестьянами и бандитами непреодолимую грань…»

Тамбовскую губернию, землю исконно русскую, Тухачевский рассматривал как оккупированную Красной Армией территорию. Так и писал: «…военные действия по проведению оккупационного метода борьбы против бандитов»; «этот период борьбы мы называем обыкновенно оккупацией». Но крестьяне всё никак не хотели расслаиваться и становиться опорой Советской власти, не выдавали повстанцев, их семьи и имущество.

А угрозы-то надо было выполнять, иначе какое может быть уважение к власти и армии. И 11 июня вышел самый грозный приказ № 171, подписанный председателем Полномочной комиссии В. А. Антоновым-Овсеенко, командующим войсками М. Н. Тухачевским, председателем губисполкома А. С. Лавровым и секретарем губкома партии Б. А. Васильевым. Теперь от слов перешли к делу: «…Дабы окончательно искоренить эсеробандитские корни и в дополнение к ранее изданным распоряжениям, Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссий и райполиткомиссий объявлять приказы об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в семье расстреливается на месте без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома разбирать или сжигать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно».

И проводили, ещё как проводили. Одних только высланных в другие губернии насчитывалось более 70 тысяч человек. Среди них было особенно много женщин, детей и стариков. Несчастных морили голодом в концлагерях, в том числе и под Москвой. Оборванные, исхудавшие дети лазили по помойкам в поисках хоть чего-нибудь съестного. Старая народоволка Вера Фигнер, одна из руководительниц Политического Красного Креста, в сентябре 1921 года писала в Ревтрибунал Республики, что из 364 крестьян, высланных в подмосковные лагеря в качестве заложников за родственников, находящихся в бандах, 29 человек — старики старше 60 лет, а 158 — несовершеннолетние, треть из которых моложе 10 лет, пятеро же — вообще грудные младенцы. «Все эти люди, — ужасалась Вера Николаевна, — прибыли в Москву в самом плачевном состоянии — оборванные, полуголые и голодные настолько, что маленькие дети роются в выгребных ямах, чтобы найти себе какой-нибудь кусочек, который можно было бы съесть… Политический Красный Крест ходатайствует о смягчении участи… заложников и о возвращении их на родину в свои деревни…» Но это был глас вопиющего в пустыне. Сколько высланных умерло от голода, холода и болезней, никто и никогда не узнает. Как и то, сколько народу было замучено в самой Тамбовской губернии. Позднее Тухачевский в одной из статей, анализируя опыт подавления Антоновского восстания, отмечал: «Когда распавшиеся банды после столкновения с красными частями возвращались к себе в деревню, то здесь они наталкивались на чистку и попадали в руки оккупационных частей. Круговая порука, которая была проведена вдобавок к этому, а именно — заключение семей не явившихся бандитов в концентрационные лагеря, быстро повлекла за собой разложение среди крестьян — как только они увидели методичность и точность работы Советской власти, непрерывно сопровождаемые уничтожением всё новых и новых банд и извлечением бандитов из деревень, настроение их начало колебаться. Они начали

становиться в оппозицию к бандитизму и даже поддерживать Советскую власть путем указаний на скрывающихся бандитов и предупреждений о налетах банд. Для того чтобы ещё сильнее оформить это расслоение, чтобы создать в деревне непримиримую среду для бандитизма, была введена разведывательная крестьянская служба, которая должна была организованно предупреждать красные войска и милицию о надвигающейся опасности… Постепенно под влиянием чистки волостей и их советизации, под влиянием разгрома бандитов и суровых кар упорствующих, а также под влиянием примеров освобождения бандитов, явившихся и сдавших добровольно свое оружие, начинается разложение бандитизма. Число убитых, раненых и пленных бандитов уменьшается по сравнению с бандитами, вылавливаемыми чекистским порядком в деревнях и добровольно сдавшимися».

Молодой командующий забыл еще упомянуть о расстрелах безоружных заложников, никогда в восстании не участвовавших. Главным образом благодаря этому бесчеловечному средству, запрещенному международными конвенциями о правилах ведения войны, удалось создать в деревнях «непримиримую среду для бандитизма» и заставить крестьянские массы «поддержать» Советскую власть.

Донесения политпятерок, руководивших проведением чисток в селах, ежедневно поступали Тухачевскому и Антонову-Овсеенко. Вот для примера только два из них: «26 июня, при занятии с. Туголуново, особо организованной политпятеркой были взяты заложники и населению предложено немедленно выдать бандитов и оружие. По истечении двухчасового срока на глазах населения было расстреляно 5 заложников. Расстрел произвел на население сильнейшее впечатление, крестьянство приступило немедленно к выдаче бандитов и оружия. За 2 дня, 26 и 27 июня, явилось добровольно бандитов без оружия — 231, с оружием — 8, дезертиров — 99, выдано населением бандитов — 68, дезертиров — 88. При содействии населения была устроена засада, в которую попал и был убит известный бандитский главарь Богуславский».

Иногда для не просто «сильнейшего», а «ошеломляющего впечатления» на крестьян приходилось расстреливать побольше заложников, чем в Туголунове. Так, «27 июня, по занятии дер. Остроуховка Васильевской волости, организованной пятеркой объявлено населению о сдаче оружия и выдаче бандитов, взято 30 заложников. В 19 часов за неисполнение приказа о сдаче оружия расстреляно 10 заложников. Расстрел произвел на граждан ошеломляющее впечатление. Все крестьяне в один голос заявили, что пойдут всем селом и представят все оружие: немедленно было

выдано 5 бандитов. Операция продолжается. Крестьяне проявляют усердие в поисках оружия и бандитов».

Попробуй тут не проявить! Сразу же или тебя самого, или кого-нибудь из близких к стенке поставят. Иногда, в особо упорствующих селах, расстреливали несколько партий заложников, прежде чем крестьяне становились «сознательными». Например, в деревне Андриановка в два приема расстреляли 16 человек, пока пробудили у жителей ненависть к антоновцам. А в соседней Кулябовке страшную процедуру, жертвой которой стали 23 человека, пришлось проводить троекратно. Зато стали бояться укрывать восставших и допускать в села их отряды, поскольку это грозило жителям неминуемой смертью. Антоновцам теперь силой приходилось добывать продовольствие и место для ночлега. Крестьянство оказалось между двух огней, и между ним и повстанцами наконец пролегла та грань, о которой говорил Тухачевский. Поэтому 17 июня приказом № 178 он потребовал создавать в деревнях и селах отряды самообороны для борьбы со сторонниками Антонова: «В случае появления банд и налета их на населенные пункты местное население обязано оказать сопротивление, уничтожая бандитов всеми возможными средствами и немедленно сообщая об их появлении в ближайшую войсковую часть или ревком. Неоказание сопротивления бандитам и несвоевременное сообщение о появлении таковых… будет рассматриваться как сообщничество с бандитами со всеми вытекающими отсюда последствиями». Словом, добровольно-принудительные отряды самообороны под угрозой расстрела. Куда ни кинь, всюду клин. Но крестьянство видит, что сила-то теперь действительно у красных. Так что приходится бороться с бандитами, не пускать их в села, брать себе имущество тех, кто скрывается в лесах, с оружием в руках сражаться с антоновцами. И все больше повстанцев вынуждены сдаваться на милость победителям. До 1 мая 1921 года сложили оружие 7 тысяч человек, а с мая по август — еще 15 тысяч.

23 июня 1921 года в приказе № 116 Антонов-Овсеенко и Тухачевский обобщили опыт наиболее результативных чисток и, усовершенствовав прежние методы, предложили оптимальный способ проведения операции: «Намечаются особенно бандитски настроенные волости, и туда выезжают представители уездной политической комиссии, особого отделения, отделения военного трибунала и командования вместе с частями, предназначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60—100 наиболее видных лиц в качестве заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд в волость должны быть на время операции запрещены. После этого

собирается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полномочной Комиссии ВЦИК №№ 130 и 171 и написанный приговор для той волости (здесь — в значении: проект решения волостного схода. — Б. С.). Жителям дается 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через два часа. Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желающие исполнить это становятся отдельно, разбиваются на сотни, и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию (представителей Особого отдела и Военного трибунала). Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства проводятся новые расстрелы и т. д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей и отправляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция.

Настоящее Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает принять к неуклонному исполнению».

Точно такими же методами, будто копируя приказы Тухачевского, действовали в годы второй мировой войны немцы, когда боролись с партизанами в России и на Балканах. Очень вероятно, что немецкая военная мысль дошла до наилучшей тактики борьбы с партизанами самостоятельно, без заимствования советских разработок, и сходство здесь определяется только глубоким внутренним родством двух тоталитарных режимов с их презрением к человеческим жизням. Или всё же во время поездок в Германию Михаил Николаевич поделился тамбовским опытом с офицерами рейхсвера? А может, немцы очень внимательно прочли статью Тухачевского «Борьба с контрреволюционными восстаниями», опубликованную в 1926 году в московском журнале «Война и революция»? Правда, о расстрелах заложников там прямо не говорилось… В любом случае, многих германских генералов за подобное после проигрыша войны повесили или расстреляли по приговорам Нюрнбергского и других трибуналов. В частности, в Югославии за такого рода чистки казнили генерала СС Германа Беренса, которого потом долгие годы подозревали в фабрикации компрометирующей Тухачевского мифической «красной папки».

Расстреляли и Тухачевского с Антоновым-Овсеенко, только не за тамбовские художества, в которых, как мы сейчас убедимся, они остались непревзойденными даже эсэсовцами, а по абсолютно ложным обвинениям в заговоре и измене.

Наступление советских войск началось только 28 мая. В июне значительная часть антоновцев еще продолжала становившуюся все более безнадежной борьбу. Установленный Политбюро месячный срок для ликвидации восстания не был выдержан. 9 июня Тухачевскому пришлось объяснять другим членам Полномочной комиссии ВЦИК, почему это произошло. Нашлись, как водится, объективные причины: «Бандитизм не удалось ликвидировать согласно заданию ЦК в месячный срок, так как сосредоточение сил закончилось только в двадцатых числах мая. Кроме того, до самого последнего времени операции не были достаточно согласованы. Теперь надо учесть прошлый опыт, предусмотреть допущенные ошибки, в первую очередь провести разгром новых сил Антонова одним или несколькими оглушающими ударами». «Оглушающие удары» вроде тех, что произвели «сильнейшее» и «ошеломляющее» впечатление на обитателей Туголунова и Остроуховки. Но главный сюрприз для крестьян был еще впереди.

Чтобы сломить последние отряды непримиримых, Тухачевский решает применить еще одно средство — впервые в гражданской войне. Для подавления восстания на летние сборы 1921 года в Тамбовскую губернию было направлено 7 тысяч курсантов из Москвы и Орла. Среди орловских оказались военные химики, которые подали командующему идею с помощью отравляющих веществ выкурить мятежников из труднодоступных лесов и оврагов, куда добраться войскам было очень трудно. И 12 июня последовал «оперативно-секретный» приказ за номером 0116: «Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести».

Вместе с Тухачевским приказ подписал начальник штаба Н. Е. Какурин, полковник царской армии, который был вместе с Михаилом Николаевичем еще со времен неудавшегося похода на Варшаву. За Тамбов Николай Евгеньевич получил орден Красного Знамени, за «выдающиеся организаторские способности и работоспособность», впоследствии стал видным историком гражданской войны, написал двухтомник «Как сражалась революция». Тухачевский аттестовал Какурина очень высоко: «Образованный, интеллигентный генштабист. Отличный начальник штаба, а также хороший строевой начальник, умеет правильно поставить служебные взаимоотношения и пользуется общим уважением. Настойчивый в работе. Выдающийся». Но блестящая аттестация не спасла, а, быть может, даже погубила интеллигентного и уважаемого генштабиста. В июне 1930 года, как бывшего офицера (и, думается, как близкого к Тухачевскому человека), Какурина арестовали по обвинению в участии в мнимом антисоветском заговоре. Он сломался быстро и на следствии оговорил множество сослуживцев, впервые заявив о будто бы заговорщической деятельности Тухачевского.

Получил 10 лет тюрьмы и умер в заключении в 1936 году. От тех, кто был арестован по какуринским показаниям, потом потянулась ниточка к другим, от кого уже потом брали показания для фабрикации «дела Тухачевского» в 37-м. Но в 21-м году ни Михаил Николаевич, ни Николай Евгеньевич, этот, по выражению историка А. П. Ненарокова, «кристально честный и чистый человек», своих судеб не знали и с увлечением готовили химическую атаку против тамбовских крестьян.

19 июня вопрос о применении газов обсуждался в Москве комиссией по бандитизму под председательством Склянского. Она предложила: «Тамбовскому командованию к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью, с достаточной технической подготовкой и только в случае полной обеспеченности успеха…» Газы — оружие обоюдоострое. В случае, если ветер внезапно переменится, от них могут пострадать и свои войска. Кроме того, большевики опасались, что о химических атаках станет известно за границей. Это нанесло бы большой удар по престижу первого в мире пролетарского государства. Так что никто из жертв боевых отравляющих веществ не должен был остаться в живых — именно это считалось «полной обеспеченностью успеха». Тухачевский также настаивал: «Во всех операциях с применением удушливого газа надлежит провести исчерпывающие мероприятия по спасению находящегося в сфере действия газов скота». Скот ведь — достояние Республики, а вот люди, особенно такие несознательные и просто вредные, как в

Тамбовской губернии, — нет. Кстати, на завершающей стадии борьбы с антоновцами Тухачевский проявлял трогательную заботу о сохранении материальных ценностей и коммуникаций. Например, 7 июля, отметив, что «разгромленные банды… вымещают свою бессильную злобу на местном населении, сжигая мосты и прочее народное достояние», приказал, заботясь о крестьянском благе, из расположенных вблизи мостов деревень брать по 5 заложников, «коих в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать».

Началась техническая подготовка к атаке. 20 июня помощник начальника Штаба РККА будущий маршал Б. М. Шапошников сообщил Тухачевскому: «Главком (С. С. Каменев. — Б. С.) приказал срочно выслать в распоряжение Тамбовского губернского командования 5 химических команд с соответствующим количеством баллонов с газами для обслуживания боевых участков». В тот же день инспектор артиллерии Республики Шейдеман приказал: «Ввиду возможного получения боевого задания химическую роту, находящуюся в лагерях Орловского округа, надлежит срочно доукомплектовать личным составом. По укомплектовании приступить к интенсивному ведению занятий». Во всяком серьезном деле нужна тренировка, тем более в таком серьезном, как газовая атака. Но время поджимало. Уже 24 июня начальник оперативного управления штаба войск Тухачевского передал начальнику 6-го боевого участка (район села Инжавино в долине реки Ворона) А. В. Павлову приказ командующего «проверить умение химической роты действовать удушливыми газами». И тогда же инспектор артиллерии Тамбовской армии С. Касинов докладывал Тухачевскому: «Относительно применения газов в Москве я выяснил следующее: наряд на 2000 химических снарядов дан, и на этих днях они должны прибыть в Тамбов. Распределение по участкам: 1-му, 2-му, 3-му, 4-му и 5-му по 200, 6-му — 100». 28 июня Касинов и Павлов проинструктировали подчиненных, как эти снаряды надо использовать:

«1. Химические снаряды применяются в тех случаях, когда газобаллонный выпуск невозможен по метеорологическим или топографическим условиям, например: при полном отсутствии или слабом ветре и если противник засел в лесах в местах, труднодоступных для газов.

2. Химические снаряды разделяются на 2 типа: удушающие и отравляющие.

3. Быстродействующие снаряды употребляются для немедленного воздействия на противника, испаряются через 5 минут.

Медленнодействующие употребляются для создания непроходимой зоны, для устранения возможности отступления противника, испаряются через 15 минут.

4. Для действительной стрельбы необходим твердый грунт, так как снаряды, попадая в мягкую почву, не разрываются и никакого действия не производят. Местность для применения лучше закрытая, поросшая негустым лесом. При сильном ветре, а также в жаркую погоду стрельба становится недействительной.

5. Стрельбу желательно вести ночью. Одиночных выстрелов делать не стоит, так как не создается газовой атмосферы.

6. Стрельба должна вестись настойчиво и большим количеством снарядов (всей батареей). Общая скорость стрельбы не менее трех выстрелов в минуту на орудие. Сфера действия снаряда 20–25 квадратных шагов. Стрельбу нельзя вести при частом дожде и в случае, если до противника не более 300–400 шагов и ветер в нашу сторону.

7. Весь личный состав батарей должен быть снабжен противогазами».

Мы не знаем, обстреливали повстанцев медленно-или быстродействующими снарядами, не знаем, благоприятствовала ли погода химическим опытам с людьми. Можно только догадываться, что тамбовские леса, не слишком густые, да твердая тамбовская почва сделали губернию превосходным полигоном для испытания боевых газов, как удушающих, так и отравляющих. Очевидно, в лесистых, труднодоступных местностях газобаллонный выпуск оказался неэффективным и пришлось ждать подвоза химических снарядов. Создается впечатление, что все, участвовавшие в подготовке «хим-зачистки», воспринимали ее с чисто профессиональной стороны, как технически сложную, но эффективную военную операцию, не испытывая никаких нравственных терзаний и мук совести.

Наконец, баллоны и снаряды прибыли. 1 июля газотехник с забавной фамилией Пуськов доносил Касинову: «Мною были осмотрены газовые баллоны и газовое имущество, прибывшие на Тамбовский артиллерийский склад. При сем нашел: баллоны с хлором марки Е 56 находятся в исправном состоянии, утечки газа нет, к баллонам имеются запасные колпачки. Технические принадлежности, как-то: ключи, шланги, свинцовые трубки, шайбы и прочий инвентарь — в исправном состоянии, в сверхкомплектном количестве…» Вот только прибывшие химические снаряды техник не успел еще осмотреть, так как два вагона с ними «находились в состоянии маневрирования». Главной же проблемой оставалось отсутствие противогазов. Пуськов констатировал: «Противогазов нет. При наличии

противогазов из имеющихся на складе баллонов могут быть произведены атаки без всякого дополнительного инвентаря, так как имеется все оборудование, даже бандажи для переноски».

Из-за задержки с противогазами первую газовую атаку произвели только 13 июля. В этот день артиллерийский дивизион бригады Заволжского военного округа израсходовал 47 химических снарядов. К тому времени восстание фактически уже было подавлено. К 15 июля в Тамбовской губернии осталось не более 1200 повстанцев, загнанных в леса, голодных, почти без патронов, не представлявших реальной угрозы ни восстановленным органам Советской власти, ни, тем более, 120-тысячной группировке войск, которую начали готовить к возвращению в места прежней дислокации.

16 июля Тухачевский докладывал Ленину о победе: «В результате методически проведенных операций на протяжении 40 дней восстание в Тамбовской губернии ликвидировано. СТК (руководивший восстанием „Союз Трудового Крестьянства“, находившийся под влиянием эсеров. — Б. С.) разгромлен. Советская власть восстановлена повсеместно».

Казалось бы, раз восстание ликвидировано, надобность в применении химического оружия отпала. Ан нет! 3 августа командир батареи Белгородских артиллерийских курсов доносил начальнику артиллерии Инжавинского боевого участка: «По получении боевого задания батарея в 8.00 2 августа выступила из с. Инжавино в с. Карай-Салтыково, из которого после большого привала в 14.00 выступила на с. Кипец. Заняв позицию в 16.00, батарея открыла огонь по острову, что на озере в 1,5 верстах северо-западнее с. Кипец. Выпущено 65 шрапнелей, 49 гранат и 59 химических снарядов. После выполнения задачи батарея в 20.00 возвратилась в Инжавино».

Мы никогда не узнаем, сколько людей погибло от химических снарядов, выпущенных по острову на озере вблизи селения Кипец и во многих других местах. И сколько среди них было женщин и детей. Раз Тухачевский опасался, что во время обстрела мятежников химическими снарядами может пострадать скот, значит, повстанцы укрывались в лесах со своими коровами, овцами. За животными кто-то должен был ухаживать, следовательно, хотя бы часть «бандитов» укрывалась от карателей вместе с семьями, которые тоже стали жертвами «газовой зачистки» по Тухачевскому. По крайней мере в одном следует признать абсолютный приоритет «красного маршала» в мировой военной науке: он впервые в истории применил боевые отравляющие вещества против безоружного мирного населения. Боюсь, славные предки Тухачевского, капитан Александр

Николаевич и штабс-капитан Николай Николаевич, служившие вскоре после Отечественной войны 1812 года в лейб-гвардии Семеновском полку, перевернулись бы в гробу, узнай они о тамбовских подвигах своего потомка и однополчанина. И военной необходимости в газовых атаках в начале августа уже никакой не было. Восстание было раздавлено. Но Тухачевскому и другим очень хотелось испытать на тамбовских мужиках химическое оружие, посмотреть, сколь оно эффективно. Ведь надежды на скорую мировую революцию в 1921 году еще не были оставлены, и Михаил Николаевич вполне мог предполагать, что в будущем газы пригодятся при усмирении польских, немецких или французских крестьян.

Заметим, все эти драконовские меры применялись тогда, когда продразверстка была отменена, в стране начинался нэп и непосредственные причины, вызвавшие восстание, были устранены. К тому же приближалась пора сбора урожая. Чтобы не обрекать себя и свои семьи на верную смерть в недалеком будущем, повстанцы все равно через несколько месяцев после прибытия Тухачевского вынуждены были бы прекратить борьбу. Мятежная губерния была блокирована, и подвоза продовольствия туда не было. И вряд ли бы в условиях нэпа вчерашние повстанцы захотели после окончания уборочной страды вернуться в леса. Но позволить антоновцам не сдавшимися, не признавшими свое поражение вернуться к мирному труду большевики не могли. Это значило бы хоть частично признать победу крестьян и поражение власти. Как и в случае с Кронштадтом, требовалось преподать повстанцам предметный урок, чтобы не только им, но и детям и внукам бунтовать было неповадно. Для этого и нужны были расстрелы заложников и газовые атаки против искавших убежища в лесах. И цель была достигнута. Через несколько лет насильственная коллективизация, «год великого перелома», добивший нэп, прошли куда спокойнее, без восстаний масштаба антоновского, хотя, возможно, даже с еще большими жертвами. Впрочем, сколько народу истребили бойцы Тамбовской армии под руководством «красного Наполеона», мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Наверняка счет шел на тысячи, если не на десятки тысяч.

Боевую химию Михаил Николаевич вообще очень уважал и считал весьма перспективным средством в будущей войне. В своем главном военно-теоретическом труде «Новые вопросы войны», начатом десять лет спустя после подавления Тамбовского восстания, Тухачевский восхищенно писал: «Быстрое развитие химических средств борьбы позволяет внезапно применять все новые и новые средства, против которых старые противогазы и прочие противохимические средства оказываются

недейственными. И одновременно, эти новые химические средства вовсе или почти не требуют переделки или перерасчетов материальной части. В большинстве случаев снаряд можно залить любым химическим веществом, точно так же, как и распылители легко приспособить к любому ОВ. Фуллер, в „Реформации войны“, как одно из светил империалистов — знатоков военной техники, дает очень интересную характеристику этой своеобразной стороне развития химических средств войны. Таким образом, новые изобретения в области техники ОВ могут быть немедленно применены на поле боя и как средство борьбы могут быть наиболее внезапным и деморализующим противника новшеством. Авиация является наивыгоднейшим средством для распыления ОВ. Широко будет применяться ОВ танками и артиллерией».

В книге, с которой заместитель наркома обороны мечтал ознакомить тысячи и тысячи командиров Красной Армии, он не мог прямо сказать, что не только из книги британского генерала Джона Фуллера почерпнул мысли о захватывающих дух перспективах химического оружия, но и из собственного боевого опыта, когда эксперимента и устрашения ради травил газами тамбовских крестьян и действительно убедился, как деморализует противника боевая химия. Особенно когда этому противнику ни ответить, ни защититься нечем.

Друг Тухачевского и его первый советский биограф генерал Александр Иванович Тодорский, сам попавший в волну репрессий 37-го года, но выживший в сталинских лагерях, по поводу участия Михаила Николаевича в подавлении тамбовского восстания писал: «На тамбовском фронте Тухачевский применил новые методы борьбы. Они состояли в том, что боевая работа войск сочеталась с огромной политической деятельностью на местах, была тесно связана с органами Советской власти». Брошюра Тодорского вышла в серии «Герои и подвиги». Теперь читатели, надеюсь, поняли, какие подвиги совершил Тухачевский на залитой кровью и отравленной хлором тамбовской земле, в чем была новизна применявшихся им методов борьбы.

Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» рассматривал скорый и неправый суд и казнь Тухачевского и его товарищей как Божью кару за то, что творил будущий маршал в Тамбовской губернии: «Где было им тогда представить, что История всё-таки знает иногда возмездие, какую-то сладострастную позднюю справедливость, но странные выбирает для нее формы и неожиданных исполнителей. И если на молодого Тухачевского, когда он победно возвращался с подавления разорённых тамбовских крестьян, не нашлось на вокзале еще одной Маруси

Спиридоновой, чтобы уложить его пулею в лоб, — это сделал недоучившийся грузинский семинарист через 16 лет». Кажется мне, что не прав тут Нобелевский лауреат. Нельзя считать справедливым возмездием за самые что ни на есть действительные преступления приговор и казнь по совсем не справедливому, придуманному обвинению. Впрочем, тогда, в 21-м, возвращаясь с Тамбовщины, Тухачевский не догадывался, какой страшный конец его ждет. Наоборот, Кронштадт и Тамбов, казалось, приглушили память о катастрофе под Варшавой, подняли его авторитет среди коллег и политического руководства. Впереди открывались новые соблазнительные перспективы. Тухачевский был самым молодым из командующих военными округами. Да и округ его, Западный, приграничный, по мощи сосредоточенных здесь войск был одним из крупнейших. Михаил Николаевич имел все основания надеяться рано или поздно встать во главе всей Красной Армии и повести ее в новый, на этот раз успешный, поход на Запад.

«Хочешь мира — готовься к войне». Тайна Лидии Норд

Для вернувшегося с подавления Тамбовского восстания командующего Западным фронтом Тухачевского наконец-то настали мирные будни. Но еще до командировок в Кронштадт и Тамбов, вскоре после завершения польской кампании, важное событие произошло в личной жизни Михаила Николаевича: он во второй раз женился. Вот как описала обстоятельства этого брака журналистка Лидия Норд, к книге которой о Тухачевском мы уже не раз обращались: «Неподалеку от Смоленска, где тогда находился штаб Тухачевского, в лесной чаще стоял большой деревянный двухэтажный дом. В нем жил лесничий „со своим выводком“, как говорили лесники. Выводок состоял из пяти молодых девушек. По существу, сам лесничий в этом изобилии девиц был неповинен. Их подбросили ему на попечение родители, дабы уберечь девушек от всех принесенных революцией бед, и они приходились ему родными и двоюродными племянницами. Лесничий и его жена действительно опекали весь „выводок“, как наседки. Время было тяжелое… Они сами случайно нашли приют в этом глухом уголке вздыбленной революцией страны. Правда, у лесничего был охранный мандат совслужащего и даже разрешение на ношение оружия, но все же жена зарыла все уцелевшие драгоценности, да и наиболее ценные вещи, под кормушкой в конюшне, где стояли принадлежащие лесничеству лошади, и каждое утро протыкала тоненькой железной палкой землю, чтобы удостовериться — не выкопал ли их кто-нибудь».

Дальше события развивались почти как в «женском романе» или «жестоком романсе». В лесничестве появился чудесный принц в лице нашего героя и покорил сердце одной из барышень «выводка», предоставленного заботам переквалифицировавшегося в лесничие предводителя дворянства одной из губерний в центре России. Лидия Норд продолжает: «Как-то случилось, что Тухачевский с начальником артиллерии Садлуцким заехал по делу в лесничество. Садлуцкий заговорил с лесничим, и их пригласили к обеду. С тех пор Тухачевский с Садлуцким или один стал заезжать довольно часто. Анна Михайловна (жена лесничего, Евгения Ивановича. — Б. С.) сообразила, что не беседы с мужем являются приманкой для красного генерала, а какая-то из племянниц». Избранницей Михаила Николаевича явилась самая младшая и озорная, шестнадцатилетняя девушка, которую Норд называет Ликой, любимица лесника: «Если старшие племянницы

все отличались красотой и… добрым нравом, то у младшей и того, и другого сильно недоставало. И эстетические чувства Анны Михайловны часто страдали от вида вечно растрепанных кос, синяков, ссадин и царапин на лице и руках, следов бешеной скачки на лошади и лазания по деревьям».

Любовь Михаила Николаевича открылась довольно быстро. Как-то раз Анна Михайловна заметила, как он, здороваясь с Ликой, дольше обычного задержал ее руку в своей, а потом поцеловал. Анна Михайловна с удивлением говорила мужу: «Ты можешь себе представить — он ведь увлекся Ликой. Я думала, он ездит ради Ани или Веры… Не понимаю… Ну, что ему в ней понравилось?» Лесничий забеспокоился: «Она ведь совсем ребенок, он может вскружить ей голову. Надо придерживать ее теперь дома».

Дальше события развивались стремительно. После того как две попытки увидеться с Ликой были пресечены бдительным дядей, не питавшим симпатий к красному генералу, Тухачевский сделал официальное предложение руки и сердца. Евгений Иванович ответил, что племянница слишком молода для брака. Но тут на помощь ошеломленному полководцу пришла Анна Михайловна: «Я сама вышла замуж шестнадцати лет и считаю, что согласие зависит не от нас, а от Лики». Она вызвалась поговорить с племянницей, но Тухачевский настоял, что сделает это сам. Лидия Норд рассказывает: «Он нашел Лику во дворе. Скинув варежки, она лепила снежки и бомбардировала ими старшую кузину, укрывшуюся за стоявшим у сарая большим деревянным щитом и взывавшую оттуда о пощаде. Увидев Михаила Николаевича, девушка смутилась, но озорство взяло верх и она ловко угодила бывшим у нее в руках снежком в поспешившую вылезти из-за щита кузину. Тухачевский усмехнулся и взял ее покрасневшие от холода руки в свои: „Лика, я полюбил вас. Могу я надеяться, что вы станете моей женой?“

Та явно опешила. Потом кровь отхлынула от ее лица и, вырвав руки, она понеслась куда-то… „Мне тогда стало очень страшно“, — после призналась она журившей ее тетке. Анна Михайловна, наблюдавшая всю эту сцену из окна, накинула шубку и поспешила спасать положение: она объяснила, что девушка сильно смутилась, обещала поговорить с ней и просила его приехать на другой день за ответом. Тухачевский уехал, не заходя в дом. Но Анна Михайловна простилась с ним, как с будущим родственником.

После его отъезда в доме лесничего воцарилась необычайная тишина. Евгений Иванович, крупно поговорив с женой, из своего кабинета не показывался. Лика, после долгого разговора с теткой

с глазу на глаз, вышла из спальни с покрасневшими глазами и бродила по дому притихшая, растерянная. Старшие девушки, узнав от тетки о предстоящем браке, — ахнули… Тишину нарушал только шум швейной машины — Анна Михайловна успела сбегать к жене делопроизводителя лесничества, бывшей московской портнихе, и та спешно переделывала два вынутых из сундука платья Анны Михайловны для невесты.

На другой день был сговор. Лесничий, дав, скрепя сердце, согласие, поставил условием, чтобы брак был церковный. Тухачевский согласился. Но венчание должно было быть тайным (коммунисту Тухачевскому не пристало прилюдно участвовать в том, что партия называла „религиозным предрассудком“. — Б. С.). Оно должно было состояться через месяц — Тухачевский заявил, что и это очень долгий срок. Его всегда могут назначить на другой пост.

Первое время Лика держалась с ним отчужденно и больше льнула к дяде. Но став в доме на правах жениха своим человеком, Михаил Николаевич сбросил с себя панцирь спокойной, даже чуть холодной вежливости, которой он устанавливал дистанцию между собой и окружающими, держал себя просто и с большим тактом. Не навязываясь невесте, он сумел завоевать ее доверие. Единственная интимность, которую он позволял себе с ней, — это обертывать ее длинные, тугие косы вокруг своей шеи, серьезно уверяя всех, что он пойман и привязан „этим арканом“.

Венчание произошло вечером, в деревенской церкви. Когда сани с невестой подъехали к церкви, лошади вдруг захрапели и поднялись на дыбы, едва не вывернув всех. Вошли в церковь — и женщины вскрикнули, а Лика тяжело опустилась на руки успевшего подхватить ее лесничего: в церкви стоял гроб с покойником.

Пока на паперти невесте терли виски, покойника перетащили в дальний угол притвора и чем-то закрыли. Тухачевский со своим свидетелем комкором Уборевичем опоздали и приехали, когда суета окончилась».

И здесь Норд делает интересное наблюдение над поведением жениха во время обряда: «Когда мне приходится слышать разговоры о чуть ли не кощунствах Тухачевского, то я невольно вспоминаю его, когда он стоял под венцом… Не могло быть сомнения, что он глубоко чувствовал весь обряд. Одна из родственниц невесты, с большим трудом добравшаяся из Петербурга до лесничества с единственной целью — помешать свадьбе, смягчилась в церкви до того, что, поздравляя его после венца, сказала: „Надо было вам первому стать на платок…“

С этого колоритного эпизода начинается мемуарная книга

Лидии Норд о Тухачевском, впервые полностью опубликованная в 1957 году в парижском журнале „Возрождение“. Отдельного издания „Маршалу Тухачевскому“ пришлось дожидаться двадцать один год. А вот та часть книги, где рассказывалось о мнимом „военно-фашистском заговоре“, увидела свет еще в апреле 1950 года в парижской газете „Русская мысль“. И с тех пор не прекращаются гадания, кто же скрывается под псевдонимом Лидия Норд. Сама мемуаристка сообщает о себе только, что она — одна из пяти племянниц лесника, с которыми познакомился Тухачевский, и приходится второй жене Михаила Николаевича сестрой, но не родной, а двоюродной или даже троюродной. Позднее Лидия Норд вышла замуж за приятеля Тухачевского, советского военачальника, казненного вместе с маршалом. Дружбу с Михаилом Николаевичем она сохранила до его последних дней.

То, что Норд — это фамилия-псевдоним, сомнений не вызывает. А вот насчет имени Лидия даже нет уверенности, что оно — подлинное, а не псевдоним. Показательно, что вторую жену Тухачевского Норд называет Ликой — сокращенным именем от Лидии (вспомним чеховскую Лику — Лидию Мизинову). Если это — подлинное имя ее кузины, то выходит, что они с Норд — тёзки. Однако вполне возможно, что мемуаристка взяла себе имя-псевдоним в честь жены главного героя своей книги. А может быть, наоборот, наградила несчастную кузину своим собственным именем, тогда как в жизни Лику звали иначе. Словом, сплошные псевдонимы, сплошные загадки. И всё потому, что в Советском Союзе не принято было интересоваться „личной жизнью“ персонажей из серии „Жизнь замечательных людей“ (в конце 80-х в эту престижную серию попал наконец и Тухачевский). Особенно если эта жизнь была совсем не простой, если герой жен имел больше, чем одну, да и не только жен, а, страшно сказать, любовниц. Обычно если и уделяли внимание, то последней из законных супружниц, а остальные почти что и не существовали для биографов. В результате мы очень мало знаем о первой жене Тухачевского, не слишком много — и о последней… А о второй жене вообще известно только из воспоминаний Лидии Норд. Последняя написала не только книгу о Тухачевском, но и роман „Офелия“ — о жизни советской интеллигенции в 20-е и 30-е годы. Этот роман публиковался в „Возрождении“ за два года до „Маршала Тухачевского“. В „Офелии“ среди персонажей есть некая Лена, жена военного. В эпилоге, написанном в 1958 году, то есть уже после „Тухачевского“, рассказывается о ее судьбе „20 лет спустя“: „Мужа Лены, красного генерала, расстреляли в 1937 году и месяцем позже арестовали и ее, хотя они давно разошлись… С

тех пор Леночка пропала без вести…“ Возможно, прототипом Лены послужила та, кто в книге о Тухачевском названа Ликой (как мы увидим, их брак с Михаилом Николаевичем продлился недолго). В этом случае нельзя исключить, что ее подлинное имя — Елена.

Французский журналист русского происхождения Виктор Александров, выпустивший в 1962 году книгу о деле Тухачевского, утверждал, что настоящая фамилия Лидии Норд — Загорская. Но и данное свидетельство едва ли проясняет вопрос. Непонятно, идет ли речь о девичьей фамилии свояченицы Тухачевского, и если это так, то носила ли фамилию Загорская Лика? Или Александров назвал фамилию ее мужа? И сколько мужей было в действительности у Лидии Норд? Ведь среди осужденных вместе с Тухачевским не было человека с фамилией Загорский. А быть может, Загорская — это еще один псевдоним, под которым Лидия Норд была известна в Париже?

Попытаемся подойти к решению задачи с другой стороны. Лидия Норд писала, в ответ на упрек критиков, что она „упорно не называет фамилию своего мужа“: „Да, не называю. Ибо я еще не сошла с ума и не настолько обессовестилась, чтобы рисковать участью своих родственников, которые, возможно, частично уцелели в СССР. Мне могут возразить, что Советы-де всё равно уже знают, кто я. Возможно. Но дело не в том — знают ли они или не знают, но пока я сама не назвала себя, мои близкие имеют юридическое право отрицать свое родство с Лидией Норд. А для эмиграции совершенно не важно, кто был мой муж, — важно — кто я и кем навсегда останусь, независимо от всех советских реабилитаций. Я никогда не смогу простить коммунистической власти гибели моего мужа, гибели наших родственников и друзей, а также зверского уничтожения в советских тюрьмах и концлагерях лучшей части российского народа. Советское правительство, какое бы оно ни было, не купит меня никакими пожизненными пенсиями и другими земными благами…“

Сегодня давно уже нет в живых и той, что писала в Париже под псевдонимом Лидия Норд, и искренне ненавидимого ею Советского Союза. Раскрыв псевдоним автора „Маршала Тухачевского“, мы никому теперь не нанесем ни малейшего вреда. Для решения этой непростой задачи нам с вами, дорогие читатели, придется обратиться к списку тех, кого судили вместе с Тухачевским. Лидия Норд однажды перечисляет их, но с одним примечательным исключением: „Тухачевский был смещен в мае 1937 года, а в июне того же года Особое заседание военного трибунала под председательством Ульриха творило суд „скорый и справедливый“ над Тухачевским, Уборевичем, Примаковым,

Корком, Якиром, Путной и Эйдеманом…“ Здесь блистательно отсутствует один человек, игравший далеко не последнюю роль в руководстве наркомата обороны и являвшийся одним из самых ближайших друзей Тухачевского. Речь идет о комкоре Борисе Мироновиче Фельдмане, начальнике управления по начальствующему составу РККА (по сегодняшней терминологии — Главного управления кадров). Кстати, дальше в своих мемуарах Лидия Норд это имя всё-таки называет среди подсудимых на процессе Тухачевского, но тогда, когда цитирует рассказ анонимного очевидца, присутствовавшего на суде. Таким образом, похоже, она выполнила свое обещание ни разу прямо не назвать подлинной фамилии своего мужа… Ибо Фельдман-то и был ее мужем. Столь нехитрым способом — пропуском одной фамилии в списке подсудимых — Лидия Норд давала понять грамотным, вдумчивым читателям, кто именно был ее супруг. А чтобы замаскировать его личность от бдительных читателей из советской госбезопасности, сознательно путала даты и хронологию событий, иногда давая взаимоисключающие утверждения. Например, в одном месте годом вступления Тухачевского в партию назван 1921-й, в другом — 1919-й (оба раза — неверно, как мы уже убедились). Сдвинуты и перепутаны сроки командования Тухачевским и Шапошниковым Ленинградским военным округом и назначения Тухачевского заместителем наркома обороны. В то же время делаются намеки, будто муж Норд — кадровый офицер царской армии, а в 20-е годы — преподаватель одной из ленинградских военных академий. Однако приводится и немало деталей, этому образу не соответствующих. Выясняется, в частности, что муж Норд запросто общается с Фрунзе и другими руководителями военного ведомства, часто ездит в инспекционные поездки, что как-то не свойственно рядовому преподавателю, и ко всему прочему, в 30-е годы, непонятно почему и как, перебирается в Москву. Зато многие факты биографии Фельдмана совпадают с тем, что рассказывается о муже Норд. Борис Миронович долгие годы был начальником штаба Ленинградского военного округа, а в 1934 году, когда Тухачевский стал заместителем наркома обороны, перевелся в Москву, где возглавил управление по начальствующему составу. Он, кстати сказать, никогда не был офицером царской армии. Призвали Фельдмана на военную службу перед первой мировой войной, и к 1917 году он был всего лишь унтер-офицером. Вместе с Тухачевским Борис Миронович служил на Западном фронте, потом — при подавлении Тамбовского мятежа и в бытность будущего маршала командующим Ленинградским военным округом. Как вспоминает

один из офицеров штаба округа, генерал-майор Д. Н. Никишев, именно Фельдман представлял Тухачевского сотрудникам штаба при его вступлении в должность. Их дружба продолжилась и в Москве, сыграв, как мы убедимся в следующей главе, роковую роль в фабрикации „дела Тухачевского“.

Лидия Норд часто сознательно искажает даты и должности многих руководящих военных работников, в чем ее неоднократно уличали критики. Однако в ряде случаев сведения ее абсолютно точны, причем о людях достаточно малоизвестных, что называется, не первого ряда, о которых могли знать только те, кто действительно служил вместе с Тухачевским. Например, как мы помним, описывая визит Михаила Николаевича в лесничество, свояченица в качестве его спутника называет некоего Садлуцкого, начальника артиллерии Западного фронта. И на самом деле эту должность занимал человек с такой фамилией, ни в какие энциклопедии, правда, попасть не удостоившийся. О нем упоминает, в частности, в своих мемуарах такой надежный свидетель, как главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов. В 1921 году Николай Николаевич вернулся из польского плена и стал командовать батареей одной из дивизий Западного фронта, оказавшись в подчинении у „инспектора артиллерии фронта В. К. Садлуцкого“. Точна Норд и в перечислении командующих военными округами в середине 30-х годов, что неудивительно, если ее муж ведал высшими командными кадрами Красной Армии. Упоминает она и подтверждаемый другими источниками конфликт Тухачевского с Политуправлением Западного округа, связанный с обвинениями в „моральном разложении“.

Интересно, что советская госбезопасность быстро вычислила, кто скрывается под псевдонимом Лидия Норд. И за грехи вдовы-эмигрантки перед властью отвечать пришлось расстрелянному мужу. Хотя в январе — феврале 1957 года Тухачевский и его товарищи, включая Фельдмана, были реабилитированы как в судебном, так и в партийном порядке, но Борис Миронович оказался единственным из них, кто так и не попал ни в одну советскую энциклопедию, изданную с тех пор. Нет его в „Советской Военной Энциклопедии“, ни в „Большой Советской Энциклопедии“, ни в двух изданиях энциклопедии „Гражданская война и военная интервенция в СССР“ (последнее издание вышло в 1987 году, уже в начале перестройки), хотя не только Тухачевский, но Корк, Путна, Эйдеман и прочие удостоены там отдельных статей. Сейчас как раз выходит российская „Военная энциклопедия“, но до буквы „Ф“ она еще не дошла. Интересно, простят ли Фельдмана теперь, удостоят ли наконец краткого биографического очерка?

Лидия Норд, создавая образ мужа — преподавателя академии, упоминает, что он ночами работал над военно-теоретическим трудом о будущей войне. Между тем, Фельдман, который, в отличие от Тухачевского, еще в 1921 году успел закончить военную академию РККА, действительно написал в 1931 году, в бытность начальником штаба Ленинградского военного округа, такую книгу. Она называлась „К характеристике новых тенденций в военном деле“ и на протяжении года выдержала два издания. Наверняка эта книга писалась в тесном контакте с Тухачевским, который тогда же, весной 31-го, начал работу над своим главным трудом — „Новые вопросы войны“. К этой работе мы еще вернемся. Пока же хочу немного отвлечься и сказать несколько слов о труде Фельдмана.

Борис Миронович, хотя и был близким другом Тухачевского, сохранял хорошие отношения и с его антагонистом Ворошиловым, помогавшим Фельдману в годы гражданской войны и позднее, уже в мирное время. Комкор называл наркома обороны отцом. Эта дружба не спасла Фельдмана от гибели. Но в 1931 году Борис Миронович своей судьбы не знал и с сыновьей признательностью решил в своей книге потрафить старому конармейцу Клименту Ефремовичу, утверждая, что кавалерия будет играть значительную роль в будущей войне: „Конница, вытесняемая могучей техникой с поля боя, приобретает большую, в сравнении с прошлым, ценность на театре военных действий. Богато оснащенные техникой армии находятся в большей зависимости от своего тыла, чем армии мировой войны. Ахиллесова пята моторизованных и механизированных армий — тяжеловесный тыл, с огромными запасами огнеприпасов, цистернами с бензином и маслом. Роль конницы, которая, найдя пути к этому чувствительному тылу, создает ему угрозу, еще больше возрастает в сравнении с прошлым. Технически богатая пехота — это оружие фронтальных действий. Чем больше танков, пулеметов, орудий, тем больше осложняется маневр пехоты. Конница и в будущей войне останется наиболее мощным оружием флангового воздействия. Таким образом, новая техника, изживая тактическую деятельность конницы, сводя бой в конном строю к редкому и счастливому исключению, усиливает размах оперативного и стратегического ее использования. Одновременно с перемещением боевой деятельности конницы с поля боя на театр войны (то есть в неприятельский тыл. — Б. С.) происходит перемещение ее силы с холодного оружия на огневые и прочие… технические средства… в кавалерийских дивизиях передовых армий уже введено такое новое вооружение, как бронемашины, танки, самолеты.

Благодаря внедрению техники конница приобретает еще большую подвижность, что вместе с усилением огневой мощи возрождает ее былую славу. Будущая конница — это сочетание лихости всадника, подвижности коня с мощными огневыми средствами — бронемашинами, самолетами, артиллерией, танкетками. Конница, сдав в архив истории древнюю пику и вместе с ней архаичный взгляд на боевое применение конницы, должна серьезно готовиться к новой своей роли на театрах военных действий. Удар холодным оружием — это самое простое и легкое; он стар, как мир; удар же массированной конницы во взаимодействии с новейшей техникой требует более солидной выучки и более серьезной подготовки. Наша красная конница, не забывая ни на минуту, что восточноевропейский театр, на котором ей придется действовать на первых порах, а также социально-экономические и политические факторы во вражеском тылу открывают перед ней совершенно новые горизонты, должна полностью овладеть искусством ведения огневого боя, полностью овладеть применением современной техники. Программа ближайших лет должна предусмотреть насыщение красной конницы самоходной артиллерией, бронемашинами и легкими танками. Красная конница — грозное оружие в будущей нашей схватке с империализмом; петь ей отходную, превращать ее в ездящую пехоту — ошибочно и вредно“.

Да, вдохновенный гимн красной кавалерии, ничего не скажешь. Ворошилову с Буденным наверняка приятно было это читать. Как видим, противостояние в дискуссии о роли конницы в будущей войне не вполне совпадало с разделением высокопоставленных военных на группировки Ворошилова и Тухачевского, а было сложнее, драматичнее.

Справедливости ради отметим, что и сам Ворошилов не был противником насыщения армии новой техникой. В качестве эпиграфа к своей работе Фельдман привел цитату из выступления наркома на IX съезде комсомола в январе 31-го: „Война в нынешних условиях требует огромного количества машин, причем машин различного назначения, разных названий и огромной технической сложности. Война механизируется, индустриализируется, превращаясь в огромную… фабрику истребления людей“. Тухачевский, правда, в отличие от Ворошилова и своего друга Фельдмана, коннице особого значения не придавал, и в „Новых вопросах войны“ даже не нашел для нее отдельного параграфа. Но из этого не следует, что в тот момент он принципиально иначе смотрел на роль танков и другой боевой техники. Просто кавалерийскими соединениями Тухачевский никогда не командовал и оценивал возможности новых средств

борьбы прежде всего с точки зрения насыщения ими пехоты. Например, и Тухачевский, и Фельдман различали танки непосредственной поддержки пехоты и танки дальнего действия, способные вести бой самостоятельно, в составе механизированных соединений. Причем Фельдман считал, что еще нельзя с уверенностью сказать, какая тенденция в развитии танковых войск в конечном счете одержит верх. Тухачевский же на первый план ставил самостоятельные действия танков по „захвату тыла“ противника.

Подчеркнем также, что в начале 30-х танков в Красной Армии, как и в армиях других стран, было еще очень мало. Естественно, ни Ворошилов, ни Тухачевский не могли точно знать, когда именно начнется будущая война и сколько танков окажется в распоряжении борющихся сторон. Состояние российских дорог традиционно не служило предметом национальной гордости, так что в некоторых случаях кавалерист мог пройти там, где застревали не только автомобиль, но даже и танк. В конце концов, предлагая постепенное насыщение конницы танками, танкетками и прочей техникой, Фельдман не был так уж неправ. Во всех армиях мира танковые дивизии переформировывались из прежних кавалерийских. Другое дело, что в итоге кавалерийских частей в танковых дивизиях не осталось, равно как не осталось и собственно кавалерийских соединений. Только в Красной Армии вплоть до Великой Отечественной войны продолжали говорить о взаимодействии конницы и танков, что в ходе войны привело только к напрасным людским потерям. Однако в начале 30-х годов и Тухачевский, и Ворошилов, и Фельдман ориентировались на маневренную войну, где не будет сплошного позиционного фронта, и кавалерия сможет беспрепятственно проникать во вражеский тыл. Войска западных соседей — Польши и Германии в то время были немногочисленны и не смогли бы создать достаточную плотность обороны на своих восточных границах. Предвидеть же развитие военной и политической обстановки во всех важнейших аспектах не дано никому. Как мы еще убедимся, в значительной степени насчет характера будущей войны заблуждался и Тухачевский, хотя очень многое, наоборот, предвидел очень точно, будто заглядывал в какую-то волшебную книгу или зеркало.

Вернемся, однако, к Лидии Норд и ее воспоминаниям. Каким же все-таки образом вдова Фельдмана оказалась на Западе и насколько можно доверять ее мемуарам? Из ряда намеков в книге „Маршал Тухачевский“ можно понять (если, конечно, Лидия Норд не мистифицирует читателей, дабы скрыть от чекистов обстоятельства своей биографии), что она была арестована вскоре

после ареста мужа, а освободилась перед началом Великой Отечественной войны (быть может, в рамках „бериевской оттепели“?). В романе „Офелия“ можно при желании усмотреть намеки, что написавшая его женщина была замужем за военным, служившим после войны в Германии. Не исключено, что Лидия Норд одна или вместе с мужем бежала в одну из западных оккупационных зон во второй половине 40-х годов. Тогда это был своеобразный вид спорта среди офицеров Советской Армии, служивших на востоке Германии, и, быть может, самым известным из беглецов стал писатель Григорий Климов, чьи книги об оккультных кознях большевиков пользуются немалой популярностью в России. В случае, если это наше предположение справедливо, то вполне объяснимым становится появление вдовы Фельдмана в Париже не позднее начала 1950 года.

Что же касается степени достоверности ее свидетельств… Лидия Норд приводит пространные беседы с Тухачевским, Фрунзе, другими военачальниками. Приводит по памяти, поскольку никаких записей, даже если вела, в условиях тюрьмы и лагеря не могла сохранить. Хотя память у нее профессиональная (еще в СССР жена Фельдмана, по ее утверждению, занималась журналистикой), трудно поверить, что она воспроизвела речи своего главного героя и других персонажей дословно. Кроме того, Лидия Норд могла что-то и присочинить, как для маскировки, так и под влиянием всепоглощающей страсти к художественному творчеству (именно творчеству посвящен ее роман „Офелия“, имеющий подзаголовок „Записки художника“). Поэтому, думаю, к книге Лидии Норд о Тухачевском, и особенно к речам маршала, его друзей и врагов, надо подходить так же, как к речам героев „Истории“ великого древнегреческого историка Фукидида — одного из основоположников исторической науки и критики источников. Он признавался: „Что до речей… то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно — ни тех, которые мне пришлось самому слышать, ни тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории“.

Вот так же и мы будем надеяться, что если не букву, то дух высказываний Тухачевского и других действующих лиц своего мемуарного повествования Лидия Норд передает достаточно точно, и позволим себе обильно цитировать их (разумеется, со ссылкой на источник). Ведь никто из тех, кто пережил „красного маршала“, не оставил столь откровенных воспоминаний о нем, не

подлаженных под требования цензуры, и никто из них не был столь близок к нему в 20-е и 30-е годы, как она. И, кроме того, только в мемуарах Лидии Норд Тухачевский предстает не ангелом (хотя свояченица маршалу симпатизирует) и не дьяволом, а по-настоящему живым человеком.

Теперь стоит привести рассказ свояченицы, чем закончился брак Михаила Николаевича с Ликой:

„Прошло около года, и в жизни молодых вдруг образовалась глубокая трещина. Особенно явно это стало после их поездки в Москву. Что произошло, не знал никто. Лика на все попытки родственников выведать, что происходит, упорно отмалчивалась, но с ее лица сбежал румянец, и, всегда грустная, она казалась лет на пять старше (Тухачевский, напомню, был вдвое старше своей второй жены. — Б. С.). Молчал и Тухачевский — он никогда не жаловался на жену и оставался… неизменно внимательным к ней.

Через некоторое время Лика приехала со своими вещами к дяде — заявила, что она вернулась совсем. Вечером приехал в лесничество Тухачевский. Лика не вышла к нему. Тухачевский долго говорил с Евгением Ивановичем, в его кабинете. После его отъезда лесничий прошел к племяннице и долго сидел у нее, но Лика так и не вернулась к мужу. Вместе с тем обе стороны переживали разрыв тяжело. Каждый по-своему… У Тухачевского, помимо других чувств, было больно задето самолюбие“.

Лидия Норд передает различные слухи, которые сопровождали разрыв Михаила Николаевича и Лики. Самый пикантный из них, но, как кажется, наиболее далекий от действительности заключался в том, будто легендарный командарм был поклонником не менее легендарного маркиза де Сада: „…Рассказывали о садизме Тухачевского, который, якобы, бил жену (первую, чем, якобы, и довел ее до самоубийства. — Б. С.) тонким хлыстом до крови. В связи с этими слухами военный комиссар Майер решил переговорить с Тухачевским и выяснить истину „по партийной линии“, но через несколько минут он вышел из кабинета командарма, пятясь назад, и, наткнувшись спиной на Садлуцкого, смущенно пробормотал, что „все обстоит благополучно“…“

Но в отношениях Тухачевского с Ликой благополучия не было. Лидия Норд намекает, что причиной разрыва стал роман Михаила Николаевича с другой женщиной: „Однажды он появился в театре с поразительно красивой высокой блондинкой — Татьяной Сергеевной Чернолусской. На следующий день об этом судачили все гарнизонные дамы. Сообщались подробности, что Чернолусская является сводной сестрой Луначарского (наркома просвещения. — Б. С.) (это было верно), что она

приехала из Новозыбкова погостить к крестной матери, потому что давно была влюблена в Тухачевского, еще с тех пор, когда Тухачевский слегка ухаживал за ее сестрой, менее красивой, но очень изящной маленькой брюнеткой Наташей“.

Михаил Николаевич стал появляться с Татьяной довольно часто. Он даже афишировал свои встречи с ней. Может быть, это была и месть жене.

Лика, уезжавшая в Петроград к родным, вернулась в это время в лесничество. Еще до ее приезда в Петроград туда пришло письмо от тетки, которая писала: „Повлияйте на Лику, она делает из пустяков трагедию и хочет разойтись с мужем, который очень достойный человек и любит ее. Лика еще очень молода и сама не понимает, что она делает. К сожалению, меня она не слушает, а Женя потакает ей во всём. К тому же (она, может быть, скроет это от вас) у нее будет ребенок. Куда она денется с ним?“

Родные стали убеждать Лику помириться с мужем. Особенно усердствовала родственница, которая прежде противилась этому браку, но, после знакомства на свадьбе с Тухачевским, была очарована им. Она говорила Лике: „Ты не можешь взять с ним церковного развода. Ваш брак был тайным, а развод сопряжен с оглаской, которая может погубить не только его карьеру, но и жизнь. Гражданский развод тебе ничего не дает — перед Богом ты останешься его женой. Потом, ты не имеешь морального права лишать твоего будущего ребенка отца — это страшный грех… Одна ты всю жизнь не проживешь, а твой второй муж может не полюбить твоего ребенка. Что ты будешь делать тогда? Менять мужей, как перчатки? Да скажи же ты, ради Бога, что произошло между Вами?“

Однако Лика на все расспросы упорно молчала. До лесничества стали доходить слухи о романе Тухачевского, но Евгений Иванович всячески оберегал от них племянницу. У Лики родилась дочка. О ее рождении Тухачевскому сообщила жена одного из командиров во время торжественного вечера, посвященного годовщине Октябрьской революции. Лидия Норд так излагает этот разговор: „Я очень рада, что роды прошли благополучно. Ваша дочка — поразительно крупный ребенок — весит девять с лишним фунтов… Анна Михайловна звонила мне по телефону перед самым собранием. Она говорила, что девочка — ваш вылитый портрет, но страшная крикунья…“

Тухачевский расстегнул крючок воротника гимнастерки, потом снова застегнул ее: „Благодарю вас. Извините, я должен позвонить, узнать о здоровье жены“. Он вышел из зала своей ровной, неторопливой походкой.

Как только окончилась торжественная часть, Тухачевский

ускакал куда-то верхом. Ординарец рассказывал, что командарм вернулся только под утро».

В результате Чернолусская получила отставку. Тухачевский вернулся к жене. Но по-настоящему они так и не помирились. Лидия Норд рассказывала, что, впервые после долгого перерыва увидев Тухачевского у своей постели, «Лика страшно побледнела и прикрыла глаза. Он нагнулся и слегка коснулся губами ее лба. Потом подошел к колыбельке и долго с любопытством разглядывал дочь». Лика и Тухачевский почти не разговаривали, хотя Михаил Николаевич теперь регулярно навещал дочь, которую назвали Ириной (опять же, нет уверенности, что мемуаристка указывает правильное имя, равно как и в случае с Чернолусской). Будто бы на этом имени настоял Тухачевский, заменив другое, данное женой, и сам зарегистрировав дочь. Дома девочку окрестили. Крестным отцом был Евгений Иванович, крестной матерью — двоюродная сестра Лики (уж не Лидия ли Норд?).

Через три месяца отец, взяв девочку на руки, уверенно заключил, что пошла она в Тухачевских. И добавил, обращаясь к Анне Михайловне, но так, чтобы слышала Лика: «Подрастет немного — тогда займусь ею как следует. Надо ребенка воспитывать рано и твердо…» Но жена не принимала попыток мужа заявить свои права на дочь. Лидия Норд отмечает, что делал он это порой очень своеобразно. Например, брал не понравившуюся игрушку или просто вещь и, ни слова не говоря, бросал в печку. Зато в следующий приезд привозил ей замену. По наблюдениям свояченицы, «Тухачевский не требовал возвращения жены, но сумел поставить себя в лесничестве так, что все чувствовали — он муж Лики. После рождения ребенка он аккуратно из своего жалованья вручал Анне Михайловне порядочную сумму денег на расходы, а когда та вздумала сделать в его присутствии какое-то замечание Лике, то Михаил Николаевич вежливо, но решительно остановил ее, указав, что Лика уже не ребенок и его жена. Лесничий, обожавший свою „первую внучку“, был подкуплен отношением Тухачевского к ребенку и защищал перед племянницей „право отца“».

Однако заняться воспитанием Ирины Тухачевскому, к несчастью, было не суждено. Всё испортил неожиданный визит в лесничество Чернолусской. Она представилась сестрой Тухачевского и вызвала Лику на приватный разговор. Уже во время этого разговора Анна Михайловна поняла, кем именно является неожиданная гостья, хотела помешать беседе, но дверь в комнату была заперта на ключ. Через час Татьяна вышла и молча покинула дом. После ее ухода Лика сказала Анне Михайловне:

«Да что ты, тетя… Неужели вы думали, что я не знала о ней еще тогда… Только, предупреди дядю — я ей дала слово, что Михаил Николаевич не узнает о том, что она была здесь… И потом, не надо нового скандала…» Вечером приехал Тухачевский. Он пытался выглядеть веселым, только прятал под скатертью руку со свежими продольными царапинами — вероятно, след бурного объяснения с Чернолусской. Михаил Николаевич заночевал в лесничестве. Перед сном Анна Михайловна спросила мужа: «Ты думаешь, что она его любит и простила ему еще тогда, когда узнала?» — «Она не простила… Может быть, она его любит, но между ними стало еще что-то другое… Она все равно уйдет от него…»

Так и случилось. Через месяц Лика с дочерью уехали к бабушке в Харьков. С тех пор Тухачевский видел Ирину не чаще, чем раз в полгода, но никогда не встречался при этом с ее матерью: Лика не выходила к нему. Вскоре дочь умерла от дифтерита. Разошедшиеся супруги встретились на ее похоронах. Телеграмма о болезни Ирины не застала Тухачевского на месте, и он увидел дочь уже в гробу. Дома Михаил Николаевич увидел вязаные башмачки Ирины и взял их себе. С тех пор, по уверению Лидии Норд, он всегда носил их с собой на память о дочери и Лике. Много лет спустя, в 1931 году, незадолго до отъезда из Ленинграда в связи с назначением в Москву, Тухачевский, доставая из кармана рецепт, выронил на пол конверт с Ирининими башмачками. Потому, как смутился при этом Михаил Николаевич, по тому, как сразу бросился к выходу и ни с того ни с сего ударил ногой попавшийся на пути маленький круглый столик, да так сильно, что столик отлетел к печке и раскололся, Лидия Норд поняла, что Лику он все еще любит. Да и предшествовавшая скандалу реплика свояченицы о том, что Лика вполне счастлива со вторым мужем, вызвала слишком раздраженную реакцию, показавшую, что ко второй жене Тухачевский все еще неравнодушен. «Счастлива? — рванул он пояс. — Но только он ей не муж… Да… Да!.. Не муж! Пусть она не забывает, что мы были обвенчаны… Она может иметь двадцать гражданских разводов, но в глазах церкви и перед лицом Бога останется на всю жизнь моей женой. Спроси священника, „верующая“ женщина». Лидия Норд не могла скрыть своего удивления: «В глазах церкви — может быть… А Бог правду видит. И мне кажется очень странным, когда коммунист начинает вдруг апеллировать к церкви и к Богу». Действительно, для правоверного атеиста Тухачевского каким-то неестественным кажется обращение к Богу в минуту душевного смятения. Но, возможно, в глубине сознания у Михаила Николаевича

оставалось чувство богооставленности, некие остатки религиозного чувства, которого не вытеснила полностью коммунистическая идея? Может быть, отсюда, из стремления заглушить внутренний зов к Богу, идет его издевательство над обрядами и догматами, как христианскими, так и мусульманскими, о котором рассказывают мемуаристы? Как вспоминает генерал-майор Н. И. Корицкий, однажды в 18-м во время боев в Поволжье кто-то из сослуживцев привез Тухачевскому «широченный татарский халат. Михаил Николаевич облачился в него, соорудил из полотенца подобие чалмы и, усевшись по-турецки, стал на татарском языке призывать правоверных к молитве — ни дать ни взять муэдзин на минарете». А позднее в Смоленске старожилам запомнилось, как Михаил Николаевич гулял по городу со своей собакой по кличке Христосик.

Кстати, с помощью эпизода с башмачками и разбитым столиком Лидия Норд, хотя и очень своеобразно, но вводит в свои воспоминания близкую к истинной, скрытую датировку событий, замаскированную лежащей на поверхности вымышленной хронологией. Она утверждает, что отъезд Тухачевского из Ленинграда и его назначение в Москву, равно как и сцена с башмачками, произошли в 1925 году, еще до последовавшей в этом же году смерти Фрунзе. Однако в начале повествования свояченица маршала проговаривается, что этот эпизод относится ко времени через двенадцать лет после кончины дочери Тухачевского. По всем данным, знакомство и свадьба Михаила Николаевича и Лики состоялись зимой 1920/21 годов, так что умереть Ирина могла никак не ранее 1922 года, уже во время вторичного командования ее отца Западным фронтом. Между тем, Тухачевский возглавлял Ленинградский военный округ в 1928–1931 годах. Следовательно, история, рассказанная Лидией Норд, случилась в 31-м году. Возможно, говоря о сроке в двенадцать лет, она невольно немного сдвинула события, приурочив их к 1934 году — году отъезда из Ленинграда ее мужа Б. М-. Фельдмана.

Думаю, что не только роман Тухачевского с Чернолусской или какой-то другой женщиной привел к тому, что Лика порвала с мужем. Ведь год их брака для Тухачевского был годом Кронштадта и Тамбова, годом расправы с теми, кого еще несколько месяцев назад красные называли «своими» и чьим именем собирались вершить мировую революцию. Я уже привел в главе о Кронштадтском восстании рассказ Михаила Николаевича свояченице о своих чувствах по поводу его подавления. Наверняка убежденность в своей правоте стоила Тухачевскому немалых

душевных усилий. И Лика могла ужаснуться нравственной перемене, происшедшей в муже (или только сейчас ею замеченной), его готовности без сожаления расстреливать соотечественников, часто безоружных, доведенных до крайности тяготами войны и продразверстки. А Тухачевский, похоже, любил ее до конца жизни, хотя и женился потом в третий раз, да и любовниц имел достаточно.

В более чем легкомысленном отношении к узам брака Михаил Николаевич принципиально не слишком отличался от других командиров Красной Армии и в 20-е, и в 30-е годы. Церковный брак был почти что запрещен, а для коммунистов попросту опасен, поскольку грозил исключением из партии и полным крахом карьеры. И если уж на то пошло, венчание, как мы только что убедились, не спасло второй брак Тухачевского. Да и гражданский брак отнюдь не признавался обязательным. Люди сходились, жили несколько лет, расходились. От подобных непрочных союзов оставались дети, обреченные на безотцовщину при живых отцах. В армии, одной из наиболее закрытых, замкнутых в себе ячеек общества, флирт старших командиров с женами подчиненных расцветал пышным цветом. В архивах сохранилось донесение о любопытном инциденте, происшедшем в середине 30-х в Минске, в штабе Белорусского военного округа на банкете после обильных возлияний. Одному из командиров показалось, надо полагать не без оснований, что командующий округом командарм И. П. Уборевич (отметим в скобках — близкий друг Тухачевского) слишком откровенно ухаживает за его женой, и он залепил Иерониму Петровичу тортом в физиономию. Примерно к тому же времени относится жалоба одного майора из Ленинграда, что заместитель наркома маршал Тухачевский несколько часов без ведома мужа катал его жену на своем автомобиле. Как знать, может быть, Михаил Николаевич позволил себе и нечто большее, о чем супруга предпочла не рассказывать ревнивому майору. Да, Тухачевский если и выделялся из командирской среды в этом отношении, то только тем, что был кавалером вежливым, галантным (это отмечают все, его знавшие), никогда не употреблял грубых слов, не злоупотреблял спиртным. По утверждению Лидии Норд, ее свояк традиционной для красных командиров водке предпочитал коньяк, да и тот несколько более обильно стал употреблять лишь в последние месяцы жизни, чувствуя сгущающиеся над собой тучи.

Вскоре после второй женитьбы Тухачевского у него произошел конфликт с Реввоенсоветом Западного фронта. О нем поведал, хотя и весьма туманно, сослуживец Михаила

Николаевича И. А. Телятников, работавший в ту пору в политотделе фронта и являвшийся членом партбюро: «Хорошо помню, какая нездоровая обстановка создалась вокруг Тухачевского в начале 1924 года, незадолго до назначения его помощником начальника Штаба РККА. Поползли грязные сплетни. Исходили они, как мне казалось, от начальника Политуправления В. Н. Касаткина, человека властолюбивого и, безусловно, склонного к интригам. Неблаговидную роль играл при этом и секретарь партийной организации Васильев. Его стараниями в склочное дело было вовлечено почти все партийное бюро. В результате Тухачевский выехал к новому месту службы с очень нелестной характеристикой. На заседании партбюро, когда обсуждалась эта характеристика, Михаил Николаевич держался с завидной выдержкой и достоинством. Но у меня создалось впечатление, что защищать себя он не умеет». Здесь мемуарист явно соединил два конфликта, происшедшие у Тухачевского с Реввоенсоветом Западного фронта. Первый из них произошел в 1921 году, вскоре после второй женитьбы Михаила Николаевича и перед его назначением 25 июля начальником и комиссаром Военной академии РККА в Москве. Само это назначение явно стало следствием сложившихся напряженных отношений с партийным руководством фронта.

Более подробно об обстоятельствах этого конфликта рассказала Лидия Норд. Оказывается, в Красной Армии в ту пору еще сохранялся такой «старорежимный пережиток», как дуэли. Одна из них и послужила поводом к началу конфликта. По пьяному делу стрелялись из-за женщины командир и комиссар полка, причем инициатором дуэли выступил комиссар, пообещавший командиру убить его «как собаку», если тот откажется от поединка. В результате комиссар был убит, а командир — ранен в руку. Оба дуэлянта были партийными и, по выражению мемуаристки, «потомственными пролетариями», так что версия об убийстве комиссара «по контрреволюционным мотивам» сразу же лопнула, как мыльный пузырь. Отпадала версия и о конфликте по службе, поскольку служили командир и комиссар в разных полках. Поэтому, по свидетельству свояченицы Тухачевского, «Реввоенсовет Западной армии (фронта. — Б. С.) (тогда политуправлений еще не было) (здесь Лидия Норд абсолютно права и не прав Телятников: Реввоенсовет Западного фронта был заменен Политуправлением только в апреле 1924 года, уже после отъезда Тухачевского из Смоленска; отмечу также, что В. Н. Касаткин временно исполнял должность члена Реввоенсовета до декабря 1923 года, и вполне возможно, что описываемый конфликт произошел не в начале 24-го, а еще в

конце 23-го года. — Б. С.), разобрав дело, решил его замять».

В приказе объявили, что комиссар «неосторожно разряжал револьвер» и при этом не только смертельно ранил себя, но еще и ухитрился зацепить получившего строгий выговор командира. Почти как у Михаила Булгакова в «Днях Турбиных», где немецкий майор сообщает о мнимом ранении генерала Шратта (под видом которого производят «моментальную эвакуацию» незадачливого «гетмана всея Украины» П. П. Скоропадского, забинтовав ему лицо): «Генерал фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова». Так и в случае дуэли командира с комиссаром фарсовость официальной версии была слишком очевидна.

«Спустить на тормозах» дело о дуэли не удалось. Лидия Норд так излагает дальнейшее развитие событий: «Донес ли кто о дуэлях в Москву или Реввоенсовет… сам послал туда рапорт — не знаю, но вскоре оттуда прибыли спецуполномоченные для нового разбора дела. Одновременно из Москвы был получен приказ, где Тухачевскому „ставилось на вид“, что в Западной армии „процветает самый отвратительный пережиток офицерщины — дуэли“.

Однажды вечером к командарму явился сильно перепуганный начальник артиллерии армии… Садлуцкий в сопровождении начальника Особого отдела… и армейского комиссара Смирнова.

— Представьте, еще комиссия не закончила работу, а у меня уже заваривается новая дуэль, — сказал, здороваясь, Садлуцкий, — поэтому мы и явились к вам…»

Суть дела свелась к ссоре между помощником командира одного артиллерийского полка и начальником боеснабжения того же полка. Первый съездил второго по физиономии, после того как тот назвал его «золотопогонной контрой». О намечавшейся дуэли успела донести жена начальника боеснабжения, опасаясь за жизнь мужа.

Рассказ Лидии Норд о том, как Тухачевский разрешил ситуацию, кажется достоверным из-за обилия весьма правдоподобных деталей и характеризует Михаила Николаевича с самой лучшей стороны. Его стоит привести почти целиком: «Тухачевский сдвинул брови. Подумал. Потом, оглядев всех, спросил: „Что же вы решили?“ — „Мы считаем, — ответил… начальник Особого отдела, — что помощник комполка должен отвечать за рукоприкладство — это не царская армия…“ — ядовито подчеркнул он.

„Рукоприкладством может считаться, когда старший командир ударит младшего или бойца, у них же звания одинаковы, — сухо сказал командарм и обратился к комиссару:

— А что ты думаешь?“ — „Я считаю, что помощник комполка еще при первых недоразумениях (а таковые были) должен был прийти к комиссару полка и пожаловаться ему“, — ответил Смирнов.

„Жаловаться на товарища, да еще по мелочам, считалось у нас фискальством, — возразил Тухачевский. — От этого отучали еще в корпусах…“ — „Кто отучал?“ — быстро спросил начальник Особого отдела. „Товарищи по классу. Фискалу доставалось так, что он это запоминал на всю жизнь. Какая аттестация у помощника комполка?“ — спросил командарм Садлуцкого. „Отличная. До этого он командовал отдельным артиллерийским дивизионом. Его дивизион на всех учебных и показательных стрельбах выходил на первое место. Я его выдвинул вне очереди на должность помощника комполка“.

Тухачевский кивнул головой и повернулся к Смирнову: „Вызови-ка ты мне всех полковых комиссаров к себе и проработай с ними хорошенько этот вопрос. Нужно прекратить оскорбления командиров, честно служащих в Красной Армии и укрепляющих ее боеспособность. Во-вторых: пусть они примут меры и против дуэлей. Скажи им, что против таковых боролись последнее время и в царской армии… — Тухачевский вдруг усмехнулся и, обращаясь к Смирнову, сказал: — И откуда это у твоих птенцов взялись такие „гвардейские замашки“?“ — „Подражание“, — буркнул начальник Особого отдела.

„Пусть подражают хорошему, — отрезал командарм. — Например, поменьше фискалят на товарищей…“ — „А как же тогда с революционной бдительностью?“ — пустил тот в свою очередь стрелу.

„Когда весь командный состав будет крепко и дружно спаян, то будет гораздо легче выявить настоящих врагов революции“, — холодно и спокойно ответил Тухачевский. Он встал и поправил пояс, что всегда служило у него признаком скрытого раздражения. „Я считаю, — отчеканил он, — что Садлуцкий должен поговорить с помощником комполка, чтобы впредь он был сдержанней. И в случае повторения подобных оскорблений он должен подать официальный рапорт начальству. Начальника боеснабжения надо будет срочно перевести в другую часть, расположенную в другом городе. Вместе им после этого служить нельзя…“

Для несостоявшихся дуэлянтов все закончилось относительно благополучно, в чем немалая заслуга Тухачевского. Но командующий за неумение сработаться с Реввоенсоветом и нежелание признать право комиссаров вмешиваться в собственно военные вопросы поплатился, как мы уже сказали, переводом в военную академию.

Здесь он долго не задержался, также вступив в острые споры с академической профессурой из кадровых полковников и генералов царской армии о путях развития советских вооруженных сил и военного искусства. О его работе в академии я скажу немного погодя. Пока же отмечу только, что скорее всего тогда, в Москве, и завязался разрушивший второй брак Тухачевского роман с Чернолусской или с кем-то еще.

Мать М. Н. Тухачевского Мавра Петровна

Отец М. Н. Тухачевского Николай Николаевич

Вечер во Вражском. Первый слева (стоит) Миша Тухачевский. 1903 г.

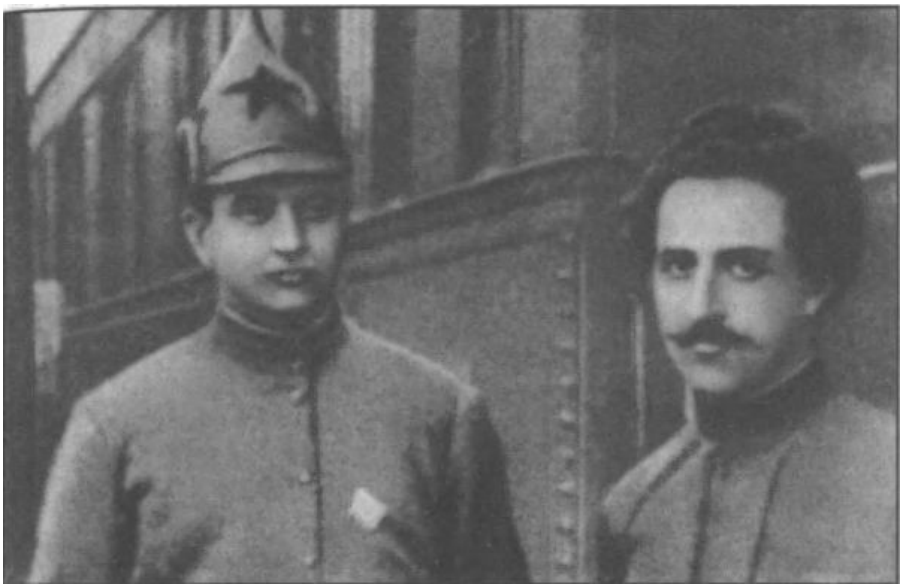
М. Тухачевский — ученик 1-ой Пензенской гимназии. 1905 г.

В кругу соратников по Кавказскому фронту

Командующий войсками Кавказского фронта. 1920 г.

М. Н. Тухачевский с супругой Ниной Евгеньевной

М. Н. Тухачевский на строевом смотре частей Западного фронта. 1920 г.



М. Н. Тухачевский и Г. К. Орджоникидзе на Кавказско фронте. 1920 г.

М. Н. Тухачевский читает лекцию в Военной академии имени М. В. Фрунзе. 1928 г.

Празднование 10-й годовщины 4-й кав. дивизии. 1929 г.

М. Н. Тухачевский, С. М. Киров, И. Е. Славин на Первомайской демонстрации в Ленинграде. 1930 г.

Первые маршалы Советского Союза. Сидят (слева направо): М. Н. Тухачевский, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров; стоят: С. М. Буденный, В. К. Блюхер

М. Н. Тухачевский в Париже. 1936 г.

М. Н. Тухачевский. 1936 г.

В январе 1922 года Михаила Николаевича вернули командовать Западным фронтом. На этом посту он оставался до конца марта 1924 года. Возможно, его возвращение было связано с активизацией отрядов Булак-Балаховича. В Кремле не без основания надеялись, что победитель Антонова с ними справится. Действительно, в течение нескольких месяцев люди Булак-Балаховича были оттеснены за польскую границу. А незадолго до окончательного отъезда Михаила Николаевича из Смоленска у

него произошел второй и последний конфликт с Реввоенсоветом фронта. В Наркомат по военным и морским делам поступил донос на Тухачевского от секретаря парткома Западного фронта с обвинениями в неправильном отношении к коммунистам и в аморальном поведении. М. В. Фрунзе наложил на донос благоприятную для друга резолюцию: „Партия верила Тухачевскому, верит и будет верить“. Очевидно, поводом к доносу послужил второй развод Тухачевского и его внебрачные связи. Фрунзе, естественно, не стал губить друга. А, кроме того, если бы тогда давали ход каждой „аморалке“, Красная Армия рисковала вообще остаться без командного состава, да и без значительной части комиссаров.

Фрунзе занял посты начальника Штаба РККА и заместителя председателя Реввоенсовета Республики в марте 1924 года. Очевидно, к этому времени и относится донос на Тухачевского. На этот донос Фрунзе отреагировал повышением Тухачевского в должности. Михаил Николаевич с апреля 1924 года занял пост помощника начальника Штаба РККА. А его недругов из Политуправления Западного фронта вскоре убрали. Как свидетельствует И. А. Телятников: „Сама жизнь отвела облыжные наветы. Менее чем через год М. Н. Тухачевский опять вернулся в Смоленск. Его назначили командовать Западным военным округом. А Касаткин со своими приспешниками исчез“. Здесь мемуарист, опять-таки, контаминирует два конфликта. Ведь вернулся Тухачевский в Смоленск после первого конфликта еще в 1922 году, а Касаткин оставался на своем посту и в 1923-м, с февраля по декабрь даже временно исполняя должность члена РВС Западного фронта. А вот Васильева (возможно, именно он фигурирует у Лидии Норд под фамилией Смирнов) с поста секретаря партбюро убрали еще до „второго пришествия“ Тухачевского. Вероятно, в Москве решили наказать инициатора склоки, чтобы хоть немного притормозить поток кляуз. Место Васильева занял Телятников. В своих воспоминаниях он приводит разговор с командующим, когда тот вновь становился на партийный учет и отдал секретарю парткома личное дело, где были собраны все материалы по поводу первого конфликта. Пока Телятников листал весьма пухлую папку, Тухачевский заявил ему: „Вы должны до конца рассеять все недоразумения, которые причинили мне столько неприятностей. Военкомов в штабах теперь нет, начальник штаба беспартийный. Вся моя надежда на вас, и потому в отношениях между нами нужна полная ясность. Я хорошо понимаю и высоко ценю политорганы и партийные организации. Сам начал службу в Красной Армии с должности политического комиссара…“ Телятников утверждал: „Беседа наша

затянулась за полночь. Михаил Николаевич подробно рассказывал о своем жизненном пути, объяснял побуждения, которые привели его в ряды большевистской партии. Но больше всего, разумеется, мы старались разобраться в причинах, повлекших за собой прошлогодние нападки на Тухачевского. Из долгой этой беседы я вынес твердое убеждение, что Тухачевский — человек честный, искренний, хотя вокруг него плетут интриги. Есть люди, которые завидуют ему. В годы гражданской войны он чувствовал внимание к себе со стороны Владимира Ильича и очень гордился тем, что выполнял ряд важных ленинских поручений. Иногда это делалось вопреки желанию руководителей военного ведомства, и с годами у них сложилась стойкая неприязнь к Тухачевскому“.

Казалось бы, в неискренности в данном случае можно заподозрить или Телятникова, или самого Тухачевского. Ведь мы уже неоднократно убеждались, что в период гражданской войны командарм военкомов не слишком-то жаловал и отстаивал право командиров-коммунистов командовать без надзора со стороны бдительных комиссаров. Но мне представляется, что не лукавили ни мемуарист, ни его собеседник. Одним из основных качеств Тухачевского, обеспечивших стремительное развитие его карьеры, многие историки считают будто бы присущую ему „чрезвычайную способность подстраиваться“. Именно этими словами охарактеризовал Тухачевского неоднократно встречавшийся с Михаилом Николаевичем немецкий генерал Карл Шпальке, оценивая его стремительную карьеру при большевиках: „Он помимо прочих талантов принес с собой и чрезвычайную способность подстраиваться, позволившую ему обойти стороной неисчислимые рифы в водовороте революции, добраться до поначалу неприступного поста“. В какой-то степени это так, хотя ничего чрезвычайного в „подстраивании“ самого молодого маршала Красной Армии на самом деле не было. Тухачевский, как человек умный и воспитанный, несомненно, строил разговор с любым собеседником так, чтобы без нужды его не раздражать, а тем более озлоблять. Вот и беседуя с секретарем партбюро, он, конечно же, не стал говорить ему о ненужности института комиссаров в армии, а постарался найти „точки соприкосновения“, подчеркнул, что сам начал службу военкомом… Да и не мог Михаил Николаевич отрицать роль партийных организаций в Красной Армии, если сам вступил в партию после Октябрьской революции и именно в большевистской партии видел средство к возрождению мощи русской армии, по крайней мере в первые годы Советской власти. Другое дело, что „подстраивание“ под собеседника у

Тухачевского не было никак связано со склонностью к интриганству. Наоборот, если вспомнить его перемещения по фронтам гражданской войны, часто вызванные конфликтами с членами Реввоенсовета и вышестоящими начальниками, то видно, что ни разу противники молодого командарма не поплатились в результате стычки с ним своими постами. Да и на новые должности Тухачевский назначался только вследствие своих организаторских, волевых и полководческих качеств и никоим образом не способствовал смещению предшественников, чтобы освободить место себе. Он не плел интриги против других, а сам становился жертвой зависти и интриганства. И последняя интрига против Тухачевского, как мы знаем, привела его к гибели.

При том, что Михаил Николаевич оставался в большой мере чужим для командиров и комиссаров рабоче-крестьянского происхождения и с дореволюционным партийным стажем, он уже не был своим и для основной массы служивших в Красной Армии бывших царских офицеров и генералов. Об этом хорошо пишет Лидия Норд: „Долгую и упорную борьбу вел Тухачевский, отстаивая права „квалифицированного состава армии“, беспартийных военных специалистов из бывших офицеров. Многие комиссары и политработники не скрывали своего недоверия к ним и при первом удобном случае бежали жаловаться на них в Особые отделы. Бывшие офицеры в большинстве случаев жаловаться туда не бегали, а когда становилось невтерпеж, подавали рапорт по начальству о невозможности работать в таких условиях. Тухачевский очень внимательно относился к таким рапортам и немедленно приказывал разобрать каждое дело и доложить ему. Успешно отстаивал он и тех, кого хотели по необоснованным доносам демобилизовать из армии. Он разбивал логическими доводами все вздорные обвинения и, в случае необходимости, писал рапорт в Реввоенсовет в Москву…

Но у Тухачевского было много недоброжелателей и из среды бывших офицеров… Отчасти играла роль обида, что бывшему генералу или полковнику, которые считали, что их военный опыт и знания намного превосходят опыт и военную подготовку Тухачевского, приходится подчиняться 29-летнему командарму, „щелкоперу из поручиков“. Особенно остро почувствовалась обида, когда дошли слухи, что Тухачевский просил в Москве об откомандировании из его армии (а позже, когда он был начальником Ленинградского Военного Округа, то и из некоторых частей этого округа) наиболее пожилых строевых командиров. Тухачевский ходатайствовал о назначении их в военные академии

и на курсы усовершенствования командного состава, где они могли бы принести большую пользу своими знаниями.

Тухачевский тянул вверх наиболее молодых и способных, предпочитая их более опытным „старикам“. Он считал, что предельный возраст командира полка не должен превышать 50 лет. „В этом возрасте уже человек изнашивается, начинает страдать подагрой, ревматизмом, сердцем и прочим, — говорил он. — Куда же ему при нынешней маневренности командовать частью?“ Старые строевики сочли свой перевод на преподавательские должности „равносильным отставке“.

Не ладил Тухачевский и с теми, кто устроился в Красную Армию, как на хорошо оплачиваемое, гарантирующее известную безопасность место, и потом оказался нерадивым хозяином своей части“.

Командарм очень часто и неожиданно появлялся в расположении того или иного полка. Прежде чем идти в штаб, он осматривал матчасть, заглядывал в конюшни, говорил с бойцами, потом появлялся на полковых занятиях и, попросив продолжать их, садился и внимательно наблюдал. Оттуда он шел на кухню, в склады. Докладывать о своем прибытии он запрещал. Когда до командира доходила весть о визите командарма, Тухачевский уже успевал все осмотреть и сделать свои выводы. Найдя в части большие упущения, Тухачевский уезжал, не повидавшись с ее командиром. Командир вызывался к командарму. Тухачевский не распекал его, а говорил очень коротко: „Ваш полк в безобразном состоянии. Если не приведете его в течение трех недель в полный порядок — поедете командовать „полчком“ (очевидно, кадрированной территориальной частью, имевшей в мирное время лишь очень немногочисленный постоянный состав бойцов и командиров. — Б. *С.)…“*. Возражать и оправдываться в таких случаях было бесполезно. Тухачевский поднимался, одергивал свой пояс и сухо бросал: „Это всё. Вы свободны“».

Словом, слуга партии, отец солдатам. Беда, однако, заключалась в том, что, искренне заботясь о рядовых бойцах и пользуясь среди них немалой популярностью, Тухачевский был довольно одинок среди высшего и среднего комсостава, встречал там зависть и скрытую враждебность. Молодой командарм действительно способствовал удалению со строевых постов бывших генералов и штаб-офицеров царской армии. Однако руководство партии во главе со Сталиным вело дело к чистке Красной Армии от беспартийных «старорежимных» офицеров вообще, в том числе и от младших, на которых думал опереться Тухачевский. Офицеров либо демобилизовывали из армии (а ведь еще в конце 1921 года они составляли более трети всего

командного состава), либо переводили на преподавательские и иные нестроевые должности. Влияние Троцкого, заявившего еще на IX съезде Советов в том же 21-м году, что комсостав Красной Армии стал единым, спаянным организмом, и являвшегося противником изгнания из армии старых военных специалистов, стремительно падало. В январе 1925 года он был отстранен от руководства военным ведомством. Сталин же и его сторонники, самым видным из которых в Красной Армии был Ворошилов, свою опору видели в выдвиженцах периода гражданской войны из числа бывших унтер-офицеров (такие в 21-м году среди красных командиров составляли 13 процентов) и рабочих и крестьян (их было свыше половины), которых усиленно рекрутировали в члены партии (в 23-м году доля коммунистов в армии превысила 10 процентов). Тухачевский же в осуществлении своих планов реорганизации Красной Армии (а они были весьма амбициозны) мог более или менее твердо опереться лишь на узкую прослойку бывших царских офицеров, как и он, достаточно рано связавших свою судьбу с коммунистической партией. Показательно, что большинство из тех, кто оказался вместе с Тухачевским на скамье подсудимых, составляли как раз такие военачальники — Уборевич, Эйдеман, Путна… Подпоручик и два прапорщика, вступившие в РКП (б) в 17-м году. Только Корк успел дослужиться до подполковника и, наверное поэтому, в ряды большевиков встал немного позднее — только в 1927 году. Между прочим, при такой незначительной опоре среди высшего и среднего комсостава и думать нечего было ни о каком успешном военном заговоре и перевороте…

Лидия Норд довольно подробно рассказывает о работе Тухачевского в академии (ее главным руководителем по стратегии он оставался и будучи помощником, а затем заместителем начальника Штаба РККА, вплоть до осени 1925 года). Только свояченица маршала относит пребывание Тухачевского в должности начальника академии на конец 20-х или даже начало 30-х годов, уже после того, как он командовал Ленинградским Военным Округом. На самом деле, как мы знаем, во главе академии РККА Тухачевский состоял во второй половине 1921 года, как раз в период брака с Ликой — кузиной Лидии Норд, так что осведомленность последней, чей муж тогда тоже учился в академии, вполне понятна. Вдова Фельдмана утверждает: «У Тухачевского дела шли не так гладко. В академии его не особенно любили. Он ворвался туда со своей мятежной натурой, как врывается смерч в застоявшуюся заводь. „Почему слушатели приходят на занятия вразброд? — спросил он в первый день приезда у своего помощника. — Если они старшие и высшие

командиры, то тем более им должна быть понятна дисциплина. Здесь военное учебное заведение, а не привилегированный частный пансион для девиц“.

Новый начальник академии побывал на занятиях у всех преподавателей… Присутствовал при проведении нескольких военных игр. Он не сделал ни одного замечания, но выходил из академии нахмуренный».

Было от чего хмуриться Тухачевскому. Ведь он отстаивал совсем иные принципы военной теории и практики, чем большинство академических профессоров. Еще в 1919 году в стенах той же академии Михаил Николаевич в первой своей лекции утверждал: «Наши русские генералы не сумели познать гражданскую войну, не сумели овладеть ее формами. Лишь очень немногие генералы белой гвардии, способные и проникнутые классовым буржуазным самосознанием, оказались на высоте своего дела. Большая же часть надменно заявляла, что наша гражданская война — так, какая-то малая война или комиссарская партизанщина. Однако, несмотря на такие зловещие утверждения, мы видим перед собой не малую войну, а большую планомерную войну, чуть ли не миллионных армий, проникнутую единой идеей и совершающую блестящие маневры. И в рядах этой армии среди ее преданных, рожденных гражданской войной начальников начинает слагаться определенная доктрина этой войны, а с ней вместе и теоретическое ее обоснование… Революционная действительность открыла глаза на значение большой, организованной войны (в отличие от войны партизанской, неорганизованной, во многом стихийной. — Б. С.) для дела освобождения пролетариата… Изучение основ и законов гражданской войны — это вопрос коммунистической программы…»

Русские генералы и полковники, составлявшие костяк профессорско-преподавательского состава академии, в подавляющем большинстве ориентировались на опыт не гражданской, а первой мировой войны и в соответствии с ним собирались строить военную доктрину и обучать слушателей. Тухачевский же делал основной упор на присущую гражданской войне повышенную маневренность как на основную черту будущей войны, предполагая только, что эта маневренность еще более увеличится вследствие насыщения войск техникой. На практике во второй мировой войне причудливо соединились черты войны маневренной и войны позиционной, когда сплошные линии позиционного фронта прорывались с помощью артиллерии, танковых и механизированных соединений и

авиации. Фронт борьбы постоянно перемещался в ту или другую сторону, причем эти перемещения носили быстрый и масштабный характер и сопровождались уничтожением значительных масс войск терпящей поражение армии. Но в начале 20-х годов еще невозможно было всё это предвидеть.

Лидия Норд отмечает, что Тухачевский не только укрепил дисциплину в академии, избавился от слабых преподавателей и упорядочил быт слушателей (в частности, лично осмотрев кастрюли и котлы на кухне и приказав привести все в соответствие с санитарными нормами). Он ввел более сложную программу. Его свояченица рассказала, что, ознакомившись с новыми конспектами, и преподаватели, и слушатели приуныли, поскольку Тухачевский требовал больше и жестче, чем прежний начальник: «Единственное, что, пожалуй, мирило их с Тухачевским, так это то, что часы, отведенные им для политических занятий, были очень урезаны. Но зато приуныли преподаватели политических наук, так как их лекционный заработок уменьшился». На требовательного начальника роптали подчиненные. Зато их жены боготворили Михаила Николаевича. По свидетельству Лидии Норд, супруги преподавателей относились к Тухачевскому весьма благосклонно, отстаивали его от нападок перед мужьями и считали «самым обаятельным человеком на свете». Свояченица командарма утверждала, что дело пошло еще дальше: «Дамы, сделав Тухачевского своим кумиром, не довольствовались этим. Каждой хотелось, чтобы этот кумир принадлежал только ей. Красавицы, у которых молодость уже прошла, но „грачи еще не улетели“, соперничали между собой. К предстоявшему традиционному академическому балу дамы готовились, как к генеральному сражению. Опустошались кошельки мужей, в доме устанавливался „режим экономии“, а у знаменитой портнихи, шившей „по заграничным журналам“, создавалась такая очередь, что та прекратила запись». Никто не желал ударить в грязь лицом перед «самым обаятельным» полководцем Красной Армии. Тут вспоминается великий роман Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества», где к легендарному предводителю повстанцев полковнику Аурелиано Буэндиа матери приводили дочерей «на расплод». И совсем уж не из романа, а из жизни — многочисленные любовные связи Наполеона. Видно, знаменитые полководцы обладают какой-то демонической силой и притягивают к себе женщин, как магнит.

Лидия Норд задается вопросом: были ли у Тухачевского настоящие, глубокие романы? И отвечает на него так: «Пожалуй, нет. Я говорю „пожалуй“ потому, что иногда его было очень трудно понять… И потому, что я знала — самое для него дорогое

он скрывал в глубинах души, а на словах даже порой высмеивал… Знаю одно: увлечения кончались у него очень быстро. У меня впечатление, что он чего-то искал в женщинах и не находил. „Знаешь, а ведь в ней что-то есть“, — говорил он мне, указывая на очень красивую женщину. Обычно тогда он начинал ухаживать, но в большинстве случаев флирт кончался быстро и он говорил: „Она оказалась обыкновенной курицей“».

По уверениям Лидии Норд, одним из самых длительных и, как ей казалось, платонических романов Тухачевский имел с некой Марией Николаевной Х. Мемуаристка так описывает ее: «Блондинка, с темными бровями и длинным разрезом серо-голубых широко расставленных глаз. У нее был греческий, но немного тяжелый профиль, гладкая прическа и „лебединая шея“… Настоящей красавицей ее нельзя было назвать, но в ней действительно „что-то было“. Держала она себя очень скромно, была замужем и муж ее обожал… Тухачевский не переносил женщин вульгарных и одевавшихся без вкуса. „Когда я встретил ее второй раз, на ней было такое платье, что я чуть не закричал от ужаса и весь мой интерес к ней испарился в ту же минуту“, — делился он со мной. Или: „Пока она стояла — казалась привлекательной, но когда пошла, то так вульгарно раскачивала бедрами, то я поспешил отвернуться, не смотреть ей вслед“. Чем ярче разгоралась звезда Тухачевского, тем больше женщин кружилось вокруг него. Тогда у Михаила Николаевича стала проявляться избалованность и даже рисовка…»

Но дело было не только в видном положении, занимаемом молодым победителем Колчака и Деникина. По сохранившимся свидетельствам, любовником Тухачевский был непревзойденным. Американский историк Томас Батсон приводит рассказ одной уцелевшей узницы ГУЛАГа. Как-то раз в конце 30-х годов в специальном лагере для жен, дочерей и прочих родственниц высокопоставленных «врагов народа» во время перерыва между работами сошлись несколько женщин и, чтобы хоть как-то скрасить скудость лагерного существования, стали вспоминать своих любовников. И в конце этого почти кафкианского разговора одна пожилая женщина пренебрежительно воскликнула: «Ах, девочки, что вы знаете о любовниках? Я знала величайшего любовника из всех, маршала Тухачевского. Вот это был мужчина! Всем любовникам любовник!» А развязка этого эпизода была окрашена «черным юмором»: несчастная женщина начала описывать удаль Михаила Николаевича столь соблазнительно, что ее товарки стали громко хихикать. Дошло до охраны, и рассказчица получила четыре года дополнительного срока… за восхваление врага народа! Как знать, не была ли той женщиной

вторая жена Тухачевского, Лика? Правда, если верить Лидии Норд, к тому времени ее кузине не исполнилось еще и тридцати пяти, так что пожилой ее назвать было довольно затруднительно. Хотя перенесенные испытания — арест, лагерь — легко могли состарить женщину. Тем более что Лика действительно оказалась в лагере после казни первого мужа, хотя давно уже вышла замуж и, по свидетельству Лидии Норд, никаких связей с будущим «врагом народа» не поддерживала. Как утверждается в изданном в 1957 году в США исследовании «Советская тайная полиция», основанном на показаниях чекистов-перебежчиков и выбравшихся из СССР бывших лагерных сидельцев, в особом отделении Потьмалага, предназначенном для жен и родственниц «врагов народа», содержались, среди прочих, две жены Тухачевского, а также жена Фельдмана (Лидия Норд?). Оговоримся, что, судя по портрету, нарисованному ее сестрой, Лика была не из тех, кто стал бы публично обсуждать сексуальные достоинства своего мужа, пусть и бывшего. Конечно, в лагере ее психологическое состояние почти наверняка претерпело существенные изменения, но все-таки… Да и среди жен и сестер «врагов народа» из числа правящей элиты, думаю, нашлось бы немало женщин, кто рассказал бы о Тухачевском как о величайшем любовнике всех времен и народов.

Тухачевский, похоже, так и не нашел женщину, которую смог полюбить по-настоящему, навсегда, и чтобы она так же смогла полюбить его. Может, оттого и менял любовниц, отдавался кратким увлечениям, что не находил ту, единственную… Но сколь бы значительную роль ни играли женщины в жизни Тухачевского, главным для него оставалась армия. Он мечтал утвердить свои взгляды на характер будущей войны в качестве официальных и со временем встать во главе процесса реформирования вооруженных сил, в результате чего Красная Армия должна была стать самой мощной армией в мире.

В период пребывания Тухачевского в академии начала разворачиваться дискуссия о том, какой стратегии следует придерживаться в случае возникновения войны: наступательной или оборонительной, «стратегии сокрушения» или «стратегии измора»? Горячим сторонником последней был один из профессоров академии бывший генерал-майор А. А. Свечин, авторитетный военный теоретик, возглавлявший также комиссию по использованию опыта первой мировой войны. Тухачевский, напротив, ратовал за господство наступательной маневренной стратегии, предполагавшей разгром противника несколькими мощными ударами. В результате конфликта с новым начальником Свечин вскоре покинул академию, что не помешало

ему в 1923 году выпустить капитальный труд «Стратегия», где бывший генерал отстаивал свои взгляды и, в частности, первичность стратегической обороны как основы последующего перехода в наступление на измотанного и ослабленного противника. В 1924 году в предисловии к составленной им хрестоматии трудов военных классиков, в основном — сторонников «измора», Свечин предупреждал: «Война — это долгие месяцы трудов, лишений и жертв; войска равномерно тянут свою лямку; но они должны понимать, что бывают моменты, когда требуется собрать урожай, являющийся плодом всех этих усилий. Один день, говорит в таких случаях крестьянин в своем обиходе, год кормит. Тактика пашет и сеет, сбор урожая — это дело стратегии. Если забывать об урожае, то не стоит и хозяйством заниматься…» Позднее, в 1927 году, Свечин подчеркивал, что «для успеха обороны нужно иметь возможность утрачивать территорию». Мысль абсолютно здравая. Как раз так поступили поляки в 1920 году, и в результате сотворили «чудо на Висле». Однако Тухачевский был за войну главным образом на чужой территории, и лучше — с наименьшими потерями, а для этого предлагал как следует обучить бойцов и командиров и насытить армию вооружением и техникой. Он на будущую войну смотрел как на войну гражданскую, только теперь уже в мировом масштабе. Рассчитывал, что пролетариат Западной Европы поможет братской Красной Армии и можно будет очень скоро собрать обильный урожай. Правда, во второй мировой войне вышло иначе, но в начале 20-х годов надежды на мировую революцию еще не угасли. Повторное назначение Тухачевского на Западный фронт во многом было связано с расчетом, что вот-вот грянет революция в Германии (которую в 1922–1923 годах руководители большевиков всерьез ожидали).

Интересно, что в дискуссии между сторонниками стратегии измора и сокрушения председатель Реввоенсовета Республики Троцкий был на стороне первых. На XI съезде партии в 1922 году он доказывал, что будущая война, в отличие от гражданской, вполне может стать позиционной, как и первая мировая, и Красной Армии, уступающей противнику в вооружении, технике и развитии путей сообщения, придется в течение длительного времени обороняться. Троцкий пытался убедить делегатов съезда, что побеждает не тот, кто всегда наступает первым, а тот, кто наступает тогда, когда для наступления создались все необходимые предпосылки. А в ожидании этого благоприятного момента придется вести долгую и трудную оборону. Поскольку вероятные противники, обладая преимуществом в военной технике и транспорте, могут быстрее провести мобилизацию и

сосредоточение своих армий, советским войскам, как считал Троцкий, в начальный период войны почти наверняка придется не только обороняться, но и отступать, выигрывая время для сосредоточения всех сил и средств. Лев Давидович настаивал: «Имея за собой пространство и численность, мы спокойно и уверенно намечаем тот рубеж, где, обеспеченная нашей упругой обороной, мобилизация подготовит достаточный кулак для нашего перехода в наступление». Словно в воду глядел! Девятнадцать лет спустя, в 41-м, именно по такому сценарию развивались события в начале Великой Отечественной войны. Но тогда Красная Армия готовилась только к наступлению, к вторжению в Польшу и Германию, Румынию и Финляндию, а не к обороне, и нападение Гитлера застало ее врасплох. В конце концов, «имея за собой пространство и численность», Советский Союз победил в этой самой кровопролитной войне в истории человечества. Однако скольких бы жертв удалось избежать, если бы оборону и отступление Красная Армия готовила заранее и вела преднамеренно, не увлекаясь наступательными авантюрами и несбыточными надеждами на сокрушение такого могучего противника, как германский вермахт, «малой кровью, могучим ударом». Если бы послушали Свечина и Троцкого! Но политическая судьба последнего уже была предрешена. С его уходом с поста председателя Реввоенсовета в январе 1925 года верх окончательно одержали сторонники наступательной стратегии, направленной на сокрушение противника. Этой стратегии придерживались как новый глава военного ведомства Фрунзе и выдвинутый им в Штаб РККА Тухачевский, так и ставший заместителем Фрунзе Ворошилов, антагонист Тухачевского еще со времен Варшавской операции.

Свечина арестовали еще в 1930 году, потом выпустили, а расстреляли уже после гибели Тухачевского, в 38-м, в рамках кампании террора против военных кадров, спровоцированной процессом над самым молодым из советских маршалов. Судьбы непримиримых оппонентов оказались одинаковыми. Но в дни падения Свечина Тухачевский этого не знал. И 25 апреля 1931 года, когда Александр Андреевич ударным трудом на лесоповале пытался заработать себе досрочное освобождение, на заседании военной секции Ленинградского отделения Коммунистической академии обрушился на поверженного теоретика-генштабиста, который «сознательно или бессознательно… является агентом интервенции империализма» и «фактически подводит Красную Армию под поражение». Эх, знать бы Тухачевскому, что шесть лет спустя точно такие же, совпадающие почти дословно, обвинения прозвучат уже в его адрес.

Тухачевский, равно как Фрунзе и Ворошилов, считал, что Красная Армия должна стремиться упредить вероятных противников и первой перейти в наступление. Он еще в 1921 году в статье «Обучение войск» писал: «Рабочие и крестьяне должны знать, что Советская власть приложит все силы и средства, чтобы избежать новых войн, но они должны сознавать, что классовые враги Советской России только и ждут случая, чтобы с наименьшими для себя потерями наброситься на нее и задушить ненавистное рабочее государство. А раз так, то за мирным трудом не должна забываться и боевая подготовка. Раз так, то каждый трудящийся Советской России должен быть готов к тому, чтобы с объявлением нам войны не ожидать капиталистического нападения, а, наоборот, самим наброситься на изготовившихся к нападению врагов, опрокинуть их и внести знамя социалистической войны на буржуазную территорию». Тухачевский призывал готовиться к такой войне «как духовно, так технически и физически». Эту подготовку он регламентировал в тезисах «О целях войны, о неминуемости революционных взрывов в буржуазных государствах, объявивших нам войну (Тухачевский подразумевал, что война буржуазией Советской Республике фактически уже объявлена с тех пор, как победила Октябрьская революция. — Б. С.), о сочетании социалистических наступлений с этими взрывами, об атрофировании национальных чувств и о развитии классового самосознания и солидарности…».

Михаил Николаевич обращал внимание и на необходимость постепенного введения единоначалия. Тухачевский предлагал два пути — превращение части комиссаров, после соответствующей подготовки, в командиров и наделение наиболее благонадежных командиров комиссарскими функциями. Он подчеркивал: «Особенно надо обратить внимание на то, чтобы командиры отвыкли от деления начальствующих органов на спецов и комиссаров. Они должны чувствовать себя и морально, и фактически ответственными за подготовку своей части, и не только в военно-техническом отношении (то есть в сфере овладения приемами ведения войны. — Б. С.), но и в отношении сознательно-революционного развития ее. Другой важнейшей задачей является подготовка и перевод комиссаров на командные должности».

В то время пропагандировались, по выражению Тухачевского, «идеи малокровной войны», то есть войны полупартизанской, основанной на нанесении противнику ряда быстрых, коротких ударов небольшими силами, в расчете, что под их влиянием произойдет разложение противника. Михаил Николаевич обрушился на одного из апологетов этой теории, командарма

Н. Н. Петина в статье под уничтожающим оппонента заголовком «Война клопов», вышедшей в 1923 году. Тухачевский признавал, что «очень редко удается уничтожить неприятельскую армию одним ударом. Чаще всего это достигается рядом уничтожающих операций». Он указывал на то, что речь может идти не о разложении всей армии противника как таковой в самом начале вооруженного конфликта, а лишь о разложении ее остатков как следствии «уничтожения основной, решающей ее части», причем с ним «не только надо считаться, но и необходимо культивировать его». Однако, справедливо отмечал Тухачевский, «хороший противник от частного удара не разложится, а сманеврирует и наложит по первое число своему великодушному агитатору». Он считал неправомерным перенесение форм и методов «народной войны» по образцу борьбы против «Великой армии» Наполеона в 1812 году в современные условия. Сегодня, предупреждал Тухачевский, малая партизанская война окажется войной «не малокровной, а жестокой и кровавой. Эту войну ведет все население, образно говоря — ее ведет вся территория. Армия противника, которая на нее вступила, оказывается в окружении, в самом неприятном расчлененном окружении противником, невидимым, ловким и жестоким. Отдельными ударами, нападениями он подтачивает материальные силы армии, заставляет ее разбрасываться по своим коммуникациям и тем еще более ухудшает ее положение. Постепенно армия тает, и растет необходимость прекращения оккупации. Для регулярной армии это одно из очень трудных положений».

Тем не менее Михаил Николаевич был уверен, что подобные «клопиные укусы» будут малоэффективны, когда налицо борьба «двух стоящих друг против друга организованных армий, надежно прикрывающих свои тылы». Ведь в данном случае «отдельные укусы не разрушают системы всей материальной силы вражеской армии, а стало быть, не будет и морального ее распада, ибо таковой является производной от материального состояния». И здесь же Тухачевский сформулировал свою философию войны: «Подход к операции как к борьбе двух воль, как к воздействию на „психику толпы“ с той и с другой стороны является вреднейшим военным идеализмом. Операция — это есть организация борьбы каждой из армий по уничтожению живой, материальной силы другой. Не разрушение воображаемой, абстрактной „нервной системы“ армии должно быть оперативной целью, а уничтожение реального организма — войск и реальной нервной системы — армейской коммуникации». Будущий маршал, по сути, рассматривал военную машину каждой из сторон как гигантский организм сродни человеческому.

К обороне как таковой Тухачевский относился как к второстепенному виду боевых действий. В специальной статье 23-го года «Об обороне» он выдвинул очень оригинальную теорию, почему позиционная оборона возобладала почти до самого конца первой мировой войны: «Одной из важнейших причин всеобщего затишья после первой грозы была неподготовленность промышленности к массовому производству средств разрушения. Этих средств не хватило, и, для того чтобы их произвести, требовалось большое время, ибо надо было перекроить для этого всю промышленность. Вместе с тем производительные силы воюющих стран, поставляющие средства защиты, оказались сразу же на должной высоте. Это и понятно — проволока и бетон одинаково потребны как для войны, так и для мира. В течение четырех лет приспособлялась промышленность к производству средств разрушения, и только в 1918 году она окончательно военизировалась, а с тем вместе позиционность стала испаряться». Не так будет, полагал Тухачевский, в войне будущего. Могучие средства наступления, вроде танков и самолетов, будут накоплены сторонами загодя и не дадут создаться прочной позиционной обороне.

Сразу же отмечу, что Тухачевский тут вольно или невольно искажает реальную практику только что закончившейся мировой войны. На самом деле уже в 1916 году промышленность почти всех стран-участниц была полностью переведена на военные рельсы. Такое новое средство борьбы, как самолеты, активно использовалось с первых месяцев боевых действий. Что же касается танков, то, впервые появившись в 1917 году, в массовом количестве они действительно были использованы на фронте только в 18-м и помогли союзникам прорвать германские позиции. Однако конструкции танков были несовершенны, а принципы их боевого применения — не разработаны. И решающей роли в исходе войны эти грозные, но неуклюжие машины сыграть никак не могли. Фактически победа Англии, Франции и США была вызвана наступившим истощением сил Германии и союзных ей держав и знаменовала собой торжество «стратегии измора», против которой боролся Тухачевский. Он же пытался объяснить исход первой мировой с точки зрения «стратегии сокрушения».

По мнению Тухачевского, «будущие боевые столкновения… в силу организации и численности армий наших возможных противников, будут маневренного характера, Т. е. решительного и подавляющего… Стремление к решительным столкновениям потребует смелых, плотных группировок на решающих направлениях и смелого оголения участков неважных, связующих.

Войска связующих участков на неважных направлениях обыкновенно будут обороняться, а при недостатке сил иногда и отступать. Зато на решающем направлении наши превосходные в силах войска будут нести гибель и поражение своему противнику. Единственно, что ударные войска потребуют от связующих участков, — это выигрыш времени, позволяющий им завершить поражение противника.

Чем смелее будет группировка, тем быстрее будет следовать развязка, тем легче будет становиться задача обороняющихся. Это прогрессивное понижение требований к связующим участкам делает положение обороняющихся тем безопаснее, чем больше за их счет усилится ударный таран. Таково значение обороны в стратегическом смысле в перспективе предстоящих войн».

Написано хорошо, энергично. Но — гладко было на бумаге, да забыли про овраги… Неужели Тухачевского ничем; не научил разгром под Варшавой, когда «войска связующего участка» в лице Мозырской группы были легко сбиты и рассеяны контратакующей группировкой поляков, и в результате «ударные войска» Западного фронта вместо того, чтобы «нести гибель и поражение своему противнику», были частью интернированы, а частью пленены? Да и не было в тот момент, в 1923 году, у Красной Армии сил и средств для мощного наступления с решительными целями. Ее численность сократилась с 5 миллионов до 516 тысяч человек, артиллерия, немногочисленные аэропланы и бронетехника были очень изношены, а перспективы их производства в СССР — довольно туманны. В свое время Пилсудский совершенно справедливо указал Тухачевскому, что рассуждения последнего в «Походе за Вислу» о «таранных массах», долженствующих сокрушить польскую оборону под Варшавой, — не более чем поэтическое преувеличение, раз армии, составляющие таран, по численности и огневым средствам не превышают полноценных дивизий периода первой мировой войны. Но и применительно к послевоенному развитию Красной Армии Михаил Николаевич продолжал оперировать абстракциями из будущего, которые не могли иметь немедленного воплощения в жизнь. «Ударные войска» — многочисленные, обученные, оснащенные новой боевой техникой — еще только предстояло создать.

Наиболее подходящим видом обороны Тухачевский считал пассивную оборону, которая «выигрывает время и максимально экономит силы». Идею активной, или, по позднейшей терминологии, «эластичной обороны», он отвергал с порога, утверждая: «Пассивная оборона есть элемент смелого, а активная — элемент робкого решения», хотя сам стал на Висле жертвой

активной, то есть связанной с преднамеренным отступлением и контрударом по наступающим, обороны со стороны противника. Командующий Западным фронтом верил, что, поскольку «обороняющийся при прорыве у него фронта гораздо более бывает потрясен и растерян, чем прорвавшийся», то «контратакующие резервы в моральном отношении в худшем положении, чем прорвавшийся». Кроме того, подчеркивал Тухачевский, «ведь прорвавшийся бывает сильнее обороняющегося… и в численном отношении контратакующий проигрывает». Отсюда он делал вывод: «На силу глубоких резервов рассчитывать не стоит. Лучше всемерно усилить боевую линию… Активные действия глубоких резервов пользы не принесут… Им лучше ограничиваться занятием в тылу новой укрепленной полосы, затыкающей образовавшуюся дыру».

Красная Армия готовилась к наступлению, к «упреждающему удару». Поэтому Тухачевский предпочитал не вспоминать, чей моральный дух на Висле оказался крепче: контрударной польской группировки или противостоявших ей слабых советских войск. И по-прежнему пренебрегал вопросами обороны, рассчитывая, что в будущей войне долго обороняться, а тем более обороняться по всему фронту, не придется. Так же думали и Фрунзе, и Ворошилов, и многие другие военачальники. Линия Троцкого и Свечина на первичность для Красной Армии стратегической обороны была ошельмована и предана забвению.

Практика Великой Отечественной войны доказала, что Тухачевский ошибался. Больше года Красной Армии пришлось обороняться по всему фронту. И в последующем, когда к ней перешла стратегическая инициатива, отдельным армиям и даже группам армий приходилось вести тяжелые оборонительные бои, в том числе и в победном 45-м. Опыт второй мировой войны и ряда последующих военных конфликтов подтвердил также эффективность активной обороны, основанной на контрударах в заранее выбранных районах по прорвавшемуся противнику.

Лидия Норд приводит в своих воспоминаниях примечательный разговор Тухачевского с Фрунзе, состоявшийся, очевидно, еще в бытность Михаила Николаевича командующим Западным фронтом. Тухачевский излагал Фрунзе свой план реформирования Красной Армии. «Это здорово! — одобрительно сказал Фрунзе. — Я сам думал так, но не в таком размахе. Сколько тебе понадобится для этого времени?» — «Не так много — год-полтора, — ответил Тухачевский, — но при условии, что мне не будут все время совать палок в колеса…» — «Это я, что ли? — рассмеялся Фрунзе. „Нет, не ты. Но вот мне, например, не хватает людей, особенно артиллеристов, которых можно было бы

поставить на должность командиров полков и командиров бригад. Москва не хочет утверждать выдвинутых мною кандидатов, потому что они бывшие офицеры и беспартийные. Предлагают мне на эти должности из „парттысячников“, но ты сам знаешь, какие из них получились кадры — из тысячи не найти десятка настоящих толковых командиров. А к тому же у них нет тех знаний…“

После паузы Тухачевский продолжал: „Не думай, что я собираюсь примкнуть к оппозиции. Споры и дрязги наших теоретиков меня, по существу, мало трогают. Но когда люди, владеющие только таким „оружием“, как нож для разрезания книг, или перочинным ножом, вдруг выступают со своими замечаниями, как надо перестраивать и вооружать армию, то я чувствую, что у меня готова разлиться желчь… И противнее всего, что подобные невежественные рассуждения поддерживаются, из явного подхалимства, некоторыми старыми генштабистами. А помнишь тогда, на торжественном заседании в академии, когда Сталин решил блеснуть своей образованностью и запутался в военной истории, как его Зайончковский выручил: „Товарищ Сталин чрезвычайно глубоко вскрыл причину“. Встретил после этого я Зайончковского в коридоре и говорю ему: „И не стыдно вам, генерал?“ А он, как всегда, лисой: „Юмор, знаете, украшает жизнь. Ведь никто же не подумал, кроме него самого, что я сказал это серьезно…““.

„Ты с ним поосторожней, — предупредил Фрунзе. — Я раз его крепко отчитал. Он сразу так заволновался, что мне даже неловко стало. Зря я так погорячился, думаю, все-таки он старше меня и отличный специалист. Постарался сгладить всё. И он после этого со мною всегда любезен, даже раз пустился в ненужные откровенности. Проходит с месяц, и я, случайно, в разговоре с С. С. Каменевым, узнаю, что он ему нажаловался на меня. Чуть ли не на следующий день… Недавно встречаю Валерьяна Куйбышева, а он мне говорит: „Да, Сталин просил передать тебе, Чтобы ты обходился с Зайончковским помягче — он честный и неутомимый работник“. Ну, Куйбышеву-то я всё рассказал… А в общем, нам из-за всего этого голов вешать не стоит. Друзей-то у нас больше, чем врагов… Мы свое дело сделаем — армия у нас будет такая, что мир ахнет. Выпьем за нее!“

Не зря, ох не зря предупреждал Михаил Васильевич своего друга и тезку Михаила Николаевича! Андрей Медардович Зайончковский, дослужившийся в царской армии до высокого чина генерала от инфантерии, неудачно командовавший корпусом на Румынском фронте, но зато написавший и сегодня остающуюся лучшей в России историю первой мировой войны,

был давним секретным сотрудником ВЧК и ОГПУ. По стопам отца пошла и дочь, доносы которой сыграли свою зловещую роль в агентурной разработке НКВД Тухачевского и других военачальников.

В ноябре 1925 года Тухачевский стал начальником Штаба РККА. Хотя это назначение последовало уже после смерти Фрунзе во время операции по поводу язвы желудка (современники подозревали, что он был умышленно умерщвлен по тайному приказу Сталина), но принципиально вопрос об этом назначении был решен еще при его жизни. Кстати сказать, в качестве преемника Михаила Васильевича Тухачевский, по свидетельству И. А. Телятникова, предлагал своего друга Серго Орджоникидзе, но Сталин без труда добился, чтобы во главе военного ведомства встал полностью преданный ему и, в отличие от Орджоникидзе, не игравший никакой самостоятельной роли в партии Ворошилов. Последний, очевидно, знал об оппозиции Тухачевского его назначению, и отношения между ними с самого начала складывались очень тяжело.

Тухачевский получил большие возможности для реализации своих планов, однако неприязнь со стороны нового наркома по военным и морским делам затрудняла его деятельность как начальника Штаба РККА. В вышедшей в 1926 году работе „Вопросы современной стратегии“ Михаил Николаевич важнейшей задачей назвал задачу „военизации“ страны, полагая, что централизованное планирование позволяет в СССР „выжать больший процент военной продукции“, чем в капиталистических странах, и добиться того, чтобы экономика не была разрушена необходимостью перехода на военные рельсы. Тухачевский заметил: „Маневрировать всеми ресурсами страны никто еще не умеет, а этот маневр наши работники должны знать так же хорошо, как они знают полевое вождение войск“. Фактически, в полном соответствии с линией Сталина и большинства Политбюро, он выступал за милитаризацию страны в мирное время и подчинение всей экономики нуждам обороны страны, практической мобилизации промышленности еще до начала боевых действий. Именно в те годы зародился монстр советского ВПК, который и сегодня давит на экономику России громадной скрытой безработицей и омертвевшими капиталовложениями. Начиналось же это во второй половине 20-х, с принятием XIV партсъездом курса на ускоренную индустриализацию (разумеется, в съездовских резолюциях прямо не говорилось о ее преимущественно военных целях). Тухачевский особо подчеркивал, что курс XIV съезда направлен на подъем военного потенциала страны, но предупреждал, что не стоит „принимать

будущие достижения нашего социалистического строительства за реальные достижения сегодняшнего дня“. И одновременно призывал „предугадывать будущее“, что сам сплошь и рядом пытался делать в своих статьях и выступлениях.

И в тех же „Вопросах современной стратегии“ Тухачевский, по-прежнему веря, что Красной Армии в будущей войне придется главным образом наступать, а не обороняться, высказывал весьма здравые мысли. „Надо иметь в виду, — предупреждал он, — что в современных условиях ведения войны очень часто одной операцией достигнуть уничтожения врага не удается. Противник зачастую ускользает из-под удара. Поэтому приходится вести операции одну за другой с тем, чтобы доконать противника хотя бы у последней черты его сопротивления. А эта черта находится там, где начинаются районы, питающие войну“. Отсюда следовал вывод: „Мы должны считаться с тем, что нам предстоят тяжелые, длительные войны…“ Данный прогноз полностью подтвердился в ходе второй мировой войны, когда сопротивление вермахта прекратилось лишь после оккупации войсками союзников почти всей территории Германии, включая столицу. И еще один вывод Тухачевского вполне актуален и сегодня: „Искусство уничтожения вооруженных сил врага является основным условием экономного и успешного ведения войны, и в этом искусстве, как и во всем искусстве стратегии, мы должны постоянно совершенствоваться“. А в статье 1927 года „Задачи общевойсковой подготовки“ начальник Штаба РККА сформулировал: „Основной тактический принцип — это действовать сообразно обстановке“. Он был сторонником того, чтобы командирам была предоставлена необходимая самостоятельность как на учениях, так и в реальных боевых условиях. Хотя и здесь проявился свойственный Тухачевскому волюнтаризм. Не случайно ведь Михаил Николаевич подчеркивал: „Чрезвычайно вредно и опасно допустить у командира легкомысленного реагирования на изменения обстановки. Наоборот, упорство и настойчивость в достижении всей поставленной задачи зачастую в состоянии перебороть любые невыгодные обстоятельства в слагающейся в связи с изменением обстановке“. Подобные настроения были широко распространены в Красной Армии в 20-е годы, да и позже. Например, бывший генерал-лейтенант белой армии Я. А. Слащов, признавший Советскую власть и преподававший тактику на командных курсах „Выстрел“, в своих лекциях отстаивал ту же мысль, что и Тухачевский: „В бою держитесь твердо своего принятого решения — пусть оно будет хуже другого, но, настойчиво проведенное в жизнь, оно даст победу, колебания же приведут к поражению“. Вот так под Варшавой командующий

Западным фронтом с настойчивостью, достойной лучшего применения, продолжал осуществлять свой план глубокого охвата польской столицы с севера тогда, когда уже обозначилась вся рискованность положения его открытого южного фланга. Чем это кончилось — хорошо известно.

На должности начальника Штаба РККА Тухачевский пробыл до мая 1928 года. Причиной его ухода с этого поста послужили постоянные конфликты с Ворошиловым. Например, 5 апреля 1928 года Тухачевский писал наркому: „Считаю необходимым доложить два основных момента, делающих работу Штаба РККА совершенно ненормальной… Прежде всего, и в текущей, и в плановой работе создается такое положение, что зачастую может казаться, будто Вы, как нарком, работаете сами по себе, а Штаб РККА сам по себе, что совершенно противоестественно, так как, по существу, штаб должен быть рабочим аппаратом в Ваших руках по объединению всех сторон и работ по подготовке войны. Если он таким аппаратом не является, то значит, дело не в порядке“. Через несколько дней, 16 апреля, Ворошилову поступило другое письмо, а точнее говоря, донос на Тухачевского за подписями Буденного, Егорова и Дыбенко, где начальник штаба Красной Армии обвинялся в том, что якобы самоустранился от руководства работой штаба и не соответствует занимаемой должности. В конце концов Михаил Николаевич осознал, что все его инициативы по перевооружению войск и реорганизации органов военного управления блокируются наркомом, и подал рапорт об освобождении от должности.

Его назначили командующим Ленинградским военным округом, где начальником штаба состоял его друг Б. М. Фельдман, муж свояченицы Михаила Николаевича. К тому времени Тухачевский был женат уже в третий раз. Еще в Смоленске он вступил в брак с Ниной Евгеньевной Гриневич, происходившей из дворянской семьи. До этого она была замужем за политработником Лазарем Наумовичем Ароштамом, дослужившимся впоследствии до высокого звания армейского комиссара 2-го ранга и разделившим печальную участь своего удачливого соперника в 1938 году. Там же у них родилась дочь Светлана. Жена любила Тухачевского, который, однако, далеко не всегда хранил супружескую верность. Кратковременные романы время от времени случались. Более длительный установился с Юлией Кузьминой, у которой от Тухачевского родилась дочь. Юлия Ивановна и Михаил Николаевич сошлись во время вторичного переезда Михаила Николаевича в Москву в 1924 году. Юлия развелась с мужем. Несмотря на это, Кузьмин и Тухачевский сохранили дружеские отношения, и Михаил

Николаевич — содействовал служебной карьере Николая Николаевича. Тухачевский смог устроить любовнице с дочкой квартиру в Москве, а потом взял с собой в Ленинград, где тоже выхлопотал квартиру.

В последние месяцы жизни Тухачевского с его третьей женой познакомилась Лидия Шатуновская, приемная дочь старого большевика, обитавшая в одном с Тухачевскими правительственном доме, после выхода повести Юрия Трифонова известном в народе как „дом на набережной“ (а также как „индийская гробница“ — из-за обилия установленных на нем мемориальных досок в честь знаменитостей, не переживших, как правило, 37-го-38-го годов). Знакомство произошло на курсах английского языка, организованных „женским активом“ дома. Нина Евгеньевна собиралась вместе с мужем в Лондон на коронацию короля Георга VI и хотела подучить язык, чтобы не быть молчаливой статуей на приемах. Шатуновская, как и Лидия Норд, оказавшаяся в конце концов на Западе, в своих мемуарах „Жизнь в Кремле“ дает очень сочувственный портрет той, кому предстояло вскоре стать вдовой Тухачевского и лишь ненадолго пережить казненного маршала: „Нина несколько раз приходила ко мне, мы занимались вместе английским языком и хорошо познакомились. Была она очень хорошенькой, изящной, мягкой женщиной. Она была интеллигентна, очень хорошо воспитана, происходила из хорошей, отнюдь не пролетарской семьи. В личной жизни она была глубоко несчастна. Все знали, что, кроме официальной семьи, у Тухачевского есть другая, тайная семья, что от его второй, неофициальной жены, у него есть дочь того же возраста, что и дочь Нины (не очень-то тайная была, выходит, связь Тухачевского с Юлией Кузьминой, если „все знали“; главное же, об „официальной любовнице“, или „неофициальной жене“, Тухачевского было очень хорошо осведомлено НКВД и держало ее „под колпаком“. — Б. С.). Обеих этих девочек звали одинаково. Обе были Светланами“. Видно, неравнодушен был Михаил Николаевич к этому имени, хотел, чтобы у дочек судьба была светлая, а у обеих впереди были лагеря… В 37-м Светлане Тухачевской было тринадцать, а Светлане Кузьминой — одиннадцать лет…

Поездка в Лондон не состоялась, а сожительство с Кузьминой стало предлогом для смещения Тухачевского с высокого поста, за которым последовали арест и гибель. Но мы немного забежали вперед…

Вернемся к первым, более счастливым годам брака. О них и о Н. Е. Гриневич-Тухачевской вспоминала Л. В. Гусева, жена командира Красной Армии, служившего вместе с Тухачевским в

Смоленске: „Мы оказались соседями с Тухачевскими по дому. Так я познакомилась, а затем на всю жизнь подружилась с женой Михаила Николаевича, умной, тактичной, располагавшей к себе молодой женщиной, Ниной Евгеньевной.

Она ввела меня в свой тесный, хотя и очень обширный семейный круг… Особую привлекательность приобрел дом Тухачевских с переводом Михаила Николаевича в Москву (в 20-е годы вся семья Тухачевских, включая мать, братьев и сестер, жила в большой квартире на Никольской улице. — Б. С.). Какие там встречались люди! Как часто звучала чудесная музыка!.. Михаил Николаевич и Нина Евгеньевна умели создать обстановку непринужденности. У них каждый чувствовал себя легко, свободно, мог откровенно высказать свои мысли, не боясь, что его прервут или обидят“. Вряд ли все те, кто бывал у Тухачевских, знали, какой ценой давались Нине, светлой и доброй женщине (никто из мемуаристов ни в СССР, ни на Западе не сказал о ней ни единого дурного слова!), эти легкость и радушие. Видно, очень уж любила она Михаила или стремилась сохранить брак ради дочери…

Тухачевский до конца жизни поддерживал тесные связи со своей родней, поселил в своей московской квартире мать, братьев и сестер. Этим он заметно отличался в лучшую сторону от многих других военачальников Красной Армии. Например, маршал А. М. Василевский, будучи сыном священника, в 1926 году, когда ему надо было поступать на высшие командные курсы „Выстрел“, без колебаний порвал связь с родителями. И не постеснялся уже в 70-е годы подробно описать эту историю в мемуарах с вдохновенным названием „Дело всей жизни“. Однажды в 40-м году на банкете Сталин предложил тост за здоровье Василевского и спросил, почему тот после семинарии „не пошел в попы“. Смущенный комбриг ответил, что ни он сам, ни отец не имели такого желания. Сталин усмехнулся: „Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор“. И тут же спросил вполне серьезно: „Скажите, пожалуйста, почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу?.. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать“. Обескураженный Василевский признался: „С 1926 года я порвал всякую связь с родителями. И если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и тем более в системе Генерального штаба…“

Сталин и другие члены Политбюро изобразили на лицах удивление. Иосиф Виссарионович приказал Василевскому немедленно восстановить связь с отцом и оказывать тому материальную помощь. Через несколько лет Сталин „посоветовал“ взять больного отца в Москву, что Василевский и исполнил.

Да, в человеке, который ради карьеры готов был отречься от родителей и которому для того, чтобы помочь престарелому отцу, требовалась санкция вождя, Сталин мог быть вполне уверен. Потому и приблизил Василевского к себе и вплоть до своей смерти сохранял Александра Михайловича на должности военного министра. По-настоящему самостоятельных, нестандартных решений такие генералы и маршалы (а их в Красной Армии было большинство) принимать не могли, а победы покупали только ценой больших жертв.

Тухачевский-то был не такой, от семьи и дворянства не отрекался (и семья позднее от него не отреклась). Конечно, здесь Михаилу Николаевичу играло на руку как крестьянское происхождение матери, так и вступление в партию двадцатью годами ранее Василевского. Но думается, что семейные узы значили для Тухачевского не меньше, чем маршальский жезл, и вряд ли бы он отрекся от матери или от собственной духовной самостоятельности ради карьеры. Представить, что в разговоре со Сталиным на месте Василевского оказался бы Тухачевский, просто невозможно. И Сталин это чувствовал. Стремящийся к независимости от диктатора в решении чисто военных или личных проблем полководец был, по большому счету, обречен.

В Ленинграде Тухачевский не успокоился и продолжал строить широкомасштабные планы преобразований. 11 января 1930 года он представил наркому Ворошилову доклад о реорганизации Красной Армии, где доказывал: „Успехи нашего социалистического строительства… ставят перед нами во весь рост задачу реконструкции Вооруженных Сил на основе учета всех новейших факторов техники и возможности массового военно-технического производства, а также сдвигов, происшедших в деревне (так деликатно именовал Михаил Николаевич насильственную коллективизацию крестьянства, повлекшую массовый голод. — Б. С.)… Реконструированная армия вызовет и новые формы оперативного искусства“. Тухачевский предлагал увеличить численность армии, а также количество артиллерии, авиации и танков. Это должно было гарантировать победу СССР в будущей мировой войне. Ворошилов передал письмо Сталину 5 марта 1930 года со следующим комментарием: „Направляю для ознакомления копию

письма Тухачевского (именно так, даже без сакраментального „товарищ“, обязательного в официальных документах при упоминании членов партии; одно это достаточно говорит об отношении наркома к Тухачевскому. — Б. С.) и справку штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным и… „радикальным“. Плохо, что в Красной Армии есть порода людей, которая этот „радикализм“ принимает за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать мне свое мнение“. Сталин с Ворошиловым согласился и 23 марта написал ему: „Я думаю, что „план“ т. Тухачевского является результатом модного увлечения „левой“ фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем „игрой в цифири“, а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой. „Осуществить“ такой „план“ — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции… Твой И. Сталин“. Вождь всё же не подозревал командующего Ленинградским округом в контрреволюции и по-прежнему именовал его „товарищем“. Это слово в СССР дорогого стоило: „враг народа“, будто в насмешку над гражданским обществом, сразу же превращался в „гражданина“.

Итак, Сталин счел предложения Тухачевского о том, чтобы самолеты и танки в Красной Армии исчислялись в скором времени десятками тысяч, „фантастикой“ и лицемерно посетовал, что в результате социализм были бы заменен милитаризмом (будто не знал, что первый и все последующие пятилетние планы и были направлены на небывалую в истории милитаризацию страны).

Получив столь благоприятный ответ Сталина, Ворошилов заготовил проект письма Тухачевскому, издевательского по тону и скудного по содержанию, поскольку ничего своего к сталинскому мнению осторожный Климент Ефремович не рискнул добавить: „Посылаю Вам его (т. е. Сталина) оценку Вашего „плана“. Она не очень лестна… но, по моему глубокому убеждению, совершенно правильна и Вами заслужена. Я полностью присоединяюсь к мнению т. Сталина, что принятие и выполнение Вашей программы было бы хуже всякой контрреволюции, потому что оно неминуемо повело бы к полной ликвидации социалистического строительства и к замене его какой-то своеобразной и, во всяком случае, враждебной пролетариату системой „красного милитаризма““. Письмо Ворошилов, однако, предпочел не отправлять лично адресату, а огласил на расширенном заседании Реввоенсовета. Это возмутило Тухачевского. 30 декабря 1931 года он обратился с

посланием к Сталину: „Формулировка Вашего письма, оглашенного тов. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР, совершенно исключает для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности; например, я исключен как руководитель по стратегии из Военной академии РККА, где вел этот предмет в течение шести лет. И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне ложным. Между тем я столь же решительно, как и раньше, утверждаю, что Штаб РККА беспринципно исказил предложения моей записки…“

Начальником Штаба РККА в то время являлся Б. М. Шапошников, взаимная неприязнь которого с Тухачевским была ничуть не меньше, чем у Михаила Николаевича с Климентом Ефремовичем. Полковник-генштабист еще царской армии, он, по мысли Тухачевского, относился к категории тех военспецов в Красной Армии, кто не понимал новой маневренности, принесенной гражданской войной, и вообще отстал в деле понимания особенностей современной войны. В 1924 году Шапошников, который в период польской кампании был начальником оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики, выпустил книгу „На Висле“, где всю ответственность за „варшавскую конфузию“ возложил исключительно на Тухачевского. Лидия Норд передает крайне нелицеприятный отзыв Михаила Николаевича о Борисе Михайловиче. Тухачевский, отвечая на распространенные обвинения, что он изменил царской присяге и служит в Красной Армии исключительно из карьеристских побуждений, сказал примерно следующее: „Мне, по существу, наплевать на все эти разговоры, но просто интересно, почему только Тухачевский является притчей во языцех?.. А я вот знаю, что никто не упрекнет генералов Потапова, Брусилова, Клюева (в действительности — подполковника. — Б. С.), Свечина, Зайончковского, Михайлова, а также полковников и подполковников Егорова, Петина, Шварца, Шуваева, Корка, Лазоревича, Соллогуба, Шапошникова и всех остальных, вступивших в Красную Армию. Почему? Разве они, будучи генералами и штаб-офицерами царской армии, не сделали того же, что сделал я, будучи только в чине поручика?.. И мне говорят, что я честолюбив. Честолюбивы все. Да еще многие и корыстны вдобавок. Возьмем уважаемого Бориса Михайловича Шапошникова, с его „светлой головой и кристальной душой“. Каким образом он сумел, будучи полковником генштаба и перейдя на службу к красным, соблюсти невинность? Не знаешь? А я-то знаю. И потому не уважаю его. Так вот эта „кристальная душа“, встречаясь после своего перехода к большевикам со

своими старыми сослуживцами и некоторыми генералами из чужого лагеря, давала им понять, что она-де „вовсе не сочувствует красной сволочи“, а ведет подготовку внутреннего переворота. А те доверительно сообщали это другим и говорили: „Идите к Шапошникову — это один из порядочнейших офицеров“. Потом он из этого положения выкрутился лисой — „видите, власть теперь так окрепла, что мы уж ничего поделать не можем, приходится вопреки своим убеждениям служить ей“. А у него никаких „убеждений“ не было и нет. Служить он может кому угодно, лишь бы у него было положение и та же любимая работа. Работник он отличный, знания и военный талант у него есть. Но в главнокомандующие он не годится — он кабинетный Бонапарт“. Тухачевский же, очевидно, считал себя идейным сторонником коммунистов, или, по крайней мере, очень старался убедить самого себя в этом.

Действительно ли „кабинетный Бонапарт“ сумел настроить Ворошилова и Сталина против предложений Тухачевского, или сам Сталин вел с Михаилом Николаевичем какую-то сложную игру, но положение внезапно изменилось. В апреле 1931 года Шапошников был перемещен из начальников Штаба РККА в командующие второстепенным Приволжским военным округом, а в июне того же года Тухачевского назначили начальником вооружений Красной Армии. А вскоре он стал заместителем председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам.

Но выпады против Михаила Николаевича не прекращались. В сентябре 31-го Академия им. Фрунзе выпустила учебное пособие, посвященное советско-польской войне. Там действия Тухачевского на посту командующего Западным фронтом прямо назывались авантюристическими, что по существу было верно. Однако в адрес действующего заместителя наркома обороны подобный выпад мог быть сделан только с одобрения Ворошилова. Тухачевский понял, что над ним вновь сгущаются тучи. И в январе 32-го направил новое письмо Сталину, где просил прекратить развернутую наркомом кампанию по его, Тухачевского, дискредитации. И вскоре получил первый благоприятный сигнал сверху.

Еще в конце 1931 года Тухачевский направил Ворошилову письмо, где предлагал ввести танковые подразделения в состав стрелковых и кавалерийских дивизий. Это предложение было принято. А в мае 1932 года Сталин наконец прислал Тухачевскому письмо, в котором признал, что слишком резко и несправедливо отнесся к первоначальной записке Тухачевского и теперь готов признать его правоту и извиниться, хоть и с

запозданием, за допущенную в отношении Тухачевского ошибку. Иосиф Виссарионович, хотя и с оговорками, покаялся: „В своем письме на имя т. Ворошилова, как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался о Вашей „записке“ резко отрицательно, признав ее плодом „канцелярского максимализма“, результатом „игры в цифры“ и т. п. Так было дело два года назад. Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не во всем правильными… Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова не было бы столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня. Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием. С коммунистическим приветом. И. Сталин“. При желании в этих словах можно усмотреть намек на то, что его, Сталина, ввели в заблуждение насчет предложений Тухачевского Ворошилов с Шапошниковым, и что тогда, два года назад, правота Михаила Николаевича была не столь очевидна, как теперь, когда обозначились первые успехи ускоренной индустриализации. Главное же, Сталин очень хотел использовать военный талант и организаторские способности Тухачевского для подготовки Красной Армии к будущей войне и хотел, чтобы новый заместитель наркома обороны трудился не за страх, а за совесть. Потому-то и принес письменные извинения, признал, пусть частично, свою неправоту. Тухачевский, конечно, не знал, что подобных унижений Иосиф Виссарионович не прощает никому и в долгосрочной перспективе судьба тех, кто удостоился извинений со стороны генсека, предрешена. Сталину невыносимо было сознавать, что кто-то оказался умнее и дальновиднее его в тех сферах, которые генсек считал своими главными коньками: политика, экономика, военное дело. Об этом говорил в 1936 году в Париже меньшевику Ф. И. Дану бывший сталинский друг Бухарин, уже предчувствовавший близкую гибель: „Сталин даже несчастен оттого, что не может уверить всех, и даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая в нем черта, может быть, единственная человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое „несчастье“ он не может не мстить людям, всем людям, а особенно тем, кто чем-то выше, лучше его… Если кто лучше его говорит, он — обречен, он уже не оставит его в живых, ибо — этот человек вечное ему

напоминание, что он не первый, не самый лучший; если кто-то лучше пишет — плохо его дело…

Это маленький, злобный человек, не человек, а дьявол". Тухачевский лучше Сталина знал военное дело и умел водить войска.

Когда в первом варианте юбилейной статьи 1929 года „Сталин и Красная Армия" Ворошилов позволил себе общую фразу, что в гражданскую войну у всех советских руководителей „имелись успехи и недочеты", но „у И. В. Сталина ошибок было меньше, чем у других", герой статьи оставил на полях возмущенную реплику: „Клим! Ошибок не было, надо выбросить этот абзац". А тут еще Тухачевский и в книге „Поход за Вислу", и в частных разговорах позволяет себе намекать, что неуспех под Варшавой был следствием отказа Реввоенсовета Юго-Западного фронта вовремя перебросить Конармию на помощь Западному фронту. До поры до времени это терпеть можно, пока в молодом полководце есть нужда, но безоглядным сторонником его, Сталина, Тухачевский не станет никогда. Значит, наступит срок мавру уйти, когда сделает свое дело — запустит программу развертывания армии, годной к современной войне. А закончат поход на Запад другие…

Лидия Норд так описала примирение Сталина и Тухачевского: „Перед тем, как Тухачевский был назначен заместителем народного комиссара обороны СССР, Сталин имел с ним разговор с глазу на глаз. Тогда состоялось их „примирение". Сталин убедил Михаила Николаевича, что задержка переброски на польский фронт армии Буденного (имеется в виду переброска Конармии из-под Львова под Варшаву. — Б. С.) была „неумышленной ошибкой". Он также покаялся, что первое время мало доверял Тухачевскому, а затем стал превозносить его „заслуги перед революцией и стратегический талант военачальника", — залил его потоком льстивых фраз. На Тухачевского, как на всякого честолюбивого человека, лесть Сталина подействовала. Он готов был окончательно поверить в его искренность…"

Свояченица Тухачевского в своих воспоминаниях приводит и более ранний разговор Тухачевского со Сталиным, которому она была свидетельницей в середине 20-х годов. Дело происходило на квартире у В. В. Куйбышева. За столом, где собрались в основном военные, включая Фрунзе и Тухачевского, шел самый общий светский разговор, когда в прихожей раздался звонок и появился Сталин, „коренастый человек восточного вида", сопровождаемый секретарем А. Н. Поскребышевым. Как отмечает Лидия Норд, „их появление не вызвало замешательства, но никто не проявил и

радости. „Да мы, собственно, по делу, — поздоровавшись с хозяином, заговорил первый из вошедших и быстро обежал глазами присутствующих, — но мы не знали, что у тебя гости…““.

Мемуаристка продолжает: „Прежде чем сесть за стол, он обошел всех. „Сталин“, — сказал он и задержал на несколько секунд мою руку в своей широкой и жесткой руке… Общий веселый разговор как-то сразу оборвался. Сталин отказался от водки, поднимая наполненную вином рюмку, оглядел опять присутствующих, потом вдруг встал. „Я пью за память нашего вождя и друга Владимира Ильича…“ — как-то напыщенно произнес он… Выпив, он снова оглядел всех и сел. Мне кажется, что каждый ощутил какое-то неприятное чувство после этого тоста… Наступила длинная пауза, потом старший Куйбышев обратился к С. С. Каменеву с вопросом о какой-то специальной военной школе. Большинство как-то слишком охотно поддержало разговор на эту тему… Сам Сталин внимательно прислушивался к разговору и поворачивал голову то в сторону одного, то другого говорившего… Вдруг зашел разговор о немцах… Его начал кто-то из политработников в связи с выступлением или приездом в Москву какого-то видного немецкого коммуниста. Сталин сразу вмешался в разговор. Он заговорил о том, что немцы являются наиболее надежными союзниками. Они сумели сбросить Вильгельма. Коммунистическое движение в Германии ширится. Укрепление дружественных отношений между РСФСР и Германией открывает большие перспективы в будущем и разрушит все планы Антанты, направленные против Советской власти… Он еще не окончил, когда его перебил, и довольно невежливо, Тухачевский. Михаил Николаевич начал говорить спокойно, но в тоне его было что-то, от чего Сталин вдруг густо покраснел…

Начав с того, что надо хорошо знать страну, о которой говоришь, Тухачевский обрушился со всей силой своего красноречия на немцев. Он приводил примеры из истории, рассказывал, как относились немцы к пленным. „Не забудьте того, — закончил он, — что немцы чувствуют себя по отношению к нам победителями, хотя фактически победа была бы на русской стороне. Германии не хватает земли, и, накопив силы, она когда-нибудь еще раз попытается отнять у нас самые плодородные земли. Поэтому я считаю и буду считать, что то, что мы допускаем сейчас их к себе слишком свободно, — огромная ошибка. Из числа тех, кто теперь у нас учится, выйдут самые опасные для нас враги““.

Лидия Норд справедливо усмотрела тут намек на тайное советско-германское военное сотрудничество, начавшееся после

подписания договора в Рапалло в 1922 году. Мы еще вернемся к этой теме и увидим, что Тухачевский действительно играл в этом сотрудничестве видную роль и в то же время считался встречавшимися с ним немецкими офицерами и генералами убежденным противником Германии. Пока же отмечу, что в этом месте своих мемуаров Лидия Норд проявляет хорошую осведомленность о деталях военных связей СССР и Германии, называя действительно существовавшие танковую школу для немецких офицеров в Казани и авиационную — в Липецке. В этой осведомленности нет ничего удивительного. Ведь Б. М. Фельдман сам играл в этой сфере немаловажную роль и неоднократно ездил в Германию, в частности в 1927 году, когда присутствовал на учебных занятиях и маневрах рейхсвера. А первые поездки красных командиров в Германию состоялись в 1921 году. И среди них был творец теории глубинной наступательной операции, друг Тухачевского В. К. Триандафилов. Правда, до сих пор неизвестно, ездили ли они тогда учиться у немецких военных или, наоборот, учить немцев, как делать революцию в Германии.

Вернемся к прерванному разговору Тухачевского и Сталина. „Я не понимаю, почему это опасно для нас, — возразил на последние слова Тухачевского Сталин, — наши командиры ведь тоже ездят в Германию“. Тухачевский махнул рукой: „Вы штатский человек и поэтому понять вам трудно“. У Сталина забегали на щеках желваки. Воцарилась некоторая неловкость. „Я считаю, что Михаил Николаевич во многом прав, — сказал старший Куйбышев, — немцам палец в рот класть нельзя. И надо нам будет обо всем этом крепко подумать… Ну, а сейчас выпьем за нашу доблестную Красную Армию, которая, в случае чего, даст отпор всем врагам“.

Так удалось замять крайне неприятный разговор. Он доказывает, что в 20-е годы Сталин еще не воспринимался ни в армии, ни в партии в качестве „живого бога“. С ним спорили, ему возражали, иногда больно задевая сталинское самолюбие. То, что Тухачевский действительно в ту пору опасался слишком тесной дружбы с Германией, подтверждается не только мемуарами Лидии Норд, но и его собственной неопубликованной работой „Будущая война“. Она относится к 1928 году, когда в советско-германских отношениях, казалось, всецело господствовал „дух Рапалло“. Тухачевский же предупреждал: „Германия явится важным (если не важнейшим) звеном в цепи предполагаемого антисоветского блока… Без ее участия империалистическая интервенция в СССР немыслима. Поэтому правильно будет сигнализировать непосредственную угрозу войны именно в тот момент, когда к антисоветскому блоку примкнет Германия“.

Тогда, у Куйбышева, Сталин сделал вид, что ничего не произошло, но в душе наверняка затаил злобу на Тухачевского. Особенно должно было задеть замечание насчет „штатского“. Ведь Иосиф Виссарионович считал себя одним из отцов Красной Армии, со временем присвоив себе все заслуги Троцкого в военном строительстве. И всегда уделял вооруженным силам повышенное внимание. А тут о его способностях понимать военное дело отозвались весьма пренебрежительно. Вряд ли мог он такое забыть и простить. Но в 1932 году вдруг сделал вид, что забыл и простил. Почему?

И вообще — отчего Сталин первоначально отверг предложения Тухачевского, хотя они целиком лежали в русле его, генсека, планов по созданию мощной Красной Армии для экспорта „пролетарской революции“ в Западную Европу и Восточную Азию? Иначе для чего Иосифу Виссарионовичу ускоренными темпами на костях крестьянства создавать тракторостроительную (она же — танкостроительная) и авиационную промышленность, благодаря которой к началу второй мировой войны Красная Армия имела танков и боевых самолетов больше, чем все другие армии мира, вместе взятые? Неужели Сталин не понимал, что Тухачевский — его соратник? Подозреваю, что все превосходно понимал. Просто Сталину захотелось поиграть в „доброго царя“ и „лихих бояр“ — Ворошилова и Шапошникова. Тем более что необходимые мощности военной промышленности еще не были созданы и с реализацией предложений Тухачевского можно было годик повременить.

На посту начальника вооружений и заместителя наркома Тухачевский начал практическую деятельность по реорганизации и перевооружению Красной Армии. Основные принципы программы реформ были изложены им в рукописи „Новые вопросы войны“, начатой еще в Ленинграде весной 31-го. Зарисовку того, как Тухачевский создавал первые главы этой работы, сделала в своих мемуарах Лидия Норд. Замечу, что поведение Михаила Николаевича в изображении его свояченицы — это почти что поведение Ленина из известного анекдота: „Жене скажу, что пошел к любовнице, любовнице — что жена не отпускает, а сам в библиотеку — и писать, писать, писать…“. Вот что рассказала нам мемуаристка: „Помню, в этот день был какой-то праздник и мой муж был свободным. Я подговорила его поехать навестить наших друзей. Но около одиннадцати часов дня зазвонил телефон, и муж… объявил, что через двадцать минут ему будет подан автомобиль и он срочно выезжает в однодневную командировку. Не успело пройти и десяти минут с момента его отъезда, как раздался звонок, и я услышала в прихожей голос Михаила Николаевича. Когда он вошел в столовую, держа в руках туго набитый портфель, то по его лицу я догадалась, что он намерен устроить мне какую-то „пакость“, и я приготовилась к „бою“. На мое сообщение, что муж уехал в командировку и я тоже собираюсь в гости, он мне ничего не ответил, как будто это не относилось к нему, и, подойдя к двери кухни, вызвал прислугу.

„Если кто-нибудь придет или будет звонить по телефону, то вы, Ксения, скажите, что никого нет дома, — приказал он. — Нет,

я вовсе не сошел с ума, — и, повернувшись снова к Ксении, добавил: — Помогите мне, пожалуйста, убрать все со стола. Скатерть тоже. И вот этот столик надо также освободить. Послушай, — обратился он ко мне, — довольно шипеть. Ты мне обещала, что докажешь свою дружбу. Вот за доказательством ее я сегодня и явился. А Николаю (этим вымышленным именем Лидия Норд называет своего мужа. — Б. С.) я устроил командировку. Ничего плохого для него в этом нет — он проездится и увидит больше интересного и полезного, чем там, куда ты его тащила…“

Говоря это, Тухачевский уже раскладывал на столе вытащенные из портфеля книги, рукописи и карты. Одну из них, самую большую, он прикрепил кнопками к стене. Я сидела озадаченная, не понимая, чего он хочет. „И еще, — продолжал он, — ты должна мне дать слово, что никому об этом не скажешь. И Николаю тоже… Ну, ему можешь рассказать когда-нибудь… через полгода… Ксюша, вы тоже должны молчать… А теперь… приготовьте, пожалуйста, чаю. И покрепче… А ты садись вот тут, — указал он мне на диван, — и только следи и сверяй вот по этому и этому, правильно ли у меня тут. Я так заработался, что уже сам не могу разобраться…“

В этот день я прокляла военную историю. Но „бой на Марне“ и „Людендорф“ („Новые вопросы войны“ анализируют прежде всего опыт первой мировой войны. — Б. С.) остались у меня в памяти до сих пор. И тогда я увидела Михаила Николаевича таким, каким он, вероятно, был в своем штабе. Он мне не давал добавить ни одного лишнего слова, требуя точности и лаконичности… Прошел час… Полтора… Два… А моя мука все еще длилась… Когда я робко заикнулась, что устала, — он пропускал это мимо ушей. В конце концов я совершенно отупела…“

Да, только очень обаятельный человек, магически действующий на женщин, может заставить жену друга вместо того, чтобы пойти в гости, целый день сидеть над чужими бумагами… И не только обаятельный, но и свято убежденный, что все на свете должны помогать ему в его большом и важном деле. Такая убежденность обычно дана людям очень талантливым, гениальным или просто до крайности самоуверенным.

Уже после того, как кончила править рукопись, Лидия Норд опомнилась и отомстила Михаилу Николаевичу довольно своеобразно. Она поиздевалась над удивительно ровным и мелким, словно дамским, почерком Тухачевского, а на его ядовитый ответ, что не всем дана способность царапать как курица лапой, заметила, что „у всех гениальных людей были отвратительные почерки, а ровный и мелкий почерк признак

себялюбия и неспособности к размаху“. Такого оскорбления Тухачевский перенести не мог и ушел, хлопнув дверью (его, пусть в шутку, заподозрили в приземленности и отсутствии гениальности — а ведь он жил верой в свое высокое предназначение!). Но вскоре, конечно же, Михаил Николаевич и Лидия Норд помирились.

В предисловии к „Новым вопросам войны“ Тухачевский писал: „Настоящая книга является первой частью намеченной работы и рассматривает вооруженные силы и их использование“. Во второй и третьей частях, так и не написанных, Тухачевский предполагал проанализировать военный потенциал СССР и возможных „империалистических коалиций“ и вероятный ход борьбы против этих коалиций. Он признавался: „То короткое время, которое остается у практически занятого человека для работы над теоретическими вопросами, с большой натяжкой позволяет подолгу останавливаться над отдельными местами. Жизнь уходит вперед, и начало книги отстает от конца… Весьма возможно, многим покажется, что я в этой книге забегаю слишком вперед. Но, тем не менее, это будет своего рода обманом зрения. Человек не легко отделывается от привычных представлений, но теоретическая работа, базируясь на техническом развитии и социалистическом строительстве, упорно выдвигает новые формы, и я совершенно не сомневаюсь в том, что года через два эта книжка во многом устареет, а то, что сейчас кажется странным, будет привычным, обыденным“.

Что же удалось предвидеть Тухачевскому? В чем его прогноз оказался точен? Прежде всего в том, что решающую роль в будущей войне он придавал танкам и авиации. В такой общей форме, пожалуй, с ним оказалось бы солидарно подавляющее большинство военных теоретиков, работавших в 30-е годы. Однако, что очень важно, Тухачевскому удалось правильно предсказать многие конкретные особенности применения этих новых грозных видов вооружений. Например, в „Новых вопросах войны“ совершенно справедливо подчеркивалась необходимость стремиться „к простоте производства самолета“ — тенденции, особенно сильно проявившейся во вторую мировую войну и, быть может, наиболее ярко в СССР, где в авиационную промышленность очень широко пришлось привлекать неквалифицированных рабочих из женщин и подростков. Тухачевский, вслед за известным британским военным теоретиком Б. Лиддел Гартом, утверждал, что „основная масса танков будет строиться на автомобильно-тракторной базе страны“, и поэтому „в будущей войне действующие танки будут измеряться не тысячами, как это было в 1918 году, а десятками

тысяч“. Отмечу, что Красная Армия к 22 июня 1941 года располагала более чем 23 тысячами танков.

В феврале 1934 года Тухачевский совместно с командующим Белорусским военным округом Уборевичем написали письмо Ворошилову, где доказывали, что военно-воздушные силы будут играть решающую роль в будущей войне: „Современная авиация может на длительный срок сорвать железнодорожные перевозки, уничтожить склады боеприпасов, сорвать мобилизацию и сосредоточение войск… Та сторона, которая не будет готова к разгрому авиационных баз противника, к дезорганизации систематическими воздушными нападениями его железнодорожного транспорта, к нарушению его мобилизации и сосредоточения многочисленными авиадесантами, к уничтожению его складов горючего и боеприпасов, к разгрому неприятельских гарнизонов и эшелонов быстрыми действиями мехсоединений, поддержанных кавалерией и пехотой на машинах, — сама рискует подвергнуться поражению“. Исходя из этого, авторы письма предлагали, учитывая возможности советской авиапромышленности, иметь в Красной Армии к 1935 году до 15 тысяч боевых самолетов. Но вскоре и эта, казавшаяся тогда фантастической, цифра была перекрыта. Только в период с 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила 17745 боевых самолетов, из которых 3719 были новых типов, не уступающих по основным параметрам лучшим машинам люфтваффе. Вот только летать на этих самолетах не очень-то умели. Накануне Великой Отечественной войны, за первые три месяца 41-го года, летчики Прибалтийского военного округа успели налетать в среднем 15, 5 часов, Западного — 9, а Киевского — вообще 4 часа. На самолетах новых конструкций многие пилоты так и не успели подняться в воздух. Неудивительно, что, имея на Восточном фронте к началу войны всего 1860 боевых самолетов, немцы менее чем за месяц без большого труда уничтожили почти всю авиацию советских приграничных округов. Замыслы Тухачевского относительно количественного роста авиации и повышения качества боевых самолетов были воплощены в жизнь с большим избытком, но толку от этого оказалось чуть, ибо весь эффект от десятков тысяч „стальных птиц“ (точнее, алюминиевых и деревянных) был сведен на нет отсутствием подготовленных экипажей. Вернее всего, в избытке и было дело, когда численность самолетного парка наращивалась без учета наличия пилотов. Тухачевский тут, конечно, виноват не был, он как раз обращал внимание на необходимость иметь подготовленные кадры летчиков, танкистов, представителей других военных специальностей. Михаил

Николаевич даже обращал внимание на то, что „качественный уровень кадров в капиталистических странах, имеющих большую культурную давность, будет выше нашего уровня, и упрощенное сравнение одними цифрами не вполне достаточно“. Однако это предупреждение забылось, да и сам Тухачевский не склонен был ставить данное обстоятельство во главу угла при разработке планов будущей войны, поскольку верил, что Красной Армии придется наступать, а не обороняться.

Одной из главных задач Тухачевский считал „создание глубокого боя, т. е. одновременного поражения боевого порядка противника, на всей его глубине“ и в связи с этим требовал от танков, с одной стороны, проталкивания или сопровождения пехоты, а с другой стороны, своевременного проникновения в тыл противника, как для дезорганизации последнего, так и для того, чтобы отрезать главные его силы от имеющихся у него резервов. Этот глубокий танковый прорыв должен создать в тылу у противника преграду, к которой должны быть приперты и уничтожены главные его силы. Одновременно этот прорыв должен уничтожить артиллерию противника, нарушить связь и захватить его штабы. Именно так действовали танковые армии и корпуса в 1939–1945 годах. Только успешнее всего действовали подобным образом танкисты вермахта, тогда как советские механизированные корпуса с плохо обученными бойцами и командирами и с очень малым числом радиостанций оказались громоздкими, плохо управляемыми чудовищами и были практически полностью уничтожены в первые же недели Великой Отечественной войны. Тухачевский правильно подчеркивал: „Управлять глубоким боем и глубоким сражением или операцией очень трудно, и вопрос не только в сложности связи: радио, авиация и автомобиль могли бы дать выход из затруднений. Но управлению практически сложно увязать столь разнородные действия, как бой авиа-мото-десантов (высаженных с воздуха при помощи парашюта или посадочным способом частей с бронетехникой. — Б. С.), танковых прорывов, авиабомбардировок, артиллерии дальнего и ближнего боя, пехоты и т. д. Только широкая практическая тренировка может позволить усовершенствовать аппарат управления и подготовить его к новым задачам“. И отмечал, что „управление должно найти… необходимое соразмерение намечаемых задач с имеющимися силами и средствами“.

После казни маршала обо всем этом забыли, гнались только за количеством танков и самолетов, забыв о необходимости обеспечить танковые войска и авиацию хорошо обученными кадрами бойцов и командиров и достаточными средствами

управления. В этом — одна из причин катастрофы 41-го года.

Справедливости ради отмечу, что и по поводу танков Тухачевский во многом ошибался. Так, он думал, что пулеметные танки, лишенные пушечного вооружения, будут иметь не меньшее значение, чем собственно артиллерийские танки, и позволят избежать излишнего расходования артиллерийских снарядов. Практика второй мировой войны, когда почти все танки были артиллерийскими, это не подтвердила. Также ошибочен оказался вывод Тухачевского о преимуществах колесно-гусеничного танка над чисто гусеничным. Данный вывод он основывал на том, что первые, в отличие от вторых, способны „быстро передвигаться на большие расстояния“ и не требуют подвоза к полю боя по железной дороге или на специальных грузовиках-тягачах. Однако опыт второй мировой войны оставил пальму первенства за гусеничными танками, способными более свободно перемещаться на поле боя (которое отнюдь не всегда — шоссе) и выдвигаться к месту сражения по проселкам и бездорожью. Вместе с тем, к минимуму были сведены перемещения танков своим ходом вне поля боя, так как это быстро истощало ресурс мотора и танк требовал капитального ремонта. Зато Тухачевский оказался прав, предсказав развитие радиоуправляемых танков и других средств борьбы, используемых для подрыва неприятельских укреплений и проволочных заграждений. Таков был, в частности, немецкий мини-танк „Голиаф“, появившийся в 1940 году.

Тухачевский был первым в Красной Армии, кто стал ратовать за масштабные воздушные десанты, имеющие оперативное и даже стратегическое значение. В „Новых вопросах войны“ он писал: „Десанты высаживаются как при помощи парашютов, так и путем посадок на наиболее подходящих площадках. Высаживая моторизованные десанты (для этого Тухачевский требовал, чтобы габариты танков подходили под габариты фюзеляжей тяжелых бомбардировщиков, которые предполагалось использовать как транспортные средства. — Б. С.) и продолжая поддерживать с ними боевую связь, большегрузная авиация создает авиамотомеханизированные соединения нового типа (подобные соединения действительно появились в ходе второй мировой войны. — Б. С.)… Если… страна подготовится к широкому производству авиамотодесантов, способных захватить и прекратить деятельность железных дорог противника на решающих направлениях, парализовать развертывание и мобилизацию его войск и т. д., то такая страна сможет перевернуть прежние методы оперативных действий и придать исходу войны гораздо более решительный характер“. И совершенно верно заключил: „Самой сильной в будущей войне

будет та страна, которая будет иметь наиболее мощную гражданскую авиацию и авиационную промышленность (что позволит, соответственно, создать и самую сильную боевую авиацию. — Б. С.)“.

Последний вывод, в свете второй мировой войны и позднейших вооруженных конфликтов, сомнений, понятно, не вызывает. А вот с воздушными десантами дело обстоит сложнее. Михаил Николаевич сделал все возможное, чтобы воплотить свою идею в жизнь. Так, в сентябре 1934 года в заметках о маневрах Ленинградского военного округа он с удовлетворением констатировал: „Использование авиадесантов было особенно продумано. Размеры десантов (в несколько сот человек. — Б. С.) наибольшие в РККА“. Но смотрел вперед: „Надо приучать себя уже к многотысячным десантам“. И скоро мечты сбылись. На маневрах Киевского и Белорусского военных округов в 1936 году в небе появились уже тысячи парашютистов. Однако в том же Тухачевский отметил и недостатки массовых десантов, в частности, что „парашютисты прыгают без оружия“ и что „высадку авиадесантов следовало бы обеспечить истребителями“. Главное же оказалось не в этом. Парашютисты скоро научились десантироваться с оружием. И мысль о том, что высаживающие десант транспортные самолеты надо прикрывать истребителями, тоже ни у кого возражений не вызывала. Беда, как выяснилось уже в ходе второй мировой войны, заключалась в другом. Для успеха десантных операций недостаточно было иметь десятки и сотни тысяч парашютистов (в СССР их массовую подготовку обеспечил Осоавиахим, возглавлявшийся близким к Тухачевскому Р. П. Эйдеманом). Требовалась еще развитая транспортная авиация. А в СССР строили почти исключительно истребители и легкие и средние бомбардировщики. Транспортных машин и могущих выполнять их функции тяжелых бомбардировщиков вплоть до начала Великой Отечественной войны было очень мало. Кроме того, требовалось практически абсолютное господство в воздухе в районе высадки, предварительное очень основательное подавление здесь сил и средств противника артиллерией и авиацией и высочайшее искусство пилотов и самих парашютистов, чтобы десант был высажен максимально кучно и в первые минуты на земле десантники смогли бы сорганизоваться в подразделения и немедленно вступить в бой. В эти первые минуты и даже часы парашютисты оказывались наиболее уязвимы и несли большие потери. Несоблюдение хотя бы одного из перечисленных условий почти всегда обрекало парашютный десант на неудачу. Для посадочного же десанта требовался предварительный захват аэродрома или хотя бы подходящей для

самолетов площадки, что должен был сделать все тот же первый парашютный десант. Благоприятные условия для высадки создавались очень редко не только в Красной Армии, но и в армиях других стран. В результате во второй мировой войне была лишь одна значительная воздушно-десантная операция, увенчавшаяся успехом, — высадка немцев на Крит в мае 1941 года. Но большие потери в ходе ее заставили немцев отказаться от проведения новых воздушных десантов такого масштаба. На практике десанты редко высаживались за пределами радиуса действий собственной артиллерии. Только на заключительном этапе советско-японской войны во второй половине августа 1945 года, когда после капитуляции японская армия уже почти не оказывала сопротивления, советские воздушные десанты смогли захватить ряд важных городов Северо-Восточного Китая и Северной Кореи и удержать их до подхода главных сил. В основном же сформированные накануне Великой Отечественной войны советские воздушно-десантные корпуса использовались как обычная пехота.

Конечно, Тухачевский рассчитывал, что в первых приграничных сражениях Красная Армия разобьет неприятеля и создаст подходящую обстановку для действий десантников. Но все-таки он переоценивал возможности воздушно-десантных войск оказывать решающее влияние на исход наступательных операций.

В „Новых вопросах войны“ Тухачевский оптимистично провозглашал: „Если французская революция создала предпосылки для появления массовых армий в сотни тысяч бойцов, то социалистическая реконструкция нашей страны, революция, проводимая в технике и производстве, создает предпосылки для столь массовой технической реконструкции армии, какой мир еще не видал“. Вместе с тем, в противоположность Фуллеру и Лиддел Гарту, он считал, что в новых условиях многомиллионная армия вовсе не должна заменяться немногочисленной, хорошо обученной кадровой армией: „Десанты, глубокие прорывы, ведение глубоких сражений — не только не исключают необходимости многомиллионной пехотно-артиллерийской армии, но наоборот, предлагают ее желательной. Эта армия будет всё более и более моторизоваться и механизироваться и тем самым переходить во всё более и более высокий класс боеспособности. Соотношение между старыми и новыми формами организации будет зависеть от того, через какое время возникнет война. Но этот процесс развития пойдет еще более быстрыми темпами во время самой войны“. В этом процессе первостепенное значение Тухачевский придавал „качеству бойца“,

утверждая, что „современный боец должен быть высоко культурен, должен обладать способностью к целесообразному и продуктивному использованию передовой техники“. Михаил Николаевич словно абстрагировался от конкретных условий советской действительности 30-х годов, когда основная масса давно уже была приучена жить и работать по шаблону, сидела на карточках (вплоть до конца 1934 года) и боялась сказать лишнего слова, напуганная несколькими волнами террора (Тухачевский не знал, что главная волна еще впереди и его не минует).

Он утверждал: „На одном кадре мирного времени войны выдержать нельзя. А между тем, основав всю свою учебную систему на длительных сроках обучения, а у нас они особенно преувеличены, невозможно быть готовым целесообразно перестроить всю свою методику на короткую по сроку, но высокую по качеству военную выучку. Необходимо найти такие сроки и такие обучения, которые в наиболее целесообразной степени сближали бы условия мирной и военной подготовки командиров… Техническое оснащение Красной Армии точно так же будет опираться на широкие технические кадры страны. Моторизация армии, например, может опираться на обширную сеть автотракторного транспорта, организованного в Цудотрансе, МТС и совхозах. По пятилетнему плану мы можем рассчитывать на значительные кадры автотракторных специалистов“.

При этом Тухачевский не учитывал, какого рода кадры получит армия в случае начала войны. Ведь те же крестьяне и недавние рабочие из крестьян, составляющие большинство в вооруженных силах, были основательно деморализованы быстрой и насильственной коллективизацией, запуганы террором. Ликвидация неграмотности в СССР дала подавляющему большинству лишь формальное образование, но отнюдь не умение полученными знаниями адекватно пользоваться. В этих условиях менее многочисленная, но хорошо обученная в течение ряда лет кадровая армия могла бы принести Советскому Союзу больше пользы, чем многомиллионная масса вооруженных вчерашних рабочих и крестьян. Но ни военные, ни политические руководители страны этого не осознавали.

Главное же, масса советского населения была внутренне несвободна, несвободна в гораздо большей степени, чем даже в нацистской Германии. Ведь гитлеровский режим существовал до начала второй мировой войны только шесть лет, а советский — более двадцати. При Гитлере сохранилось частное предпринимательство, в сферу которого нацисты вмешивались лишь очень ограниченно, и фактически отсутствовал тотальный идеологический контроль личной жизни граждан. Столь

авторитетный свидетель, как Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, прибалтийский немец, бывший офицер связи при штабе Русской Освободительной Армии и друг генерала-предателя А. А. Власова, в своих мемуарах „Против Сталина и Гитлера“ отмечал: „И нацистский режим стремился к тоталитарной, всеобъемлющей власти, но она еще не достигла дьявольского совершенства сталинизма. В Третьем Рейхе всё же сохранялись какие-то основы старой государственной и общественной структуры; еще не были задушены полностью частная инициатива и частная собственность; еще было возможно работать и жить, не завися от государства. Немцы еще могли высказывать свое мнение, если оно и не сходилось с официальной догмой, могли даже, до известной степени, действовать так, как считали лучшим. Хотя партийное давление и увеличивалось всё более ощутимо (для нас уже нестерпимо), но эта форма несвободы в Германии оценивалась подавляющим большинством бывших советских граждан мерками сталинского режима насилия и поэтому воспринималась всё же как свобода. И в этом была большая разница между нами“. Подобное различие условий в двух странах определило и разное качество человеческого материала, оказавшегося в распоряжении Красной Армии и вермахта, а это, в свою очередь, в большой степени повлияло на соотношение потерь двух армий (не в пользу первой) в ходе второй мировой войны.

Тухачевский, похоже, предпочитал ничего такого не замечать и вполне искренне повторял идеологические штампы, словно списанные с передовиц „Правды“: „В отношении широких красноармейских масс мы имеем совершенно несравнимые преимущества перед всеми капиталистическими странами. Наша армия будет иметь массы, сознательно отстаивающие пролетарское государство… Бурный рост социализма в нашей стране сопровождается политическим и культурным ростом трудящихся и вступлением лучшей части рабочих, крестьян и служащих в ряды партии, комсомола, профсоюзов и общественных организаций“. Даже то, малоприятное в целом обстоятельство, что вследствие постоянного недоедания „на гражданке“ красноармейцы по росту и весу уступали солдатам армий основных капиталистических стран, Тухачевский стремился обратить на пользу дела. Он, как о забавном факте, сообщал: „Интересно отметить, что когда во время гражданской войны мы захватили английские самолеты… то кабины их и расположение управления оказались совершенно не подходящими для наших рабоче-крестьянских летчиков. Не хватало роста, длины рук и ног“. И тут же с увлечением

продолжал, козыряя конкретными расчетами: „Комплектуя воздушный флот и ставя ростовые требования не ниже 1530 мм для авиации и 1600–1700 мм для бронетанковых частей, мы отбрасываем 3 процента рабочих и 4 процента крестьян при комплектовании ВВС; что же касается бронетанковых войск, то там мы отбрасываем 13 процентов рабочих и 14 процентов крестьян с ростом ниже 1600 мм.

Для большего охвата рабочих и крестьян при комплектовании авиации и бронетанковых войск, следует пойти на значительное снижение границы малого роста“.

Вот он, принцип „классового укомплектования“ в лучшем виде! Чтобы в столь важных родах войск как танки и авиация, было меньше не слишком надежных, с классовой точки зрения, лиц непролетарского происхождения, из интеллигенции и служащих, требуется снизить требования к физическим данным призывников. И Михаил Николаевич дает этому некое рациональное обоснование: „Комплектование авиации людьми меньшего роста может дать значительные преимущества во многих отношениях, так как у низкорослых летные качества нисколько не хуже, чем у высокорослых, во всех же остальных отношениях (габариты кабины, вес) низкорослые имеют несомненные преимущества. Так, например, можно достигнуть некоторого увеличения радиуса действия самолетах уменьшением веса летчика, заменяя разницу в весе горючим. Считая расход горючего для моторов в 500 л. с. в 0,215 кг на силу-час при уменьшении веса летчика на 10 кг, при экипаже самолета в 2 чел. получим увеличение времени нахождения в полете за счет добавочного горючего на 11 мин., что при скорости в 200 км в час даст увеличение на 44, 5 км. Замещение уменьшенного веса летчиков огнеприпасами может дать добавочно (20 кг) — 600 шт. 3-линейных патронов в ленте или 200 шт. 5-линейных патронов в звеньях.

Наконец, количественно можно увеличить состав воздушных десантов, если будет уменьшен рост, а следовательно и вес бойцов пехоты, подготавливаемых для этой цели.

При комплектовании автоброневых войск меньший рост бойцов будет также давать значительные преимущества. Так как вес бойца в бронетанковых войсках существенной роли не играет, то здесь дело будет сводиться к более удобному действию бойцов при существующих габаритах, к более удобному размещению огнеприпасов и вооружения и к возможности учета меньших габаритов мест для размещения команды при конструировании танков и бронемашин“.

Такое впечатление, что люди, красноармейцы, для

Тухачевского — всего лишь расходный материал для войны, вроде горючего или боеприпасов. Боюсь, если бы тогда генная инженерия сделала те впечатляющие успехи, о которых говорит сегодня весь мир, Михаил Николаевич всерьез бы размышлял над возможностью выведения оптимального бойца-летчика или бойца-танкиста. Что же касается соображений Тухачевского относительно соотношения веса и роста бойцов и того рода войск, где, соответственно, должны были применяться малорослые солдаты, то жизнь доказала их абсолютную справедливость только применительно к танковым войскам. Там действительно всё определяется габаритами танка, и чем меньше рост и вес танкиста, тем удобнее ему исполнять свои обязанности. В рукопашных же схватках экипажам танков бывать почти что не приходится, разве что в совершенно фантастическом фильме „Освобождение“ Юрия Озерова о Прохоровском сражении. А вот насчет десантников и летчиков Тухачевский ошибся. Во всех армиях мира, включая Красную, десантные войска рассматривались в качестве элитных соединений. И туда подбирались наиболее крепкие и выносливые бойцы, совсем не обязательно низкорослые и худые. Ведь действовать им приходилось в сложных условиях десантирования, порой полагаясь только на собственные силы. Здесь экономить на весе парашютистов никому из начальников не приходило в голову. Так же и профессия летчика требует повышенных затрат физической энергии, и выгадывать на весе пилота бессмысленно — сэкономленные килограммы могут обернуться незапланированной аварией.

Тухачевский иной раз опускался в своей книге до едва прикрытых доносов против арестованных уже к тому времени бывших царских офицеров и генералов вроде Свечина, что, безусловно, не делает ему чести. Например, в следующем пассаже: „Война требует максимального количества войсковых соединений. Здесь безусловно „лишних батальонов“ не бывает. Однако вредители пробовали и в этом вопросе пробить брешь для подрыва нашей обороноспособности. Одни преступно преуменьшали производственные возможности нашей военной и мобилизуемой промышленности, а другие стремились установить „прямую пропорцию“ между подаваемыми промышленностью снарядами и числом стрелковых соединений. Если, говорили они, армия требует „Х“ снарядов, рассчитывая иметь „У“ дивизий, то в случае подачи лишь 50 процентов снарядов следует сократить на 50 процентов и число дивизий. Неправильность этой точки зрения заключается в том, что она совершенно не учитывает даже разницы между средствами подавления и средствами обороны“.

Тем не менее рациональное зерно было и в рассуждениях оппонентов Тухачевского, чью незавидную судьбу в конце концов разделил и он сам. Свечин и другие были правы, когда указывали, что организационная структура армии должна соответствовать имеющемуся в наличии количеству вооружения и боеприпасов. Так, до Великой Отечественной войны для прорыва укрепленной обороны противника считалась достаточной плотность в 57 орудий и минометов на километр фронта на участке прорыва. Фактически на заключительном этапе войны советские войска для прорыва немецкой обороны создавали плотность в 300–400 стволов на километр фронта. Между тем, для сравнения: в июле 1943 года германские войска смогли прорвать оборону на южном фасе Курской дуги, создав на участке прорыва плотность всего лишь в 43 орудия и миномета на 1 км. Все дело заключалось в умении должным образом разведать цели, которые должна была поразить артиллерия, и в своевременном и полном обеспечении стреляющих орудий боеприпасами. Но, поскольку еще со времен Тухачевского, Красную Армию охватила страсть к гигантомании, то предпочитали иметь как можно больше орудий, для которых не хватало боеприпасов, и вести стрельбу по площадям, вместо того чтобы как следует разведать цели.

Вместе с тем, во многом Тухачевский оказался прав. По роду своей деятельности начальника вооружений он занимался не только сухопутными войсками и авиацией, но и военно-морским флотом. И здесь, в морском деле, весьма точно предугадал основную тенденцию развития, хотя моряком никогда не был.

Еще 8 мая 1928 года прошло заседание Реввоенсовета с участием начальников морских сил Балтийского и Черного морей. Обсуждали пути развития флота. Тухачевский считал, что „республика тратит непомерно много средств на морские вооруженные силы“, и доказывал: „Восстановление Морского Флота и развитие существующей большой морской программы происходит не в развитие плана войны, а в развитие, я бы сказал, морского патриотизма наших морских работников… Мы находимся в положении прямо противоположном Японии и Англии. Морскими операциями даже самых мощных мировых империалистов нельзя нарушить ни нашей экономической, ни политической целости… Морской Флот играет чисто вспомогательную роль при выполнении наших операций. Сухопутная армия и Воздушный Флот — вот основные киты, на которых фактически зиждется наша оборона страны… Как во всяком деле, так и в стратегическом вождении армии всегда является желание заткнуть все направления и быть сильнее на всех направлениях, но приходится рисковать некоторыми

участками, чтобы на главном направлении достигнуть нужных целей… Тут надо получить окончательную установку: нужен ли нам линейный флот, который мы заведем, зная, что этот флот для борьбы с „лимитрофами“ (буквально: „пограничными государствами“; так называли страны, образовавшиеся после распада Российской империи: Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, а также завладевшую Бессарабией Румынию, — составлявшие „санитарный кордон“ против большевиков. — Б. С.) слишком силен, а для борьбы с империалистическими странами слишком слаб, или подойти наиболее трезво и практически к вопросу и сосредоточить основные силы на решающих видах техники“. Михаил Николаевич предлагал больше внимания уделить не дорогостоящим линкорам, а более дешевой и не менее эффективной морской авиации и береговой артиллерии, в том числе зенитной. Он резонно указывал: „Что сильнее: наши 3 дредноута или 3 бомбовоза в связи с той береговой артиллерией, которую мы сможем иметь… Несомненно, этот комплекс обороны намного сильнее, намного больше сумеет обеспечить нашу оборону и вместе с тем эти расходы на авиацию, на подвижную артиллерию не могут явиться крупным убытком“. В тот раз Реввоенсовет в целом согласился с позицией Тухачевского и на первое место в задачах флота поставил содействие сухопутным войскам на приморских направлениях и оборону побережья, и лишь потом — действия на морских коммуникациях противника и самостоятельные действия на море. При этом было предписано не увлекаться линейными кораблями и крейсерами, а иметь сбалансированный состав флота — с легкими надводными силами, подводными лодками, морской авиацией и береговой обороной.

В 1932 году Тухачевский провел опытное учение Балтийского флота, по итогам которого сделал весьма решительный вывод о том, что мощные линкоры, считавшиеся до этого основной ударной силой флота, отжили свой век. „Применение новых технических средств морского и воздушного морского боя, — писал Михаил Николаевич в докладе наркому, — совершенно по-новому ставит вопрос о борьбе с линейным флотом, особенно в условиях относительной близости берега. Быстроходность линкора и мощь его артиллерийского вооружения могут уменьшиться, и иногда почти сводятся на нет применением высотного и низкого торпедометания, высотной постановкой мин заграждения, атаками радиоуправляемых ракет и торпедных катеров, задымлением артиллерийского наблюдения и управления на кораблях, путем сбрасывания мелких дымовых авиабомб и мощного авиационного бомбометания с применением

во всех случаях широкой постановки дымовых завес авиацией“. Действительно, во второй мировой войне роль линкоров очень быстро сошла на нет, поскольку они оказались очень уязвимы для авиации и подводных лодок. Так, во время разгрома в Пёрл-Харборе в декабре 41-го были уничтожены или выведены из строя все американские линкоры. Однако американцам удалось сохранить в целости свои авианосцы, и благодаря этому уже через полгода японский флот был разбит ими в бою у атолла Мидуэй.

К сожалению, в Советском Союзе в 30-е годы вновь начали увлекаться строительством линкоров и тяжелых крейсеров. Играло роль и то, что к этим кораблям благоволил сам Сталин. В результате к началу второй мировой войны Красный Флот оказался избыточен для борьбы с флотами „лимитрофов“ и даже с теми весьма ограниченными силами, которые мог выделить против него германский флот. Тем не менее и на Балтике, и на Черном море советские военно-морские силы понесли тяжелые потери от немецких самолетов и подводных лодок. После же окончания войны СССР развернул полномасштабную гонку морских вооружений, сначала — линкоров, потом — атомных подводных лодок, ракетных крейсеров и авианосцев, но так и не догнал флот главного потенциального противника — США. И сегодня в России флот слишком велик для возможных локальных конфликтов с соседями, но заведомо обречен при полномасштабном конфликте с тем же НАТО. И опять призывы к усилению российского флота — это не более чем, говоря словами Тухачевского, „морской патриотизм морских работников“, несоизмеримый с реальными возможностями страны.

Укажу, что иногда в своих прогнозах относительно отдельных видов вооружений Тухачевский ошибался. Например, он ратовал за скорейшее вытеснение обычной артиллерии безоткатной. Но тут слишком опередил свое время. Эпоха безоткатной артиллерии наступила уже после второй мировой войны. Зато Тухачевский очень рано увидел перспективу развития ракетного оружия. Еще в ноябре 1932 года он добился начала работ по конструированию ракетных двигателей на жидком топливе, а в сентябре 1933 года добился создания Реактивного научно-исследовательского института, занимавшегося разработкой ракетного оружия в СССР. Тухачевский также оценил значение радаров. В начале 1933 года он поручил Управлению ПВО определить, какие институты и конструкторские бюро могут заняться использованием электромагнитных волн для обнаружения самолетов. А 7 октября 1934 года писал своему старому знакомому — лидеру ленинградских коммунистов С. М. Кирову: „Проведенные опыты по обнаружению самолетов с помощью электромагнитного луча

подтвердили правильность положенного в основу принципа. Итоги проведенной научно-исследовательской работы в этой части делают возможным приступить к сооружению опытной разведывательной станции ПВО, обслуживающей обнаружение самолетов в условиях плохой видимости, ночью, а также на больших высотах (до 10 тыс. метров и выше) и при дальности 50—200 км. Ввиду крайней актуальности для современной противовоздушной обороны развития названного вопроса очень прошу Вас не отказать помочь инженеру-изобретателю тов. Ощепкову в продвижении и всемерном ускорении его заказов на ленинградских заводах…“ Как известно, и радиолокационные станции, и ракетное оружие были использованы уже во второй мировой войне. Радары использовались для обнаружения как самолетов, так и подводных лодок. В войсках появились реактивные минометы (советские „катюши“ и немецкие шестиствольные), в авиации появились реактивные снаряды, а немцам под конец войны удалось даже наладить выпуск крылатых и баллистических ракет — „Фау-1“ и „Фау-2“.

До этого времени Тухачевскому дожить не довелось. После его ареста и казни многие военно-научные разработки были прекращены, а ряд ученых, в том числе будущий главный конструктор первых советских космических ракет С. П. Королев, репрессированы, как имевшие частые деловые контакты с „врагом народа“ Тухачевским. Тем самым конструирование и внедрение в производство ряда образцов вооружений было задержано на несколько лет.

Внешне карьера Тухачевского развивалась вполне гладко. 21 февраля 1933 года его наградили орденом Ленина „за исключительные личные заслуги перед революцией в деле организации обороны Союза ССР на внешних и внутренних фронтах в период гражданской войны и последующие организационные мероприятия по укреплению мощи РККА“. В том же году доверили принимать 7 ноября военный парад на Красной площади. В 1934 году на XVII съезде партии Михаила Николаевича избрали кандидатом в члены ЦК ВКП (б). 20 ноября 1935 года Тухачевский вместе с Ворошиловым, Буденным, Егоровым и Блюхером был удостоен высшего воинского звания Маршала Советского Союза, а менее чем через год, 9 апреля 36-го, стал первым заместителем наркома обороны и начальником Управления боевой подготовки РККА. Однако за стремительным восхождением самого молодого „красного маршала“ к вершинам военной власти, вплоть до второго по значению поста в иерархии наркомата обороны, скрывалась борьба группировок. Ворошилов и поддерживающие его командиры Первой Конной противостояли

Тухачевскому, вокруг которого группировались коммунисты из числа бывших офицеров, а также некоторые военные руководители, офицерских званий в царской армии не имевшие, но находившиеся в напряженных отношениях с Ворошиловым и другими „конармейцами“.

Сам Климент Ефремович к новациям своего молодого заместителя относился очень подозрительно. В частности, нарком на пленуме Реввоенсовета критиковал отстаиваемую Тухачевским теорию глубокого боя. В связи с этим тот 20 ноября 1933 года обратился к Ворошилову с письмом, где отмечал: „После Вашего выступления на Пленуме РВС у многих создалось впечатление, что, несмотря на новое оружие в армии, тактика должна остаться старой… Я потому решил написать это письмо, что после Пленума началось брожение в умах командиров. Идут разговоры об отказе от новых форм тактики, от их развития, и, так как… это целиком расходится с тем, что Вы неоднократно высказывали, я решил Вас поставить в известность о происходящем разброде…“ Разброд действительно был, но не только среди командиров среднего звена, но и среди высших военачальников. Рано или поздно открытое столкновение в руководстве наркомата обороны становилось неизбежным.

Лидия Норд приводит обращенные к ней слова Тухачевского, объясняющие побудительные мотивы его действий по преобразованию Красной Армии: „Меня сильно волнует судьба моей работы. Но это не честолюбие. Скажу тебе откровенно — я приложил все старания, чтобы сделать ее хорошо… Я иду упорно к своей цели. Поверь мне, что никто из военного руководства, кроме Фрунзе, не жил и не живет так армией, как живу ею я. Никто так ясно не представляет себе ее будущую структуру, численность и ту ступень, на которую армия должна стать. Фрунзе, к несчастью, нет в живых. Сергей Сергеевич Каменев — отличный военный специалист, но только чиновник. Ворошилов — хороший человек, но дуб, и у него нет глубоких военных знаний, нет той самостоятельности и решительности, которые были у Михаила Васильевича. Поэтому… мне надо добиваться того, чтобы стать во главе руководства армией. Иначе ее развитие будет идти не так, как надо, и к нужному моменту она не будет готова“. Себя Михаил Николаевич считал наиболее подходящим человеком для поста наркома обороны, а под „нужным моментом“ подразумевал время неизбежного военного столкновения с Германией. „Оно неминуемо. Может, это произойдет не так уж скоро — лет через 10–13 (разговор происходил в Ленинграде в конце 20-х или в начале 30-х годов. — Б. С.). Я знаю немцев. Ту победу над Россией, которая им

случайно досталась, они не забудут. Когда Германия поотдохнет и ремилитаризуется — она снова попытается напасть на нас. Но, — Тухачевский встал и, глядя надменно вдаль, как будто он уже видел там разбитого врага, сказал: — Мы отучим Германию мечтать о нашей земле! Она тогда узнает, что такое Россия! И немцы навсегда забудут слова „руссише швайне“ (русские свиньи. — Б. С.)“.

Свояченица была потрясена: „Глаза его сильнее вышли из орбит и горели таким огнем, что мне стало не по себе. Неужели он маньяк?“ — подумала я. Как бы угадав мою мысль, он снова сел и положил свою руку на мою: *„Я* показался тебе сумасшедшим? Нет — так будет. А если не будет, то у меня хватит сил пустить себе пулю в лоб. Когда нет цели — нет жизни. Моя цель — сделать нашу армию лучшей и сильнейшей в мире… Я об этом говорил только одному Фрунзе. Он понимал меня. Другие могут счесть только „карьеристом“ или „честолюбцем“, метящим в „Бонапарты“. Поэтому я особенно и не откровенничаю…“».

Мне кажется, что была еще одна причина, по которой Тухачевский с такой истовостью взялся за дело реорганизации Красной Армии. Михаил Николаевич дружил с писателем Алексеем Николаевичем Толстым, «красный маршал» с «красным графом» (у них, как мы помним, был общий предок). Толстой в эмигрантских кругах подвергался такому же остракизму, как и Тухачевский. И внутри страны часть интеллигенции, так и не принявшая Советской власти, считала писателя, как и полководца, беспринципным приспособленцем, готовым служить большевикам за почести и материальные блага. С Толстым был хорошо знаком американский журналист Юджин Лайонс, корреспондент агентства «Юнайтед Пресс» в Москве в начале 30-х. Лайонс довольно быстро понял, что существующий в СССР режим ничего общего не имеет ни со свободой, ни с заботой о благе народа. Он, кстати сказать, еще в 1953 году изобрел выражение «Гомо советикус», означающее человека тоталитарного общества с присущей ему двойной моралью и четким различением, что надо говорить в соответствии с официальной идеологией и как обстоит дело на самом деле (с тех пор это выражение распространилось во всем мире). Как-то раз Толстой пригласил Лайонса на свою виллу в Детском (Царском) Селе, где, кстати говоря, у него не раз бывал и Тухачевский. Лайонс с женой были удивлены, что стены особняка украшали картины и гобелены из Эрмитажа. Стол ломился от вин и закусок, хотя в то время горожане сидели на карточках, а крестьяне пухли с голода. После изрядной выпивки хозяин вдруг пригласил

американца наверх в мансарду, где располагалась его библиотека. В комнате Лайонс увидел массивный рабочий стол в центре и множество книг по стенам. Из окна открывался типично русский пейзаж: деревянная церковь, коровы на лугу, мужики за работой. Толстой показал Лайонсу посмертную маску Петра Великого, над романом о котором как раз работал. Затем обернулся к окну и тихо сказал: «Джин, вот это настоящая Россия, моя Россия… Остальное — обман. Когда я вхожу в эту комнату, то стряхиваю с себя советский кошмар, закрываюсь от его зловония и ужаса. На то малое время, пока я со своим Петром, я могу сказать этим мерзавцам (это слово Лайонс процитировал по-русски): идите к чертям… В один прекрасный день, поверьте, вся Россия пошлет их к чертям… Это всё, что я хотел, чтобы вы знали. А теперь вернемся к гостям».

Лайонс так прокомментировал этот монолог: «Хотя он больше никогда не высказывал мне своих подлинных чувств, это осталось между нами тихим секретом. С тех пор всегда, когда я слышу рассуждения о том, что приверженный традиции русский человек умер, что его заменил роботоподобный „Гомо советикус“, я вспоминаю тот случай в библиотеке. Это был один из многочисленных случаев, которые убедили меня, что поверхностный слой советского конформизма может быть очень тонким. Сотни раз я видел, как под воздействием водки или еще более пьянящей обстановки конфиденциальности этот слой разрушался, и вскоре перестал удивляться, когда люди, на виду у всех казавшиеся образцами правоверных коммунистов, внезапно начинали ругать всё советское. Одержимость Толстого эпохой Петра была, в определенном смысле, бегством от ненавистного настоящего. Были и другие, кто пытался спрятаться в прошлом… чтобы избежать необходимости врать о современности».

Как знать, не была ли могучая русская армия, создать которую мечтал Тухачевский, для него тем же, чем была для Толстого работа над «Петром Первым»? Ведь маршал не мог не видеть, что в стране установлена диктатура куда более абсолютная, чем была при самодержавии, что на ответственных постах в военном ведомстве находятся люди некомпетентные, вся заслуга которых — в личной преданности Ворошилову и Сталину, что Советский Союз по-прежнему далек от тех идеалов равенства и справедливости, о которых говорили большевики. Хотя, конечно, всё советское Тухачевский не стал бы ругать даже и в сильном подпитии (если оно у него когда-либо случалось).

И вряд ли стоит преувеличивать сочувствие Михаила Николаевича тяготам жизни простого народа. Он о них довольно мало знал, поскольку армия — это достаточно изолированная

ячейка общества, а высший комсостав Красной Армии был отделен еще и от рядовых бойцов броней пайков и льгот и все возраставшей корпоративной замкнутостью. Об этом хорошо написала Лидия Норд: «С самого начала Красная Армия была поставлена на положение особой, привилегированной касты. В материальном отношении военные жили гораздо лучше, чем гражданское население. И не только высший начсостав… Командир полка в то время (1925–1930 годы) получал сто и потом сто двадцать рублей в месяц. В артиллерии и бронетанковых частях — 140 рублей. Разница между командиром полка и его помощником была в десять рублей. Командир батальона (не отдельного) получал на тридцать рублей меньше командира полка, а командир роты на десять рублей меньше, чем комбат (для сравнения: среднемесячная зарплата рабочих и служащих в 1928 году не превышала 65 рублей, а реальные доходы крестьян были еще меньше. — Б. С.). Но при этом каждый командир имел бесплатное летнее и зимнее обмундирование (получали материалом, а шили портные части) и командирский паек из каптерки, в который входил сахар, сливочное масло, сало или смалец, постное масло, мясо, крупы, овощи и хлеб. Всего этого было в таком количестве, что небольшие семьи жили почти исключительно на этот паек. Паек этот можно было получать у каптенармуса по частям в течение всего месяца, и только сахар, крупы и, кажется, жиры нужно было получить сразу. Высший начальствующий состав получал кроме этого еще и добавочный „ответственный паек“.

Квартира обычно была тоже казенная, и я уже не помню, взималась ли за нее плата, кажется, да, но вычеты за квартиру были очень малые, и к жалованью прибавлялись еще „квартирные“ деньги.

Даже в те периоды, когда население жило впроголодь или голодало, в закрытых распределителях военторга — а отделения их были при каждой самостоятельной части — можно было получать все дефицитные продукты и товары».

Ясно, что Тухачевский и в конце 20-х получал гораздо больше, чем 120 рублей в месяц, и в пайке своем имел не только перловую крупу, солонину и растительное масло, но и икру, и семгу, и ветчину, и столь любимый им коньяк. И квартиры у него были гораздо просторнее, чем у командира полка или батальона. Правда, в Смоленске жилищные условия, как можно предположить, еще оставляли желать лучшего. Как свидетельствует один из сослуживцев по Западному фронту, И. А. Телятников, работать Тухачевскому на квартире было неудобно, и «обычным местом его ночных занятий был салон-

вагон». Мемуарист следующим образом объясняет, почему командующий предпочел не делать этого в помещении штаба, где «удобств было куда больше»: «…Михаил Николаевич, заботясь о здоровье штабных командиров, отдал приказ, чтобы на ночь в штабе не оставался никто… А что запретил другим, не позволял и самому себе. Иначе какой же пример для подчиненных?» Крепко подозреваю, что не забота о подчиненных побудила Тухачевского на ночь обосноваться в салон-вагоне. Просто там удобнее было крутить скоротечные романы с местными дамами, сочетая приятное с полезным, любовные утехи с штудированием трудов по военной теории и истории. В штабе-то всё равно остаются часовые и дежурные. А вот на запасных путях железнодорожной станции инкогнито можно обеспечить гораздо надежнее.

Вот в Москве квартира сразу оказалась большая. Но здесь поселились не только жена и дочь, но и мать, братья и сестры. Теперь Тухачевский уже имел возможность обеспечивать любовниц жилплощадью и встречался с ними на их территории. Так что в Москве, в Ленинграде и снова в Москве «квартирный вопрос» никак не мешал амурным делам Михаила Николаевича. Очевидно, свои задержки он объяснял поздними совещаниями в наркомате, а несчастная жена покорно делала вид, что верит.

Лидия Норд вспоминала, что даже личное общение у красных командиров было довольно-таки строго регламентировано: «В свободное время командиры частенько ходили друг к другу в гости. Играли в преферанс, а в некоторых домах и в „девятку“. В преферанс и в лото играли открыто, а в „девятку“, которая в армии была запрещена, — тайно. И в нее играли в большинстве интенданты. Но в домах красных командиров, как высших, так и старших, и, кажется, среднего начсостава тоже, почти никогда не бывали штатские, за исключением самых ближайших родственников. Это было не случайно. Политотделы настойчиво рекомендовали командному составу держаться подальше от гражданского населения, „чтобы оградить воинские части от шпионажа“… Нужно сказать, что знакомство домами велось еще и по чинам. В доме высшего комсостава редко бывали гости ниже командира полка… Командиры взводов, рот и даже батальонов бывали в доме комполка только по делу… Однажды… я поставила себя в очень неприятное положение, — я встретила недавно выпущенного из военной школы сына нашего старого знакомого генерала С. Я его знала еще с детства — мы были почти однолетки — и, обрадовавшись встрече, пригласила его к нам. Он пришел на следующий день, и, когда я угощала его чаем, вместе с мужем пришло несколько человек гостей, приехавших из Москвы. Увидев С., все как-то переменились, держали себя

натянуто. И мой гость, видимо почувствовав себя неловко, поторопился уйти. А позже мой муж, хотя и в очень мягкой форме, но сделал мне выговор за мою неосмотрительность, — оказалось, что я не имею права приглашать в свой дом молодежь, так как это тоже „не рекомендуется“, ибо молодые командиры могут случайно узнать из разговоров высших о каких-либо перемещениях или происшествиях в армии, которые не подлежат огласке».

Лидия Норд вспоминает и другой случай, к которому оказался уже причастен и сам Тухачевский: «Однажды, во время какого-то празднества в… академии, я, просидев во время всего обеда за „почетным столом“, решила устроиться ужинать за другим столиком, где сидела знакомая мне семья… подруга детства с мужем артиллеристом — он был там слушателем. Но не успела я просидеть с ними и десяти минут, как подошел комиссар академии Генин и вежливо препроводил меня на предназначенное мне место за главным столом. Сначала я подумала, что Генина послал за мной Тухачевский, и покорилась со скрежетом зубов, но тот, посмотрев на меня весьма ехидно, сказал: „Генин зорко следит за нарушающим этику“. Когда же я позже накинулась по поводу новой „этики“ на Михаила Николаевича и привела в пример царскую армию, то он возразил: „Да, там молодого офицера приучали, как держать себя в обществе. Но там были люди одного класса, и были традиции, а вот если молодые офицеры начнут посещать такие „дома“, как Авксентьевского, Городовикова, Буденного, да и многих командиров полков, которые без водки и площадной ругани не могут существовать, то как они „воспитаются“? И не думай, что и раньше все дома давали молодым офицерам только одно хорошее. Меня вот, когда я только что был произведен, постарались ввести в один дом в Петербурге, очень высокопоставленный военный дом, связанный каким-то дальним родством с нашей семьей, и чего я там наслушался… Там совершенно свободно говорили и о таких лицах и о таких вещах, за которые заурядного человека сослали бы на каторгу… А мы, молодые офицеры, впитывали это в себя, как губки… Да и в наших домах мы подчас позволяем себе откровенно высказывать многое и многих критиковать… А молодой, сдуру, кому-нибудь сболтнет — и сам влипнет, и нам причинит неприятность… А потом, если многие из высших командиров могут позволить себе роскошь потерять вечер за картами или другими развлечениями, то молодым надо совершенствовать себя — читать, заниматься… Армии нужны знающие командиры… Мне и то развлекаться некогда…“

Не знаю, играл ли Тухачевский в преферанс или даже в более криминальную и азартную „девятку“… Может, все-таки урывал для этих невинных развлечений в неделю часок-другой… А вот что даже с командирами полков у себя дома мог беседовать только по делу, — не допуская никакого панибратства и фамильярничанья, — так это точно. Правда, по свидетельству уцелевших мемуаристов, здесь Михаил Николаевич был гораздо демократичнее многих своих коллег, младших по званию никогда не унижал и принимал их у себя дома довольно приветливо. Вот, например, воспоминания В. Н. Ладухина, работавшего в управлении по снабжению Красной Армии. Однажды в 37-м, незадолго до гибели маршала, командиру пришлось зайти на квартиру к Тухачевским, чтобы взять у Тухачевского записку для Уборевича (Ладухин уезжал в командировку в Минск). Это посещение запомнилось на всю жизнь: „Я… застал всю семью за завтраком. Михаил Николаевич представил меня жене, познакомил с дочкой Светланой, пригласил к столу… После завтрака я принялся рассматривать висевшие на стене картины. „Осторожнее в оценках, — предостерег Тухачевский. — Художник перед вами. А главное, жена художника рядом. Она-то уж не даст его в обиду“. — „Если здешний художник со своей женой заедут ко мне, то они окажутся в таком же положении“, — в тон ему ответил я. Михаил Николаевич прямо расцвел: „Меня очень радует, когда я узнаю, что кто-либо из командиров увлекается живописью, или музыкой, или литературой. Мне кажется, таким и должен быть наш командир: с широким кругом интересов, с любовью к искусству. Истинным советским интеллигентом!““ Сам маршал отнюдь не замыкался на военных вопросах. Он любительски играл на скрипке и куда более профессионально скрипки изготовлял, хотя и не достиг в этом ремесле высот Страдивари и Гварнери. И неплохо рисовал, что не преминул отметить тоже баловавшийся живописью Ладухин. А еще — коллекционировал редкие книги, в том числе по военному искусству».

И, в отличие от тех, кто был в небольших чинах, с гражданскими Тухачевский общался достаточно широко, правда не с простым населением, а с представителями элиты, прежде всего культурной. Сестры Елизавета и Ольга вспоминали: «В квартире на Никольской всегда было многолюдно. Боевые товарищи Михаила и его друзья-музыканты, известные полководцы и преподаватели академии — все чувствовали себя там как дома. Дружеские беседы и импровизированные концерты затягивались далеко за полночь. Спал Михаил очень мало, и когда кто-нибудь напоминал ему об этом, он только отшучивался:

„Жалко тратить на сон время“… Он не мог обойтись… без музыки, без живописи, без систематического чтения. В его богатом духовном мире было место Бетховену и Баху, Шуману и Мусоргскому, Моцарту и Скрябину, Шопену и Мендельсону, Толстому и Шекспиру. Его интересовало всё новое в науке, технике, искусстве… Даже работая, Михаил оставлял дверь в кабинет открытой. Доносившийся шум не мешал ему. А выйдя из кабинета, он сразу же легко включался в атмосферу, царившую вокруг: шутил, веселился или вступал в серьезную беседу, в горячий спор».

Тухачевского, по свидетельству многих знавших его, отличало стремление помочь ближнему. Сестры свидетельствуют, что брат не оставался безучастным к неприятностям друзей и просто знакомых, помогал, чем мог: «Мы не видели человека более отзывчивого и чуткого, чем он… Михаил Николаевич Тухачевский был интеллигентом в самом высоком и лучшем смысле этого слова, т. е. человеком больших знаний, нерушимых принципов, всесторонней культуры».

Один из величайших композиторов и близкий друг маршала Д. Д. Шостакович тоже был частым гостем на вечерах у Тухачевских. Знакомый с Тухачевским еще с 1925 года, Дмитрий Дмитриевич отметил в нем чуткость и искреннюю тревогу о судьбе товарищей. Особенно часто виделись они в Ленинграде, когда Тухачевский командовал там округом. А еще раньше, когда округом командовал Б. М. Шапошников, композитора как-то раз вызвали к нему. Оказывается, Тухачевский узнал о материальных затруднениях Шостаковича и, как начальник штаба Красной Армии, распорядился, чтобы командующий округом помог Дмитрию Дмитриевичу. В результате композитор получил заказ, и его финансовое положение поправилось. Шостакович с восхищением отмечал «демократизм, внимательность, деликатность» Тухачевского (жаль, не нашлось этой деликатности в свое время для тамбовских крестьян).

И братьев наших меньших маршал любил. Лечащий врач Тухачевского М. И. Кагаловский рассказал трогательную историю: «Часто бывает, что люди добрые и отзывчивые по натуре любят животных. Таким был и Михаил Николаевич. Забавой ему служил мышонок, прижившийся в его служебном кабинете. Михаил Николаевич приучил мышонка в определенное время взбираться на стол и получать свой ежедневный рацион. Тухачевский при случае любил даже похвастаться своими успехами в дрессировке». Интересно, что даже такое естественное чувство, как любовь к животным, наш герой ухитрился тоже использовать для удовлетворения собственного тщеславия.

Шостакович в своих мемуарах приводит характерный случай: «Однажды я вместе с Михаилом Николаевичем отправился в Эрмитаж. Мы бродили по залам и… присоединились к группе экскурсантов. Экскурсовод был не очень опытен и не всегда давал удачные объяснения. Михаил Николаевич тактично дополнял, а то и поправлял его. Минутами казалось, будто Тухачевский и экскурсовод поменялись ролями. Под конец экскурсовод подошел ко мне и, кивнув головой в сторону Михаила Николаевича, одетого в штатское, спросил: „Кто это?“ Мой ответ так поразил его, что на какое-то время он буквально лишился дара речи. А когда пришел в себя, стал благодарить Тухачевского за урок. Михаил Николаевич, дружески улыбаясь, посоветовал экскурсоводу продолжать учебу. „Это никогда не поздно“, — добавил он».

Любопытно, что ни Тухачевскому, ни Шостаковичу даже в голову не пришло, что поступок Михаила Николаевича был не такой уж достойный. Никто из друзей не попытался поставить себя на место молодого и неопытного экскурсовода, попробовать мысленно пережить то унижение, которое он должен был испытать во время лекции Тухачевского. И что же оставалось бедняге делать, как не благодарить высокопоставленного военачальника за преподанную науку? Ведь маршал при желании мог бы побеседовать с горе-экскурсоводом уже после окончания экскурсии, указать тому на пробелы в его искусствоведческом образовании, не выставляя на всеобщий позор. Но Тухачевский действительно любил блистать, быть на виду и, выходит, ценил даже те несколько минут восхищения, что подарили ему потрясенные его эрудицией экскурсанты. И искренне верил, что ему под силу разобраться и сказать свое веское слово чуть ли не во всех отраслях науки и культуры, а не только в военном искусстве.

Шостакович приводит и другой забавный случай: «Меня восхищала уравновешенность Михаила Николаевича. Он не раздражался, не повышал голоса, даже если не был согласен с собеседником. Лишь однажды вышел из себя, когда я легкомысленно отозвался о композиторе, которого не любил и не понимал. Помнится, Тухачевский высказался примерно так: „Нельзя безапелляционно судить о том, что недостаточно продумал и изучил“. Затем, развивая свою мысль, Михаил Николаевич упрекнул меня: „Вы против обывательщины в суждениях, а сами судите по-обывательски. Вы хотите стать композитором („признаться, я уже считал себя таковым“, — робко заметил в скобках милейший Дмитрий Дмитриевич. — Б. С.), а к оценке произведений искусства подходите легкомысленно,

поверхностно“. Наша беседа затянулась далеко за полночь. Возвращаясь домой по пустынному Невскому, я испытывал чувство обиды. Но, всерьез подумав над суровыми словами Михаила Николаевича, понял: он прав. Его резкость объяснялась величайшим уважением к искусству и художникам, а кроме того — добрым отношением ко мне, за которое я ему всю жизнь благодарен».

Тут уж хочется крикнуть врачу — исцелися сам! Тухачевский старается убедить своего собеседника, что нельзя непререкаемо судить о том, чего не знаешь глубоко и досконально, и одновременно резко, безапелляционно заявляет, что тот совершенно не прав в оценке творчества некоего неназванного композитора. И это говорит скрипач-любитель и дилетант-музыковед признанному мастеру музыкальной композиции! Да еще не считает его композитором, говорит, что композитором Шостаковичу только предстоит стать! Есть чему удивляться. Конечно, Дмитрий Дмитриевич, человек очень скромный и искренне преданный памяти своего друга, в мемуарах изобразил этот эпизод в максимально благоприятном для Тухачевского свете. А если взглянуть на их спор глазами беспристрастного наблюдателя? Боюсь, впечатление было бы не в пользу Михаила Николаевича. Ведь Шостакович, например, все-таки оговорился: «Я — человек не военный, и не мне судить о полководческом таланте Михаила Николаевича». А вот Тухачевский считал возможным высказываться насчет наличия или отсутствия таланта у того или иного композитора или музыканта. Хотя, отдает ему должное Шостакович, «любил и понимал музыку». Главное же, самоуверенности полководцу было не занимать, что иной раз крепко подводило его, в частности в сражении под Варшавой.

Л. В. Гусева рассказала, как в конце января или в начале февраля 1936 года встретила у Тухачевского «подавленного, растерянного» Шостаковича, только что подвергнутого в редакционной статье «Правды» «Сумбур вместо музыки» уничижающей критике за оперу «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова»): «И надо было видеть, с каким сочувствием отнесся к нему Михаил Николаевич. Они надолго удалились вдвоем в кабинет. Не знаю, о чем там разговаривали, но из кабинета Шостакович вышел обновленным человеком. Решительно шагнул к роялю и начал импровизировать. Михаил Николаевич весь обратился в слух. Он не отрывал восхищенного взгляда от друга, в которого верил и которому сумел внушить веру в себя». В другой раз Тухачевский тоже выступил спасителем некоего не слишком известного композитора, при

обстоятельствах трагикомических. Об этой истории поведал лечащий врач маршала М. И. Кагаловский: «Однажды в его автомобиле был обнаружен подвыпивший человек, пытавшийся отвинтить никелированные дверные ручки. Неизвестного хотели задержать, но Михаил Николаевич просил отпустить его, дать ему отоспаться. Впоследствии этот человек прислал Тухачевскому благодарственное письмо, сообщил, что он композитор, и пригласил послушать его оперу. Михаил Николаевич, читая письмо, от души смеялся и упрекал шоферов: „Могли ведь из-за пустяка испортить человеку жизнь“». Обыкновенный, нормальный с точки зрения здравого смысла поступок в глазах как участника инцидента, так и мемуариста, живших в условиях тоталитарной системы, стал чуть ли не подвигом, и уж по крайней мере неординарным поступком. Действительно, нет чтобы пришить несчастному умысел на теракт — просто так взял и отпустил, даже без штрафа. Непременно надо отблагодарить. Скорее всего, так и думал композитор, судьба которого могла быть гораздо печальнее, окажись на месте Тухачевского кто-нибудь другой, например Ежов.

В. Н. Ладухину, чей отец был профессором Московской консерватории и композитором, Тухачевский признался: «Нет ничего прекраснее музыки. Это моя вторая страсть, после военного дела». И поведал мечтавшему о карьере оперного певца командиру-снабженцу о своем хобби: изготовлении скрипок. Рассказал, как «мучается с подыскиванием материала для скрипок. В последнее время нашел наконец какое-то кавказское дерево и специально Просушивает чурбаки, получаемые из Закавказья. Сам разрабатывает и состав лака. Лак — великая тайна старых скрипичных мастеров». Когда Тухачевский достал из шкафа почти готовую скрипку, Ладухин заметил внутри наклейку с фамилией создателя скрипки — совсем как у старых мастеров. Л. В. Гусева вспоминает, что изготовление скрипок было для Тухачевского почти что священнодействием: «В домашних разговорах Михаила Николаевича излюбленной темой было скрипичное дело. Он знал массу историй, связанных с изготовлением скрипок, и десятки профессиональных секретов, которыми охотно делился. С умением истинного мастера Тухачевский сам создавал превосходные музыкальные инструменты. Иногда и мы с Ниной Евгеньевной привлекались к этому в качестве „подсобной рабочей силы“ — нам доверялось протереть наждаком какую-либо тщательно выструганную деталь будущей скрипки, порой даже отполировать ее. Это были очень веселые часы. Перемазавшись лаком и клеем, мы выслушивали бесконечные насмешливые замечания Михаила Николаевича: „Ну,

разве так работают! Какой из вас Страдивариус!..“ Как-то в один из таких часов появился Якир. Михаил Николаевич обратился к нему с шутливой жалобой на нас: „Видишь, Иона, пытаюсь их эксплуатировать, да не поддаются, грозятся в профсоюз пожаловаться“».

В то же время Тухачевский ясно сознавал, что до уровня подлинно великих скрипичных мастеров ему не подняться. Об этом свидетельствует следующий эпизод из воспоминаний Гусевой: «Однажды я застала у Тухачевских опытного скрипичного мастера Е. Ф. Витачека. Михаил Николаевич долго и увлеченно беседовал с ним, показывал гостю свою коллекцию скрипок, баночки с лаками, вытащил заветный кусок какого-то особого дерева (наверное того, редкого, из Закавказья. — Б. С.). Этот неказистый с виду чурбачок Тухачевский сберегал в течение многих лет пуще всякой драгоценности, мечтал изготовить из него замечательную скрипку. И вдруг, когда Витачек ушел, мы с изумлением обнаружили, что знаменитая деревяшка исчезла. „Где же она?“ — растерянно спросила Нина Евгеньевна. „Подарил Витачеку, — почти виновато улыбнулся Михаил Николаевич. — Так, как он изготавливает скрипки, мне не изготовить…“»

И еще одно свидетельство о Тухачевском-скрипичном мастере, принадлежащее его лечащему врачу М. И. Кагаловскому: «Дерево, предназначенное для скрипки, он давал мне облучать ультрафиолетовыми лучами, сам морил его, стараясь добиться наилучшего эффекта. А сколько усилий было потрачено на выяснение секрета грунтовки и лакирования скрипок!.. Зато как радовался Михаил Николаевич, когда раздавались первые звуки изготовленной им скрипки!»

После Тухачевского осталась специальная работа «Справка о фунтах и лаках для скрипок», где он обобщил свои исследования в этой области. Кроме того, Михаилу Николаевичу удалось самостоятельно сделать несколько скрипок. О том, сколько их было, вспоминают по-разному. Одни утверждают, что их было всего две, причем одну полководец смастерил в начале своей военной карьеры, а другую — незадолго до трагической гибели. Другие знакомые Тухачевского полагают, что изготовленных им скрипок было больше. Во всяком случае, ни одна из них до нас не дошла.

Невольно думаешь, что было бы, если бы волей случая или судьбы Тухачевский не смог бы бежать из немецкого плена в 17-м году, не сделал бы блестящего восхождения до высот армейской иерархии, а отдался бы целиком скрипичному делу и достиг бы там уровня гениальности. Тогда, вполне возможно, умер бы своей смертью, отделавшись какой-нибудь ссылкой за былое дворянство

и офицерство. И оставил бы нам и всему человечеству несколько десятков великолепных скрипок, не уступающих творениям Антонио Страдивари… Тогда не было бы и Тамбова, и Кронштадта, и варшавского позора. Осталось бы нечто вечное, материальное, памятник, часть всемирного культурного наследия…

А так ведь, в сущности, сегодня мы вспоминаем Тухачевского только в связи с его блестящей карьерой и трагической участью. Армию, о которой мечтал, маршал создать не успел. Ни одного сражения действительно мирового масштаба не выиграл, побеждая лишь сравнительно слабые войска Колчака и Деникина. Таким сражением могло бы стать наступление на Варшаву, но оно, как мы помним, для армий Западного фронта закончилось очень плачевно. Какого-то оригинального вклада в военную теорию Тухачевский не внес. Быстро откликался на новые веяния в этой сфере, но в общем шел по стопам британцев — Лиддел Гарта и Фуллера. В предисловии к книге последнего «Реформация войны», написанном в 1930 году, Тухачевский подчеркнул важность фуллеровских требований повышенного внимания к военной технике и новейшим видам вооружений, но упрекнул британского генерала за недооценку массовых армий. И вместе с тем здесь же сумел похвально отозваться и о шитом белыми нитками процессе Промпартии, и о «ликвидации кулака как класса». Не было у него политических разногласий с коммунистами, со Сталиным… Если бы не казнили Тухачевского и встретил бы он 41-й во главе Красной Армии, результат был бы примерно тем же, что и в реальной действительности. Ведь поражения первых месяцев Великой Отечественной войны определялись общими пороками советской системы, которые Тухачевский при всем желании не имел возможности устранить. Другое дело, потом у него был бы шанс сыграть в войне ту роль, что на самом деле сыграл маршал Г. К. Жуков (если не сделали бы его, конечно, «козлом отпущения», как командующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова).

У меня создалось такое впечатление, что для Тухачевского изготовление скрипок и вечера в обществе композиторов и музыкантов в свободное время играли примерно ту же роль, что работа по реорганизации армии в служебные часы. Скрипки и музыка помогали абстрагироваться от далеко не идеального послереволюционного мира, сохранить приверженность к культурной традиции и стабильности бытия.

Между прочим, в отличие от подавляющего большинства военачальников, покорно поносивших «Тухачевского и его банду», чтобы вскоре разделить их участь, друзья из музыкального круга

Тухачевского и после смерти не предали. Шостакович так и не подписал ни одного письма или телеграммы с осуждением мнимых заговорщиков. Кулябко, работавший директором Московской государственной филармонии, отказался заклеймить на партсобрании того, кого рекомендовал в партию, и отправился прямиком в ГУЛАГ. Когда пришли арестовывать профессора Московской консерватории Н. С. Жиляева, то увидели на стене его квартиры портрет Тухачевского. Один из чекистов удивленно спросил: «Так вы его еще не сняли?» Николай Степанович дерзко ответил: «Знайте, что ему со временем поставят памятник». Из лагеря Жиляев не вернулся.

Но Тухачевский, разумеется, занимался не только и не столько изготовлением скрипок и устройством в своей просторной московской квартире музыкальных вечеров и светского салона. Он разрабатывал планы будущей войны и подготовки к ней Красной Армии. Еще в 1932 году он лично (но, конечно, по заданию наркома и с санкции Сталина) разработал план войны против Польши, предусматривавший, в частности, нанесение «ударов тяжелой авиации по району Варшавы» и превращение уже к концу 1932 года развернутых у польской границы советских стрелковых дивизий в механизированные бригады и корпуса, по мере развития программы танкостроения. В будущей войне против Польши предполагалось также использовать, помимо механизированных частей, 94 стрелковые дивизии и 12 кавалерийских. Михаил Николаевич жаждал отомстить за варшавский позор, потому и разработал сам план нового «похода за Вислу». Он специально оговорился, что сознательно не касался «ни Румынии, ни Латвии», но указал, что «операцию подобного рода очень легко подготовить против Бессарабии». Однако для разгрома Польши требовалось либо прямое участие в войне, либо дружественный нейтралитет со стороны Германии, чтобы не допустить помощи Польши со стороны Англии и Франции, помощи, сыгравшей во многом решающую роль в 1920 году. Это в Кремле хорошо понимали. 12 марта 1932 года Ворошилов дал согласие на проведение совместной с Германией разведки против Польши. Ликвидация польского государства выводила Красную Армию к германским границам. Такое развитие событий оставило бы Веймарскую республику с ее 100-тысячным рейхсвером фактически один на один с Советским Союзом, чьи вооруженные силы насчитывали к началу 1933 года 885 тысяч человек. В Берлине это хорошо понимали, и дальше планов по оккупации Польши дело в тот раз не двинулось. А вот семь лет спустя, уже без Тухачевского, СССР и нацистская Германия по-братски разделили и ликвидировали

польское государство, заключив пакт Риббентроп — Молотов.

С приходом к власти в Германии Гитлера связи между рейхсвером и Красной Армией оказались прерваны. Начавшаяся в 1935 году официальная ремилитаризация Третьего Рейха еще больше ухудшила советско-германские отношения. Новосозданный вермахт стал рассматриваться в качестве главного потенциального противника. И Тухачевский с одобрения свыше написал статью «Военные планы Гитлера», где подчеркивал: «Неистовая, исступленная политика германского национал-социализма толкает мир в новую войну. Но в этой своей неистовой милитаристской политике национал-социализм наталкивается на твердую политику мира Советского Союза. Эту политику мира поддерживают десятки миллионов пролетариев и трудящихся всех стран. Но если, несмотря на всё, капиталисты и их слуги зажгут пламя войны и рискнут на антисоветскую интервенцию, то наша Красная Армия и вся наша социалистическая индустриальная страна железными ударами любую армию вторжения обратит в армию гибели, и горе тем, кто сам нарушил свои границы. Нет силы, способной победить нашу социалистическую колхозную страну, страну с ее гигантскими людскими и индустриальными ресурсами, с ее великой коммунистической партией и великим вождем товарищем Сталиным».

Эта статья появилась в «Правде» 31 марта 1935 года. Перед этим ее правил своей рукой сам «великий вождь», в частности заменивший заголовок на «Военные планы нацистской Германии» (под названием «Военные планы нынешней Германии» Тухачевский тогда же опубликовал другую редакцию данной статьи в «Военном вестнике»). Всё это, казалось бы, означало акт высочайшего доверия к маршалу.

Тухачевский предупреждал, что Германия уже утроила свою армию, создав из 7 дивизий 21, достигнув численности германских вооруженных сил накануне первой мировой войны. Он совершенно правильно отметил, что «французская армия с ее 20 дивизиями и большими сроками мобилизационного развертывания и сколачивания частей уже не сможет активно действовать против Германии», а также что «империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие», которое «является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)» (под аншлюсом имелось в виду присоединение к Рейху Австрии). Тухачевский тревожился, что в численности вермахт стремительно догонял Красную Армию (в 1935 году — соответственно 849 тысяч против 940).

Противостоять германской угрозе маршал думал в союзе с Францией и Чехословакией. В этом он не расходился со Сталиным. В мае 1935 года были заключены советско-французский пакт и советско-чехословацкий договор о взаимопомощи, явно направленные против Германии. В договоре с Чехословакией содержалась оговорка, что обязательства о взаимной помощи будут действовать только в том случае, если поддержку жертве агрессии также окажет Франция. В апреле 1936 года Тухачевский в составе советской делегации отправился в Лондон на похороны короля Георга V. По пути он посетил Париж, где встретился со своим давним товарищем по плену Пьером Ферваком, запечатлевшим в своих мемуарах встречу с одетым в штатское, но как всегда элегантным и подтянутым маршалом в одном из парижских кафе. «„Вы написали про меня книгу, некоторые места которой меня огорчили“, — сказал Тухачевский. Да, я понимаю, Михаил предпочел бы, чтобы я умолчал о его сумасбродных речах в Ингольштадте. Тогдашний молодой офицер, горячий, увлекающийся, потрясенный крушением своей Родины, видел в революции возможность будущего возрождения, прыжок в первобытное варварство, способный омолодить состарившуюся Россию. Он видел в революции разрыв с западной цивилизацией, благодаря чему может создаться что-то новое. Тогда Тухачевский объявлял себя футуристом и утверждал, что презирает классическое искусство. „Оригинальничанье…“ — говорит он мне. И в доказательство того, что давно перестал придерживаться этих парадоксальных юношеских суждений, старается убедить меня, что весь день провел в Лувре и Роденовском музее. „Какое впечатление! Из Роденовского музея я вышел совершенно очарованным…“».

Затем разговор зашел об установившейся в Европе репутации Тухачевского как германофила, поддерживаемой белоэмигрантской прессой. Михаил Николаевич утверждения такого рода решительно опроверг. Фервак свидетельствует: «Уточним, — говорил Тухачевский мне. — Разве я был бы здесь, разве я ездил бы в Лондон, если бы не считал, что советско-французский пакт, который ваша Палата, надо надеяться, ратифицирует, является для нас наилучшей политической комбинацией. Мы должны сговориться с западными демократиями. Но для этого нам самим надо быть сильными. Этим я и занят в наркомате обороны…»

В тот момент советскому маршалу неудобно было вспоминать об увлечении в молодые годы авангардным искусством. Теперь в СССР официально была принята доктрина социалистического реализма, ориентированная на классические образцы, которые

требовалось наполнить советской конкретикой, пафосом строительства нового. Казалось, и во внешней политике Сталин отныне стремился возродить традиции Антанты и заключить с Англией и Францией союз против набирающей силу Германии. Подобная комбинация полностью отвечала взглядам Тухачевского, и он искренне старался претворить ее в жизнь во время своей дипломатической миссии в Западной Европе. Однако советский диктатор вёл гораздо более сложную игру, в детали которой не посвящал не только Тухачевского, но и гораздо более близких себе Ворошилова и Молотова — второго человека в государстве, возглавлявшего наркомат иностранных дел. Сталин попеременно сближался с каждой из двух группировок государств в Европе, чтобы тем вернее ввергнуть их в новую мировую войну, а самому на начальном этапе глобального вооруженного конфликта остаться временно в стороне. Сама тяга Тухачевского после 1933 года к безоговорочному союзу с Англией и Францией могла казаться вождю подозрительной.

Кроме того, маршал не столь радужно, как его шеф Ворошилов, смотрел на положение дел в военном ведомстве, и это тоже могло раздражать Сталина. Например, Тухачевский утверждал в «Новых вопросах войны»: «Наступающая пехота в современном бою должна быть способна к полной самостоятельности. Эта самостоятельность необходима вплоть до отделений и рядовых бойцов… Пехота не может быть способна к выполнению современных задач в бою, если она не будет способна к „самодвижению“, не ожидая приказов, если все ее, самые мельчайшие, частицы не будут способны проникать между огневыми очагами противника, атаковать их с фланга и тыла огнем, штыком и гранатой, не ожидая на это никаких указаний свыше… Частный почин — это не исключение, а основной закон, основное правило действий пехоты. Без самодеятельности пехоты плановое, централизованное управление вылилось бы в кровавые и малорезультативные фронтальнолинейные столкновения… Методика царской армии, засевшая в свое время в нашей военной школе и с трудом оттуда изгоняемая… воспитывала нашего командира не в духе самостоятельности, а в духе „ожидания распоряжений“. Вот почему все последние годы мы вели такой решительный курс на развитие мобильности, активности, самодеятельности и смелости среди всех звеньев наших войсковых частей».

Он также подчеркивал, что необходимо научить бойцов и командиров умело и бережно обходиться с техникой: «Специальные наши войска, в своем техническом обучении… отстают от общевойсковой учебы… Проанализировав, например,

обучение железнодорожного строительного батальона, мы увидим, что в отдельности изучаются методы забивки свай, устройства креплений и т. п., но мы не увидим преподавания системы организации труда в целом при постройке моста… Как должны быть расставлены машины, как должны быть расставлены люди, как может быть достигнута наибольшая эффективность работы в целом в наименьшие сроки и т. д. — всё это часто остается в тени… Изучается ремонт мотора, но не преподается организация труда в ремонтной мастерской в целом». К слову сказать, именно неумение правильно эксплуатировать и ремонтировать боевую технику стало одной из главных причин разгрома советских механизированных корпусов в первые недели Великой Отечественной войны. Но тогда, в 1932-м, Тухачевский еще питал надежды, что положение изменится к лучшему: «В условиях будущей войны, с ее насыщенной техникой, появятся громадные потребности ремонтного и эксплуатационного порядка, и здесь знания одной только детали, не связанной в единый производственный процесс, будет, конечно, недостаточно. Методы ЦИТа, Форда и вообще наиболее передовые методы организации производства должны быть внедрены в область военного обучения». И делал весьма оптимистический вывод: «Мы имеем все необходимые предпосылки для того, чтобы Красная Армия имела в своем составе наиболее активные и самостоятельные кадры».

Однако уже через несколько лет маршал испытал разочарование. В заметках по поводу больших маневров Московского военного округа, проходивших в сентябре 1936 года, он с сожалением констатировал, что ни выучка бойцов и командиров, ни взаимодействие войск, ни работа штабов не находятся на должной высоте: «Мехкорпус прорывал с фронта оборонительные полосы противника без артподдержки. Потери должны были быть огромны… Действия мехкорпуса вялы, управление плохое… Действия мехкорпуса не поддерживались авиацией… Авиация использовалась… недостаточно целеустремленно… Плохо работала связь… Высадку авиадесантов следовало бы обеспечить истребителями… Парашютисты прыгают без оружия. Это надо изменить… Работа штабов, в частности разведка, очень слаба во всех частях…»

Тухачевский настаивал, что надо «учить людей только тому, что требуется на войне» (эти слова Михаила Николаевича приводит в своих воспоминаниях генерал Н. И. Корицкий). Но, к сожалению, этот принцип, как мы убедились, не удалось полностью провести в жизнь даже в бытность Тухачевского первым заместителем наркома обороны, ответственным за боевую

подготовку войск. После его смещения и казни о необходимости учить красноармейцев в условиях, приближенных к боевым, надолго забыли. Некоторое отрезвление наступило только после неудачи в финской войне. Новый нарком обороны С. К. Тимошенко выдвинул лозунг, почти дословно совпадающий с мыслью Тухачевского: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». Тем не менее ничего кардинально изменить в деле боевой подготовки вплоть до начала Великой Отечественной войны не удалось. Хотя проведенная весной 41-го инспекция сделала вывод о значительном росте боевой выучки личного состава, он оказался верным только на бумаге. Однако Сталин, Тимошенко и тогдашний начальник Генштаба Г. К. Жуков накануне 22 июня были уверены, что Красная Армия вполне готова к крупномасштабному столкновению с вермахтом. Например, Жуков в мемуарах признавался: «Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжелой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет всё необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооруженным силам придется так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжелое поражение и вынужденно отходить в глубь страны». Вряд ли думал подобным образом и Тухачевский, который, как и Ворошилов, Тимошенко, Жуков и почти все остальные военачальники, твердо верил, что в будущей войне Красная Армия будет наступающей стороной, а обороняться ей если и придется, то недолго и лишь на второстепенных направлениях. Хотя, безусловно, Михаил Николаевич куда более критически, чем Георгий Константинович, оценивал состояние советских вооруженных сил.

Тот же Жуков, прозванный после войны «маршалом победы», довольно высоко ценил самого молодого из советских маршалов, который был всего на три года старше его. В «Воспоминаниях и размышлениях» он охарактеризовал Тухачевского как «одного из самых талантливых наших военных теоретиков» и «крупнейших знатоков военного дела», стоявшего в этом отношении значительно выше наркома Ворошилова. «Все мы чувствовали, что главную руководящую роль в Наркомате обороны играет он», — писал Жуков, называя Тухачевского «гигантом военной мысли» и «звездой первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии». Несомненно, чувствовал это и Сталин, и сам Ворошилов, и особой радости по данному поводу оба они не испытывали. Тухачевский как-никак — из «бывших», хотя и давно вступил в партию. А его стремление воспитать

кадры самостоятельных и инициативных бойцов и командиров и оградить Красную Армию от излишней опеки со стороны политиков вызывало подозрения: уж не замышляет ли он повторить путь Бонапарта?

Сталину была необходима абсолютно послушная армия бездумных исполнителей, которую можно было в любой момент бросить как для подавления волнений внутри страны, так и для осуществления нового похода на Запад для обеспечения торжества «мировой революции». По мере приближения большой войны диктатор всё больше опасался Тухачевского: под командованием бывшего гвардейского подпоручика окажутся огромные силы и не захочет ли он двинуть их на Москву, а не на Варшаву и Берлин?

Все идеи Тухачевского о повышении боеспособности Красной Армии в условиях тоталитарного коммунистического режима, которому самостоятельно мыслящие люди, в том числе и военные, были не нужны, не могли быть реализованы сколько-нибудь полно. Поэтому Красная Армия могла побеждать только очень большой кровью и по уровню боевой подготовки уступала главному потенциальному противнику — вермахту.

В апреле 1936 года, за год до гибели, Тухачевский разработал и провел большую оперативно-стратегическую штабную игру, где прорабатывался возможный сценарий войны между СССР и Германией. О ходе этой игры нам известно только из показаний на следствии по делу о «военно-фашистском заговоре», да из довольно скупых воспоминаний ее участников — полковника Г. С. Иссерсона, составлявшего задание на игру, и генерал-лейтенанта А. И. Тодорского, командовавшего во время игры одним из соединений на германской стороне, всеми войсками которой командовал Тухачевский. Войсками союзника Германии — Польши руководил тогдашний командующий Киевским военным округом И. Э. Якир, а советский Западный фронт возглавил командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич. Согласно воспоминаниям Иссерсона и Тодорского, Генеральный штаб РККА полагал, что Германия могла в тот момент отмобилизовать до 100 дивизий, из которых половина будет брошена на фронт к северу от Полесья для похода на Москву, где им помогут еще 30 польских дивизий. Игра вылилась во фронтальное столкновение, в котором Красная Армия, располагавшая примерно 100 дивизиями, в конце концов одержала победу.

В собственноручных показаниях на следствии от 1 июня 1937 года Тухачевский следующим образом изложил итоги игры: «Эта игра дала нам возможность продумать оперативные возможности

и взвесить шансы на победу для обеих сторон, как в целом, так и на отдельных направлениях, для отдельных участников заговора (то есть для И. П. Уборевича и И. Э. Якира, в то время командовавших соответственно Белорусским и Киевским военными округами, которые с началом войны должны были превратиться в Белорусский и Украинский фронты. — Б. С.). В результате этой игры подтвердились предварительные предположения о том, что силы (число дивизий), выставляемые РККА по мобилизации, недостаточны для выполнения поставленных ей на западных границах задач. Допустив предположение, что главные германские силы будут брошены на украинское направление, я пришел к выводу, что если в наш оперативный план не будут внесены поправки, то сначала Украинскому, а потом Белорусскому фронтам угрожает весьма возможное поражение… Я дал задание Якиру и Уборевичу на тщательную проработку оперативного плана на Украине и в Белоруссии…»

Бросается в глаза определенная искусственность военно-политических вводных для игры. В 1936 году о германо-польском союзе говорить никак не приходилось, поскольку именно к Польше Гитлер предъявлял серьезные территориальные претензии — на земли Германской империи, отошедшие к Варшаве по Версальскому мирному договору. К тому же фюрер ставил под сомнение само существование независимого польского государства. Этого не могли не знать в Кремле, не мог не знать и Тухачевский. Думается, что достаточно нелепая конструкция совместных действий вермахта и польской армии понадобилась ему для того, чтобы замаскировать перед рядовыми участниками игры истинные, агрессивные советские цели. Скорее всего, Сталин предполагал сначала разгромить и оккупировать Польшу, в союзе с Германией или в одиночку, а потом уже, выбрав подходящий момент (лучше всего — когда Германия будет скована войной на Западе), обрушиться на вермахт всей мощью Красной Армии. А она в 1935 году насчитывала 930 тысяч человек, а к началу 1938 года — уже 1513 тысяч, значительно превосходя вермахт по численности и вооружению. В начале 1936 года советские вооруженные силы располагали уже 4 механизированными корпусами, 6 отдельными механизированными бригадами и 6 танковыми полками, тогда как в Германии, только что отказавшейся от военных ограничений Версальского договора, танковые и механизированные соединения лишь начинали формироваться. Вероятно, во время игры 1936 года мифические польские дивизии на германской стороне должны были только продемонстрировать

агрессивность Германии, будто бы собиравшейся напасть на СССР вместе с Польшей. И заменить собой реальные германские дивизии, число которых было сознательно занижено. Ведь Тухачевский совершенно справедливо полагал, что Германия в перспективе способна развернуть примерно 200 дивизий, так что на фронте к северу от Полесья, там, где в 41-м наступали группы армий «Север» и «Центр», вермахт сможет сосредоточить не менее 80 дивизий. По игре так и получалось, только 30 немецких дивизий заменили польскими. Отмечу, что прогноз Тухачевского оказался точен — накануне нападения на СССР Гитлер располагал чуть более чем 200 дивизиями. Интересно также, что, хотя по условиям игры Советский Союз подвергался нападению со стороны Германии и Польши, фактор внезапности никак не учитывался, и развертывание Красной Армии происходило беспрепятственно, без всякого воздействия со стороны противника. Кроме того, вермахт использовал против СССР лишь половину своих сил, остальные сохраняя на Западе, словно там уже происходила война с Англией, Францией, а быть может, еще и с Чехословакией, с которой у Советского Союза существовал договор о взаимопомощи. Всё это наводит на мысли: Тухачевский полагал, что Красная Армия сможет первой начать войну с Германией, и уже после того, как Гитлер ввяжется в войну с западными державами.

Время второй мировой войны неуклонно приближалось. И Тухачевский не знал, что по мере этого близилось и его падение. Сталину в этой войне чересчур самостоятельный маршал был не нужен. Лидия Норд вспоминала, что окончательная размолвка между ними произошла вскоре после 18 июля 1936 года — дня начала гражданской войны в Испании. Тухачевский будто бы выступил против идеи направить на помощь испанским республиканцам регулярные соединения Красной Армии. Михаил Николаевич указал, что удаленность театра военных действий и зависимость в деле снабжения от Франции поставили бы советские войска в Испании в очень опасное положение. И предложил ограничиться отправкой немногочисленных советников и добровольцев, а также поставками вооружения и боевой техники. Сталин будто бы согласился, но затаил обиду на Тухачевского, слишком свободно вторгающегося в сферу большой политики. Так это или нет, мы достоверно не знаем. Но, во всяком случае, именно с лета 1936 года интрига против маршала входит в заключительную фазу. В августе были арестованы комкоры В. М. Примаков, В. К. Путна и еще несколько командиров Красной Армии. Их показания будут фигурировать в деле Тухачевского, а Виталию Марковичу и Витовту

Казимировичу через несколько месяцев придется сесть вместе с маршалом на скамью подсудимых.

К тому времени ослабли связи Тухачевского в партийно-политических кругах. Еще в январе 35-го от инфаркта умер В. В. Куйбышев. В феврале 37-го застрелился вступивший в острый конфликт со Сталиным Г. К. Орджоникидзе. Защищать Тухачевского наверху было некому. К тому же Сталин мог вспомнить, что когда-то Тухачевский предлагал оказавшегося «смутьяном» Серго на пост главы военного ведомства, и это воспоминание могло только укрепить его решимость расправиться с маршалом.

Г. К. Жуков не зря отпустил столько комплиментов в адрес Тухачевского. Георгий Константинович чувствовал, что в конечном счете занял в армии то место и сыграл в войне ту роль, которые, не будь ареста и процесса в июне 37-го, предназначались бы самому молодому и талантливому из советских маршалов. Правда, писателю Константину Симонову говорил, что не ниже Тухачевского ставит Уборевича: «Тухачевский был более эрудирован в вопросах стратегии, но я бы не отдал ему предпочтение перед Уборевичем. И по общему характеру своего мышления, и по своему военному опыту Тухачевский был эрудирован в вопросах стратегии. Он много занимался ими, думал над ними и писал о них. У него был глубокий, спокойный, аналитический ум.

Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой. Он был большим знатоком и того, и другого и непревзойденным воспитателем войск. В этом смысле он, на мой взгляд, был на три головы выше Тухачевского, которому была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание»..

Тут у Георгия Константиновича, как кажется, возобладала «классовая солидарность». Уборевич, как и он сам, был выходцем из бедной крестьянской семьи и, вольно или невольно, противопоставлялся Жуковым столбовому дворянину Тухачевскому. Под командой Иеронима Петровича Георгий Константинович долго служил в Белорусском военном округе и питал к нему самые теплые чувства. Но ведь сам же Жуков в мемуарах привел эпизод, как Тухачевский лично правил представленный им вместе с несколькими другими кавалерийскими командирами проект боевого устава конницы и как они были «обезоружены вескими и логичными возражениями М. Н. Тухачевского» и «благодарны ему за те блестящие положения, которыми он обогатил проекты… уставов». Как

видим, вполне черновая работа. И, добавлю, Жуков признается, что последний раз видел Михаила Николаевича в 1931 году, за шесть лет до гибели, и, следовательно, не может судить о последних, самых важных годах работы Тухачевского на посту заместителя наркома. К тому же, как мы уже убедились, «красный маршал» был совсем не плохим воспитателем бойцов и командиров, почти шесть лет командовал такими крупными округами, как Западный и Ленинградский, что такое повседневное руководство войсками, знал на практике очень хорошо. И крупные маневры проводил лично, и делал по их поводу весьма толковые замечания.

Полагаю, что Жуков сознавал, что Тухачевский образованнее и талантливее его. И решал в своих воспоминаниях сложную задачу. С одной стороны, воздать должное предшественнику, чтобы показать, сколь значительную фигуру он сам фактически должен был заменить в годы Великой Отечественной. С другой стороны, требовалось убедить читателей и собеседников, что и кроме Тухачевского были в Красной Армии полководцы ничем не хуже, а в каком-то отношении и лучше. Поэтому нет ничего удивительного, мол, что он, Жуков, успешно справился со своей задачей, успешнее, чем это смог бы сделать расстрелянный в 37-м маршал. А попробуем-ка задать себе этот вопрос мы: кто бы, в самом деле, воевал успешнее в 41-м — Тухачевский, Уборевич, Путна или Жуков, Рокоссовский и другие советские генералы? Каждый волен ответить на него по-своему, но мне почему-то кажется, что Тухачевский, при всех его недостатках как полководца, не стал бы бросать дивизии в атаку в конном строю на заранее подготовленную оборону и без артподготовки, как это делал Рокоссовский под Москвой в ноябре 1941 года. И другой маршал, А. И. Еременко, никогда бы не написал в своем дневнике о Тухачевском того, что он написал о Жукове в феврале 43-го: «Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5–6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру». Подозреваю, что Тухачевский добился бы более благоприятного соотношения потерь, хотя они все равно остались бы в пользу вермахта. Ведь органических пороков советской системы, проявившихся и в Красной Армии, Михаил Николаевич устранить всё равно не мог. Но воевал бы наверняка пограмотнее Жукова. И, наверное, оказался бы в большей мере на своем месте в роли начальника Генштаба или командующего одним из основных фронтов. Если мысленно поставить во главе Красной Армии Манштейна или Эйзенхауэра, они бы, скорее всего, натворили там много бед, или пытались бы руководить

советскими войсками с мерками, применимыми к опыту западных армий. А Тухачевский служил в Красной Армии с самого ее рождения, знал все ее особенности, пороки и достоинства…

Быть может, судьба Жукова сложилась удачнее, чем у Тухачевского (хотя отнюдь не безоблачно), потому, в частности, что он был не столь блестящ и талантлив. Сам Георгий Константинович цитирует слова начальника связи РККА Р. В. Лонгва о Тухачевском: «Не подхалим, он не будет восхвалять Сталина…» Жукова трудно обвинить в подхалимстве, но нельзя не признать, что если он и спорил со Сталиным, то лишь по конкретным оперативным вопросам, а не по проблемам большой стратегии или организации вооруженных сил в целом. В разговоре с Константином Симоновым Жуков вспомнил эпизод, как Тухачевский не побоялся в резкой форме возразить Ворошилову, когда докладывал проекты уставов: «При всем своем спокойствии Тухачевский умел проявлять твердость и давать отпор, когда считал это необходимым… Ворошилов по какому-то из пунктов… стал высказывать недовольство и предлагать что-то не шедшее к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал своим обычным, спокойным голосом: „Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок“. — „Почему?“ — спросил Ворошилов. „Потому, что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком“».

На подобную издевательскую вежливость по отношению к вышестоящим лицам Жуков не был способен. Хотя не надо забывать, что его карьера разворачивалась в основном уже после казни Тухачевского, и «маршал победы» хорошо понимал, до каких пределов можно спорить со Сталиным и другими членами Политбюро и чем грозит выход за эти пределы. Погорел же Георгий Константинович, по сути, за хвастовство. Слишком многим и слишком часто говорил о своей решающей роли в разработке и провидении основных операций Великой Отечественной. Чем задевал самолюбие не только Сталина, но и других генералов и маршалов. Но в политической фронде или даже в попытке сделать армию независимой от партийного и чекистского контроля генералиссимус, похоже, Жукова все-таки не подозревал. И ограничился не расстрелом, а почетной ссылкой во второстепенный военный округ. Жукова Сталин не испугался. Видно, увидел, что кроме твердости, граничащей с жестокостью, за душой у полководца ничего нет. И его, сталинской, неограниченной власти тот угрожать не может. А вот в блестящем, умном, талантливом Тухачевском угрозу разглядел безошибочно. И предпочел от него избавиться. Пусть в грядущем походе в Западную Европу Красную Армию поведут не столь

выдающиеся и яркие, зато преданные полководцы — Ворошилов, Буденный, Шапошников, Жуков, Кирпонос, Павлов… Последнего, правда, вождь предпочел расстрелять в первые недели войны, дабы свалить на него ответственность за катастрофу. А до победы на высокой командной должности удержался один только Жуков. Остальные — Рокоссовский, Конев, Василевский, Черняховский и другие — выдвигались на командование фронтами уже в ходе войны. Но в целом генералиссимус не просчитался: генералов и маршалов для сокрушения вермахта и оккупации Восточной Европы у него хватило. Незаменимых людей нет. А Тухачевский ли, Уборевич, Петров, Сидоров — не всё ли едино?

Известный авиаконструктор А. С. Яковлев, обласканный Сталиным и удостоенный чести обедать у него на даче, вспоминал, как однажды в разговоре генсек привел почерпнутый из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона пример вражды древнегреческих полководцев Мильтиада и Фемистокла, каждый из которых завидовал славе другого. Наверняка Иосиф Виссарионович знал и другое хрестоматийное предание из античной истории, приведенное, в частности, в «Политике» Аристотеля, где рассказывается, как тиран Коринфа Периандр ничего не ответил на переданную через глашатая просьбу своего друга тирана Милета Фрасибула посоветовать, как лучше управлять государством, а, «вырывая те колосья, которые слишком выдавались своей высотой, сровнял засеянное поле; глашатай, не уразумев, в чем дело, доложил Фрасибулу о том, что видел, а тот понял поступок Периандра в том смысле, что следует убивать выдающихся людей». Тухачевский как раз и был для Сталина таким возвышающимся над другими колосом, который рано или поздно придется вырвать вон, чтобы сровнять военное руководство по серым посредственностям типа Ворошилова. Вождь ждал только срока. Срок настал в 37-м.

Заговор Тухачевского: правда и миф

6 июня 1937 года в газетах появились выдержки из выступления главы столичных коммунистов Никиты Сергеевича Хрущева на московской областной партконференции. Рассказывая коммунистам области о том, что происходило на городской конференции, он с возмущением сообщил, что, хотя в горком «были избраны проверенные, преданные делу партии большевики… в состав ГК попал также троцкистский предатель, изменник Родины, враг народа Гамарник. Этот факт еще раз говорит о том, что враг подло маскируется».

Слушатели наверняка испытали глубочайшее потрясение. Ведь подло замаскировавшийся предатель и изменник Ян Борисович Гамарник не только носил высокое звание армейского комиссара I ранга и занимал пост начальника Политуправления Красной Армии, но и был членом ЦК партии. Впрочем, к тому моменту его уже не было в живых. 31 мая, при появлении в его квартире сотрудников НКВД, Гамарник, уже знавший об аресте Тухачевского и не сомневавшийся, что разделит его судьбу, нашел единственный способ избежать позорного суда и неминуемой казни — застрелился. Ни делегаты конференции, ни читатели «Правды» об этом еще не знали. Слова Хрущева стали первым упоминанием в печати о том, что вскоре станут именовать «военно-фашистским заговором». Всем стало ясно: в верхушке армии что-то происходит. Но вплоть до 11 июня население страны оставалось в неведении, что же именно. В этот день в газетах появилось сообщение в рубрике «В прокуратуре СССР» о деле «арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путны», обвиненных «в нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене РККА». Утверждалось, что «следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Я. Б. Гамарника, в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам сведения о состоянии Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов. Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью». Рассмотрение

дела было объявлено на закрытом заседании Специального судебного присутствия Военной Коллегии Верховного Суда СССР в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года. Этот закон, принятый сразу после убийства Кирова, предусматривал ускоренное рассмотрение обвинений в терроризме и контрреволюции, без участия защиты и без права обжалования приговоров и прошения о помиловании, которые приводились в исполнение немедленно. Весь судебный процесс Тухачевского и его товарищей занял один день, 11 июня. Расстреляли их в ночь на 12-е и утром того же дня приговор обнародовали в газетах. Как тогда было принято, он получил единодушное одобрение рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции. Среди одобрявших были артисты Художественного театра Леонид Леонидов и Николай Хмелев, братья академики С. И. и Н. И. Вавиловы (одному из них через несколько лет суждена была смерть в тюрьме, а другому — президентство в Академии), писатели, «инженеры человеческих душ» — Александр Фадеев и Всеволод Вишневский, Алексей Толстой и Николай Тихонов, Михаил Шолохов и Леонид Леонов, Александр Серафимович и Антон Макаренко… Никаких материалов следствия и суда не публиковали вплоть до начала 60-х, но во второй половине 30-х интеллигенты, как и весь народ, знали, что органы не ошибаются, а думающий иначе рискует прямиком угодить в их цепкие лапы. Коллективное письмо мастеров культуры требовало «расстрела шпионов»: «Мы вместе с народом в едином порыве говорим — не дадим житья врагам Советского Союза». Прямо как у Булгакова: «Да, погиб, погиб… Но мы-то ведь живы». Правда, авторы писем и телеграмм еще не знали приговора, не знали, что опальные военачальники уже мертвы, но в приговоре не ошиблись, по тексту сообщения от 11 июня заключив, что Тухачевский и другие — народ уже мертвый, даже если поживут еще несколько часов или дней.

Когда же начался путь «красного маршала» к плахе? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вернуться на полтора десятилетия назад, в начало 20-х годов. Тогда имя Тухачевского было популярно не только среди бойцов и командиров Красной Армии, но и среди оказавшихся в эмиграции офицеров и политиков белого лагеря. Вот, например, любопытный документ — разведсводка обосновавшейся на Балканах Русской армии барона П. Н. Врангеля от 15 февраля 1922 года. Там, в частности, утверждалось: «Единственная среда в России, которая могла бы взять на себя активную роль в деле свержения Советской власти, это — командный состав Красной Армии, т. е. бывшие русские офицеры. Они представляют из себя касту, спаянную

дисциплиной и общностью интересов; война и жизнь воспитали в них волю…» И тут же называется тот, с кем эмиграция связывает определенные надежды: «Лица, близко знавшие Тухачевского, указывают, что он человек выдающихся способностей и с большим административным и военным талантом. Но он не лишен некоторого честолюбия и, сознавая свою силу и авторитет, мнит себя русским Наполеоном. Даже, говорят, он во всём старается подражать Наполеону и постоянно читает его жизнеописание и историю. В дружеской беседе Тухачевский, когда его укоряли в коммунизме, не раз говорил: „Разве Наполеон не был якобинцем?..“ Молодому офицерству, типа Тухачевского и других, примерно до 40-летнего возраста, занимающему командные должности, не чужда мысль о единой военной диктатуре».

Здесь желаемое выдается за действительное. Подавляющее большинство служивших в Красной Армии бывших офицеров в тот момент не о перевороте помышляло, а о том, чтобы уцелеть, сохранить свою должность и паек (после окончания гражданской войны их уже начали увольнять в отставку, а кое-кого и репрессировать). Те, кто о перевороте помышлял, давно уже погибли или очутились за пределами России. Оставшиеся же думали уже только об устройстве собственной жизни, а не о свержении Советской власти. Руководители врангелевской армии, казалось бы, должны были задаться вопросом: почему же служащие красным бывшие поручики и штабс-капитаны, подполковники и генералы не использовали для переворота куда более благоприятное время гражданской войны, когда порой многие думали, что власть большевиков висит на волоске? Стоило задаться этим вопросом, и разведсводку, солидно озаглавленную «Комсостав и военспецы Красной Армии», следовало тотчас отправить в корзину для бумаг. Вместо этого неизвестный начальственный чин наложил на документ столь же солидную резолюцию: «Очень интересно». Что ж, как известно, надежда умирает последней.

И еще один преинтереснейший документ — протокол заседания Русского национального комитета в Финляндии от 29 февраля 1924 года, найденный солдатами Красной Армии на приграничной станции Райвола во время «незнаменитой» финской войны. Председательствовал на том заседании религиозный философ и историк церкви, кадет А. В. Карташев. Кроме него, присутствовало 17 человек, в том числе бывший лидер октябристов в Государственной Думе, промышленник А. И. Гучков, известные публицисты В. Л. Бурцев и Д. С. Пасманик, генералы Ю. Н. Данилов и П. Н. Шатилов

(последний — начальник штаба врангелевской армии). Обсуждался вопрос о настроениях в России. Гучков поделился сведениями, полученными агентурным путем: «Утверждают, что раскол велик и непоправим, вне насильственного переворота выхода нет. Переворот возможен только военный, либо дворцовый, либо в более широком масштабе. Сама власть так слаба, что свержение ее неизбежно. На ее место водворится красная диктатура (как будто в 24-м году существовала какая-то „красная демократия“! — Б. С.). Типичной фигурой является Тухачевский, сидящий в Смоленске. По сведениям одного осведомленного немца, он пользуется большим обаянием в массах (после Тамбова и Кронштадта?! — Б. С.). Некоторое время тому назад он был взят под подозрение, вызван в Москву. Предполагалось дать ему почетный, но не влиятельный пост. Он отказался выехать по вызову. В Смоленске погромное настроение против коммунистов и евреев. В самом гарнизоне идет открытая агитация». Далее идет комментарий, принадлежащий, скорее всего, Гучкову: «Наиболее отвечающая жизненным интересам России — группа Рыков, Красин, Сокольников. Троцкий мог бы примкнуть к ним. Рыков — человек сильной воли». Не могу удержаться, чтобы, в свою очередь, не прокомментировать комментарий. Он по-своему уникален. Здесь переврано буквально всё. В одну группу объединены лица, в действительности принадлежащие к различным партийным фракциям. Анекдотично, что запойный алкоголик А. И. Рыков, несмотря на занимаемый высокий пост председателя Совнаркома, никогда не игравший самостоятельной политической роли, назван волевым человеком. А «примкнувший к Рыкову» Троцкий — это вообще нечто запредельное, лежащее за гранью реальности, даже как анекдот не воспринимающееся. Данный пассаж показывает подлинный уровень осведомленности и способности анализировать обстановку в России, свойственные мыслителям эмиграции. А также представителям иностранных разведок, поскольку, как явствует из сообщения Гучкова, он опирался, среди прочих, и на материалы немецкой разведки или МИДа: «В оценке немцами положения в России за последнее время произошла перемена. Раньше они верили в эволюцию. Теперь они считают если и не неизбежным, то вероятным военный переворот. Указывают также на Тухачевского. Они не берутся только предсказывать, кто придет на смену власти, судьба которой предрешена, признают также полный экономический крах Советской власти (до которого, как показал опыт истории, оставалось еще целых 57 лет. — Б. С.). По мере ослабления центра население смелеет».

Как видим, в германских кругах очень рано стали приглядываться к Тухачевскому как к потенциальному «красному Бонапарту». Нэп и начавшаяся внутрипартийная борьба за ленинское наследство между сторонниками Троцкого и Сталина породили и у немцев сомнения в прочности господства большевиков. И все-таки тот же Карташев нашел в себе силы в конце протокола сделать пессимистический, но верный вывод: «Центр власти еще очень силен, говорить о падении ее преждевременно. Даже Троцкий ей не опасен. Подозрительные элементы в армии уничтожены».

И снова информация к размышлению. В период с ноября 1921 года по апрель 1927 года органы ОГПУ проводили агентурную разработку под условным названием «Трест». Эта история хорошо знакома читателям по роману биографа Тухачевского Льва Никулина «Мертвая зыбь» и по многосерийной телеверсии этого произведения — «Операции „Трест“». Так вот, оказывается, и сам Михаил Николаевич был использован чекистами для прикрытия «Треста», хотя об этом даже не догадывался. Напомню суть разработанной ОГПУ комбинации. Было легендировано существование мощной подпольной «Монархической организации Центральной России», сокращенно МОЦР. С ее помощью чекисты установили связь с основными эмигрантскими центрами и выявили значительную часть их агентуры в СССР, а также на некоторое время фактически парализовали деятельность в России Русского общевоинского союза, в который в сентябре 24-го была преобразована Русская армия. Руководство РОВСа убедили, что все операции на Родине надо проводить по линии МОЦР, то есть, фактически, под контролем ОГПУ. А для придания организации большей солидности в глазах зарубежных партнеров было, среди прочих, использовано популярное имя Тухачевского.

В декабре 1922 года глава МОЦР, агент ОГПУ, инженер А. А. Якушев, потомственный дворянин кстати сказать, встретился в Берлине с председателем Высшего Монархического Совета Н. Е. Марковым 2-м, бывшим в свое время одним из лидеров крайне правых в Государственной Думе. Он спросил Якушева, входят ли в МОЦР такие военачальники, как Тухачевский, С. С. Каменев, П. П. Лебедев и А. А. Брусилов. Александр Александрович, как он написал в адресованном на Лубянку донесении, с готовностью ответил: «Они не входят официально в организацию, но первые трое безусловно наши, а четвертый слишком состарился и не представляет ничего интересного». Позднее Михаила Николаевича сделали полноправным членом МОЦР. Как это произошло, изложил в составленном в 1931 году отчете об операции «Трест» сотрудник

особого отдела ОГПУ Стырне: «Неоднократно нам из-за рубежа рекомендовали вовлечь в Трест Тухачевского. Особенно монархическая молодежь хотела видеть в нем русского Бонапарта, предполагая, что он только прикидывается коммунистом, в действительности же монархист. „Поддавшись“ этим настроениям, за границу было написано (стиль у чекиста еще тот — прямо чеховский: „Проезжая мимо станции, с меня слетела шляпа“. — Б. С.), что Тухачевского удалось привлечь в Трест. Там (не в „Тресте“, конечно же, а за границей. — Б. С.) это сообщение произвело эффект…»

В свете чекистских признаний остается гадать, отражают ли процитированные выше документы эмигрантских организаций исходящую от ОГПУ дезинформацию о Тухачевском-контрреволюционере или независимые от нее эмигрантские чаяния насчет «красного Бонапарта», на роль которого Михаил Николаевич казался наиболее подходящим претендентом. Ведь до эмиграции и без стараний чекистов могли дойти слухи о вполне реальных конфликтах Тухачевского с политработниками в Смоленске (скорее всего, эти слухи и отразились в докладе Гучкова на заседании Русского национального комитета). Кроме того, Тухачевский до определенного момента почти в точности повторял карьеру Наполеона, и офицерам-эмигрантам очень хотелось, чтобы он прошел путь «первого консула» и дальше, став могильщиком революции. Чекисты же учитывали тоску эмиграции по сильной антибольшевистской власти и охотно поставляли кандидатов в будущие диктаторы-монархисты. И, конечно, Дзержинский, Менжинский, Ягода и их соратники прекрасно понимали, что великий князь Николай Николаевич, тот же Марков 2-й и правая рука Врангеля генерал Кутепов (сам Врангель понял провокационную роль «Треста» с самого начала) скорее поверят в монархические чувства бывших царских генералов и офицеров, вроде Н. М. Потапова, С. С. Каменева, Тухачевского или А. М. Зайончковского. Последнего сделали руководителем военного отдела «Треста», причем почтеннейший Андрей Медардович, хотя и состоял агентом-осведомителем ОГПУ, ни сном ни духом не подозревал, что чекистская фантазия вознесла его на столь высокий пост. Вместе с тем, руководители ОГПУ прекрасно понимали, что за границей никто бы не поверил, что к идеям реставрации монархии склонился луганский слесарь Клим Ворошилов или бывший земгусар, сиречь сотрудника Союза земств и городов, снабжавших в первую мировую войну русскую армию всем необходимым, Михаил Фрунзе (он же — Михайлов), царским судом приговоренный к смертной казни, а в большевистскую партию вступивший еще в 1904 году. Вот

Тухачевский — другое дело. И биография наполеоновская, и дворянство столбовое, и внешность подходящая. Оговорюсь только, что часто приписываемая Михаилу Николаевичу надменность в выражении лица и подражание в самом облике Бонапарту имели абсолютно прозаическую причину, ничего общего не имевшую с «наполеоновским комплексом». Тухачевский страдал базедовой болезнью, отчего глаза у него были несколько навыкате, а шея прямая и возвышающаяся над воротником мундира. Лидия Норд свидетельствует: «Он не переносил, когда что-нибудь стягивало шею, — это его „душило“. Поэтому военные портные шили ему гимнастерки и френчи с более низким, чем полагалось по форме, вырезом у ворота. Недоброжелатели его утверждали, что это он делает ради того, чтобы „похвастаться красотой шеи“. Осталось и небольшое пучеглазие, становившееся более заметным, когда он долго и напряженно работал». Отсюда родилась легенда о «бонапартистской» внешности и манерах «красного маршала».

В конце 1923 или в начале 1924 года кто-то решил, что в операции «Трест» ОГПУ с Тухачевским, что называется, переборщило, и дал указание перестать использовать его в деле с МОЦР. От кого исходило это указание, не выяснено до сих пор. Не исключено, что это был глава военного ведомства Троцкий, опасавшийся, что имя одного из популярных полководцев будет скомпрометировано в эмигрантской печати вследствие утечки информации о его мнимых связях с монархистами, что, в свою очередь, ударит по престижу Красной Армии. Но чекисты вывели Тухачевского из игры довольно своеобразно. Об этом подробно написал Стырне: «Так как было признано неудобным „числить“ Тухачевского в составе „Треста“ и было получено распоряжение прекратить игру с его фамилией (если распоряжение действительно исходило от Троцкого, то понятно, почему Стырне в 31-м году не называет имени уже два года как высланного из страны бывшего председателя Реввоенсовета. — Б. С.), — пришлось для заграницы вывести его из состава „Треста“. Но это нужно было сделать постепенно. Мы писали, что руководитель „Треста“ Зайончковский (который в то время еще и не знал о том, что он состоит в какой-то контрреволюционной организации), вопреки постановлению политического совета, не допускает к практической деятельности Тухачевского и что на этой почве возник серьезный конфликт между Зайончковским и другими руководителями „Треста“, дело якобы дошло до того, что крупнейшие руководители „Треста“ вынуждены уйти в отставку и ждут замены. Этот маневр давал некоторую передышку, так как в роли ушедших, но еще не сдавших должности трестовские

деятели могли некоторое время не проявлять особой деятельности. Работа организации временно заглохла». Через несколько недель МОЦР «оживили». Стырне по этому поводу писал следующее: «Было решено сообщить, что „конфликт“ улажен и Тухачевского оставили в покое. Париж разразился рядом писем, в которых излагал свое удовольствие по поводу ликвидации всех недоразумений».

Хотя в среде парижской эмиграции «Трест» опять предстал монолитным образованием, успешно преодолевшим внутренние трения, и чекисты благополучно ликвидировали ими же созданное «недоразумение», подобные «недоразумения» по отношению к Тухачевскому еще только начинались. Ведь какое впечатление должно было создаться у зарубежных монархистов: победитель Колчака и Деникина прямо-таки жаждет активной антисоветской работы, чтобы на практике доказать свою долго и тщательно скрываемую ненависть к большевикам, да вот только старый генерал Зайончковский его к делу не допускает. То ли излишне осторожничает, то ли видит в Тухачевском опасного конкурента, стремящегося возглавить армию новой, освобожденной от большевиков России или, чем черт не шутит, даже стать новым российским императором. Да, в очень двусмысленном положении оказался по милости Дзержинского Тухачевский в глазах парижской эмигрантской публики и связанных с нею разведок. Получалось, что теперь Тухачевский собирается бороться с Советской властью самостоятельно, без всяких там «Трестов»-МОЦРов. И не рискнуть ли послать к нему эмиссаров — вдруг что-нибудь путное выйдет?

У меня осталось стойкое ощущение, что работники ОГПУ загодя, еще в середине 20-х, готовили компромат на «социально чуждого» Тухачевского — авось пригодится, когда надо будет остановить слишком быстро шагающего вверх по ступенькам военной иерархии полководца.

А в эмиграции продолжали внимательно следить за Тухачевским. В октябре 1926-го агент ОГПУ Власов сообщил о своей встрече с Кутеповым, который «особенный интерес проявлял почему-то к т. Тухачевскому, спрашивал, не может ли быть он привлечен в ряды сторонников национального движения».

В апреле 1927 года одно из главных действующих лиц операции «Трест», агент ОГПУ Эдуард Оттович Опперпут (он же — Павел Иванович Селянинов, он же Стауниц, он же Касаткин — имен у этого авантюриста с темной биографией было не счесть) бежал в Финляндию и раскрыл хитроумную чекистскую комбинацию. После этого польская разведка весьма обстоятельно

проверила только что полученный по линии МОЦР доклад Тухачевского на имя Председателя Реввоенсовета, датированный 19 марта 1927 года. И к концу 1928 года выяснила, что имеет дело с обыкновенной дезинформацией, призванной преувеличить боевую мощь Красной Армии. Все приведенные в докладе данные опровергались сведениями, полученными из других источников. Это обстоятельство еще раз убедило поляков, что неудачливый покоритель Варшавы верой и правдой служит большевикам и ни о каких монархических переворотах не помышляет. Вот только с РОВСом и другими эмигрантскими организациями Варшава своими выводами насчет Тухачевского делиться не стала: разведка — занятие деликатное, не терпящее излишней огласки.

И Кутепов продолжал надеяться, что Тухачевский рано или поздно станет «красным Бонапартом», поможет ветеранам белого движения водрузить двуглавые орлы на кремлевские башни. В июле 28-го он обсуждал с еще одним агентом ОГПУ, неким Поповым, возможность установления «твердой и сильной диктатуры» на переходный период от Советской республики к монархии и пытался выяснить, как в связи с этим «Внутренняя российская национальная организация» (еще один чекистский «Трест») оценивает Тухачевского. Ранее другому эмигранту, историку С. П. Мельгунову, Попов поведал, что ВНРО предполагает сделать Тухачевского диктатором. Но на этот раз Кутепову агент ответил осторожно: «Нами был намечен этот кандидат только потому, что в своих рядах мы не находили человека, пользующегося в армии и у населения такой популярностью и симпатией, как Тухачевский». А значительно раньше, в конце 1925 года, всё тот же Попов дурил мозги насчет Тухачевского другому генералу-эмигранту, В. В. Бискупскому, представлявшему тех монархистов, что поддерживали права на престол великого князя Кирилла Владимировича. В донесении агент писал: «…Когда я ему (Бискупскому. — Б. С.) несколькими мазками нарисовал Тухачевского как чистейшего бонапартиста, то он сказал, чтобы мы обещали ему, что государь (Кирилл Владимирович. — Б. С.) его назначит флигель-адъютантом, если он перейдет на нашу сторону в нужный момент, и вообще бы не скупились всяких наград лицам, нам нужным, если этим можно перетянуть их на свою сторону». Подозреваю, что агент тут немного ошибся, то ли из-за того, что писал рапорт в спешке, то ли из-за незнания придворной иерархии. Совершенно невероятно, чтобы от имени великого князя Бискупский обещал Тухачевскому за поддержку монархического переворота всего лишь флигель-адъютантство — почетное звание офицеров императорской свиты в чине не выше полковника. Эта награда годилась бы для

гвардейского подпоручика, но никак не для того, кто являлся одним из руководителей Красной Армии и занимал должности генеральские, если не маршальские. Скорее всего, Бискупский тогда обещал Тухачевскому звание генерал-адъютанта, присваивавшееся состоявшим в свите полным генералам и генерал-лейтенантам. Хотя и этого в любом случае Михаилу Николаевичу показалось бы мало — он-то явно грезил о маршальском жезле.

Также и в Лондоне представители не существующего ВРНО должны были говорить эмигрантам, а также представителям британских политических кругов, что, «считаясь со свойствами характера, с популярностью, как в обществе, так особенно в армии, и с жизненной подготовкой», организация наметила на роль диктатора Тухачевского, «который, конечно, об этом не знает, но окружение его в этом случае… подготовлено в нужном направлении». Поэтому, заключали посланцы ВРНО: «У нас нет никаких сомнений, что в решительную минуту он будет с нами и во главе нас». Вроде бы Тухачевский и не предатель, но человек для Советской власти ненадежный — в решительную минуту возьмет и переметнется к белым.

ОГПУ, создав Тухачевскому довольно двусмысленную репутацию за границей, не оставляло его своими заботами и внутри страны. Еще в 1924 году на оперативный учет были взяты как «неблагонадежные» такие известные военачальники и военные теоретики из «бывших», как С. С. Каменев, И. И. Вацетис, Тухачевский, М. Д. Бонч-Бруевич (брат управляющего делами Совнаркома), А. А. Свечин, А. Е. Снесарев… Первое донесение не из-за границы, а с территории СССР о бонапартизме Тухачевского поступило от агента-осведомителя Овсянникова в декабре 1925 года. Там говорилось: «В настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось 2 течения: монархическое… и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М. Н. Тухачевского». Овсянников назвал ряд бывших царских офицеров, будто бы составлявших «кружок Тухачевского». Некоторых из этих офицеров ОГПУ завербовало, но ничего компрометирующего Михаила Николаевича они так и не смогли (или не захотели) сообщить.

Разрабатывала Тухачевского и старый проверенный агент Зайончковская, дочь умершего в 1926 году генерала. Она познакомилась с находившимся в Москве немецким журналистом Гербингом. Тот сообщил ей, в частности, что Тухачевский и С. С. Каменев, независимо друг от друга, работают на германский генштаб. Гербинг был известен своими связями с немецкой разведкой. Однако его свидетельства немного стоили. Дело в том,

что еще в 1927 году Опперпут публично разоблачил Зайончковскую как агента ОГПУ. А о работе Тухачевского на германскую разведку Гербинг сообщил ей только в 1929 году. Немцы сознательно дезинформировали советскую сторону насчет Тухачевского. И на то у них были свои причины. Занимая высшие должности в РККА, Тухачевский играл далеко не последнюю роль в военном сотрудничестве СССР и Германии. В 1932 году он посетил маневры рейхсвера и несколько германских военных заводов, постоянно контактировал с приезжавшими в Москву немецкими генералами и офицерами. Однако у последних, несмотря на всю присущую Михаилу Николаевичу дипломатичность, осталось стойкое впечатление, что к Германии Тухачевский относится враждебно и видит в ней главного потенциального противника. Так, в 1931 году германский посол в СССР Г. фон Дирксен подчеркивал в одном из писем, что Тухачевский «далеко не является тем прямолинейным и симпатичным человеком, столь открыто выступавшим в пользу германской ориентации, каковым являлся Уборевич (предшественник Тухачевского на посту начальника вооружений РККА. — Б. С.). Он — скорее замкнут, умен, сдержан». Уборевич-то, «непревзойденный воспитатель войск», если воспользоваться жуковским определением, не скрывал своего восхищения германской армией. Он прямо написал в отчете о своем тринадцатимесячном пребывании в Германии в 1927–1928 годах в связи с учебой в военной академии: «Немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения. Очень многому удалось поучиться, и многое еще остается нам у себя доделать, чтобы перейти на более совершенные способы боевой подготовки. Сейчас центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев, главным образом в том смысле, чтобы у себя научиться строить и применять новейшие средства борьбы: танки, улучшения в авиации, противотанковые средства, средства связи и т. д… Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас…» Не случайно советник германского посольства в Москве фон Твардовски в письме от 25 сентября 1933 года советнику германского МИДа В. фон Типпельскирху, родному брату известного военного историка генерала К. фон Типпельскирха, вспоминая о приеме, устроенном Тухачевским с участием высокопоставленных советских военачальников, отметил, что там «был и наш друг Уборевич». Тухачевского, что показательно, другом Германии он не назвал. Также и

германский генерал К. Шпальке, до начала 30-х являвшийся офицером связи рейхсвера при Красной Армии, в своих мемуарах подтверждает: «У Тухачевского, с его аристократической польской (скорее литовской. — Б. С.) кровью, можно было предполагать гораздо больше симпатий по отношению к Парижу, нежели Берлину, да и всем своим типом он больше соответствовал идеалу элегантного и остроумного офицера французского генштаба, чем солидного германского генштабиста. Он пошел на расхождение с Германией, был за войну с Германией на стороне западных держав».

Интересно, что письма Дирксена и Твардовски были перехвачены советской агентурой. Так что ОГПУ было в курсе, как в действительности немцы относятся к Тухачевскому.

Правда, и Михаилу Николаевичу приходилось расточать комплименты рейхсверу. Например, 13 мая 1933 года на приеме у Ворошилова в честь германской делегации во главе с начальником вооружений германской армии генералом В. фон Боккельбергом. Тогда Тухачевский напомнил немцам: «Не забывайте, что нас разделяет наша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной-Армии к рейхсверу. И всегда думайте вот о чем: вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе». А во время посещения немецкой делегацией объектов советской военной промышленности и авиационного училища в Каче (путешествие сопровождалось обильными возлияниями — во время одного из банкетов немецкий генерал даже свалился под стол, перебрав русской водки) Тухачевский, как гласил отчет Боккельберга, «на завтраке в узком кругу неоднократно подчеркивал, что для того, чтобы Германии выйти из затруднительной политической ситуации, он желает ей, как можно скорее, иметь воздушный флот в составе 2000 бомбовозов». Текст доклада стал достоянием советской разведки, и Ворошилов подчеркнул тремя жирными чертами синим карандашом слова о 2000 бомбовозах. Однако очевидно, что никакого криминала тут со стороны Тухачевского не было. И не под влиянием атмосферы дружеского застолья и алкогольных излишеств Михаил Николаевич, вообще никогда не напивавшийся допьяна, провозглашал здравицы скорейшему перевооружению рейхсвера.

Еще до прихода Гитлера к власти руководители рейхсвера приняли решение постепенно отказаться от ограничений, накладываемых Версальским договором, о чем известили Москву. Еще 28 июля 1932 года советник советского полпредства в Германии С. С. Александровский известил НКИД: «Под строгим секретом Нидермайер (тогдашний шеф германской разведки. —

Б. С.) сообщил, что с осени в Берлине начнет работать военная академия, запрещенная Версальским договором… Шлейхер (командующий рейхсвером. — Б. С.) берет курс на полное разрушение совершенно невыгодных и устарелых форм, предписанных рейхсверу Версалем. Практически это означает упразднение ряда таких форм… В достаточно осторожной форме Нидермайер дал понять, что такая коренная реорганизация армии направлена против Запада (Франции) и будет проделываться вопреки международным запрещениям».

Советские руководители всерьез рассчитывали, что перевооруженная германская армия двинется прежде всего против творцов Версальской системы, а СССР удастся какое-то время оставаться над схваткой в позиции «третьего радующегося». В то же время насчет любви рейхсвера к коммунизму не заблуждались. Ворошилов в одном из писем советскому полпреду в Берлине Л. М. Хинчуку признавался: «Мы никогда не забывали, что рейхсвер с нами „дружит“ (в душе ненавидя нас) лишь в силу создавшихся условий, в силу необходимости иметь „отдушину“ на Востоке, иметь хоть какой-нибудь козырь, чем пугать Европу. Вся „дружба“ и сотрудничество рейхсвера шли по линии стремления дать нам поменьше и похуже, но использовать нас возможно полнее». Точно такие же подозрения были и с немецкой стороны, только, разумеется, по отношению к Красной Армии.

В первые недели и даже месяцы после прихода Гитлера к власти Сталин, вероятно, полагал, что нацистский режим непрочен, и питал какие-то надежды, что с помощью рейхсвера удастся сместить фюрера, а затем образовать с немецкими «друзьями» блок против Англии и Франции. Потому-то и говорил Тухачевский генералам рейхсвера, уже после поджога рейхстага и развертывания антикоммунистической кампании в Германии, о возможности СССР и Рейху совместно диктовать свои условия остальному миру, потому-то намекал на необходимость Германии «выйти из затруднительной политической ситуации», имея в виду не только оковы Версаля, но и приход нацистов к власти. Однако очень скоро стало ясно, что гитлеровский Третий Рейх — если и не на тысячу лет, как мечтал Гитлер, то по крайней мере всерьез и надолго, хотя бы на ближайшую пятилетку. И воевать придется не вместе с рейхсвером, а против рейхсвера. Поэтому уже летом 33-го Советский Союз отказался послать своих военных на учения рейхсвера. Германская сторона, в свою очередь, не стала направлять немецких офицеров на советские маневры. Ни СССР, ни Германия не хотели теперь усиливать потенциал друг друга, видя в недавнем партнере потенциального противника. И уже осенью было эвакуировано имущество немецких объектов —

танковой школы под Казанью (объект «Кама»), авиационной школы в Липецке (объект «Липецк») и, самого секретного, предприятия по производству столь любезных Тухачевскому боевых отравляющих веществ в Самарской области, на Волге, недалеко от города Вольска (объект «Томка»). Советско-германская дружба кончилась, чтобы ненадолго воскреснуть в 39-м.

ОГПУ вынуждено было держать под сукном материалы о якобы преступных связях Тухачевского с германским Генштабом. Пока военное сотрудничество, с рейхсвером продолжалось, не с руки было менять его главных действующих лиц, обладавших и опытом, и сверхсекретной информацией. Главное же, арест по такому обвинению одного из высших военачальников легко мог скомпрометировать взаимовыгодные связи с Германией в военной области и даже парализовать их. Если Германия имела возможность готовить на советской территории кадры тех родов войск, что были запрещены Версалем, то СССР получал доступ к немецким военным технологиям и образцам вооружений и боевой техники, а также мог заимствовать опыт боевой подготовки у рейхсвера, в этой области на голову превосходившего Красную Армию.

Сменивший Дзержинского В. Р. Менжинский решил прощупать Тухачевского с другой стороны. В 1930 году в ходе уже упоминавшейся операции «Весна» в числе примерно 5 тысяч бывших царских офицеров арестовали хорошо знавших Тухачевского преподавателей военной академии Н. Е. Какурина и И. А. Троицкого. 26 августа 1930 года чекисты добились от Какурина компрометирующих показаний на Тухачевского. Бывший полковник императорской армии сообщил: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки. В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский, Эйстрейхер, Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт. В момент и после XVI съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклона и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В дни 7–8 июля (1930 года, когда на съезде громили Бухарина, Рыкова и их сторонников. — Б. С.) у Тухачевского последовали встречи и беседы вышеупомянутых лиц и сделаны были последние решающие установки, т. е. ждать, организуясь». Троицкий в своих показаниях также говорил о

симпатиях Тухачевского к правому уклону.

Под давлением следователей Какурин обычным встречам военных в неофициальной обстановке, за ужином или, в выходные и праздники, за обедом, придал характер конспиративных сходок, а застольные разговоры представил как организацию заговора для установления диктатуры в союзе с правыми. Дальше — больше. Николай Евгеньевич поведал, как вербовал Тухачевский новых заговорщиков и сколь популярен он в армии, так что в случае чего может и на Кремль полки двинуть. Правда, ничего конкретного несчастный подследственный об антиправительственной деятельности Тухачевского, за пределами разговоров, придумать так и не смог. А сами следователи еще недостаточно знали Тухачевского и его окружение, чтобы подсказать Какурину более или менее грамотную легенду. Они даже не обратили внимания, что второго «заговорщика», Троицкого, он даже не назвал среди собиравшихся у Тухачевского.

10 сентября 1930 года Менжинский направил протоколы допросов Какурина и Троицкого Сталину, сопроводив их следующим письмом: «Я доложил это дело т. Молотову и просил разрешения до получения ваших указаний держаться версии, что Какурин и Троицкий арестованы по шпионскому делу. Арестовывать участников группировки поодиночке — рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая агентурные меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск».

Однако напугать отдыхавшего в Сочи Иосифа Виссарионовича Вячеславу Рудольфовичу не удалось. Сталин 24 сентября написал Орджоникидзе: «Прочти-ка поскорее показания Какурина — Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу об этом. Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии… Ну и дела… Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело. Лучше было

бы отложить решение вопроса, поставленного в записке Менжинского, до середины октября, когда мы все будем в сборе. Поговори обо всем этом с Молотовым, когда будешь в Москве».

Менжинский хотел помочь Сталину связать Бухарина и его товарищей с военным заговором, чтобы можно было их тотчас посадить на скамью подсудимых. Но вождь «подарка» не принял. Время еще не пришло. Конечно, Сталин не хуже шефа ОГПУ знал, что никакого заговора нет и в помине, что десяток военных, да еще в большинстве — преподаватели академий или, как Тухачевский, хотя и командующие войсками округа, но не столичного, военный переворот произвести при всем желании не смогут. Что для такого переворота надо вовлекать в заговор многих строевых командиров, вплоть до полкового уровня, а при таком размахе деятельности заговорщиков она не может остаться не замеченной агентами ОГПУ и армейскими политорганами. Никаких же донесений о низовых ячейках заговора в материалах Менжинского нет. А для дворцового переворота необходимо иметь на своей стороне кремлевскую охрану, состоящую из чекистов, а не из военных, и Тухачевскому и его товарищам ни с какого боку не подконтрольную. Значит, насчет заговора — всё чистейшей воды липа. Потому Сталин и послал протоколы Орджоникидзе, будучи осведомлен о его дружбе с Тухачевским. И прямо просил не торопиться с разбором дела, отложить его почти на месяц. Иосиф Виссарионович хотел получить на будущее козырь против как Тухачевского, так и «дорогого друга» Серго.

В тот момент Сталин не собирался арестовывать ни Бухарина, ни Тухачевского. Слишком рано. Тухачевский нужен для реорганизации Красной Армии. А у Бухарина есть еще сторонники в партии. Надо потихоньку вычесть их, а потом и устранение «любимца партии» «Бухарчика» никого особенно не встревожит. Но вот на будущее «великий вождь и учитель» сделал оговорку: «Конечно, возможно, раз оно не исключено». Вроде и Орджоникидзе он доверяет — «материал сугубо секретный», знаем только я, Молотов и ты, так что оправдывай доверие. Сталин понимал, что Орджоникидзе в измену друга не поверит, будет хлопотать за него. Сейчас это только на руку — ведь в действительности Иосиф Виссарионович в тот момент не собирался ставить Тухачевского к стенке. Зато когда время приспеет, это письмо даст возможность обвинить «дорогого друга» Серго в политической близорукости: Сталин ведь предупреждал его насчет Тухачевского, да Григорий Константинович по доброте душевной не поверил.

Тем временем из Какурина 5 октября выбили новые показания. Окончательно сломленный краском заявил: «Михаил

Николаевич говорил, что… можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы. Я не исключаю возможности, сказал он, в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти, и политические и личные, разгораются настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы. Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина… У Михаила Николаевича, возможно, есть какие-то связи с Углановым и, возможно, с целым рядом других партийных или околопартийных лиц, которые рассматривают Тухачевского как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией. Сейчас, когда я имел время глубоко продумать всё случившееся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности».

Менжинский со товарищи шили Тухачевскому расстрельное дело: умысел на теракт, да еще не на кого-нибудь, а на самого Сталина, не ведая, что вождь уже принял решение: Тухачевского пока не трогать. Михаилу Николаевичу была дана очная ставка с Какуриным и Троицким. Позднее, уже после ареста Тухачевского, Сталин, выступая на заседании Военного Совета 2 июня 1937 года, вспоминал: «Мы обратились к т. т. Дубовому, Якиру и Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали нет, это должно быть какое-нибудь недоразумение, неправильно… Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть. Теперь оказывается, что двое военных, показавших на Тухачевского, показывали правильно…» Какурин умер в тюрьме еще в 1936 году, а Троицкого, несмотря на «правдивые показания», благополучно расстреляли в 39-м. Не лучше была и судьба военачальников, поручившихся за Тухачевского. Я. Б. Гамарнику посчастливилось застрелиться и тем избежать позорного суда и казни. И. Э. Якира расстреляли вместе с Тухачевским, а И. Н. Дубового немного погодя, в 38-м. Воистину, ни одно доброе дело не остается безнаказанным…

Материал на Тухачевского, равно как и на других руководителей Красной Армии, продолжали копить. Пригодится… Старалась вездесущая Зайончковская, кстати сказать, двоюродная сестра Какурина. Со ссылкой на всё того же Гербинга, она в 1934 году информировала о будто бы существующем заговоре военных, планирующих покушение на Сталина. Гербинг якобы сказал ей: «Что такое большевики для русской армии? Это не враги, а тот, кто не враг, тот уже по

существу и не большевик. Тухачевский — не большевик, им никогда и не был, Уборевич — тоже. Каменев тоже. Не большевик и Буденный. Но их выбор… пал на Тухачевского». Возможно, после прекращения сотрудничества с СССР германская разведка разочаровалась в германофильстве Уборевича и решила распустить слухи, компрометирующие его наравне с Тухачевским. Однако Сталин пока что на сигналы по поводу военной верхушки не реагировал. А один из руководителей НКВД, начальник Особого отдела М. И. Гай, на донесении Зайончковской, где она обвиняла в измене не только Тухачевского, но и Путну, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Сергеева и других, наложил красноречивую резолюцию: «Это сплошной бред старухи, выжившей из ума. Вызвать ее ко мне». Между тем, «выжившая из ума старуха» благополучно пережила не только оклеветанных ею военных, но и самого Гая, сгинувшего в пучине репрессий. Даже в хрущевскую оттепель Татьяна Андреевна, как и другие сексоты, не понесла наказания за доносы.

Только во второй половине 1936 года Сталин посчитал, что пришла пора браться за Тухачевского и его единомышленников. Лидия Норд думала, что толчком послужили разногласия по поводу войны в Испании. Современные историки, в частности Н. А. Зенькович, в качестве непосредственного повода указывают на ссору во время банкета после парада 1 мая 1936 года. Тогда, после изрядной дозы горячительных напитков, Ворошилов, Буденный и Тухачевский заспорили о делах давних: кто же был виновником поражения под Варшавой, а затем очень скоро перешли на современность. Тухачевский обвинил бывших руководителей Конармии, что они на ответственные посты расставляют лично преданных им командиров-конармейцев, создают собственную группировку в Красной Армии. Ворошилов раздраженно бросил: «А вокруг вас разве не группируются?»

О том, что было на банкете, а потом на Политбюро, Ворошилов рассказал в начале июня 37-го на расширенном заседании Военного Совета, целиком посвященном «контрреволюционному заговору в РККА»: «В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии т. т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного… тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание Политбюро и на этом заседании подробно разобрать, в чем дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к

прежнему результату». Тут подал реплику Сталин: «Он отказался от своих обвинений». «Да, — повторил Ворошилов, — отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно».

Получилась так, что Тухачевский сам ускорил свой конец. Позднее, на следствии и суде, он и другие заговорщики признались, что хотели добиться смещения Ворошилова с поста наркома обороны. В преемники ему прочили Тухачевского, хотя на следствии Примаков говорил о Якире в качестве кандидата в наркомы, поскольку тот якобы был близок с Троцким. Так что скандал на первомайском банкете разразился неспроста. Уборевич на суде подтвердил: «Мы шли в правительство ставить вопрос о Ворошилове, нападать на Ворошилова, по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что он крепко выступит против Ворошилова». Из единомышленников Тухачевского только начальник Политуправления РККА Гамарник и командующий Киевским военным округом Якир были полноправными членами ЦК. Поэтому вполне объяснимо, что именно Гамарнику, второму лицу в военной иерархии, руководителю всех армейских политработников, доверили главную роль в критике Ворошилова на Политбюро.

Намерение сместить Ворошилова Специальное судебное присутствие расценило ни больше ни меньше как умысел на теракт. Хотя еще на следствии Примаков показал, что вел со своими друзьями разговоры, «носящие характер троцкистской клеветы на Ворошилова, но никаких террористических разговоров не было. Были разговоры о том, что ЦК сам увидит непригодность Ворошилова…». В дальнейшем, правда, со ссылкой на Н. В. Куйбышева, Виталий Маркович выразился насчет наркома еще резче: «Комкор Куйбышев говорил мне, что Ворошилов, кроме стрельбы из нагана, ничем не интересуется. Ему нужны либо холуи вроде Хмельницкого (многолетнего ворошиловского адъютанта в генеральском звании. — Б. С.), либо дураки вроде Кулика, либо на всё согласные старики вроде Шапошникова. Ворошилов не понимает современной армии, не понимает значения техники…» Нет сомнения, что так же оценивал Климента Ефремовича Тухачевский.

Что ж, разногласия и даже склоки в военном ведомстве бывают в самых разных странах мира, в том числе и демократических. Можно допустить, например, что в Англии начальник имперского генерального штаба обратится к премьеру с просьбой освободить от занимаемой должности министра обороны, который, скажем, оказался никудышним

администратором и с которым поэтому невозможно работать. И сценарий разрешения подобной ситуации тоже вполне предсказуем. Даже если генерал оказался целиком прав и гражданский министр — человек явно не на своем месте, начальника штаба всё равно почти наверняка отправят в отставку, хотя и почётную — с полной пенсией и правом ношения мундира. И поступят так, чтобы соблюсти один из основополагающих принципов демократического государства: невмешательство военных в политику. Но, что любопытно, такой же принцип исповедуют и диктаторы (понятное дело, если речь не идет о военных диктатурах), видя в политической активности армии угрозу своему господству. Его свято придерживались и Гитлер, и Сталин. Последний был уверен, что Тухачевский, Гамарник и прочие интригу против Ворошилова будут продолжать и при удобном случае вновь поставят на Политбюро вопрос о его отставке. Такого Сталин допустить не мог. Сегодня военачальники указывают ему, пусть еще только в мягкой, просительной форме (скорее всего, на майском заседании Гамарник прямо вопрос о снятии Ворошилова даже не поставил — иначе бы это отразилось в материалах следствия и суда). Завтра могут потребовать перемен во внешнеполитическом курсе или во внутренней политике. Отказываться от услуг преданного Клима Сталин в тот момент не собирался. Для снятия Ворошилова с поста наркома потребовались катастрофические неудачи в войне с Финляндией, когда воочию выявилась его некомпетентность. «Первого маршала» заменили другим конармейцем, С. К. Тимошенко, за стоивший огромных жертв прорыв линии Маннергейма объявленным победителем финнов. Увольнять же в отставку маршала Тухачевского, армейского комиссара 1-го ранга Гамарника, командармов 1-го ранга Уборевича и Якира и других представителей антиворошиловской группировки в высоких чинах Иосиф Виссарионович считал делом не только не нужным, но и опасным. Популярность какая-никакая в армии у опальных руководителей останется, в своей отставке они будут винить не одного только Ворошилова, но в первую очередь его, Сталина. И кто знает, не обратится ли к услугам того же Тухачевского или Якира в случае кризиса кто-нибудь из Политбюро или оставшихся в армии командиров — их сторонников? Надежнее не увольнять, а арестовать, ошельмовать и расстрелять. Нет человека — нет проблемы. А поскольку назначения всего высшего комсостава и политработников производились с согласия, а иной раз и по прямой рекомендации Тухачевского, Гамарника, Уборевича, Якира, а главное управление начальствующего состава несколько лет возглавлял

ближайший друг Тухачевского Фельдман, то под подозрение автоматически попали почти все командармы, комиссары, комкоры, комдивы, комбриги и так далее — вплоть до командиров полков. Исключение было сделано только для представителей «конармейской группировки»; а также некоторых военачальников, к ней не относящихся, но в чьей преданности Сталин не сомневался. К этим последним принадлежал, в частности, «на всё согласный старик» Б. М. Шапошников, к советам которого вождь внимательно прислушивался и единственного из военных называл по имени и отчеству — не «товарищ Шапошников», а «Борис Михайлович».

Разгоревшаяся война в Испании, в которую с самого начала оказались активно вовлечены Германия и Италия, очевидно, расценивалась Сталиным как предвестница новой мировой войны, в преддверии которой требовалось очистить Красную Армию от неблагонадежных (или казавшихся неблагонадежными) командных и политических кадров. Кроме того, численность вооруженных сил планировалось увеличить в несколько раз, а для этого требовалось много новых командармов, комкоров и комдивов, в несколько раз больше, чем было в 37-м. Так что ликвидация тех, кто продвигался по ступеням военной иерархии во времена Тухачевского и Гамарника, или, еще хуже, при Троцком, принципиально, как полагал Сталин, положения в армии не меняла. Просто придется немного увеличить выпуск военных академий и училищ. Незаменимых людей нет. Зато новые командиры и комиссары округов, армий, корпусов и дивизий, памятуя о судьбе предшественников, и думать забудут о какой-либо фронде, тем более об оппозиции партии и лично генсеку. В результате вплоть до начала Великой Отечественной войны репрессированы оказались трое из пяти маршалов, носивших это высокое звание в 1937 году, оба армейских комиссара 1-го ранга, все 5 командармов 1-го ранга и все 12 командармов 2-го ранга, равно как все 6 флагманов флота 1-го ранга и 2 флагмана 2-го ранга, а также все 15 армейских комиссаров 2-го ранга. Почти полностью были уничтожены и ком коры, комдивы и комбриги: из 67 комкоров пострадало 60, из 28 корпусных комиссаров — 25, из 199 комдивов — 136, из 97 дивизионных комиссаров — 79, из 397 комбригов — 221 и из 36 бригадных комиссаров — 34. Репрессировали также почти половину командиров полков.

Война в Испании, вероятно, побудила Сталина начать подготовку к устранению со сцены Тухачевского и его команды. Однако сам этот процесс растянулся почти на год. В августе 36-го, как я уже говорил, арестовали Примакова и Путну. Тухачевский

еще не ощущал опасности. Но несколько месяцев спустя, на пленуме ЦК в феврале — марте 37-го, должен был забеспокоиться. Там выступил Ворошилов и заявил: «В армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю — к счастью, надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного. Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры; страна выделяет самых здоровых и крепких людей». Но тут же оговорился: «Я далек, разумеется, от мысли, что в армии везде и всё обстоит благополучно. Нет, совсем не исключено, что и в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем». Нарком обороны рассказал, каких врагов НКВД уже выявил в РККА: «Это в своем большинстве высший начсостав, это лица, занимавшие высокие командные посты. Кроме этой, сравнительно небольшой группы вскрыты также отдельные, небольшие группы, вредителей из среды старшего и низшего начсостава в разных звеньях военного аппарата».

Получалось, что в массе, если считать рядовых красноармейцев и младший командный состав, Красная Армия безусловно предана партии и Сталину. Нет изменников среди крепких и здоровых призывников (на самом деле, не очень-то здоровых, как мы убедились на примерах, приводимых Тухачевским: по росту и весу красноармейцы значительно уступали солдатам «буржуазных армий»). Нет их и среди бравых командиров взводов, рот и даже, пожалуй, батальонов. А вот выше картина, быть может, не столь благостная. Среди гораздо менее многочисленной прослойки командиров дивизий, корпусов и даже, сказать страшно, целых военных округов враги, вполне вероятно, угнездились всерьёз и не сегодня-завтра могут нанести подлый удар в спину Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Значит, их надо как можно скорее выявить и обезвредить. Какие теплые чувства к нему питает Ворошилов, Тухачевский прекрасно знал и понимал, среди кого Климент Ефремович начнет искать «врагов народа». Нарком же между тем углубился в прошлое, обратившись к тем временам, когда Троцкий в начале 20-х во фракционной борьбе «пытался опереться на кадры армии»: «На этом этапе своей вражьей вылазки против партии и Ленина Троцкий был бит. Но он не сложил оружия, а повел углубленную подрывную работу. И к 1923 году ему удалось — об этом нужно прямо сказать — с помощью своей агентуры добиться немалых успехов в Красной Армии. В 1923–1924 годах троцкисты имели за собой, как вы помните, об этом помнить следует, почти весь Московский гарнизон. Военная академия почти целиком, школа ВЦИК, артиллерийская школа, а также большинство других

частей гарнизона Москвы были тогда за Троцкого». — «И штаб Московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого», — поддакнул Ворошилову Гамарник, как видно, всё еще не подозревавший, что очень скоро сам окажется в списке врагов народа. А когда нарком назвал арестованных комкоров Примакова и Путну «виднейшими представителями старых троцкистских кадров», а об арестованном вместе с ними комкоре С. А. Туровском сказал, что тот, «не будучи в прошлом троцкистом, тем не менее, невзирая на отрицание пока своей виновности, очевидно, в скрытом виде тоже является сочленом троцкистской банды», Тухачевский, должно быть, успокоился. Надеялся, что Виталия Марковича и Витовта Казимировича взяли за старые грехи — поддержку троцкистской оппозиции, а вовсе не как близких к нему, Тухачевскому, людей. Ведь сам Михаил Николаевич Троцкого, равно как и группу Бухарина и Рыкова, никогда не поддерживал, о чем потом и на следствии говорил и на суде заявил: «Я всегда во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых… Так что я на правых позициях не стоял… Что касается моего выступления против Троцкого в 1923 году, то мною лично был написан доклад по этому поводу и послан в ЦК». Никто из следователей или судей доклада, подрывающего обвинения против Тухачевского в троцкизме, искать не стал. Его текст не найден до сих пор. Но тогда, на пленуме, маршалу будущий скорый и неправый суд даже в страшном сне не мог присниться.

Ворошилов тем временем стал излагать показания арестованных, и Михаил Николаевич снова насторожился. «Ни Примаков, ни Туровский пока не признали своей виновности, хотя об их преступной деятельности имеется огромное число показаний. Самое большое, в чем они сознаются, это то, что они не любили Ворошилова и Буденного, и каются, что вплоть до 1933 года позволяли себе резко критиковать и меня, и Буденного. Примаков говорит, что он видел в нас конкурентов, он-де кавалерист, и мы с Буденным тоже кавалеристы». Здесь присутствующие дружно засмеялись, еще не зная, что многим из них вскоре придется оказаться там же, где Примаков, и разделить судьбу легендарного предводителя червонного казачества. Не знаю, смеялся ли Тухачевский. Думаю, что нет, хотя это было рискованно: могли заподозрить либо в сочувствии арестованному комкору, либо в наличии у первого заместителя наркома обороны прегрешений потяжелее примаковских. Слова Ворошилова наверняка навели Тухачевского на грустные мысли. Ведь он тоже позволял себе публично, в присутствии руководителей партии и государства, критиковать Климента Ефремовича и Семена

Михайловича, причем не только до 33-го, но и совсем недавно, еще года не прошло. А Ворошилов-то рассказывал, что Путна и другой арестованный, комдив Д. А. Шмидт, готовили на него покушение, как готовил такое же покушение Туровский… Вряд ли этому поверил Тухачевский, но он понимал: следователи разговоры против Ворошилова без особых усилий превращают в намерение убить наркома обороны…

После завершения Пленума прошел месяц, ничего тревожного в жизнь Тухачевского не внеся. Гром грянул только во второй половине апреля, причем теперь молния была направлена непосредственно в Михаила Николаевича. Тухачевский с женой собирался в Лондон на коронацию короля Георга VI. И вдруг поездка отменяется. Нарком внутренних дел Н. И. Ежов 21 апреля 1937 года направил спецсообщение Сталину, Молотову и Ворошилову: «Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки тов. Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из 4 человек (3 немцев и 1 поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международное осложнение. Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану тов. Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку тов. Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить». На этой бумаге Сталин написал: «Членам Политбюро. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением т. Ежова. Нужно предложить т. Ворошилову представить другую кандидатуру». Политбюро безропотно согласилось с вождем и на следующий день постановило поездку Тухачевского отменить. Вместо него в Лондон отправился флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов, начальник морских сил РККА и заместитель наркома обороны (его расстреляли годом позже, чем Тухачевского, 28 июля 1938 года). 23 апреля Михаила Николаевича ознакомили с текстом спецсообщения, резолюцией Сталина и решением Политбюро. Что он должен был подумать? С одной стороны, публикации Тухачевского с резкой критикой ремилитаризации Германии были широко известны и снискали к нему ненависть в Берлине. Так что в принципе нельзя было исключить, что немцы собирались физически уничтожить того из руководителей Красной Армии, кто считался наиболее антигермански настроенным. Однако оговорка в записке Ежова о том, что теракт, возможно, готовится, чтобы спровоцировать

международные осложнения, меняла суть дела. В таком случае покушавшимся было бы практически всё равно, кого из заместителей Ворошилова убивать — Тухачевского или Орлова. НКВД точно так же не мог гарантировать стопроцентную безопасность начальнику морских сил, но его почему-то рискнули отправить на Туманный Альбион. Поэтому у маршала наверняка зародилось подозрение, что именно его по какой-то причине не хотят выпускать за границу. То ли боятся, что станет невозвращенцем, то ли втайне готовят расправу и не хотят, чтобы будущий «враг народа» представлял Советский Союз на торжествах.

И совсем плохо почувствовал себя Тухачевский 1 мая 1937 года на традиционном банкете в ворошиловской квартире. Об этом банкете вспоминал бывший начальник разведуправления Красной Армии, комкор С. П. Урицкий. Вспоминал при обстоятельствах для себя очень печальных. Снятый с должности и арестованный, Семен Петрович написал письмо наркому обороны, пытаясь уверить Ворошилова в своей невиновности (не помогло — в 38-м Урицкого расстреляли). В этом письме, в частности, говорилось: «…1 мая 1937 года после парада у Вас на квартире вождь сказал, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в Октябрьскую годовщину». В сталинских словах был недвусмысленный намек, что не всем из присутствующих доведется вновь оказаться за этим столом 7 ноября того же года. Тухачевский вполне мог перенести этот намек на себя.

Первый прямой удар по Тухачевскому последовал 10 мая. Это был нокдаун. Маршал, если использовать боксерскую терминологию, «поплыл», впал в состояние «гроги». Политбюро приняло предложение Ворошилова освободить Тухачевского от обязанностей первого заместителя наркома обороны и назначить командующим второстепенным Приволжским военным округом. Тем же постановлением Якир переводился с Киевского округа на Ленинградский и тем самым терял место в Политбюро Компартии Украины (это облегчило впоследствии процедуру его ареста). Начальником Генштаба стал командарм 1-го ранга Шапошников, а первым заместителем наркома — маршал Егоров. 13 мая Тухачевский добился приема у Сталина. О чем они говорили, точно неизвестно. Но кое-какие сведения, как маршалу объяснили причины его опалы, имеются. Старый друг Кулябко, доживший до реабилитации, показал партийной комиссии, что, когда узнал о назначении Тухачевского в Приволжский округ, бросился к нему на квартиру. Маршал объяснил, что «причиной его перевода в

Куйбышев, как об этом сообщили в ЦК партии, является то обстоятельство, что его знакомая Кузьмина и бывший порученец оказались шпионами и арестованы». Так же и Лидия Норд рассказывает, что поводом для смещения ее зятя послужили его связи с женщинами. Она передает разговор Тухачевского с Гамарником, а также описывает подавленное состояние маршала (скорее всего, узнав о малопочетной ссылке в Куйбышев, Михаил Николаевич отправился к своему ближайшему другу Фельдману, в апреле 37-го назначенному заместителем командующего Московским военным округом, и, может быть, у него и писал письма в высокие инстанции): «Смещение Тухачевского… ошеломило не только сотрудников Наркомата обороны и Генерального штаба, но и всю армию. Тухачевский принял это как пощечину. Сразу осунувшийся, непрерывно теребя душивший его воротник гимнастерки, он сидел и писал письма — Ворошилову, в ЦК партии и Сталину, требуя полной отставки и демобилизации. Он писал, рвал написанное и снова писал. Отправив письма, сказал: „Возможно, погорячившись, я написал лишнее, но это ничего… они еще не раз вспомнят меня…“ Вместо ответа он получил от Ворошилова предписание немедленно выехать по месту назначения. Сталин молчал (о том, что Тухачевский все-таки встретился с диктатором, Лидия Норд не знала. — Б. С.)… Лучше всех отнесся к опальному маршалу Гамарник. Глава Политического Управления армии, не кривя душой, сообщил Тухачевскому, что у него есть копия постановления ЦК партии относительно снятия Тухачевского с поста заместителя наркома. „Кто-то под тебя, Михаил Николаевич, сильно подкапывался последнее время, — сказал он. — Но, между нами говоря, я считаю, что все обвинения ерундовые… Зазнайство, вельможничество и бытовое разложение, конечно… Бабы тебя сильно подвели — эта… твоя блондинка, Шурочка… И „веселая вдова“ — Тимоша Пешкова“. — „Со Скоблиной я уже несколько лет тому назад порвал, — ответил Тухачевский, — а за Надеждой Алексеевной больше ухаживал Ягода, чем я“. — „А ты со Скоблиной не виделся, когда вернулся из Англии, не привозил ей подарков?..“ — „Не виделся и никаких подарков не привозил. Она мне несколько раз звонила по телефону, но я отвечал, что очень занят“. — „И лучше не встречайся с ней больше… И с Ягодой не соперничай… А в остальном положись на меня. Обещаю тебе, что постараюсь это всё распутать, и уверен — ты недолго будешь любоваться Волгой, вернем тебя в Москву“.

Михаил Николаевич вернулся от Гамарника несколько успокоенный, но возмущаться не переставал. „Когда у нас хотят съесть человека, то каких только гадостей ему не припишут, —

говорил он, шагая по комнате. — Разложение… Три раза был женат. Ухаживаю за женщинами… Вот наш мышиный жеребчик — Михаил Иванович Калинин — отбил Татьяну Бах от Авербаха и третий год содержит ее в роскоши, и ЦК партии покрывает все „Бах-Бахи“ всесоюзного старосты…“

В тот же день Шура несколько раз звонила Тухачевскому, говорила, что ей совершенно необходимо поговорить с ним „по очень, очень важному делу“, но Тухачевский сам к телефону не подходил и просил сказать ей и тем, с кем не хотел разговаривать, что его нет. „Натворила, дуреха, из ревности делов, а теперь лезет с раскаяньем…“ — сказал он о ней».

Тут необходимо дать несколько пояснений. Надежда Алексеевна Пешкова (урожденная Введенская), по прозвищу «Тимоша», была вдовой сына писателя Горького Максима Алексеевича Пешкова и любовницей не только Тухачевского, но и некогда всесильного главы НКВД Г. Г. Ягоды, в 1936 году снятого со своего поста, а арестованного и расстрелянного в 1938 году после «третьего московского процесса» вместе с лидерами правых — Бухариным, Рыковым и другими. Шура же Скоблина, по утверждению Лидии Норд, была племянницей одного из руководителей РОВС и давнего советского агента Н. В. Скоблина, который сыграл определенную роль и в деле Тухачевского. Роман Тухачевского со Скоблиной закончился за несколько лет до рокового мая 37-го, и она, будучи тайной осведомительницей НКВД, писала на маршала доносы. Говоря же о славившемся своими любовными похождениями «всесоюзном старосте», Тухачевский явно имел в виду распространявшийся оппозиционерами рукописный памфлет «О том, как наш староста Калиныч отбил Татьяну Бах у Авербаха». В середине 20-х в одном из советских юмористических журналов даже появилась карикатура, изображающая, по выражению Троцкого, «главу государства в очень интимной обстановке».

Похоже, что предлогом для смещения послужила связь не только с Юлией Кузьминой, но и с другими женщинами. Через «Тимошу» при желании его нетрудно было соединить с Ягодой и правыми. В этом направлении и вели разработку Тухачевского органы НКВД. В 20-х числах апреля были получены показания от арестованных бывшего начальника Особого отдела НКВД Гая и бывшего заместителя наркома внутренних дел Прокофьева о сговоре Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова и других военачальников с Ягодой. Однако сам Генрих Григорьевич этого пока не подтверждал. На допросе 26 апреля 1937 года он настаивал: «Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого

из них я вербовать не пытался». Сговорчивее оказался один из подчиненных Ягоды, бывший заместитель начальника одного из отделов НКВД Волович. На следующий день он показал, что Тухачевский был участником заговора правых и должен был обеспечить поддержку заговорщиков армией.

Направлявшийся в Куйбышев Михаил Николаевич, разумеется, еще ничего не знал об этих грозных обвинениях. По утверждению Лидии Норд, перед отъездом его принял Ворошилов. Во время их беседы будто бы присутствовал начальник Особого отдела Московского военного округа. «Когда я благодарил Климента Ефремовича за „оказанное мне доверие“ — он был белый как стена, и совсем растерянный. Я собрал все силы, чтобы не сорваться, но всё же оставил их с очень кислыми лицами», — рассказывал Михаил Николаевич домашним. Очевидно, нарком уже знал, что жить Тухачевскому осталось совсем немного, и испытывал чувство, что беседует с живым трупом, — отсюда охвативший Ворошилова ужас. Некоторые друзья стали отворачиваться от опального маршала. Так, Лидия Норд уверяет, что отказался встретиться с Тухачевским Эйдеман, заявивший: «Политбюро знает, что делает. Без уважительных причин Тухачевского бы не сняли».

Сам Михаил Николаевич еще не понимал своей обреченности. Какая-то смутная надежда, что со временем всё образуется и он вернется в Москву на прежнюю должность, всё же теплилась. В Куйбышев Тухачевский прибыл 14 мая. Его приезд запомнился генерал-лейтенанту П. А. Ермолину, бывшему в то время начальником штаба одного из корпусов в Приволжском округе, а ранее знакомому с Михаилом Николаевичем по военной академии в Москве. Вскоре после приезда в Куйбышев Тухачевский отправился на окружную партконференцию. Ермолин вспоминал: «В первый же день работы конференции пронесся слух: в округ прибывает новый командующий войсками М. Н. Тухачевский, а П. Е. Дыбенко отправляется в Ленинград. Это казалось странным, маловероятным. Положение Приволжского военного округа было отнюдь не таким значительным, чтобы ставить во главе его заместителя наркома, прославленного маршала. Но вместе с тем многие командиры выражали удовлетворение. Служить под началом М. Н. Тухачевского было приятно.

На вечернем заседании конференции Михаил Николаевич появился в президиуме… Его встретили аплодисментами. Однако в зале чувствовалась какая-то настороженность. Кто-то даже выкрикнул: „Пусть объяснит, почему сняли с замнаркома!“ Во время перерыва Тухачевский подошел ко мне. Спросил, где служу,

давно ли ушел из академии. Непривычно кротко улыбнулся: „Рад, что будем работать вместе. Все-таки старые знакомые…“ Чувствовалось, что Михаилу Николаевичу не по себе. Сидя неподалеку от него за столом президиума, я украдкой приглядывался к нему. Виски поседели, глаза припухли. Иногда он опускал веки, словно от режущего света. Голова опушена, пальцы непроизвольно перебирают карандаши, лежащие на скатерти.

Мне доводилось наблюдать Тухачевского в различных обстоятельствах. В том числе и в горькие дни варшавского отступления. Но таким я не видел его никогда. На следующее утро он опять сидел в президиуме партконференции, а на вечернем заседании должен был выступить с речью. Мы с нетерпением и интересом ждали этой речи. Но так и не дождались ее. Тухачевский больше не появился».

Да, происшедшая катастрофа была пострашнее той, что под Варшавой. Тогда, в 20-м, Михаил Николаевич, справедливо или нет, но всю ответственность за происшедшее возлагал на других — руководство Юго-Западного фронта и Конармии и даже на главкома, не сумевшего заставить Егорова, Сталина, Буденного и Ворошилова подчиниться его, Тухачевского, приказам. Молодой командующий Западным фронтом рассчитывал, что его карьера из-за неудачи на Висле не прервется, и не ошибся. Теперь, в мае 37-го, опальный военачальник в глубине души сознавал, что карьере конец. В лучшем случае подержат до пенсионного возраста на маловажных должностях и потом тихо уберут в отставку (увольнять в отставку в тот момент самого молодого, 44-летнего маршала, было бы скандальным само по себе). О худшем же не хотелось даже думать. И тут он получил в высшей степени неприятное известие. Оно Тухачевского потрясло. Рассказывает генерал-лейтенант Я. П. Дзенит, знавший Михаила Николаевича по службе в Москве: «Последний раз я встретился с Тухачевским весной 1937 года, когда он в качестве командующего Приволжским военным округом прибыл в Куйбышев. После совещания с командирами соединений Михаил Николаевич попросил меня задержаться и, когда все вышли, предложил мне должность начальника штаба округа. Предложение было лестное, но я чистосердечно сказал, что предпочел бы пока остаться на должности командира дивизии. Михаил Николаевич отнесся ко мне с пониманием и, кажется, готов уже был распрощаться. Но в это время вдруг раздался телефонный звонок из Москвы, и я стал невольным свидетелем очень тяжелой сцены. От моего внимания не ускользнуло, что, разговаривая с Москвой, Тухачевский становился всё более мрачным. Положив трубку, он несколько

минут молчал. Потом признался, что получил недобрую весть: арестован начальник Главного управления кадров (в действительности в тот момент — уже заместитель командующего Московским военным округом. — Б. С.) Фельдман. „Какая-то грандиозная провокация!“ — с болью сказал Михаил Николаевич. Это была последняя наша встреча. Вскоре я узнал об аресте самого Тухачевского».

Отказавшись от лестного предложения опального маршала, Ян Петрович проявил завидную предусмотрительность. Согласись Дзенит пойти к Тухачевскому начальником штаба, наверняка был бы расстрелян, если не вместе с ним, то вскоре после. А так репрессии обошли мудрого комдива стороной.

Фельдман был арестован 15 мая 1937 года. Вероятно, драматический телефонный разговор происходил тем же вечером или на следующий день — друзья Тухачевского об исчезновении Фельдмана должны были узнать очень быстро. Правда, не исключено, что печальное известие настигло Михаила Николаевича немного позже — это в том случае, если в момент ареста ближайшего друга он находился на пути в Куйбышев. Маршал должен был сообразить, что после Фельдмана — очередь за ним. Ведь с Борисом Мироновичем делился самым сокровенным… Не случайно авторы позднейших публикаций о Тухачевском, в частности французский журналист Виктор Александров, именно с Фельдманом заставляют нашего героя вести разговоры о возможности военного переворота. Приведем тот вариант их беседы, который воспроизведен в книге российских историков В. Н. Рапопорта и Ю. А. Геллера «Измена Родине». Конечно, здесь мы имеем дело со слухами, циркулировавшими в советских военных и журналистских кругах. Но, как знать, нет ли в этих слухах частицы истины. Ведь такой разговор мог состояться, скажем, в тот момент, когда маршал узнал, что он больше уже не первый заместитель наркома обороны. Итак, Фельдман: «Разве ты не видишь, куда идет дело? Он всех нас передушит поодиночке, как цыплят. Необходимо действовать». Тухачевский: «То, что ты предлагаешь, — это государственный переворот. Я на него не пойду».

В любом случае дальше разговоров, да и то, скорее всего, после лишней рюмки водки или коньяку (вдова Фельдмана утверждает, что в последние месяцы жизни маршал потреблял коньяк больше обычного), подготовка переворота двинуться не могла в принципе. В 37-м году и Тухачевский, и Фельдман, и другие военные прекрасно понимали, что военный переворот в СССР невозможен. Для его подготовки нужна многомесячная работа по вовлечению в заговор строевых командиров хотя бы

Московского гарнизона, что не укрылось бы от внимания политорганов, особых отделов и секретных осведомителей. Да и с какими лозунгами можно было бы поднять красных командиров, и даже рядовых бойцов, на свержение Сталина? Культ вождя развился уже очень сильно. По меньшей мере, целое десятилетие никакая публичная критика генсека не допускалась. Красноармейцы знали об ужасах коллективизации, но считали, что они уже в прошлом и что за них ответственны «лихие бояре» на местах, а не «добрый царь» — Сталин. Да и материально военным, не исключая и рядовых бойцов, жилось, как мы ранее убедились, значительно легче, чем остальному населению страны.

Немногие уцелевшие сторонники Троцкого уже после гибели своего лидера и смерти Сталина рассказывали, что преданные Льву Давидовичу военачальники, вроде командующего войсками Московского военного округа Н. И. Муратова, вскоре после смерти Ленина предлагали свершить военный переворот, арестовать Сталина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и других членов Политбюро как изменников революции и провозгласить Троцкого главой партии и государства. Председатель Реввоенсовета этот замысел отверг. Хотя и располагал всеми возможностями к успешному перевороту. Ведь он контролировал аппарат военного ведомства и был популярен в войсках, где было немало преданных Троцкому военачальников. ОГПУ в середине 20-х еще не имело столь развитой сети своих органов в Красной Армии, как в 30-е годы, да и сами эти органы до некоторой степени вынуждены были считаться в своей деятельности с Реввоенсоветом. Влияние Троцкого в армии в тот период вынужден был признать, как мы помним, даже Ворошилов на февральско-мартовском пленуме 37-го года. Но роль обыкновенного военного диктатора на манер южноамериканских председателя Реввоенсовета не устраивала. Он мечтал о мировой социалистической революции. В том, что ее экспорт на штыках Красной Армии невозможен, Лев Давидович убедился еще во время войны с Польшей. Значит, нужно было утвердить свою власть в партии большевиков — носительнице притягательных для пролетариата и более широких народных масс во всем мире идей Маркса и Ленина. Военный переворот низводил партию на второстепенную роль придатка армии, а вместе с этим, как полагал Троцкий, уничтожил бы и шансы на торжество мирового пролетариата. Потому и вступил Лев Давидович в оказавшуюся безнадежной борьбу за привлечение на свою сторону большинства партийцев, за главенство в ВКП (б).

У Тухачевского же в 37-м не было ни возможности бороться,

ни идеи, за которую стоило бороться. Вся его жизнь была посвящена Красной Армии, в которой он, быть может, одновременно видел и сильную русскую национальную армию, и орудие борьбы за победу мировой революции, в отличие от Троцкого продолжая верить в успех экспорта коммунизма военным путем. С перемещением в захолустный Приволжский округ маршал фактически был отстранен от руководства преобразованием Красной Армии в мощную военную силу, отвечающую, как ему хотелось верить, всем требованиям будущей войны. Главная идея Тухачевского уже не могла быть реализована. Оставалось только утешать себя всё слабеющей надеждой: вдруг Сталин сменит гнев на милость и вернет в Москву? Но после ареста Фельдмана маршальская смекалка должна была подсказать: речь идет уже о свободе и самой жизни.

Много лет спустя, в 1962 году, в том же Куйбышеве главному маршалу артиллерии С. С. Варенцову во время военных сборов передали записку: «Пеньковский арестован как американский шпион». Тут необходимо небольшое пояснение. Полковник Главного Разведывательного Управления Генштаба О. В. Пеньковский, ближайший друг маршала, которому Сергей Сергеевич говорил: «Ты мне как сын», в течение двух лет был наиболее ценным агентом разведок США и Англии. После прочтения записки маршальская смекалка не подвела: Варенцов грохнулся в обморок. Правда, за вполне реальные прегрешения (разгласил Пеньковскому сведения, к которым тот по должности доступа не имел) он отделался куда легче, чем ни в каком шпионаже или заговоре не виновный Тухачевский. Варенцова лишили Золотой Звезды Героя Советского Союза и разжаловали в генерал-майоры, заодно исключив из партии и уволив в отставку.

Когда-то Тухачевский освобождал Самару, будущий Куйбышев, от белых. Ирония судьбы заключалась в том, что в этом же городе, названном в честь его друга, Михаилу Николаевичу пришлось провести последние свои дни на свободе. После того как Михаил Николаевич узнал об аресте Фельдмана, маршальская смекалка, как кажется, должна была бы подсказать два возможных варианта действий. Первый, самый простой: пустить пулю в лоб, предпочтя достойную военачальника смерть позору суда и казни. Второй, более сложный: попытаться скрыться из Куйбышева, перейти на нелегальное положение и достичь какой-нибудь границы — маньчжурской, польской, румынской, иранской, всё равно. В случае неудачи: смотри вариант первый. Но Тухачевский в оставшиеся до ареста дни вообще никаких действий не предпринимал. Почему?

Из всех проходивших по делу о «военно-фашистском заговоре» нашел силы покончить с собой, выбрав честную офицерскую смерть вместо унижений инквизиционного процесса, один только Гамарник, который до революции был совсем не офицером, а недоучившимся студентом юридического факультета. Лидия Норд приводит версию, согласно которой Ян Борисович отказался визировать приказ об аресте Тухачевского, а когда спустя каких-нибудь час или два пришли за ним, то застрелился. Документы партийных архивов рисуют картину самоубийства Гамарника несколько иначе. Тухачевский был арестован 22 мая, а 25—26-го числа путем опроса членов и кандидате в члены ЦК было вынесено постановление об исключении его из партии. Гамарник в это время болел, находился дома и в голосовании по поводу данного и последующих постановлений участия не принимал. 28 мая сразу

по приезде в Москву был арестован Якир, а на следующий день в Вязьме та же участь постигла не успевшего доехать до столицы Уборевича. В период с 30 мая по 1 июня ЦК путем опроса исключил обоих из партии и вывел их соответственно из полноправных членов и кандидатов в члены Центрального Комитета. И тогда же, 30 мая, Политбюро приняло решение: «Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате Обороны и исключить из состава Военного Совета, как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военнофашистском заговоре». На другой день по приказу Ворошилова к Гамарнику явились заместитель начальника Политуправления А. С. Булин (через год расстрелянный) и начальник Управления делами Наркомата обороны И. В. Смородинов (ему посчастливилось уцелеть), чтобы объявить Яну Борисовичу приказ об увольнении из Красной Армии. Гамарник застрелился сразу после их ухода, не став дожидаться неизбежного ареста. Что помешало поступить так же Тухачевскому после известия о задержании Фельдмана?

Лидия Норд сочиняет сама или передает с чужих слов совершенно легендарную версию, будто сотрудники НКВД еще в Москве убедили жену маршала заменить в револьвере мужа боевые патроны холостыми, чтобы тот не застрелился от потрясения, вызванного унизительным перемещением в Куйбышев. Можно подумать, что Михаил Николаевич на новом месте ни разу не проверил свое оружие или не смог бы найти в штабе Приволжского округа хотя бы один боевой патрон, чтобы свести счеты с жизнью. Более вероятно, что его останавливало другое: в глубине души теплилась надежда — вдруг минует чаша сия… А может, Тухачевского останавливал чисто физический страх смерти?

Оставалось попытаться убежать за границу. В ту пору из высокопоставленных чинов Красной Армии и Наркомата внутренних дел это, как кажется, удалось сделать только одному человеку — начальнику управления НКВД по Дальнему Востоку Г. С. Люшкову, при Ягоде являвшемуся заместителем начальника Секретно-политического отдела и принимавшему активное участие в расследовании убийства С. М. Кирова. Генриха Самойловича внезапно вызвали в Москву якобы для назначения на ответственный пост в центральном аппарате наркомата. Старый чекист сразу понял, откуда ветер дует, догадавшись, что подвалы родной Лубянки очень скоро ему придется посетить в непривычном качестве обвиняемого в самых диких и фантастических преступлениях. И 13 июня 1938 года, отправившись проверять пограничные посты, Люшков

благополучно сбежал в оккупированную японцами Маньчжурию, прихватив с собой ряд секретных документов. Этот побег сильно уронил авторитет Ежова в глазах Сталина и стал одним из поводов к постепенному отстранению «питерского рабочего» в «ежовых рукавицах» от руководства НКВД. Между прочим, мы так и не знаем, удалось ли в конечном итоге Люшкову спастись. Он довольно безбедно существовал в Маньчжурии вплоть до августа 45-го, сотрудничая с японской разведкой и разоблачая сталинские преступления, в частности, впервые доказав фальсификацию процессов по делу о покушении на Кирова, равно как и московских политических процессов. Однако Люшков категорически отрицал, что Сталин или Ягода приложили руку к выстрелу в Смольном, и вполне убедительно продемонстрировал, что убийство Кирова — акт психически неуравновешенного одиночки — Л. В. Николаева, мстившего за свои неприятности по партийной и служебной линии. Дальше судьба Генриха Самойловича покрыта мраком. То ли он погиб в сумятице японского отступления, то ли сумел перебраться в Америку и укрыться там под чужой фамилией.

Однако путь Люшкова был явно не для Тухачевского. И до границы очень далеко, и никаких особо ценных секретных документов из штаба Приволжского округа с собой не возьмешь — за неимением таковых. Но не это главное. В первую мировую войну Тухачевский пять раз бежал из плена и в конце концов достиг спасительной Швейцарии. Однако из любого пункта Германии до границ швейцарской или голландской было во много раз ближе, чем из Куйбышева — до любой из советских границ. Тогда, в 1915–1917 годах, Тухачевский всей душой рвался на родину, чтобы вновь встать в ряды русской армии. Теперь пришлось бы распрощаться с родиной и армией навсегда. Даже удайся маршалу почти нереальный в той обстановке побег, что последовало бы дальше? Прозябание в роли жалкого эмигранта-предателя, хоронящегося как от сталинских ищеек, так и от бывших белых офицеров, не простивших ему разгрома Колчака и Деникина. Никакой политической программы Тухачевский Сталину никогда не противопоставлял. А попробуй опальный маршал ухватиться за русскую национальную идею, в эмиграции у него было бы слишком много конкурентов.

Оказавшемуся не по своей воле за пределами СССР Троцкому было всё же легче. Он боролся со Сталиным не только за власть, но и за великую, пусть призрачную, цель: коммунизм и мировую революцию. Среди немногочисленных эмигрантов-коммунистов у Льва Давидовича были сторонники, а его последователи занимали в первые годы эмиграции вождя довольно сильные

позиции в компартиях ряда европейских и латиноамериканских стран. Тухачевский же в эмиграции не имел шансов кого-либо объединить, собрать вокруг себя. Хуже того: пришлось бы навсегда отказаться от дела всей жизни — армии. Перебежчику Тухачевскому ни одна страна в мире, наверное, и ротой бы командовать не доверила.

В отличие от Люшкова, другой видный чекист А. И. Успенский, занимавший пост наркома внутренних дел Украины, в ноябре 38-го, перед самым падением Ежова, перешел на нелегальное положение и, используя профессиональные навыки, в течение пяти месяцев скрывался в разных городах СССР, пока коллеги наконец не разыскали его в Сибири и не заставили сдаться. Но у Тухачевского такого опыта, как у Успенского, не было. Да и понимал, наверное, что затеряться на бескрайних советских просторах у него нет шансов: слишком заметная во всех отношениях фигура. Чекисты хоть сквозь землю найдут. Не для Тухачевского была жизнь запечного таракана, жизнь с одной мыслью: как бы не нашли и не придавили.

Михаилу Николаевичу осталось только ждать: пронесет, не пронесет. Не пронесло. 22 мая 1937 года его арестовали в Куйбышеве.

П. А. Ермолину об этом событии рассказал заместитель командира его корпуса по политической части, дивизионный комиссар Д. Д. Плау, в качестве понятого присутствовавший при задержании маршала и услышавший от сотрудников НКВД, что Тухачевский шпион и член какой-то контрреволюционной организации. Сам Даниэль Даниэлович, расстрелянный в 38-м, мемуаров написать не успел. Более подробно об аресте Тухачевского написал П. Радченко, бывший охранник тогдашнего секретаря Куйбышевского обкома П. П. Постышева (в чьем кабинете всё и произошло): «Весной 1937 года в Куйбышев приехал М. Н. Тухачевский. Он оставил на вокзале в салон-вагоне жену и дочь, а сам явился в обком партии представиться Павлу Петровичу Постышеву. В приемной я был один. В кабинете находился секретарь Чапаевского горкома партии. М. Н. Тухачевский обратился ко мне. Я зашел к Павлу Петровичу и сказал: „Просит приема Тухачевский“. — „Одну минуту, — ответил мне Павел Петрович, — я кончаю и сейчас же приму Михаила Николаевича“. Я вышел из кабинета и попросил маршала подождать. Не прошло и 3-х минут, как в приемную ворвались начальник областного управления НКВД старший майор госбезопасности Панашенко, начальники отделов Деткин и Михайлов. Они переодели Тухачевского в гражданское платье и черным ходом вывели к подъехавшей оперативной машине…»

Здесь вызывает сомнения только одна деталь: вряд ли Тухачевский шел к Постышеву, в то время — члену Политбюро, представляться по случаю вступления в должность. Ведь арестовали маршала не в первый и даже не во второй день пребывания в Куйбышеве, а секретарю обкома он должен был представиться сразу же. Скорее можно предположить, что Постышев под каким-то предлогом вызвал Тухачевского к себе, чтобы облегчить чекистам арест (Павла Петровича эта помощь органам не спасла — в январе 38-го вывели из Политбюро и расстреляли). Брать маршала в штабе округа, наверное, поостереглись, опасаясь эксцессов со стороны преданных ему командиров. Плау же, скорее всего, присутствовал не при аресте, а при обыске в салон-вагоне Тухачевского. Характерно, что арестовывали маршала офицеры НКВД, занимавшие высокие должности. То ли столь ответственное задание не рискнули доверить рядовым чекистам, вроде Радченко, то ли начальство Куйбышевского Управления НКВД решило отличиться и лично взять главаря заговора. Они тоже не уцелели, когда людей Ежова стали менять люди Берии. Поэтому к началу хрущевской оттепели практически не осталось в живых как участников ареста Тухачевского, так и тех, кто вел его дело.

25 мая Михаила Николаевича привезли в Москву. К тому времени следователи накопили компромат на Тухачевского. Ключевым событием действительно стал арест Фельдмана. Борис Миронович сломался сразу — столь глубоко потряс его сам арест. Он написал своему следователю З. М. Ушакову (Ушамирскому): «Вы и начальник особого отдела т. Леплевский, который также беседовал со мной, предъявили обвинение в участии в военно-троцкистской антисоветской организации и предлагаете встать на путь чистосердечного раскаяния. Прошу ознакомить меня с фактами, изобличающими меня в участии в вышеназванной организации. После этого мне легче будет разобраться в этом вопросе». На Фельдмана позднее были выбиты показания от Путны и Примакова (последний отрицал свою вину почти девять месяцев и не выдержал психологического давления и физического насилия только 8 мая 1937 года). Но заслуга в быстрой капитуляции Бориса Мироновича бесспорно принадлежит следователю Ушакову. Тот сам был арестован впоследствии и в октябре 1938 года в собственноручных показаниях объяснил, как заставил говорить одного из самых близких друзей Тухачевского: «На Фельдмана было лишь одно косвенное показание некоего Медведева (комкор М. Е. Медведев был арестован 6 мая, на суде от прежних показаний отказался и был расстрелян четырьмя днями позже Тухачевского. — Б. С.)… В первый день допроса

Фельдман… написал заявление об участии своем в военно-троцкистской организации, в которую его завербовал Примаков… Придерживаясь принципа тщательного изучения личного дела и связей арестованных, я достал из штаба дело Фельдмана и начал изучать его… В результате я пришел к выводу, что Фельдман связан интимной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом других крупных командиров и имеет семью в Америке, с которой поддерживает связь. Я понял, что Фельдман связан по заговору с Тухачевским, и вызвал его 19 мая рано утром для допроса. Но в это время меня вызвали к Леплевскому на оперативное совещание, на котором присутствовало около 30 сотрудников, участвующих в следствии. Мне дали слово о результатах допроса Фельдмана примерно десятым по очереди. Рассказав о показании Фельдмана, я перешел к своему анализу и начал ориентировать следователей на уклон в допросах с целью вскрытия несомненно существующего в РККА военного заговора… Как только окончилось совещание, я… вызвал Фельдмана. К вечеру 19 мая было написано на мое имя… показание о военном заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и др., на основании которого состоялось 21 или 22 мая решение ЦК ВКП (б) об аресте Тухачевского и ряда других».

В свидетельстве Ушакова мое внимание прежде всего привлекла фраза об «интимной дружбе» Фельдмана с Тухачевским, Якиром и другими военачальниками. Будь она сказана в наши дни, или хотя бы в конце 80-х, воспринималась бы однозначно: как указание на существование гомосексуальной близости между Фельдманом и перечисленными лицами, то есть, фактически, на бисексуальность Бориса Мироновича, Михаила Николаевича, Ионы Эммануиловича… На существование такого рода отношений между Фельдманом и Тухачевским как будто указывает один эпизод, приведенный в воспоминаниях лечащего врача маршала, М. И. Кагаловского: «За всё время, что я считался его лечащим врачом, мне не пришлось прописать ему ни одного рецепта. Правда, по моему совету в комнате, прилегавшей к служебному кабинету Тухачевского, оборудовали небольшой гимнастический зал с брусьями, турником, конем и гантелями (в те годы это было новинкой!). Однажды при мне во время гимнастических упражнений Михаила Николаевича вошел близкий его друг Борис Миронович Фельдман (косая сажень в плечах и более ста килограммов веса). Тухачевский схватил осанистого комкора и стал вращать мельницей, приговаривая: „Держись, Бориска!..“» Хотя, конечно, нельзя исключить, что здоровые сильные мужики просто вдруг решили повозиться, как дети. Ведь в 30-е годы слово «интимный» не имело еще той

однозначности, которую приобрело в наши дни, и могло указывать на близкие, дружеские отношения и без сексуального подтекста. Так что вопрос остается открытым. Показательно, однако, что сотрудник военной прокуратуры Б. А. Викторов, публикуя в 1988 году цитированную выше выдержку из показаний Ушакова, «интимную дружбу» предусмотрительно заменил на «личную дружбу».

Вместе с тем подчеркнем, что гомосексуализм в те годы был достаточно распространен среди советских руководителей, хотя всячески подавлялся и был уголовно наказуем. Сам «зоркоглазый нарком» Ежов в феврале 40-го был осужден и расстрелян не только по совершенно вздорным обвинениям в шпионаже и измене, но и по абсолютно справедливым — в фальсификации множества политических дел и гомосексуализме (последнее, оговорюсь, в демократических странах, в том числе и в сегодняшней России, преступлением не считается). Отрицая на суде всё прочее, обвинение в мужеложстве Николай Иванович признал. И, между прочим, на следствии он говорил, что исключал «интимную связь» своей второй жены с писателем Исааком Бабелем — еще одно доказательство того, что слово «интимный» в конце 30-х годов имело и чисто сексуальное значение.

И если действительно Ушаков нашел в чекистском досье на Фельдмана сведения о его бисексуальности и гомосексуальной связи с Тухачевским, то, несомненно, получил мощнейшее средство давления на подследственного. Угроза, или хотя бы намек, что такого рода информация будет оглашена на суде и на очных ставках с другими обвиняемыми и свидетелями, могла побудить Бориса Мироновича дать все необходимые показания, чтобы избежать позора. Данное обстоятельство могло и Тухачевского заставить пойти на сотрудничество со следователем. К тому же Ушаков подошел к Фельдману, а потом и к Тухачевскому, что называется, «с душой», уверил, что в случае чистосердечного раскаянья Бориса Мироновича ждет лишь минимальное наказание. И тот раскололся.

20 мая Ежов направил Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу протокол допроса Фельдмана, произведенного накануне. В сопроводительной записке нарком подчеркивал: «Фельдман показал, что он является участником военно-троцкистского заговора и был завербован Тухачевским М. Н. в начале 1932 года. Названные Фельдманом участники заговора: начальник штаба Закавказского военного округа Савицкий, заместитель командующего Приволжского ВО Кутяков, бывший начальник школы ВЦИК Егоров, начальник инженерной академии

Смолин, бывший помощник начальника инженерного управления Максимов и бывший заместитель начальника автобронетанкового управления Ольшанский — арестованы. Прошу обсудить вопрос об аресте остальных участников заговора, названных Фельдманом». Именно эти показания послужили формальным основанием для решения об аресте Тухачевского. А 31 мая Фельдман направил своему следователю замечательную во многих отношениях записку: «Помощнику начальника 5 отдела ГУГБ НКВД Союза ССР тов. Ушакову. Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго… Благодарю за Ваше внимание и заботливость — я получил 29-го печенье, яблоки, папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого, не говорят, но я-то знаю, от кого».

В приложенном к записке заявлении Борис Миронович соглашался давать практически любые показания, которые ему продиктует следствие: «Прошу Вас, т. Ушаков, вызвать меня лично к Вам. Я хочу через Вас или т. Леплевского передать народному Комиссару Внутренних дел Союза ССР тов. Ежову, что я готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать всё, что знаю о военном заговоре. И это чистилище (как Вы назвали чистилищем мою очную ставку с Тухачевским) я готов пройти. Показать всем вам, которые протягивают мне руку помощи, чтобы вытянуть меня из грязного омута, что Вы не ошиблись, определив на первом же допросе, что Фельдман не закоренелый, неисправимый враг, над коим стоит поработать, потрудиться, чтобы он раскаялся и помог следствию ударить по заговору. Последнее мое обращение прошу передать и тов. Ворошилову».

Фельдман мыслил как верный солдат партии. Раз она сказала, что должен быть военный заговор и тебя назначили его участником, надо это подтвердить и хорошо сыграть свою роль, для блага родины, Красной Армии, партии, коммунизма… И еще Борис Миронович очень хотел жить. «Осанистый комкор» надеялся, что уже разбудил своим раскаяньем и готовностью подтверждать всё, что угодно, столь необходимую симпатию к себе со стороны следователя, знаком которой стали те же папиросы и яблоки. Что теперь расстреляют кого угодно, но только не его. Что ему действительно протянута рука помощи. Фельдман не знал, что курить хорошие папиросы и усваивать так необходимые организму витамины, содержащиеся в яблоках, ему осталось меньше двух недель. Вместо спасения Бориса Мироновича еще немного подержали над пропастью, чтобы успел сказать, что требуется, а затем безжалостно столкнули вниз.

На самых первых допросах, протоколы которых или не составлялись вовсе, или не сохранились, Тухачевский отказывался признать свою вину. Это явствует из его собственноручных показаний, датированных 1 июня 1937 года: «Настойчиво и неоднократно пытался я отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности». О своей очной ставке с Тухачевским Фельдман рассказал так: «Я догадывался наверняка, что Тухачевский арестован, но я думал, что он, попав в руки следствия, всё сам расскажет — этим хоть немного искупит свою тяжелую вину перед государством, но, увидев его на очной ставке, услышал от него, что он всё отрицает и что я всё выдумал…» Думаю, однако, что окончательно сломала Михаила Николаевича как раз очная ставка с Фельдманом (протокол ее, как и других, не сохранился). Если уж лучший друг предал и с готовностью возводит напраслину и на тебя, и на себя, больше надеяться не на что. 26 мая Тухачевский заявил: «Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания». И в тот же день написал: «Признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его… Основание заговора относится к 1932 году».

До сих пор не решен вопрос, применяли ли к Тухачевскому во время следствия меры физического воздействия, то есть, говоря проще, пытали ли его и избивали. Хотя насчет других подсудимых на этот счет имеются определенные данные. Так, бывший сотрудник НКВД, а впоследствии заместитель министра госбезопасности Селивановский 10 декабря 1962 года сообщил в ЦК: «В апреле 1937 года дела Путны и Примакова были переданы Авсеевичу. Зверскими, жестокими методами допроса Авсеевич принудил Примакова и Путну дать показания на Тухачевского, Якира и Фельдмана…. Работа Авсеевича руководством Особого отдела ставилась в пример другим следователям. Авсеевич после этого стал эталоном в работе с арестованными». По свидетельству бывшего сотрудника Особого отдела Бударева, Авсеевич, возглавлявший одно из отделений этого отдела, заставлял своих сотрудников постоянно находиться рядом с Примаковым, не давать ему спать и вынудить дать признательные показания. На сон подследственному отводилось лишь 2–3 часа в сутки, да и то в кабинете, где проходил допрос и куда даже доставляли пищу. Подобное непрерывное давление в конце концов сломило волю арестованного. Кроме того, по утверждению Бударева, «в период

расследования дел Примакова и Путны было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избиения их в Лефортовской тюрьме».

Основательно поработали и с Якиром. Бывший сотрудник НКВД А. Ф. Соловьев в 1962 году в объяснениях, направленных в ЦК, вспоминал: «Я лично был очевидцем, когда привели в кабинет Леплевского… Якира. Якир шел в кабинет в форме, а был выведен без петлиц, без ремня, в распахнутой гимнастерке, а вид его был плачевный, очевидно, что он был избит Леплевским и его окружением. Якир пробыл на этом допросе в кабинете Леплевского 2–3 часа». А «эталонный следователь» Авсеевич тогда же обвинил в применении пыток Леплевского и Ушакова, чтобы, переложив вину на мертвых, самому уйти от ответственности: «В мае месяце 1937 года на одном из совещаний помощник начальника отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показаний. Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу физические методы воздействия».

На одном из листов следственного дела Тухачевского были обнаружены следы крови. Неизвестно, чья эта кровь и как туда попала. Может быть, Михаила Николаевича не били, а просто у него от нервного напряжения пошла кровь из носа. Или это вообще кровь следователя Ушакова — у него ведь тоже могло быть носовое кровотечение. Но, даже если Тухачевского не пытали, он сильно страдал уже от одной только крайней унизительности своего положения, которую следователи и тюремщики старались еще и подчеркнуть. Например, бывший сотрудник НКВД с забавной фамилией Вул вспоминал в 1956 году: «Лично я видел в коридоре дома 2 (Наркомата внутренних дел. — Б. С.) Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому, одет он был в прекрасный серый штатский костюм (вероятно, в тот самый, в который переодели его чекисты в приемной Постышева. — Б. С.), а поверх него был надет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унизить его». То же самое проделывали и с другими. Авсеевич в своем объяснении в ЦК КПСС уже во времена Хрущева написал, что «арестованные Примаков и Путна морально были сломлены… длительным содержанием в одиночных камерах», где в течение многих месяцев получали «скудное тюремное питание», а также, не в последнюю очередь, тем, казалось бы, не очень существенным обстоятельством, что «вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное

время их не стригли и не брили…» Что ж, для военных внешний вид, форменная одежда всегда играли особо важную роль. И заключенных деморализовывало уже одно то, что вместо привычных суконных френчей с петлицами, на которых красовалось не менее трех ромбов, и хромовых сапог они теперь вынуждены довольствоваться красноармейскими обносками и лаптями. В итоге, как отмечал Авсеевич, перевод в Лефортовскую тюрьму (где узников нещадно били, о чем следователь предпочел прямо не говорить) и вызовы к Ежову сломили Примакова и Путну окончательно, и оба комкора начали давать показания.

Но только ли в пытках и издевательствах было дело? Лидия Норд выдвинула версию, что НКВД широко использовал в своих целях гипноз. Будто бы загипнотизирован был и убийца Кирова Николаев, и Тухачевский, равно как и те, кто проходил с ним по одному делу. Понятно желание свояченицы хоть в чем-то оправдать поведение Тухачевского, равно как и своего мужа Фельдмана, во время процесса. И в материалах проведенного после XX съезда партии как будто есть данные, которые при желании можно истолковать в пользу предположения о какого-то рода психическом воздействии на подследственных.

Вот, например, показания бывшего сотрудника НКВД Карпейского о том, как следователь Агас довел до невменяемого состояния Эйдемана: «Эйдеман отрицал какую-либо связь с заговором, заявлял, что он понятия о нем не имеет, и утверждал, что такое обвинение не соответствует ни его поведению на протяжении всей жизни, ни его взглядам… Угрожая Эйдеману применением мер физического воздействия, если он будет продолжать упорствовать и скрывать от следствия свою заговорщическую деятельность… Агас заявил, что если Эйдеман не даст показаний сейчас, то он, Агас, продолжит допрос в другом месте, но уже будет допрашивать по-иному. Эйдеман молчал. Тогда Агас прервал допрос и сказал Эйдеману, чтобы он пенял на себя: его отправят в тюрьму, где его упорство будет сломлено… Дня через три в дневное время мне было предложено срочно прибыть в Лефортовскую тюрьму, где меня ждет Агас. Я туда поехал. В эту тюрьму я попал впервые… То, что я увидел и услышал в тот день в Лефортовской тюрьме, превзошло все мои представления. В тюрьме стоял невообразимый шум, из следственных кабинетов доносились крики следователей и стоны, как нетрудно было понять, избиваемых… Я нашел кабинет, где находился Агас. Против него за столом сидел Эйдеман. Рядом с Атасом сидел Леплевский… На столе перед Эйдеманом лежало уже написанное им заявление на имя наркома Ежова о том, что он признает свое участие в заговоре и готов дать откровенные

показания… Через день или два я снова вызвал Эйдемана на допрос в Лефортовской тюрьме. В этот раз Эйдеман на допросе вел себя как-то странно, на вопросы отвечал вяло, невпопад, отвлекался посторонними мыслями, а услышав шум работающего мотора, Эйдеман произносил слова: „Самолеты, самолеты“. Протокол допроса я не оформлял, а затем доложил, кажется, Агасу, что Эйдеман находится в каком-то странном состоянии и что его показания надо проверить…»

Всё же этот случай скорее можно объяснить не гипнозом, а нервным срывом под воздействием как физических, так и душевных мучений, когда человеческое сознание на время отключается от невыносимой действительности и уходит в иллюзорный мир воспоминаний о прошлом или мечты о светлом будущем. Для бывшего председателя Осоавиахима светлым прошлым были именно самолеты — ведь его организация как раз и занималась первичной подготовкой летчиков. Загипнотизировать же такое количество людей на срок по крайней мере на несколько недель, да еще так, чтобы они довольно складно играли свои роли, — это уже чистой воды фантастика. Да и непонятно тогда, почему так долго возились с Примаковым, если в руках у чекистов было мощное оружие гипноза. Или Виталий Маркович оказался сверхустойчив к гипнотическому воздействию? Но тогда почему же он в конце концов стал давать требуемые показания? Сдается мне, что причина не в гипнозе, а, среди прочего, в том, что Примакова крепко побили. Старый проверенный метод лефортовских следователей: «Будешь говорить?!!» — когда после отказа на заключенного обрушивались кулаки и резиновые дубинки, был особенно эффективен в условиях закрытого советского общества. О судьбах арестованных ничего не знали родные и близкие, к ним не допускались адвокаты (защитников не было и на суде). Такое положение угнетающе действовало на подследственных, подавляло волю к сопротивлению.

Можно предположить, что разгадка поведения Тухачевского и его товарищей лежит не в гипнозе. И даже не в особом мастерстве следователей-инквизиторов. Один из них, Ушаков, после своего ареста вообще потерял представление о реалиях окружающего мира, хвастался на допросах своими заслугами, рассчитывая на снисхождение. Зиновий Маркович утверждал: «Я переехал с Леплевским в Москву, в декабре 1936 года… Я буквально с первых дней поставил диагноз о существовании в РККА и Флоте военно-троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия и первый же получил такое показание от бывшего командующего Каспийской флотилией Закупнева… Шел уверенно

к раскрытию военного заговора. В то же время я также шел по другому отделению на Эйдемана и тут также не ошибся. Ну, о том, что Фельдман Б. М. у меня сознался в участии в антисоветском военном заговоре… на основании чего 22 числа того же месяца начались аресты… говорить не приходится. 25 мая мне дали допрашивать Тухачевского, который сознался 26-го, а 30-го я получил Якира. Ведя один, без помощников (или „напарников“), эту тройку, и имея указание, что через несколько дней дело должно быть закончено для слушания, я, почти не ложась спать, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорщиков. Даже в день процесса, рано утром, я отобрал от Тухачевского дополнительные показания об Апанасенко и некоторых других». Среди этих «других» был и будущий нарком С. К. Тимошенко.

Чем же вознаградила родина Ушакова за ударный труд на следственной ниве, за сверхъестественное чутье на врагов народа, за бессонные ночи? Повышением в звании, дополнительным пайком, орденом, наконец? Орден Зиновий Маркович действительно получил, но носил его недолго — уже в сентябре 38-го был арестован. Настоящей наградой стала… пуля в затылок 21 января 1940 года. Подобно Тухачевскому, Ушакова расстреляли как германского шпиона. Не рой другим яму…

Успех Ушакова, Авсеевича и других следователей, костоломов и психологов, работавших поодиночке или в паре, где «злой» следователь составлял нужный контраст «доброму», сильно зависел от того человеческого материала, с которым им приходилось иметь дело. И материал в целом оказался подходящим. Ни Тухачевский, ни другие подсудимые не были фанатиками какой-либо идеи, сколько бы ни пыталась советская пропаганда доказать обратное, представив их убежденными коммунистами, готовыми отдать за партию жизнь. По большому счету опальных военачальников заботила собственная карьера. Еще в гражданскую войну Тухачевский, Якир, Уборевич и другие приняли и красный террор, и массовую гибель соотечественников в братоубийственной бойне. Идею же, с которой они так или иначе связали судьбу, олицетворяли тот же Сталин, и тот же Ежов, и даже те же следователи и судьи, одетые в одинаковую с подсудимыми форму с одними и теми же красными звездами. Арест породил у Тухачевского и его товарищей чувство душевной пустоты и потери жизненных ориентиров. Они не готовы были жертвовать жизнью за идеалы, ибо идеалов-то, похоже, не имели. Девятимесячное упорство Примакова тоже можно объяснить прежде всего страхом смерти. Понимал, что обвинения расстрельные, и отрицал, правда только до тех пор, когда в мае

37-го из-за спешности дела не перешли к более серьезному разговору и не начали лишать сна и бить. Пытки и избиения не только причиняли физическую боль. Когда они начались, арестованным стало ясно, что признаний от них будут добиваться любой ценой, что это не какая-то чудовищная ошибка или провокация, а политика, и надежд на спасение почти нет. И тут же появились следователи-искусители: ты только признайся сам, выведи других заговорщиков на чистую воду, покайся, и тебе скидка выйдет, а уж вышки точно не будет. И вообще: больше, как можно больше заговорщиков, хороших и разных, в больших чинах и не очень больших… На первых порах любой комбриг и даже майор сгодится. Как на февральско-мартовском пленуме 1937 года Ворошилов одним из организаторов и исполнителей покушения на себя представил скромного майора авиации Б. И. Кузьмичева. И подследственные охотно называли фамилии или подтверждали участие в заговоре тех, на кого им указывали люди Ежова. Возможно, Тухачевский, называя в числе участников «военно-троцкистской организации» близких к Ворошилову бывших конармейцев И. Р. Апанасенко и С. К. Тимошенко, хотел таким своеобразным образом отомстить ворошиловской группировке, действуя по принципу: врага в могилу взять с собой… В самый канун суда, 10 июня, Примаков дал показания, компрометирующие трех из восьми членов Специального Судебного Присутствия: командармов Н. Д. Каширина, П. Е. Дыбенко и Б. М. Шапошникова. Правда, как рассказывал следователь Авсеевич, эти показания явились плодом совместного творчества бывшего предводителя червонного казачества и действующего «железного наркома»: «На последнем этапе следствия Леплевский, вызвав к себе Примакова, дал ему целый список крупных командиров Красной Армии, которые ранее не фигурировали в показаниях Примакова, и от имени Ежова предложил по каждому из них написать… Так возникли показания Примакова на Каширина, Дыбенко, Гамарника (очевидно, Виталий Маркович не знал, что того уже нет в живых. — Б. С.), Куйбышева, Грязнова, Урицкого, Ковалева, Васильева и других…» Так или иначе, но в 1937–1938 годах показания были получены практически на всех советских военачальников, исключая, разве что, Ворошилова (на члена Политбюро без специальной санкции Сталина наговаривать не решались). Зато кого казнить, а кого миловать, решал сам Иосиф Виссарионович, не без учета, конечно, мнения Ворошилова. Если бы дали ход всем доносам и поверили всем сфальсифицированным показаниям, на воле не то что ни одного маршала и командарма, комкора и комдива, а и командира роты

бы не осталось. Поэтому определенную выборку проводили всегда. Не тронули названных Тухачевским Апанасенко и Тимошенко, не тронули Буденного и Шапошникова, не тронули некоторых других… А польза от того, что на каждого командира имелся компромат, была немалая. Когда с 1 по 4 июня проходило заседание Военного Совета, посвященное «военно-фашистскому заговору», присутствовавшие, заслушивая вполне нелепые показания обвиняемых насчет грандиозных планов измены и шпионажа, хорошо понимали, что такие же показания или уже существовали и на них самих, или могут быть получены в любой подходящий момент. И если кто-то рискнет публично усомниться в виновности Тухачевского, Якира и остальных, то запросто станет главой или участником следующего заговора, разоблаченного доблестными соратниками Ежова… Поэтому все с одобрением слушали Ворошилова и Сталина, зачитывавших наиболее яркие признания, и все 42 выступивших военачальника послушно клеймили тех, с кем еще вчера вместе служили. Позднее 34 оратора сами стали жертвами репрессий. Не рой другим яму…

На Военном Совете Ворошилов притворно каялся: «Я, как народный комиссар… откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна». И тут же предупредил членов Военного Совета, которые наверняка почувствовали в этих словах нешуточную угрозу: «Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи… Повторяю, что никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы…» Сталин же утверждал, что «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами», возглавлялся Троцким, Рыковым, Бухариным, Рудзутаком, Караханом и Ягодой, а в военном отношении руководителями были Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Гамарник. Иосиф Виссарионович убеждал высокое собрание, что все перечисленные враги народа, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, были немецкими шпионами, а некоторые вдобавок — и японскими. Интересно, каким воображением надо было обладать, чтобы поверить, что евреи Троцкий, Ягода и Якир работают на Гитлера? Сталин между тем остановился на преступлениях Тухачевского: «Он оперативный план наш — оперативный план, наше святая-святых, передал немецкому

рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион…» Так же и остальные обвиняемые были причислены к германским агентам на том только основании, что встречались с офицерами рейхсвера. А что эти встречи происходили с разрешения Ворошилова и его, Сталина, вождь, разумеется, говорить не стал.

Тухачевского в день начала работы Военного Совета, 1 июня, принудили дать показания, как он вместе с Якиром, Уборевичем и другими готовил поражение Красной Армии в войне с Германией. Там были совершенно фантастические подробности. Например, маршал писал: «Я считал, что если подготовить подрыв ж. д. мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта, в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. Уборевич и Аппога получили задание иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников». Легко заметить, что как акт вредительства и звено в подготовке поражения представлена совершенно рутинная вещь — наличие в войсках Белорусского округа групп подрывников, предназначенных для уничтожения железнодорожных мостов: своих — при отступлении, противника — при наступлении.

Тухачевский продолжал: «Рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польско-германские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами. Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства… Из области реально осуществленной вредительской работы, непосредственно отражающейся на оперативном плане, необходимо отметить, в первую очередь, ту задержку, которую организационный отдел Генерального штаба РККА… осуществил в вопросе увеличения числа стрелковых дивизий, задержку, которая создает основную оперативную опасность для наших армий на Белорусском и Украинском фронтах. Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва главного командования».

Здесь Михаил Николаевич, всей жизни которого осталось одиннадцать дней, как вредительство представляет задержку в выполнении именно тех планов, за осуществление которых он всегда ратовал, настаивая и на увеличении числа дивизий, и на создании танковых и артиллерийских резервов. Вместе с тем, в показаниях Тухачевского по-прежнему присутствует тезис о германо-польском союзе в будущей войне против СССР. Не

исключено, что таким приемом полководец, в последние месяцы пришедший к выводу о недостаточной готовности Красной Армии к столкновению с вермахтом, пытался сознательно преувеличить силы вероятного противника, чтобы побудить руководство страны увеличить боеспособность вооруженных сил и продолжить осуществление тех планов, что прежде были связаны с его, Тухачевского, именем. Потому и объявил вредительским противодействие им.

Своими показаниями маршал хотел предупредить Сталина и Ворошилова о возможном сценарии советско-германской войны. До последних минут жизни Красная Армия оставалась для Тухачевского любимым детищем, а Россия — родиной. Судьба армии и страны была ему небезразлична и во внутренней тюрьме НКВД (на Лубянке), где Михаил Николаевич содержался анонимно — № 94 («Хочу позабыть свое имя и званье, на номер, на литер, на кличку сменить», — писал Владимир Луговской в 27-м; через десять лет поэтическая метафора стала для Тухачевского и других трагической реальностью). В «Плане поражения» подчеркивалось: «Немцы, безусловно, без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и из занятого плацдарма начать свои наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной ее части) областей.

Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват, — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой, зато с экономической — ничтожный.

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками — это белорусское. Совершенно очевидно, что овладение как Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и поэтому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье — украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и для борьбы за Белоруссию, т. е. связано это с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Гитлера исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно

только овладение Правобережной Украиной — и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той вожделенной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией».

Тухачевский на редкость точно определил основные направления наступления вермахта в 41-м и основные стратегические цели немцев на каждом из них. И нельзя сказать, что маршал ошибся, когда назвал фантастическим предположение, будто Гитлер может планировать полный разгром Советского Союза с занятием Москвы. С точки зрения 37-го, германская армия, всего два года назад начавшая разворачиваться за пределы, установленные Версальским договором, была слишком слаба для такой задачи. Другое дело, что четыре года спустя она оказалась неизмеримо сильнее.

Других подследственных также допрашивали насчет планов организовать поражение Красной Армии в будущей войне с Германией. При этом то, что диктовали следователи, зачастую полностью противоречило реальным оперативным планам, что выявилось на очных ставках. Так, весьма активно сотрудничавший со следствием Корк 26 мая 1937 года показал: «Встал вопрос о том, как практически возможно применение меня — Корка в осуществлении пораженческих планов военной организации (разговор будто бы происходил в 1935 году, когда Август Иванович командовал войсками Московского военного округа. — Б. С.)… Но тут, помню, вмешался Уборевич и, обращаясь ко мне, сказал: „Будешь у меня на правом фланге Западного фронта. Задачу тебе надо поставить: наступать вдоль Западной Двины на Ригу. Следовательно, со стороны Вильно ты получишь удар в левый фланг и в тыл, что и приведет к срыву всей твоей операции“». На очной ставке Уборевич всё это категорически опроверг: «Корк говорит совершенную неправду. Я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 года Белорусского округа, там вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу». В 1962 году в оперативном управлении Генштаба провели проверку этого плана и выяснили, что истина была на стороне Уборевича, а не Корка.

Обращает на себя внимание, что в «Плане поражения» Тухачевский рассматривает только тот вариант ведения войны, когда немецкие войска наступают, а советские — обороняются. Конечно, в показаниях о вредительской работе в Красной Армии иной сценарий был в принципе невозможен. На процессе, даже

закрытом, невозможно было и вскользь упоминать об агрессивных намерениях с советской стороны — это полностью противоречило укорененному пропагандистскому стереотипу. Однако вполне возможно, что сам Тухачевский к тому моменту пришел к выводу о предпочтительности для Красной Армии оборонительного характера действий в начальный период войны, учитывая относительную слабость боевой подготовки советских войск по сравнению с войсками вероятного противника.

Когда Тухачевский в тюремной камере составлял «План поражения», он опять хоть на короткое время окунулся в родную стихию стратегии. По тексту чувствуется, что писал его Михаил Николаевич с увлечением, на время забыв, в каком незавидном положении находится. А может, в глубине души надеялся, что Сталин оценит его, Тухачевского, широту мышления, профессиональную эрудицию и точность стратегического анализа и оставит в живых в качестве своего тайного советника по военным вопросам, под чужим именем, тогда как для всего мира маршал будет числиться расстрелянным как заговорщик и германский шпион. Ведь просил же Бухарин Сталина в письмах из тюрьмы права на жизнь под другой фамилией, хотя бы Петров, чтобы разрабатывать для партии политэкономию социализма и агитировать против Троцкого.

11 июня 1937 года Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Эйдемана, Примакова и Путну судило Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР на закрытом заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. Обвинительное заключение вечером 9 июня после встречи со Сталиным, Молотовым и Ежовым утвердил Генеральный прокурор СССР А. Я. Вышинский. В состав присутствия вошли маршалы С. М. Буденный и В. К. Блюхер, командармы Я. И. Алкснис, И. П. Белов, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин, комкор Е. И. Горячев, а также печально знаменитый председатель Военной Коллегии Верховного суда армвоенюрист 2-го ранга В. В. Ульрих, который и председательствовал на процессе, но фактически выполнял роль не судьи, а прокурора. Почти все судьи, кроме Буденного, Шапошникова и Ульриха, были впоследствии расстреляны. Блюхер был арестован и умер от побоев во время следствия, а Горячев, предчувствуя неизбежный арест, успел, подобно Гамарнику, застрелиться. К суду подсудимых тщательно готовили. Бывший следователь Авсеевич вспоминал: «После того как следствие было закончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки-двое перед процессом, на котором начальник отдела Леплевский дал указание всем лицам,

принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подследственными и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии. Накануне суда я беседовал с Примаковым, он обещал подтвердить в суде свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть вместе с ними в комнате ожидания… Перед самым судебным заседанием по указанию Леплевского я знакомил Примакова с копиями его же показаний (чтобы не запутался бедняга в том, что насочиняли следователи. — Б. С.)… Накануне процесса арестованные вызывались к Леплевскому, который объявил, что завтра начнется суд и что судьба их зависит от их поведения на суде… Перед процессом Примаков вызывался к Ежову, там его, видимо, прощупывали, как он будет себя вести на суде, и, как он потом рассказывал, его уговаривали, что на суде он должен вести так же, как на следствии. Он обещал Ежову на суде разоблачать заговорщиков до конца». Как мы увидим дальше, Виталий Маркович свое обещание выполнил и перевыполнил, а вот Николай Иванович своего — сохранить Примакову жизнь — выполнять и не собирался.

Перед процессом всем обвиняемым разрешили обратиться с письмами на имя Сталина. Они каялись и просили пощады. Характерно письмо Якира, оглашенное на XXII съезде КПСС тогдашним главой КГБ А. Н. Шелепиным. Правда, Александр Николаевич некоторые пассажи предусмотрительно опустил (я эти места выделил курсивом): *«Родной близкий* тов. Сталин. *Я смею так к Вам обращаться*, ибо я всё сказал, всё отдал и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей — *потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства…* Следствие закончено. *Мне предъявлено обвинение в государственной Измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся.* Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства… Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

Абсолютно понятно, почему «железному Шурику» понадобились такие передержки, совершенно меняющие смысл письма. Шелепин хотел убедить простодушных делегатов съезда, будто Якир в обращении к Сталину «заверял его в своей полной невиновности». Соответственно, на съезде оглашенные председателем КГБ резолюции на письме Якира воспринимались

совсем иначе, чем читателями этой книги: «Подлец и проститутка. И. Сталин»; «Совершенно точное определение. К. Ворошилов» (Молотов то ли просто расписался, то ли подписался под словами Ворошилова); «Мерзавцу (Шелепин процитировал помягче: „Предателю“. — Б. С.), сволочи и бляди (вместо этого Шелепин упомянул „хулиганское, нецензурное слово“. — Б. С.) одна кара — смертная казнь. Л. Каганович».

Нельзя не признать, что резолюции Сталина и его товарищей вполне соответствуют содержанию письма. В самом деле, что можно сказать о человеке, который признается в активном участии в заговоре и тут же заявляет о своей честности. Правда, Сталин, Ворошилов, Молотов и Каганович прекрасно понимали, что Якир, Тухачевский и прочие никакого заговора не устраивали и германскими шпионами не были. Но не для того члены Политбюро затеяли процесс, чтобы доказать на нем невиновность «заговорщиков».

В тот же день, 9 июня, Якир написал и Ворошилову: «В память многолетней, в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной. С такой же просьбой я обратился к Н. И. Ежову». Климент Ефремович на следующий день наложил резолюцию: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще». Аналогичные резолюции остались и на письмах других обвиняемых. Якир, Тухачевский и другие об этом не знали и, наверное, продолжали надеяться, что останутся живы. Впрочем, думаю, за исключением Михаила Николаевича. Фельдман, Путна, Корк, Эйдеман и Примаков, в силу занимаемых менее значительных должностей и, соответственно, приписываемой роли в заговоре, еще могли всерьез рассчитывать избежать расстрела. Но Тухачевский, которого объявили главарем «военно-троцкистской организации», должен был сознавать, что его не пощадят ни в коем случае.

На суде подсудимые были одеты достаточно пестро. Члены Специального присутствия в последующих докладах на имя Сталина и Ворошилова оставили нам их портреты. 26 июня 1937 года Буденный писал генеральному секретарю: «Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и всё, что записано в обвинительном заключении, — всё это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не

ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее и такого быстрого следствия и суда…»

Белов 14 июля 37-го сообщил наркому обороны: «Буржуазная мораль трактует на все лады — „глаза человека — зеркало его души“. На этом процессе за один день больше, чем за всю свою жизнь, я убедился в лживости этой трактовки. Глаза всей этой банды ничего не выражали такого, чтобы по ним можно было судить о бездонной пропасти сидящих на скамье подсудимых. Облик в целом у каждого из них был неестественный (вряд ли естественность удалось сохранить и самому Ивану Панфиловичу, когда 29 июля 1938 года его судили и расстреляли по точно таким же обвинениям, что и Тухачевского. — Б. С.). Печать смерти уже лежала на всех лицах. В основном цвет лиц был так называемый землистый… Тухачевский старался хранить свой „аристократизм“ и свое превосходство над другими… Уборевич растерялся больше первых двух (то есть Тухачевского и Якира. — Б. С.). Он выглядел в своем штатском костюмчике, без воротничка и галстука, босяком… Корк, хотя и был в штатском костюме, но выглядел, как всегда, по-солдатски… Фельдман старался бить на полную откровенность. Упрекнул своих собратьев по процессу, что они, как институтки, боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным, а здесь хотят превратить это в легальное общение с иностранными офицерами. Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал прерывистым глухим спазматическим голосом (явное следствие „допросов с пристрастием“ у следователя Агаса. — Б. С.). Примаков — выглядел сильно похудевшим, показывал глухоту, которой раньше у него не было (и в этом случае сказались „меры физического воздействия“. — Б. С.). Держался на ногах вполне уверенно… Путна немного похудел, да не было обычной самоуверенности в голосе…»

Как свидетельствует сохранившаяся фотография Тухачевского во время суда, из роскошного штатского костюма его переодели в поношенную красноармейскую гимнастерку, решив, что, в отличие от Уборевича и Корка, главе военного заговора не пристало на процессе щеголять в штатском костюме, да еще и дорогом. Похоже, что маршал уже был безразличен к своей судьбе, очень подавлен и, не имея сил прямо отвергнуть все обвинения и заявить о фальсификации дела, часть обвинений признавал, а часть отрицал, не придавая, впрочем, этому принципиального значения. Он знал: исход суда предрешен.

В самом начале заседания все подсудимые, отвечая на вопросы председателя, заявили, что признают себя виновными, и

в дальнейшем в основном подтвердили свои показания, данные на следствии. Первым выступил Якир, обличавший Троцкого, Тухачевского и происки фашистских государств, направленные на подрыв СССР. Создается впечатление, что он говорил заранее зазубренный текст, поскольку на вопросы судей вынужден был давать невразумительные ответы. Когда Блюхер спросил, как именно готовилось поражение авиации Красной Армии в будущей войне, Якир признался: «Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написал следствию». А на вопрос Ульриха, в чем заключалось вредительство в сфере боевой подготовки, невнятно пробормотал: «Я об этом вопросе говорил в особом письме». Буденный следующим образом передал Сталину суть выступления бывшего командующего Киевским округом: «Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры… В последующих выступлениях подсудимых… все они держались в этих же рамках выступления Якира».

Тухачевский и Уборевич от развернутого выступления отказались, и их допрос велся только в форме вопросов и ответов. Буденный в докладной записке Сталину так изложил показания Тухачевского: «Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии. Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблокировался с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия, по сравнению с германской и польской армиями, по своей численности была на 60–62 дивизии меньше…» С числом дивизий тут явно какая-то путаница. Вероятно, Семен Михайлович ослышался. Ведь еще в 1935 году Тухачевский в статье «Военные планы нынешней Германии» указывал, что рейхсвер располагал к 1933 году только 8 дивизиями, из которых Гитлер в 1934 году создал 21 соединение и собирался довести их число до 36. 108 дивизий же, по мнению Михаила Николаевича, Германия могла бы выставить только в военное время, после мобилизации. Красная же Армия уже в 35-м году располагала более чем 100 дивизиями общей численностью в 930 тысяч человек. А к концу 1937 года численность советских вооруженных сил уже превысила полтора миллиона.

Буденный продолжал: «Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он всё

предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению, и что его якобы никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов Специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 года. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал…»

Интересно, что, когда много лет спустя, уже после реабилитации Тухачевского, друзья и знакомые спрашивали Буденного, как он мог осудить на смерть невиновных людей, Семен Михайлович, соглашаясь, что версия заговора звучала достаточно фантастично, оправдывался: «Но они же сами во всём признавались! Как же я мог в этом случае усомниться в выводах следствия!» Подозреваю, что бывший предводитель легендарной Первой Конной здесь немного лукавил, ибо в действительности нисколько не жалел давних недругов, давно под него подкапывавшихся, и не задумывался об истинности предъявленных им обвинений.

Буденного дополнил Белов: «Пытался он (Тухачевский. — Б. С.) демонстрировать и свой широкий оперативно-тактический кругозор. Он пытался бить на чувства судей некоторыми напоминаниями о прошлой совместной работе и хороших отношениях с большинством из состава суда (откровения этого рода дорого обошлись большинству членов Специального присутствия, в том числе и Белову. — Б. С.). Он пытался и процесс завести на путь его роли как положительной, и свою предательскую роль свести к пустячкам…»

Создается впечатление, что в последний день своей жизни поверженный маршал думал о своем месте в истории, хотел, чтобы в стенограмме процесса отразилась его деятельность по развитию и реформированию Красной Армии. Надеялся, что когда-нибудь стенограмму суда прочтут историки (ее текст в несколько сот страниц не опубликован до сих пор). Правда, в записанное стенографистками существенные коррективы вносили редакторы в мундирах. Например, в показания Тухачевского вписали слова о его работе на японский генштаб (чтобы связать задним числом заговор еще и с происками Японии). Слова же Фельдмана: «Разумеется, если меня спросят, да, преступления государственные, преступления, хотя это пустяковые сведения, но все-таки это есть преступление, государственная измена, так и надо назвать это дело» — переиначили, и получилось:

«Разумеется, что хотя мои данные по сравнению с теми, какие передавали немцам, японцам и полякам Тухачевский и другие, являются не особенно ценными, тем не менее я должен признать, что занимался шпионажем, ибо эти сведения были секретными». Почувствуйте разницу!

После Тухачевского допрашивали Уборевича, который было заартачился и начал отрицать обвинения во вредительстве и шпионаже (не отрицая, впрочем, участия в заговоре). Судьи даже прервали его допрос, сделав часовой перерыв. Затем настала очередь «передовика» Корка, хорошо потрудившегося на благо следствия. Его разоблачительная речь заняла аж 20 листов стенограммы. А вот последующие допросы Эйдемана, Путны и Примакова опять свелись к вопросам и ответам. Причем Эйдеману было задано всего три вопроса. Несомненно, Ульрих учел, что Роберт Петрович находился в полуневменяемом состоянии, и не стал допытываться у него подробностей. Новые «Самолеты, самолеты…» могли ввести в глубокое смущение членов Спецприсутствия, не знакомых с методами работы НКВД.

Дальше слово предоставили Фельдману, который, как и Корк с Примаковым, был надеждой и опорой следствия. Борис Миронович начал с просьбы: «Я просил бы, гражданин председатель, позволить мне вкратце (я долго не буду задерживать Вашего внимания) рассказать то, что мне известно как члену центра, то, что я делал. Я думаю, это будет полезно не только суду, но и всем тем командирам, которые здесь присутствуют». При этих словах у семи из восьми членов Специального присутствия (кроме многознающего Ульриха) душа ушла в пятки: ну, как их сейчас назовут в числе участников военно-троцкистской организации! Но нет, на этот раз обошлось. Выступление Фельдмана, 12 листов стенограммы, хотя было лишь немногим короче, чем у Корка, фамилий ни одного из судей не содержало. Маршалы и командармы не знали, что полученные на следствии показания против них подшиты в дела и только ждут своего часа.

После окончания допросов подсудимым было предоставлено последнее слово. Свои впечатления от этих речей доложил Ворошилову Белов: «Последние слова все говорили коротко. Дольше тянули Корк и Фельдман. Пощады просили Фельдман и Корк. Фельдман даже договорился до следующего: „Где же забота о живом человеке, если нас не помилуют“. Остальные все говорили, что смерти мало за такие тяжкие преступления… Клялись в любви к Родине, к партии, к вождю народов т. Сталину». И командарм сделал общее заключение о поведении подсудимых на процессе: «Говорили они все не всю правду,

многое унесли в могилу… У всех них теплилась надежда на помилование; отсюда и любовь словесная к Родине, к партии и к т. Сталину».

По утверждению сотрудника Главной военной прокуратуры Б. А. Викторова, самым ярким и обличительным по отношению к другим подсудимым оказалось последнее слово Примакова. Виталий Маркович не пощадил никого: «Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, всё, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек — заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора… Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т. е. из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого персонально есть семьи за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной…»

За это выступление комкор удостоился посмертной похвалы от Буденного: «Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех…» Но данная речь, отдельные пассажи которой могли бы очень пригодиться во времена борьбы с «безродными космополитами», в конце 40-х — начале 50-х, поставила в тупик работников Главной военной прокуратуры, готовивших реабилитацию осужденных в дни оттепели. Стоит ли Примакова реабилитировать, раз он столь истово помогал Ульриху, Ежову и Вышинскому? В конце концов решили (не в прокуратуре, конечно, а в ЦК): надо реабилитировать. И поведение Примакова легко объяснили: за девять месяцев заключения с ним основательно «поработали», подавили волю к сопротивлению. Думаю, дело не только в этом. Просто Виталий

Маркович хорошо заучил продиктованную чекистами речь (фраза о Фельдмане, например, почти дословно совпадает с показаниями Ушакова) и уверовал: если всё скажет, как надо, непременно помилуют. Причем некоторые, наиболее опасные для себя обвинения всё же предпочел отвергнуть. Буденный свидетельствует: «Примаков очень упорно отрицал то обстоятельство, что он руководил террористической группой против тов. Ворошилова в лице Шмидта, Кузьмичева и других…» Понимал, что за умысел на теракт расстреляют почти наверняка. Вообще все подсудимые, изобличая других, старались преуменьшить или вовсе отрицать некоторые вмененные им «преступления» или преуменьшить свою роль в них. Так, Фельдман и Тухачевский, в частности, настаивали, что переданные ими немцам сведения не имели большого значения. Рассчитывали, что, если некоторые обвинения отпадут, больше будет шансов на помилование. Но не помиловали никого…

После того как суд удалился на совещание, Ульрих побывал у Сталина, где встретился также с Молотовым, Кагановичем и Ежовым. Позднее бывший секретарь суда Зарянов сообщил тем, кто занимался реабилитацией Тухачевского и его товарищей: «О ходе судебного процесса Ульрих информировал И. В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих. Он говорил, что имеются указания Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания — расстрела». Впрочем, эта последняя встреча со Сталиным для председателя суда была по сути только формальностью. Ульрих и до начала заседания твердо знал, что казнить придется всех, вне зависимости от поведения на суде тех или иных лиц. Тухачевский, Якир, Фельдман, Корк и другие еще отвечали на вопросы судей, еще произносили покаянные речи, еще на что-то надеялись… А Сталин уже отправил в республики и области телеграмму, где говорил о них как о мертвых: «Национальным ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно — и крестьян, а также митинги красноармейских частей, и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. 11. VI. 1937 г. Секретарь ЦК Сталин». Вот откуда массовые митинги и резолюции с требованиями казни участников «военно-фашистского заговора», заполнившие советские газеты с утра 12 июня.

И со временем окончания процесса Сталин нисколько не ошибся. В 23 часа 35 минут 11 июня Ульрих огласил суровый и несправедливый приговор. Всех восьмерых присудили к расстрелу, лишению всех воинских званий и наград и конфискации всего лично им принадлежащего имущества. Расстреляли тут же, в ночь на 12-е. Ульрих предписал провести казнь коменданту Военной Коллегии Верховного суда Игнатьеву. Акт о приведении приговора в исполнение подписали Вышинский, Ульрих, Цесарский, Игнатьев и комендант НКВД Блохин. Очевидно, непосредственно расстреливали Тухачевского, Уборевича и остальных Игнатьев и Блохин.

По утверждению А. И. Тодорского, через несколько дней после казни Ворошилов рассказывал ему и еще нескольким военным, что во время расстрела Тухачевский, Якир и другие кричали: «Да здравствует Сталин! Да здравствует коммунизм!» Быть может, они до последнего верили, что всё это — лишь инсценировка, и, как когда-то Николай 1 помиловал петрашевцев, когда на первых приговоренных уже надели саваны, отец народа товарищ Сталин сейчас пришлет фельдъегеря с указом о замене расстрела тюрьмой или лагерями. Но оказалось, что дружно проклинаемый советскими историками Николай Палкин был куда милосерднее Иосифа Сталина. Милосердия от генерального секретаря Тухачевский и его товарищи так и не дождались. А что перед смертью провозглашали здравицы Сталину и коммунизму, то в этом ничего оригинального не было. Не они первые, не они и последние. Не Гитлеру же, в самом деле, здоровья желать. Да, может, у Ионы Эммануиловича, Михаила Николаевича и других теплилась надежда, что мудрого Иосифа Виссарионовича обманули прохвосты типа Ежова и Ульриха и он лишь по недоразумению санкционировал казнь своих преданных слуг. А коммунизм, в который Тухачевский заставил себя поверить, всё равно восторжествует в стране и во всем мире под руководством великого Сталина. Не исключено также, что обреченные на смерть надеялись, что их «идейно выдержанные» предсмертные слова облегчат судьбу родных и близких. Надо сказать, что ничуть не облегчили.

В конце концов чинам НКВД надоело слушать, как перед смертью несознательные враги славят вождя и партию, своими похвалами ставя присутствующих чекистов в двусмысленное положение. И когда один из палачей доложил своему непосредственному начальнику, что многие приговоренные умирают со словами «Да здравствует Сталин!», а начальник сообщил об этом по инстанции, один из руководителей наложил на документ трагикомическую резолюцию: «Надо проводить

воспитательную работу среди приговоренных к расстрелу, чтобы они в столь неподходящий момент не марали имя вождя». Но это было позднее. С Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Корком, Фельдманом, Эйдеманом, Путной и Примаковым воспитательной работы провести не успели…

В ведущих государствах мира падение и гибель Тухачевского рассматривались как события первостепенного значения, причем деятельность обвиняемых однозначно связывалась с Германией. Так, американский военный атташе в Москве подполковник Филипп Р. Файмонвилл 12 июня докладывал в Вашингтон: «Советская пресса 11 июня 1937 года передала сообщения, что восемь человек, занимающих важные командные посты в Красной Армии, арестованы, обвинены в измене, выразившейся в поддержании связей со шпионским ведомством одного иностранного правительства. Сообщение об этом было неожиданным, хотя слухи о проводимом тайном расследовании ходили в Москве в течение нескольких недель. Иностранное правительство, чьи агенты-шпионы, как утверждают, были в связи с обвиняемыми, не называется. Из редакционных статей и безошибочных отсылок, однако, стало ясно, что подсудимые обвинялись в преступных связях с германской тайной полицией…

Всё дело, как кажется, слушалось на закрытом заседании 11 июня. Без четверти двенадцать вечера 11 июня (то есть всего через десять минут после оглашения приговора. — Б. С.) по радио передали, что все обвиняемые признали свою вину и были приговорены к лишению всех воинских званий и расстрелу. Советская пресса утром 12 июня повторила эту информацию. Объявления о том, что приговор приведен в исполнение, еще не было, но остается мало сомнений, что обвиняемые уже казнены».

Люди в СССР и за его пределами несколько десятилетий гадали, что же происходило за закрытыми дверями зала судебных заседаний. Суд и расправа над Тухачевским вызвали также оживленные комментарии в зарубежной прессе, особенно в Германии, где возмущались, что подсудимых обвинили в преступных связях с германской разведкой и руководством рейхсвера. Немцы прекрасно поняли, что участников «военно-фашистского заговора» сделали немецкими и японскими шпионами только потому, что в тот момент у Советского Союза были напряженные отношения с этими странами. Можно не сомневаться: проходи следствие и суд после советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года, Тухачевского объявили бы агентом не Германии и Японии, а Англии и Франции. Благо, в обеих странах Михаил Николаевич бывал и с тамошними военными и политиками встречался. Немецкий

военный журнал «Дейче Вер» в связи с казнью Тухачевского 24 июня 1937 года писал: «В первых числах мая были собраны „доказательства“ о мнимой подготовке переворота силами Красной Армии. Обвинения против Тухачевского были собраны полностью и объявлены в присутствии всех Народным комиссаром обороны: Тухачевский готовил переворот для того, чтобы объявить национальную военную диктатуру во главе с самим собой». Вермахт, несомненно, получил в целом достоверную информацию о заседании Военного совета, где Ворошилов и Сталин шельмовали «заговорщиков». Автор появившейся статьи «Счастье и гибель Тухачевского» высоко оценил талант маршала: «Тухачевский, бесспорно, был самым выдающимся из всех красных командиров, и его нельзя заменить. История когда-нибудь скажет нам, какую роль он играл в действительности в деле строительства этой армии… Ни один человек никогда не узнает, что происходило на процессе… Наводит на размышления тот факт, что к Тухачевскому присоединились три таких известных представителя младшего поколения, как Уборевич, Якир и Эйдеман… Если при этом учесть самоубийство Гамарника… то дело становится еще более серьезным. Тухачевский хотел быть „русским Наполеоном“, который, однако, слишком рано раскрыл карты, либо же, как всегда, его предали в последний момент. Каганович — Сталин являются снова господами в стране, и Интернационал торжествует. Надолго ли?» В другом же немецком военном издании, «Верфронт», констатировалось: «В противовес краткой эре Тухачевского снова выступили на первый план парадные генералы и герои гражданской войны. Вместе с этим путем восстановления военных советов и значительного усиления политического аппарата восстановлен дуализм, устраненный в интересах боеспособности армии расстрелянным маршалом Тухачевским».

Офицеры германской армии, равно как и нацистские политические руководители, не сомневались, что улики против Тухачевского и остальных были сфабрикованы. Им-то прекрасно было известно, что маршал не был германским агентом и даже не относился к числу тех, кто симпатизировал Рейху. Расовая теория, исповедуемая нацистами, не позволяла им поверить в то, что кандидат в русские Наполеоны мог иметь связи с евреем и коммунистом Троцким. Поэтому в этой части обвинения против Тухачевского немцы также рассматривали как мнимые. Зато в Берлине вполне допускали, что самый молодой из советских маршалов мог иметь бонапартистские планы, и очень хотели бы видеть в нем борца с «еврейским влиянием» в советском

руководстве. Воплощением такого влияния для Гитлера и его последователей, а также для значительной части германского офицерского корпуса служил Л. М. Каганович, к которому, как думали, всё больше прислушивается Сталин. В Германии вплоть до, 90-х годов ничего достоверного о процессе Тухачевского не было известно. Это обстоятельство поддерживало версии о бонапартизме маршала.

Если бы Гитлер и его генералы узнали о поведении Михаила Николаевича на следствии и суде… О признании им фантастических обвинений. О том, что Тухачевский и не пытался изложить свою программу, подлежащую реализации в случае успеха переворота, а лишь соглашался с пропагандистским сценарием заговора, изобретенного следователями. О том, что Тухачевский умирал со здравицей Сталину на устах… Не мог же, в самом деле, несостоявшийся Бонапарт перед смертью прославлять того, кого собирался свергнуть! И все-таки насчет того, что материалы суда никогда не станут достоянием общественности, немецкий журналист был недалек от истины. Опубликованы только очень небольшие фрагменты стенограммы, которые, как изюм, приходится буквально выковыривать из составленного в 1964 году комиссией ЦК КПСС документа со скучным канцелярским названием: «Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене родине, терроре и военном заговоре». Выходит, кому-то (очевидно, органам безопасности) и сегодня есть что скрывать по делу Тухачевского? Окончательно на этот вопрос можно будет дать ответ только после публикации полного текста стенограммы процесса (если она, конечно, не уничтожена осторожными функционерами партии и КГБ).

Когда при Хрущеве стали выяснять, что из предъявленного Тухачевскому и другим является чистым вымыслом, то оказалось, что, за исключением намерения добиться смещения Ворошилова (что само по себе не преступление), всё остальное опровергается объективными данными документов и показаниями уцелевших свидетелей. Так, Путна показал, что когда в сентябре 35-го узнал о своем отзыве с поста военного атташе в Англии в Москву, то сообщил об этом в Париж сыну Троцкого Льву Седову. От последнего в начале октября в Лондон был доставлен пакет с его запиской Путне и «доверительным письмом» самого Троцкого Тухачевскому. Ознакомившись с письмом, Михаил Николаевич якобы просил Путну передать Седову, что Троцкий может на него, Тухачевского, рассчитывать. Однако на суде маршал говорил о том, что получил письмо Седова, а не Троцкого, но эта

нестыковка ни следователей, ни судей не волновала. Сценарий создавался в спешке, и не было времени согласовывать показания подсудимых во всех деталях. Зато удалось добиться от Путны и Тухачевского признания, что они встречались с Седовым в феврале 1936 года в парижском кафе «Вена» (встречу якобы организовал Путна). Комиссия ЦК обратилась за информацией к бывшему парижскому резиденту НКВД в 1932–1938 годах Афанасьеву, который охотно разъяснил абсурдность всего, что говорилось по этому поводу на процессе Тухачевского: «Я возглавлял нелегальную резидентуру в Париже, которая занималась, главным образом, разработкой деятельности сына Троцкого — Седова и его окружения… Мы были в курсе дела самой засекреченной конспиративной деятельности Троцкого и Седова. Поэтому, когда ставится вопрос, могли ли иметь место встречи Седова с Тухачевским, Путной и другими военными деятелями Советского Союза, о чем говорилось на процессах, имевших место в Москве с 1936 по 1938 год, то можно утверждать, что это не соответствует действительности… Те агентурные и документальные материалы, которые мы получали в процессе разработки Троцкого, Седова, Клемана и частично РОВСа в Париже, ни прямо, ни косвенно не подтверждали те обвинения, которые выдвигались против военных деятелей Красной Армии в связи с делом Тухачевского, Корка, Гамарника, Путны и др.»

Чекисты очень плотно «пасли» Седова, окружение которого было нашпиговано секретной агентурой (предполагают, что она приложила руку к смерти сына Троцкого). Тут бы птица незамеченной не пролетела, а тем более маршал, первый заместитель наркома обороны…

И то же самое по другим эпизодам дела. Например, в суде Тухачевский признал: «Когда в 1932 году Ромм привез мне предложение Троцкого собирать троцкистские кадры, я согласился на это. Таким образом, я считаю начало организации нашего военного заговора с 1932 года». Тут сразу бросается в глаза явная неувязка. Если в 1935 году Тухачевский сообщал через Путну Троцкому, что тот может на него рассчитывать, то это можно понять таким образом, что ранее маршал не заявлял о своей поддержке Троцкого. А тут вдруг выясняется, что он был агентом Троцкого аж с 32-го года! Главное же, Ромма, вместе с Тухачевским ездившего в Германию в том году, расстреляли еще в марте 37-го, и в его показания, сочиненные с начала и до конца, следователи еще не рискнули вставить имя Тухачевского — в то время второго человека в Красной Армии после Ворошилова. Создать непротиворечивую картину заговора, основанную на

вымышленных показаниях десятков в реальности не связанных между собой лиц, — эта задача людям Ежова была не под силу, особенно в те сжатые сроки, которые поставил перед ними Сталин.

Уже после окончания второй мировой войны получила широкое распространение версия, согласно которой в фабрикации дела Тухачевского роковую роль сыграла некая «красная папка» о конспиративных связях советских военачальников с генералами рейхсвера, переданная с санкции Гитлера в провокационных целях в руки НКВД. В Советском Союзе эту историю обнародовал Хрущев в заключительном выступлении на XXII съезде партии 27 октября 1961 года: «Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого генерального штаба. Этот „документ“, якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, переслал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены». Как же родилась эта версия?

Впервые тезис о роли германских спецслужб в деле Тухачевского высказал ставший невозвращенцем бывший советский разведчик-нелегал Вальтер Кривицкий в 1940 году, незадолго до своего загадочного самоубийства. Однако подробный рассказ о будто бы проведенной Имперским Главным Управлением Безопасности (РСХА) под руководством ее шефа Рейнхарда Гейдриха операции по дискредитации Тухачевского появился только в 1953 году в мемуарах бывшего офицера 6-го управления РСХА — управления внешней разведки — Вильгельма Хёттля «Секретный фронт» (на немецком языке книга вышла под псевдонимом Вальтер Хаген). В главе «Как фальшивомонетчики убили советского маршала» он писал: «11 июня 1937 года советское информационное агентство ТАСС вызвало мировую сенсацию, сообщив, что по приказу наркома внутренних дел восемь старших генералов Красной Армии, среди которых бывший заместитель наркома обороны маршал Советского Союза Тухачевский, арестованы и предстали перед военным судом. Судебный процесс никаких сюрпризов не принес. Советская юридическая система была уже хорошо знакома миру, и пародия на юстицию, фарсовые судебные процессы против троцкистской оппозиции в 1936 году, вместе с обилием не вызывающих доверия признаний обвиняемых, были еще свежи в людской памяти.

Никто потом не удивился, когда утверждалось, что Тухачевский и его товарищи признались, что они организовали подпольное оппозиционное движение, что они были в связи с верховным военным командованием враждебной СССР державы и передавали сведения о Красной Армии. Также не были неожиданностью осуждение обвиняемых и их скорая казнь. То, что судебное заседание под председательством Ульриха, главы Военной коллегии, и с участием Генерального прокурора Вышинского в качестве государственного обвинителя было закрытым, породило множество комментариев. Никто, однако, не знал, какие события привели к осуждению Тухачевского, и никто позднее не поверил разоблачению, будто глава германской секретной службы сыграл решающую роль в этом деле.

Гейдрих решил использовать свою тайную организацию против Советского Союза в 1935 году. Первоначально он имел в своем распоряжении лишь скудные денежные средства и вынужден был довольствоваться информацией из вторых рук, получаемой из-за границы и особенно от живущих в Германии русских эмигрантов. Эмиграция в Германии имела тесные связи с парижской эмигрантской колонией, которая вместе с колонией в Белграде имела наибольшее значение в Европе. Гейдрих таким образом смог через своих агентов установить контакт с центральным комитетом эмиграции в Париже. Здесь его представитель завязал отношения с бывшим белым генералом Скоблиным, чьей женой была знаменитая оперная певица Надежда Плевицкая. Эта чета занимала важное, хотя в некоторой степени двусмысленное положение в среде парижской эмиграции, поскольку считалось, что им нельзя полностью доверять. Агент Гейдриха выяснил, что Скоблин поддерживает превосходные отношения с самыми высокими кругами в Москве. Это само по себе было удивительным, поскольку ни в каком другом случае эмигрантская секретная служба не имела успеха в проникновении в верхние эшелоны советской иерархии. В последующей работе со Скоблиным немецкий агент выяснил, что, подобно своему печально знаменитому соотечественнику Евно Азефу, который попеременно продавал революционеров царской полиции и наоборот, генерал работал на обе стороны — как за Советский Союз, так и против него. Двойная игра Скоблина не казалась Гейдриху достаточным основанием для отказа от его использования, а Скоблин, со своей стороны, проявил полную готовность, за какую-то цену, добавить германскую секретную службу в список своих работодателей. От него Гейдрих получал сведения, вплоть до конца 1936 года, что Тухачевский планирует захватить власть с помощью Красной Армии и избавиться от

Сталина и большевистского режима в целом. Была ли эта информация истинной, остается открытым вопросом, поскольку шеф НКВД Ежов, который предоставил Вышинскому свидетельства против Тухачевского, вскоре сам был казнен. Из свидетелей того, как готовился процесс, вряд ли кто сейчас остался в живых, и ожидать, что Вышинский, маршал Ворошилов, игравший важную роль, или сам Сталин когда-либо заговорят, было бы чересчур оптимистичным. Данный вопрос в любом случае не имеет большого значения для решения проблемы. Единственный вопрос, по-настоящему имеющий значение, это действительно ли свидетельство, что Тухачевский составил заговор против Сталина, было сфабриковано таким же образом, как и свидетельство о его предательских связях с некой иностранной державой.

Невозможно точно определить, когда именно Гейдриху пришла в голову идея чудовищной интриги, которая должна была вызвать падение Тухачевского. Но она, возможно, родилась даже до решающего разговора с Гитлером и Гиммлером в самый канун Рождества 1936 года, когда он впервые сказал своим коллегам о явном намерении Тухачевского захватить власть. Как Гитлер, так и Гейдрих, по-видимому, оценили вероятность того, что этот раскол в советской системе дал бы возможность Германии нанести обезоруживающий удар по СССР. Было два возможных варианта действий. Германия могла либо поддержать Тухачевского и таким образом помочь ему ликвидировать большевизм, либо выдать Тухачевского Сталину и благодаря этому нанести ущерб военной мощи Советского Союза. Каждый из вариантов представлялся одинаково заманчивым по своим потенциальным возможностям. С одной стороны, казалось очевидным, что вызвать падение Тухачевского гораздо легче, чем поддержать его в значительно более рискованном предприятии — попытке свергнуть хозяев Кремля. С другой стороны, немецкое участие в уничтожении Тухачевского и последующее ослабление Красной Армии привело бы к пересмотру политики сотрудничества между вооруженными силами Германии и Советского Союза, проводившейся прежде.

Русско-германское военное сотрудничество было интенсифицировано в 1926 году, когда генерал-полковник фон Сект, начальник штаба 100-тысячного рейхсвера, попросил и получил техническую помощь от русских. Преемники фон Секта, генералы Гайе и Гаммерштейн-Экворд, продолжали эту политику при полной поддержке парламентского рейхсминистра обороны. За этим сотрудничеством не стояло какой-либо ясной политической концепции. Генералы в основном хотели военно-

технического содействия, особенно в предоставлении оборудования и полигонов для подготовки офицеров, призванных овладеть бронетехникой, боевыми самолетами и другими видами вооружений, запрещенными для рейхсвера Версальским договором. В свою очередь немцы готовы были предоставить Красной Армии опыт своего офицерского корпуса и свое знание основных принципов военного руководства. Русские, со своей стороны, быть может, рассматривали военное сотрудничество как отправную точку для будущего политического сближения, но никаких практических результатов в политической сфере так и не было достигнуто.

Когда Гитлер стал рейхсканцлером, положение сразу же изменилось. Нет сомнения, что с самого начала он считал решительную борьбу с большевизмом не на жизнь, а на смерть неизбежной. Такой политический подход в долгосрочной перспективе исключал военное сотрудничество вооруженных сил двух стран. Менее понятны его резоны для отказа от возможности сокрушить или, по крайней мере, резко ослабить „врагов всего мира большевиков“ посредством активной или иной поддержки переворота, который, как считалось, готовит маршал Тухачевский. Уже упоминавшаяся трудность оказания какой-либо практической помощи, несомненно, повлияла на Гитлера, но вмешательство Гейдриха, конечно, в решающей степени перетянуло чашу весов. Он был убежден, что традиционная склонность к русско-германскому союзу все еще жива в прусско-германском офицерском корпусе, и преувеличивал как политическое значение этого фактора, так и возможные результаты любого продолжения военных связей. Оба этих обстоятельства Гейдрих считал очень реальной опасностью, стоящей в повестке дня.

Ничто не могло подорвать сотрудничество двух армий более эффективно, чем доказательство — в глазах общественного мнения — того, что в действительности это сотрудничество служит лишь прикрытием для шпионажа и измены. Это можно было инсценировать различным образом, в Германии или в России, с германскими или русскими генералами в качестве обвиняемых, в зависимости от того, что казалось более подходящим в данных обстоятельствах. И Гейдрих без колебаний готов был выдвинуть фальшивые обвинения в измене против тех или иных немецких генералов. В целом, однако, ему казалось лучше избрать Москву в качестве места действия и Тухачевского в качестве жертвы; советская система предоставляла для инсценировки исключительно благоприятные средства, тогда как в Германии подобную постановку осуществить, возможно, было

бы гораздо труднее. Кроме того, при проведении акции в Москве и против партнера вермахта появлялась возможность нанести непрямой удар и по руководителям германских вооруженных сил, и, несомненно, для Гейдриха эта последняя были весьма желанной, даже если только и дополнительной целью. С момента своего позорного увольнения из флота (связанного с обвинениями в гомосексуализме. — Б. С.) он испытывал почти патологическую ненависть к руководителям вооруженных сил и никогда не упускал шанса нанести им ранящие удары. Дело Тухачевского определенно давало ему отличную возможность для этого.

После долгой и весьма секретной дискуссии Гейдрих сумел убедить Гиммлера и, что еще важнее, Гитлера принять его образ мыслей. Во внутренних советских ссорах Германия должна выступить на стороне Сталина. Тухачевский и его товарищи должны быть представлены как изменники, и возмущенная Красная Армия, помимо прочего, лишится своих наиболее способных офицеров. Всё, что для этого надо сделать, так это снабдить Сталина доказательствами изменнических связей Тухачевского с германским верховным командованием; сведения о его намерении совершить переворот, призванные закончить картину, можно было безопасно оставить генералу Скоблину для выяснения (или фабрикации).

Вся операция была подготовлена в обстановке строжайшей секретности. Она продолжалась с 1936 по 1937 год. Гейдрих вкратце известил о ней только своих непосредственных подчиненных, и то сообщил им лишь минимум сведений, необходимых для исполнения своих ролей. Позднее генерал СС Герман Беренс рассказывал мне, как он разрабатывал технические детали операции. Кроме Гиммлера и самого Гейдриха, лишь Беренс знал весь секрет дела. Я знал его очень хорошо во время войны, когда он был начальником войск СС и полиции в Белграде (Хёттль в разведке отвечал за балканское направление. — Б. С.) (Позднее, в 1946 году, Беренс был выдан Тито и казнен за военные преступления).

Первоначально Гейдрих попытался вовлечь в заговор против Тухачевского шефа абвера адмирала Канариса. Он попросил Канариса разрешить ему взять любые документы, находящиеся в распоряжении адмирала и касающиеся переписки германского верховного командования с русскими по поводу военного сотрудничества, и в особенности любые подлинные письма Тухачевского и других старших советских офицеров. Но Канарис, слишком хорошо знавший Гейдриха (в свое время он был капитаном крейсера, на котором служил будущий шеф РСХА. —

Б. С.) и немедленно заподозривший нечестную игру, нашел какой-то предлог и отказал. Тем не менее Гейдрих — или скорее Беренс — преуспел в получении того, что хотел, и без помощи Канариса. Как это было сделано, не совсем ясно; но известно, что по меньшей мере однажды Беренс взломал помещение архива германского верховного командования и похитил ряд документов. Получив то, что ему требовалось, Беренс в апреле 1937 года начал готовить необходимые фальшивки в изолированном от внешнего мира подвале здания гестапо на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине. Для этой цели он оборудовал лабораторию со всеми необходимыми техническими приспособлениями и лично позаботился о мерах безопасности. Лаборатория была полностью изолирована от остальной части здания. В нее могли входить только те, кто непосредственно там работал, а у входа стоял специально подобранный охранник. Гейдрих также прибег к услугам двух недавних агентов ГПУ, захваченных несколькими месяцами ранее и призванных им на помощь, в то время как третий русский агент, добровольно перешедший на службу в Берлинское гестапо, был задействован непосредственно в изготовлении фальшивок. Насчет этого третьего агента Беренс держался совершенно иного мнения, чем Гейдрих, дойдя даже до утверждения, что это русская секретная служба, а не Гейдрих породила идею фальсификации дела против Тухачевского, и что Гейдрих был, сам того не сознавая, всего лишь орудием в руках ГПУ.

Что можно сказать определенно, так это то, что переписка Тухачевского и его коллег со старшими немецкими генералами, охватывающая период около двенадцати месяцев, была сфабрикована в подвале гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, и из нее следовало, что Тухачевский смог заручиться обещанием поддержки со стороны вермахта в осуществлении путча, который он намеревался предпринять против Сталина. Документы были приготовлены быстро, и всего через несколько дней, в начале мая, Гиммлер смог передать досье — вполне объемистую папку — в руки Гитлеру. Кроме подлинной корреспонденции, досье содержало самые разнообразные документы, включая расписки русских генералов в получении весьма значительных денежных сумм, будто бы полученных ими от германской секретной службы в обмен на предоставленную информацию.

Приписываемые Тухачевскому и его сообщникам письма несли на себе все признаки подлинности; отметки на полях в виде инициалов указывали на то, что письма читали фон Сект, Гаммерштейн, Канарис и целый ряд других генералов, и были воспроизведены с полной достоверностью, и вторые экземпляры

писем, написанных немецкими генералами русским заговорщикам, также включили в папку. Наконец, чтобы вовлечь Канариса в заговор, Гейдрих включил в досье фальшивое письмо, в котором Канарис благодарил Тухачевского и еще одного или двух генералов за их сведения о Красной Армии. Гитлер выразил высокую оценку того, как материал был приготовлен, и дал санкцию на его передачу русской секретной службе.

Существовал оригинальный план передать фальшивые документы через чехословацкий генеральный штаб, который, как было известно, находился в тесном контакте с русскими. Связь была установлена через агента, направленного Беренсом в Чехословакию под вымышленным именем для того, чтобы сделать необходимые приготовления. Чехи отказались, однако, раскрыть каналы, по которым документы будут посланы Сталину, и поэтому казалось: нет никакой гарантии, что по пути документы не попадут в руки кого-нибудь из друзей Тухачевского. Гейдрих отверг идею как слишком рискованную и предпочел прямо обратиться в советское посольство в Берлине. Он вошел в контакт с одним из сотрудников посольства, о котором гестапо было известно, что он в действительности является сотрудником русской секретной службы, и совершенно открыто предложил передать информацию в его распоряжение. Русский немедленно улетел в Москву, откуда вскоре вернулся в сопровождении специального представителя Ежова, главы русского ГПУ (в то время — уже НКВД. — Б. С.). Этот представитель заявил, что уполномочен лично Сталиным вести переговоры о покупке документов.

Гейдриху никогда не приходилось вступать в официальные сделки с советскими властями; и еще труднее ему было вообразить, что придется продавать им фальшивки собственного изготовления; но с большим проворством он скорректировал свою тактику и потребовал сумму в три миллиона рублей. В тот же вечер он информировал Гитлера о своих намерениях и получил разрешение на передачу документов. На следующий день Беренс передал папку советскому представителю и получил взамен увесистый пакет с банкнотами на сумму в три миллиона рублей.

Гейдрих передал эти купюры в распоряжение русского отделения германской секретной службы. Случайно, однако, три немецких агента, расплачивавшиеся в России некоторыми из них, были тотчас арестованы ГПУ. По своим служебным обязанностям я узнал, что эти агенты потеряны. Было высказано предположение, что либо русские расплатились фальшивыми купюрами, либо настоящими, но помеченными особым образом, чтобы их при платежах можно было легко опознать. Дальнейшая

выдача этих денег агентам была немедленно прекращена. То, что русские расплатились фальшивой монетой за его хорошо сделанную фальшивку, приводило Гейдриха в ярость все последующие годы. Это было, так сказать, пятно на его шедевре, которое лишило его полноты удовлетворения от достигнутого успеха.

Запущенный Гейдрихом механизм сработал без изъяна, и маршал Тухачевский с товарищами были сразу же арестованы. Процесс против них открылся в 10 часов утра 10 июня. К 9 часам того же вечера всё было кончено. Слушание началось с речи Ворошилова о военном заговоре, за которой последовали допросы обвиняемых. Согласно советским сообщениям, обвиняемые, подавленные массой улик, столкнувшись с письмами, выполненными их собственными почерками и адресованными германскому верховному командованию, сломались и признали свою вину. Заключительное выступление Вышинского продолжалось чуть более двадцати минут. Он потребовал изгнать обвиняемых из рядов Красной Армии и приговорить их к высшей мере наказания. Через несколько минут был оглашен вердикт и вынесен смертный приговор. С обвиняемых немедленно сорвали знаки различия и ордена, и через двенадцать часов они были казнены. Взводом, осуществлявшим расстрел, как говорят, командовал, по приказу Сталина, маршал Блюхер, который через несколько лет сам стал жертвой советской юстиции. Действительно, за исключением двух маршалов, Ворошилова и Буденного, все члены суда над Тухачевским рано или поздно умерли насильственной смертью.

Гейдрих с гордостью думал, что его фальшивки сыграли решающую роль в осуждении русского маршала. До последнего дня жизни он был уверен в большой важности того, что сделал. Генерал Беренс, однако, не был столь убежден в этом. Сначала он был столь же однозначен в оценке происшедшего, как и Гейдрих, но по мере того как русская армия всё ближе подходила к Белграду в 1945 году (в действительности — в 1944-м. — Б. С.), он всё чаще говорил мне о своих сомнениях. Его собственные фальшивки преследовали его. Решающее поражение, которое Германия терпела от русских, заставляло его размышлять, не лучшим ли вариантом было бы поддержать усилия Тухачевского по свержению Сталина. Падение Тухачевского, заявил он в 1944 году, лишь на очень короткое время задержало строительство русской армии, а большевистский режим остался нетронутым и не сталкивался с каким-либо вызовом внутри страны. Сталинская энергия и организационное чутье быстро устранили небольшую заминку в развитии советских вооружений, вызванную делом

Тухачевского. Живой Тухачевский, поучал Беренс, был бы ценнее Германии, чем десять Власовых. Даже если активная поддержка приписываемых Тухачевскому планов путча оказалась бы неосуществимой, поскольку Скоблин уже предал их, Германия должна была бы сделать всё возможное, чтобы спасти жизнь маршала и вывезти его из страны».

Когда появилась книга Хёттля, о процессе Тухачевского практически ничего не было известно достоверно. Историки гадали: правду ли пишет отставной разведчик или сочиняет, чтобы сделать свои мемуары более похожими на детективный роман и привлечь внимание читателей. А тут в 1956 году вышли (сначала — в английском переводе) воспоминания бывшего шефа Хёттля, руководителя 6-го отдела РСХА бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Вальтера Шелленберга, памятного российским зрителям по телесериалу «Семнадцать мгновений весны», где его роль блестяще сыграл Олег Табаков (настолько блестяще, что родные Шелленберга потом говорили артисту, что увидели на экране словно ожившего дядюшку Вальтера). Шелленберг рассказал о деле Тухачевского почти теми же словами, что и Хёттль. Получалось, что о фабрикации Гейдрихом досье сообщали два независимых свидетеля, причем один из них, начальник зарубежной разведки, был в непосредственном подчинении у начальника Имперского Главного Управления Безопасности и мог черпать информацию, что называется, из первых рук. Но внимательное изучение сообщения Шелленберга и его сравнение с мемуарами Хёттля убеждает, что в обоих случаях мы имеем дело с чистой воды беллетристикой, а в отношении автора «Секретного фронта» есть все основания говорить о самом заурядном плагиате. Вот рассказ Шелленберга:

«В то время (в начале 1937 года. — Б. С.) я должен был подготовить для Гейдриха реферат о связях между Красной Армией и командованием германских сухопутных сил. Инициатором такого задания был померанский помещик Янке. До этого я очень поверхностно знал его и не подозревал, что он уже много лет является одной из руководящих фигур немецкой тайной службы… Во время первой мировой войны Янке, являясь сотрудником немецкой разведки, организовывал крупные забастовки американских докеров и грузчиков в атлантических портах США. Вернувшись в Германию, он стал советником по вопросам разведки у Рудольфа Гесса, не опасаясь открыто высказывать свое мнение и перед Гессом, и перед Гитлером. „Есть только один человек, — сказал он мне однажды, — которого я боюсь. Это Гейдрих. Он опаснее дикой кошки“.

Когда я представил Гейдриху собранный мной материал об

отношениях бывшего рейхсвера… и вермахта с Красной Армией, я еще не подозревал о последствиях, к которым приведет это событие. И только спустя некоторое время шоры упали с моих глаз. Это произошло в июне 1937 года. Агентство ТАСС сообщило, что заместитель наркома обороны маршал Тухачевский предстал перед военным судом и по требованию генерального прокурора Андрея Вышинского приговорен вместе с восемью другими обвиняемыми к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение вечером того же дня. Обвинение гласило: измена родине в результате связей с военными кругами одного государства, враждебного СССР.

Сообщение об этом приговоре принадлежит к наиболее интересным страницам одной из самых загадочных глав истории последних десятилетий, подлинная подоплека которой… до сих пор не освещена достаточно ясно. И в советской России, и в национал-социалистической Германии прилагалось немало усилий, чтобы окутать дело Тухачевского тайной. Я попытаюсь, опираясь на прошедшие через мои руки документы и на основе событий, очевидцем и участником которых я был сам, внести свой вклад в выяснение этого дела. Для этого мне представляется необходимым бросить взгляд на предыдущее развитие отношений между германской и советской армиями.

Как свидетельствуют изученные мною документы, первые контакты с Красной Армией… были установлены в 1923 году под руководством тогдашнего министра обороны Гесслера и продолжены генерал-полковником Сектом. При помощи этих связей германское командование хотело предоставить немецким офицерам сухопутных войск… возможность научиться на русских полигонах владеть современными видами оружия (самолетами и танками), которые по Версальскому договору рейхсверу запрещалось иметь. В свою очередь, немецкий генеральный штаб знакомил русскую армию со своим опытом в области тактики и стратегии. Позднее сотрудничество распространилось и на вооружения, в результате чего немцы, в обмен на патенты, которые они предоставили в распоряжение Красной Армии, получили разрешение на строительство авиационных и прочих оборонных заводов на территории России. Так, например, фирма „Юнкере“ основала свои филиалы в Филях и в Самаре…

После Секта сотрудничество с Красной Армией продолжал его преемник генерал Гайе, а позднее генералы Гаммерштейн и фон Шлейхер. В России ту же линию проводил Сталин, сменивший Ленина. Когда в Германии к власти пришли национал-социалисты, руководство германской компартии получило из Москвы указание считать врагом № 1 не НСДАП и

тем самым командование вермахта, а социал-демократическую партию. В политическом руководстве НСДАП Сталин видел тогда своего рода попутчика в достижении собственных революционно-коммунистических целей в Европе, причем он рассчитывал, что в один прекрасный день Гитлер обратит свое оружие против буржуазии Запада, борьба с которой должна истощить его силы…

Гейдрих получил от проживавшего в Париже белогвардейского генерала, некоего Скоблина, сообщение о том, что советский генерал Тухачевский во взаимодействии с германским генеральным штабом планирует свержение Сталина. Правда, Скоблин не смог представить документальных доказательств участия германского генералитета в плане переворота, однако Гейдрих усмотрел в его сообщении столь ценную информацию, что счел целесообразным принять фиктивное обвинение командования вермахта, поскольку использование этого материала позволило бы приостановить растущую угрозу со стороны Красной Армии, превосходящей по своей мощи германскую армию. Упомянутый мной Янке предостерегал Гейдриха от поспешных выводов. Он высказал большие сомнения в подлинности информации Скоблина. По его мнению, Скоблин вполне мог играть двойную роль по заданию русской разведки. Он считал даже, что вся эта история инспирирована. В любом случае необходимо было учитывать возможность того, что Скоблин передал нам планы переворота, вынашиваемые якобы Тухачевским, только по поручению Сталина. При этом Янке полагал, что Сталин при помощи этой акции намеревается побудить Гейдриха, правильно оценивая его характер и взгляды, нанести удар командованию вермахта и в то же время уничтожить генеральскую „фронду“, возглавляемую Тухачевским, которая стала для него обузой; из соображений внутрипартийной политики Сталин, по мнению Янке, желал, чтобы повод к устранению Тухачевского и его окружения исходил не от него самого, а из-за границы. Свое недоверие Янке обосновывал на сведениях, получаемых им от японской разведки, с которой он поддерживал постоянные связи, а также на том обстоятельстве, что жена Скоблина, Надежда Плевицкая, бывшая „звезда“ Петербургской придворной оперы, была агентом ГПУ…

Гейдрих не только отверг предостережение Янке, но и счел его орудием военных, действовавшим беспрекословно в их интересах, конфисковал все его материалы и подверг трехмесячному домашнему аресту. (Только в 1941 году мне удалось примирить Янке и Гейдриха.)

Тем временем информация Скоблина была передана Гитлеру. Он стал теперь перед трудной проблемой, которую необходимо

было решить. Если бы он высказался в пользу Тухачевского, Советской власти, может быть, пришел бы конец, однако неудача вовлекла бы Германию в преждевременную войну. С другой стороны, разоблачение Тухачевского только укрепило бы власть Сталина.

Гитлер решил вопрос не в пользу Тухачевского. Что его побудило принять такое решение, осталось неизвестным ни Гейдриху, ни мне. Вероятно, он считал, что ослабление Красной Армии в результате „децимации“ советского военного командования на определенное время обеспечит его тыл в борьбе с Западом.

В соответствии со строгим распоряжением Гитлера дело Тухачевского надлежало держать в тайне от немецкого командования, чтобы заранее не предупредить маршала о грозящей ему опасности. В силу этого должна была и впредь поддерживаться версия о тайных связях Тухачевского с командованием вермахта; его как предателя необходимо было выдать Сталину. Поскольку не существовало письменных доказательств таких тайных сношений в целях заговора, по приказу Гитлера (а не Гейдриха) были произведены налеты на архив вермахта и на служебное помещение военной разведки. К группам захвата шеф уголовной полиции Генрих Небе прикомандировал специалистов из соответствующего отдела своего ведомства. На самом деле, были обнаружены кое-какие подлинные документы о сотрудничестве вермахта с Красной Армией. Чтобы замести следы ночного вторжения, на месте взлома зажгли бумагу, а когда команды покинули здание, в целях дезинформации была дана пожарная тревога.

Теперь полученный материал следовало надлежащим образом обработать. Для этого не потребовалось производить грубых фальсификаций, как это утверждали позже; достаточно было лишь ликвидировать „пробелы“ в беспорядочно собранных воедино документах. Уже через четыре дня Гиммлер смог предъявить Гитлеру объемистую кипу материалов. После тщательного изучения усовершенствованные таким образом „документы Тухачевского“ следовало передать чехословацкому генеральному штабу, поддерживавшему тесные связи с советским партийным руководством. Однако позже Гейдрих избрал еще более надежный путь. Один из его наиболее доверенных людей, штандартенфюрер СС Беренс, был послан в Прагу, чтобы там установить контакты с одним из близких друзей тогдашнего президента Чехословакии Бенеша. Опираясь на полученную информацию, Бенеш написал личное письмо Сталину. Вскоре после этого через президента Бенеша пришел ответ из России с

предложением связаться с одним из сотрудников русского посольства в Берлине. Так мы и сделали. Сотрудник посольства тотчас же вылетел в Москву и возвратился с доверенным лицом Сталина, снабженным специальными документами, подписанными шефом ГПУ Ежовым. Ко всеобщему изумлению, Сталин предложил деньги за материалы о „заговоре“. Ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Гейдрих не рассчитывали на вознаграждение. Гейдрих потребовал три миллиона золотых рублей — чтобы, как он считал, сохранить лицо перед русскими. По мере получения материалов и беглого просмотра их специальный эмиссар Сталина выплачивал установленную сумму. Это было в середине мая 1937 года.

4 июня Тухачевский после неудачной попытки самоубийства был арестован и против него по личному приказу Сталина был начат закрытый процесс. Как сообщило ТАСС, Тухачевский и остальные подсудимые во всем сознались. Через несколько часов после оглашения приговора состоялась казнь. Расстрелом командовал, по приказу Сталина, маршал Блюхер, впоследствии сам павший жертвой очередной чистки.

Часть „иудиных денег“ я приказал пустить под нож, после того, как несколько немецких агентов были арестованы ГПУ, когда они расплачивались этими купюрами. Сталин произвел выплату крупными банкнотами, все номера которых были зарегистрированы ГПУ.

Дело Тухачевского явилось первым нелегальным прологом будущего альянса Сталина с Гитлером, который после подписания договора о ненападении 23 августа 1939 года стал событием мирового значения».

От этой шпионской истории просто дух захватывает. Но внимательный читатель наверняка заметил, что Шелленберг в основном повторяет сказанное Хёттлем, причем со всеми его несообразностями, самая яркая из которых — это легенда, будто расстрелом маршала Тухачевского и его товарищей командовал другой маршал, Блюхер, которому вскорости была уготована та же судьба. На самом деле, как мы уже имели возможность убедиться, расстреливали Тухачевского, Якира, Уборевича, Фельдмана и остальных коменданты Игнатьев и Блохин. И никакого взвода или отделения солдат, производившего расстрел, не было и в помине. Это в германской армии военных преступников расстреливала специально назначенная экзекуционная команда. В НКВД же расстреливали мастера-исполнители. Расстреливали в одиночку, в упор, в затылок. Тот же Блохин вполне может претендовать на включение в книгу рекордов Гиннеса: однажды за ночь он «вывел в расход» до

тысячи человек.

Практически полностью совпадает и структура рассказов Шелленберга и его бывшего подчиненного. Оба начинают с сообщения ТАСС об аресте Тухачевского и со справки о связях рейхсвера и Красной Армии, составленной немецкой разведкой, причем у Хёттля она излагается гораздо менее подробно, чем у Шелленберга (такое впечатление, что автор «Секретного фронта» списывал не с оригинального документа, а с рукописи мемуаров своего бывшего шефа). Шелленберг инициативу в составлении справки приписывает Янке, а автором (наверное, правильнее было бы сказать, руководителем работы по ее подготовке) — называет себя. Хёттль не знал, кто такой Янке, и по службе никак с ним связан не был. Не хотелось ему и называть в связи со справкой о советско-германском военном сотрудничестве и имя Шелленберга, чтобы не выдать подлинный источник своей осведомленности. Поэтому данный документ у Хёттля стал практически анонимным.

Далее на сцене появляется генерал Скоблин, в качестве двойного агента информирующий германскую разведку о заговоре Тухачевского. Но если у Шелленберга сомнения в его лояльности Германии высказывает Янке, то у Хёттля они приписываются самому Гейдриху и Беренсу, которого мемуарист действительно хорошо знал. Шелленберг называет агентом ГПУ не Скоблина, а его жену, чтобы как-то объяснить, почему же немцы не освободили после оккупации Франции Плевицкую, осужденную французским судом за ее роль в похищении главы РОВСа генерала Е. К. Миллера. И у Хёттля, и у Шелленберга решение о проведении провокации против советских военных принимается Гитлером и Гиммлером. При этом помимо главной цели — ослабить боеспособность Красной Армии на период, пока вермахт будет решать основные проблемы на Западе, имелась и дополнительная — заполучить компромат на высших чинов рейхсвера. Потом следует детективный сюжет с проникновением взломщиков в помещение архива рейхсвера и похищением документов, имеющих отношение к Тухачевскому и его товарищам. Из этих материалов специалисты-фальшивомонетчики изготовляют подложное досье, уличающее маршала и его соратников в тайных связях с германской военной разведкой. У обоих мемуаристов первоначальным маршрутом, по которому фальшивка должна была попасть в Москву, фигурирует чехословацкий. Однако в деталях данного эпизода наблюдается существенная разница. Шелленберг утверждает, что сперва думали использовать в качестве канала для передачи «досье на Тухачевского» чехословацкий генштаб, имевший в ту пору тесные

отношения со штабом Красной Армии, однако потом Гейдрих предпочел действовать через окружение Бенеша, благодаря личному письму которого Сталину и состоялась в Берлине встреча людей Гейдриха с уполномоченными Ежова.

Хёттль же настаивает, будто от чехословацкого варианта в конце концов отказались как от слишком рискованного, поскольку информация могла попасть в руки Тухачевского или кого-нибудь из его друзей. Поэтому в «Секретном фронте» Гейдриху приходится через своих агентов выходить непосредственно на советское посольство в Берлине и предлагать тому товар в виде пресловутой папки чуть ли не безвозмездно. Русские при этом будто бы охотно согласились и даже из какого-то не вполне понятного благородства выразили желание оплатить расходы германской стороне. Можно предположить, что Хёттль, в сферу служебных интересов которого входила Чехословакия, был осведомлен, что никаких контактов у немецкой разведки с Бенешем в действительности не было, и опасался, что Прага может разоблачить версию с якобы имевшим место личным и секретным письмом чехословацкого президента Сталину. Поэтому предпочел заставить Гейдриха напрямую войти в связь с советскими агентами в Берлине, отчего ситуация, правда, стала еще более нелепой. Интересно, кем представлялись на этих переговорах люди Гейдриха? Тем, кем они были, то есть сотрудниками разведки? Но тогда почему у представителей советских органов безопасности должно было возникнуть столь полное доверие к своим германским коллегам? Ведь отношения Москвы и Берлина были более чем прохладными, и обе стороны рассматривали друг друга в качестве потенциальных противников. Конечно, немецкие разведчики могли выдать себя за убежденных антифашистов, вознамерившихся помочь горячо любимому Советскому Союзу и товарищу Сталину разоблачить «военно-фашистский заговор». Но тогда совершенно непонятно, почему они не отказались принять в возмещение за труды кругленькую сумму в три миллиона золотых рублей, прекрасно зная, что у первой в мире страны социализма с валютой напряженка?

Остается еще один вариант. Обладатели досье могли назваться рядовыми берлинскими уголовниками, по какому-то фантастическому случаю — то ли по ошибке (перепутали архив рейхсвера с банком), то ли еще как — заполучившими столь ценный для Сталина материал. Что ж, как сюжет для криминальной комедии очень даже годится. А вот поверить, будто такое могло случиться в реальной жизни, могли только либо безудержные фантазеры, люди не от мира сего, либо

клинические дураки. Ни теми, ни другими основные действующие лица этой истории: Гейдрих, Ежов и Сталин — безусловно, не были.

Больше же всего впечатляет финал с тремя миллионами рублей, то ли обыкновенных, как у Хёттля, то ли золотых, как у Шелленберга. Трудно даже сказать, какой из вариантов абсурднее. Рубль в 37-м давно уже был «деревянным». Так что просить сумму что в мелких, что в крупных рублевых купюрах можно было только в одном случае: если их намеревались потратить в пределах Советского Союза, то есть снабдить ими германскую агентуру. Гейдрих был достаточно опытен, чтобы понимать: Ежов будет мыслить примерно таким образом и наверняка зафиксирует номера передаваемых купюр или пометит их каким-то условным знаком. И тем не менее глава РСХА отдает всю сумму тому же Шелленбергу для использования в СССР! Смех, да и только.

Но еще более веселой выглядит версия самого Шелленберга. Если Гейдрих получил три миллиона не «деревянных», а золотых рублей, значит, выплата должна была производиться в валюте или золоте. А теперь представьте себе советских граждан, расплачивающихся в 1937 году в Москве, Ленинграде или Киеве немецкими марками, британскими фунтами или американскими долларами, да еще в крупных купюрах! Если подобная идея и посетила бы какого-нибудь сумасшедшего, на свободе бы он оставался ровно столько, сколько бы потребовалось, чтобы сообщить о происшествии ближайшему милиционеру. Переписывать номера банкнот или метить их особой краской не было никакой нужды, поскольку свободное хождение валюты и так было запрещено. Шелленберг, проведший в России немало разведывательных операций, не мог не знать этого. Ляп с тремя миллионами, скорее всего, остался в тексте книги потому, что смерть не позволила Шелленбергу завершить работу над мемуарами и, в частности, отредактировать их. Хёттль же достаточно бездумно списал занимательный эпизод с тремя миллионами и тремя агентами, из-за них провалившимися (опять сакраментальное число три, столь дорогое человеческому разуму). И еще, по своему усмотрению, оснастил процесс над Тухачевским рядом взятых из головы подробностей, у Шелленберга, слава Богу, отсутствующих.

Хёттль заставил Ворошилова произносить речь на суде, а Вышинского требовать подсудимым смертной казни, хотя ни тот, ни другой даже не присутствовали в зале, где проходил процесс по делу о «военно-фашистском заговоре». Возможно, до отставного разведчика докатились слухи о выступлении

Ворошилова на Военном Совете, и он ошибочно решил, что Климент Ефремович держал речь на самом судебном процессе. Саму дату суда Хёттль сдвинул на день — на 10 июня, посчитав, видно, что сообщение в «Правде» должно было появиться, как это было обычно, на следующий день после суда.

Автор «Секретного фронта» без всякого смущения позаимствовал из неопубликованной рукописи Шелленберга весь эпизод с Тухачевским. О том, что они встречались после освобождения Шелленберга из тюрьмы в 1949 году, Хёттль прямо намекает в своей книге: «Шелленберг, бывший глава немецких разведывательных служб, был очень больным человеком, и вынесенный ему приговор (к 6-летнему тюремному заключению за военные преступления. — Б. С.) имел больше символическое значение. Его поместили в госпиталь и выпустили на свободу задолго до окончания срока приговора. По приглашению командующего швейцарской армией генерала Гвисана, или его начальника разведки во время войны полковника Массона, Шелленберг отправился в Швейцарию, а потом в Испанию. Там он пытался установить связь со своими бывшими коллегами, находившимися в значительно более лучших финансовых условиях, чем он сам, но не нашел здесь опоры и отправился в Италию, где начал писать мемуары по заказу одного швейцарского издательства. Издательского аванса хватало Шелленбергу только на жизнь, но не на медицинское лечение. Летом 1952 года случился рецидив его заболевания, и Шелленберг умер после операции, проведенной то ли неудачно, то ли слишком поздно» (в действительности Шелленберг умер от рака печени после проведенной с большим опозданием хирургической операции в марте 52-го; причиной роковой затяжки, однако, послужило не безденежье Шелленберга, а его страх перед скальпелем). Трудно сомневаться, что одним из посетивших бывшего начальника 6-го отдела РСХА (а после смещения Канариса в феврале 44-го — и всех германских разведывательных служб) коллег и был сам Хёттль, сумевший каким-то образом ознакомиться с главой его мемуаров о Тухачевском (а быть может, и скопировать ее). Не случайно Хёттль начал писать соответствующий раздел своего труда еще в 52-м, поскольку говорит там о Сталине как о здравствующем человеке. Скорее всего, узнав о смерти Шелленберга (не ранее лета того же года), Хёттль решился позаимствовать у покойника столь выигрышный эпизод, надеясь, что в обозримом будущем мемуары Шелленберга не увидят свет, и вовсе не рассчитывая, что читателям придется сличать оба текста.

Таким образом, мы выяснили, что версию с немецким досье

на Тухачевского, якобы переданном Сталину, придумал Вальтер Шелленберг. Зачем придумал — более или менее понять можно: чтобы возвысить родное ведомство, приписать ему ещё один крупный успех в тайной войне (тем более что на настоящие успехи у германских спецслужб в годы второй мировой войны был большой дефицит). А вот мотивы действий Гейдриха, если бы он действительно организовал провокацию против советского маршала, выглядят труднообъяснимыми. Ну, удалить от руководства Красной Армией не слишком дружественного немцам Тухачевского — дело, безусловно, хорошее. Еще в 1935 году его антигерманские статьи вызвали соответствующую реакцию: немецкий посол фон Шуленбург выразил недовольство по этому поводу наркому иностранных дел Литвинову, а военный атташе полковник Гартман заявил в отделе внешних сношений Генштаба Красной Армии, что «имеет указание сообщить об отрицательном эффекте, который произвела статья Тухачевского на командование рейхсвера». Однако Шелленберг-то писал, что Гейдрих, Гитлер и прочие как раз подозревали, что Тухачевский действительно хочет заручиться поддержкой со стороны Германии для осуществления военного переворота. Где же тут логика? И потом. Никаких объективных данных о симпатии к Германии Сталина или, скажем, Ворошилова, не существовало. Немцы подозревали в прогерманских настроениях Уборевича, однако он-то был в одной команде с Тухачевским! Так не всё ли равно было Гитлеру и Гейдриху, кто будет во главе Красной Армии — Ворошилов или Тухачевский! Ведь один человек, очень талантливый или уникально бездарный, боеспособность вооруженных сил не определяет, будь он даже военным министром. Что же касается долгосрочного подрыва мощи Красной Армии, то, передавая Сталину свою фальшивку, Гейдрих никак не мог рассчитывать, что это вызовет истребление большей части высшего комсостава, а не только смещение и казнь Тухачевского и десятка-другого наиболее близких к маршалу людей. К тому же с точки зрения ослабления потенциального противника Германии было бы гораздо выгоднее сохранение в руководстве Красной Армии скрытого противостояния двух кланов (если до немецкой разведки дошли слухи о довольно жесткой борьбе между группировками Ворошилова и Тухачевского).

Необходимыми же для создания правдоподобной картины военного заговора сведениями о личных взаимоотношениях в верхних эшелонах советских вооруженных сил германские спецслужбы вообще не располагали.

Об этом честно и весьма убедительно написал в мемуарах

уже упоминавшийся генерал-майор Карл Шпальке: «Ни г-н Гейдрих, ни СС, ни какой бы то ни было партийный орган (национал-социалистов. — Б. С.) не были, по-моему, в состоянии вызвать или только запланировать подобный переворот — падение Тухачевского и его окружения. Не хватало элементарных предпосылок, а именно знания организации Красной Армии и ее ведущих фигур. Немногие сообщения, которые пересылались нам через „абвер 3“ партийными инстанциями на предмет проверки и исходящие якобы от заслуживающих доверия знатоков, отправлялись нами почти без исключения обратно с пометкой „абсолютный бред“!

Из этих сообщений было видно, что у партийных инстанций не было контактов ни со структурами самой Красной Армии, ни с какими-либо связанными с ней органами. При подобном недостатке знаний недопустимо верить в то, что г-н Гейдрих или другие партийные инстанции смогли-де привести в движение такую акцию, как дело Тухачевского. Для этого они подключили якобы еще и государственных деятелей третьей страны — Чехословакии. И напоследок совсем немыслимое: о подготовке, проведении и, в итоге, успешном окончании столь грандиозной операции не узнал никто из непосвященных!.. Вся история Тухачевский — Гейдрих уж больно кажется мне списанной из грошового детектива, историей, сочиненной после событий в похвалу Гейдриху, Гитлеру и СС…»

То же самое Шпальке, оказавшийся в советском плену, говорил следователям госбезопасности еще в 1947 году. Он утверждал, что по роду службы общался с приезжавшими в Германию военачальниками Красной Армии, но никакой разведывательной информации от них не получал, хотя однажды и попытался это сделать. Возглавляя же в 30-е годы в Генеральном штабе разведывательный отдел «Иностранные армии — Восток», он ни разу не имел от военного атташе в Москве полковника Кёстринга агентурных сведений из кругов командиров Красной Армии. Так же и генерал-майор О. фон Нидермайер, стоявший у истоков советско-германского военного сотрудничества, на допросе после войны показал, что после 1927 года не имел агентуры в СССР (а ведь он до 1931 года был представителем рейхсвера в СССР, наблюдавшим за совместными военными предприятиями). Кстати сказать, Нидермайер (в 20-е годы в СССР он жил под фамилией Нойман) в конце войны был арестован за антифашистские настроения и оказался в концлагере. Оттуда его освободили американцы. Но беднягу отчего-то понесло в советскую оккупационную зону — видно, надеялся, что зачтется борьба против Гитлера и добросовестное

сотрудничество с Красной Армией в 20-е годы, которое, наверное, надеялся возобновить уже для себя лично. Так что врать насчет дела Тухачевского ему явно было не с руки. Смершевцы Нидермайера арестовали. В 1948 году его приговорили к 25 годам заключения за шпионаж против СССР (генерал честно признал, что до 27-го года одного агента в Советском Союзе действительно имел, но на самом деле тот оказался секретным сотрудником ОГПУ). В том же году Нидермайер скоропостижно скончался в Бутырской тюрьме. Боюсь, что его смерть была не более естественна, чем у шведского дипломата Рауля Валленберга. Я почти уверен, что над кончиной Нидермайера тоже потрудились биохимики из спецлаборатории МГБ, разработавшие яды, дающие при гибели человека все симптомы внезапной остановки сердца. Генерал слишком много знал о секретном сотрудничестве рейхсвера и Красной Армии, о том, кто помог Германии подготовить необходимый потенциал для быстрого развертывания многомиллионного вермахта, оснащенного самым современным вооружением… Это знание в конце 40-х Сталину не без оснований казалось опасным: ведь советская пропаганда всю вину за попустительство ремилитаризации Германии возлагала на бывших союзников по антигитлеровской коалиции — Англию, Америку и Францию.

Никаких следов будто бы поступивший от Гейдриха папки с компрометирующими Тухачевского и других военачальников материалами в СССР так и не нашли. Хотя искали очень настойчиво. Не случайно же Хрущев столь охотно озвучил со съездовской трибуны версию Шелленберга — Хёттля. Она Никиту Сергеевича вполне устраивала, поскольку помогала снять часть ответственности за репрессии с партии. Получалось, что основная вина в данном случае — не только на Сталине, но и на Гейдрихе с Гитлером. Поэтому комиссия, созданная на XXII съезде, просто землю носом рыла, чтобы найти какую-нибудь зацепку, пусть мельчайший след пресловутого досье. Тщетно. Ни в следственном, ни в судебном деле Тухачевского и его товарищей, ни в самых закрытых архивах ЦК КПСС и госбезопасности не нашли ничего, хоть отдаленно напоминающего материалы, о которых писал Шелленберг и его последователи, вроде Хёттля и Александрова. Не могло же быть так, что Or тин с Ежовым, заплатив три миллиона за папку со столь нужными им документами и построив обвинение против Тухачевского в первую очередь на мнимых конспиративных связях с германской армией, никак не использовали эти документы, чтобы уличить обвиняемых и убедить участвовавших в Военном Совете и суде маршалов и командармов, что судят настоящих шпионов и

заговорщиков. Получается же, что не только не использовали, но и то ли уничтожили, то ли спрятали так надежно, что и четверть века спустя днем с огнем не сыщешь. И созданная Хрущевым комиссия пришла к единственно возможному выводу: никакой папки с изготовленными в Гестапо фальшивками, компрометирующими Тухачевского и других военачальников, в природе не существовало. Думаю, любой непредвзятый читатель под этим выводом подпишется.

При знакомстве с мемуарами Шелленберга и Хёттля бросается в глаза одна немаловажная деталь. Все лица, упомянутые в связи с делом Тухачевского, были уже мертвы к моменту начала работы Шелленберга над своими мемуарами и, соответственно, еще до первой публикации книги Хёттля. Гитлер покончил с собой в осажденном Берлине 30 апреля 1945 года, для надежности одновременно застрелившись и раскусив ампулу с цианистым калием. Гейдрих погиб тремя годами раньше. 27 мая 1942 года в Праге на него было совершено покушение чешскими террористами. Одна из бомб разорвала селезенку имперскому протектору Богемии и Моравии. 4 июня Гейдрих в муках скончался. Гиммлер 21 мая 1945 года с подложными документами попал в руки британского военного патруля и предпочел раскусить ампулу с ядом. Упомянутый Шелленбергом шеф германской криминальной полиции Артур Небе, будто бы подготовивший специальную группу для нападения на архив рейхсвера, оказался позднее участником заговора 20 июля 1944 года, затем скрывался на вилле у своей любовницы, был выдан ею и повешен в начале 45-го. Президент Чехословакии Эдуард Бенеш скончался 3 сентября 1948 года. Бригадефюрер СС Герман Беренс был повешен в Белграде в 1946 году. К началу 50-х успел помереть и старый разведчик Карл Янке. Наконец, бывший белый генерал Н. В. Скоблин, с которого якобы и началась вся история с Тухачевским, бесследно исчез из Парижа в сентябре 1937 года, после похищения с его помощью агентами НКВД генерала Е. К. Миллера. У германской разведки практически не было сомнений, что хозяева давно уже расправились со слишком много знавшим Скоблиным. Так что и его уже можно было считать человеком мертвым.

Ничего не скажешь, всё-таки Шелленберг был мастером своего дела, то есть очень хорошо умел собирать и систематизировать нужную информацию и распространять дезинформацию. Бывший шеф зарубежной разведки нацистской партии сумел сделать всё, чтобы ни один свидетель не мог прямо опровергнуть сообщаемые им сведения о деле Тухачевского. Получается, что аферу с фальшивым досье готовили

исключительно мертвецы. То есть тогда, в 37-м, все они, конечно, были живы, но к 52-му-53-му, как на грех, отошли в мир иной.

И версия Шелленберга держалась несколько десятилетий. Хрущевская комиссия, отдадим ей справедливость, уже в 64-м году не оставила на ней камня на камне, но записка комиссии вплоть до начала 90-х хранилась под грифом «совершенно секретно». Широкая публика еще долго принимала на веру историю о группенфюрере, погубившем маршала. И не только обыватели верили, но и опытные политики, вроде Черчилля. Особую убедительность рассказу придавала ссылка на Бенеша, поскольку было известно, что между ним и Сталиным в середине 30-х существовали довольно тесные отношения. Но и здесь извлеченные из архивов документы разрушили построения Шелленберга.

Сам Бенеш в мемуарах, опубликованных в 1947 году и давших толчок шелленберговской фантазии, утверждал, что еще во второй половине января 37-го узнал о переговорах с немцами «антисталинской клики в СССР — маршала Тухачевского, Рыкова и др.». Эту информацию он получил от чехословацкого посла в Берлине В. Маетны. Правда, произошло это немного позже, чем указывает Бенеш. До этого, с конца 36-го, Маетны вел переговоры с германскими представителями графом Траутмансдорфом и «отцом геополитики» Альбрехтом Гаусхофером с целью улучшить германо-чехословацкие отношения и найти приемлемое разрешение проблемы населенной немцами Судетской области. В начале февраля 37-го германская сторона внезапно прервала переговоры. По указанию Бенеша Маетны 9 февраля встретился с Траутмансдорфом и по окончании встречи доложил: «Действительной причиной решения рейхсканцлера о переносе переговоров является его предположение, основывающееся на определенных сведениях, которые он получил из России, что там в скором времени возможен неожиданный переворот, который должен привести к устранению Сталина и Литвинова и установлению военной диктатуры». 20 марта посол повторил в телеграмме в чехословацкий МИД, что Гитлер располагает сведениями «о возможности неожиданного и скорого переворота в России… и установления военной диктатуры в Москве…».

Бенеш в мемуарах настаивал: «Я сразу же информировал советского посланника в Праге Александровского о том, что узнал из Берлина о беседах Маетны — Траутмансдорфа». Однако донесения советского посла в Чехословакии С. С. Александровского (волна репрессий накрыла его уже после второй мировой войны) опровергают утверждения мемуариста. Вот, например, донесение о беседе посла с президентом 22 апреля

1937 года: «Я счел правильным повторить ему опровержение слухов о сближении СССР и Германии. Бенеш реагировал на это довольно живо вопросом о том, почему бы СССР и не сблизиться с Германией. Чехословакия только могла бы приветствовать такое сближение… Признаться, я был удивлен и сказал, что не понимаю этого разговора… Бенеш весьма пространно говорил о том, что, какие бы изменения ни произошли во внешней политике СССР, Чехословакия останется безоговорочно верной СССР и своим обязательствам перед ним. В ответ на мое недоумение, о каких изменениях во внешней политике СССР идет речь, Бенеш сказал, что СССР не только великая, но прямо грандиозная страна, имеющая самые обширные и многообразные интересы не только в Европе, но и в Азии. Бенеш себе представляет такую теоретическую возможность, когда многообразие этих интересов может принудить СССР к переменам во внешней политике, скажем, по отношению к той же Германии или Англии. Он не имеет в виду ничего конкретного и хочет только сказать, что при всех условиях Чехословакия останется в дружбе с СССР».

Александровскому ничего не оставалось, как заверить взволнованного чехословацкого президента в неизменности советской политики по отношению Праги и Берлина. 12 мая Бенеш и советский посол мельком увиделись на приеме в английской миссии. Бенеш сказал, что он «вполне доволен» развитием событий в Европе и обещал через несколько дней пригласить Александровского для «подробного разговора». Но потом грянуло известие об аресте Тухачевского и суде над ним, и новая встреча была отложена почти на два месяца. Между тем, Александровский 15 июня 1937 года сообщил в Москву: «Случайно вышло так, что в день получения в Праге официального сообщения ТАСС о суде над бандой преступников и диверсантов во главе с Тухачевским, т. е. 11. VI. с. г., у меня в полпредстве был организован чай… Понятно, что вопрос о банде Тухачевского затмил все другие вопросы, и журналисты в первую очередь интересовались судом в Москве… Должен вообще сказать, что положение для меня было несколько затруднительным, поскольку я сам информирован только из газет. Перед чаем я собрал советских участников чая и инструктировал их следующим образом. Не говорить лишнего, не высказывать догадок в разговорах с журналистами, а строго держаться уже известного материала, который дан некоторыми статьями „Правды“ по поводу самоубийства Гамарника. С другой стороны, не уклоняться от темы и не придавать ей этим способом преувеличенного значения. Хотя в этот день мне не была еще известна статья „Правды“ от И. VI, но я дал правильную

установку: этот процесс является симптомом оздоровления крепкого организма не только Красной Армии, но и всего советского государства. Ни о каком кризисе не может быть и речи».

3 июля Бенеш наконец принял советского посла. На следующий день Александровский отправил в НКИД телеграмму с подробной записью их беседы, длившейся два с половиной часа: «Он начал разговор вопросом, что я думаю о значении процесса над Тухачевским и компанией, но после нескольких довольно общих фраз с моей стороны прервал заявлением, что он хочет обстоятельно изложить мне свое понимание для того, чтобы мне было ясно, какими мотивами он руководствуется в своей политике по отношению к СССР… Так называемые события в СССР ничуть его не удивили и совершенно не испугали, ибо он давно их ожидал. Он почти не сомневался и в том, что победителем окажется „режим Сталина“… Он приветствует эту победу и расценивает ее как укрепление мощи СССР, как победу сторонников защиты мира и сотрудничества Советского государства с Европой…

Бенеш заявил, что последние годы он расценивает советскую внешнюю политику как ставку СССР на западноевропейскую демократию французского, английского и чехословацкого типа, как на союзника в борьбе с фашизмом за мир…

Бенеш заявил, что он мыслит себе опору именно на СССР сталинского режима, а не на Россию и не на демократическую Россию, как в этом его подозревали в Москве… Уже начиная с 1932 года, он всё время отдал решительной схватке между сталинской линией и линией „радикальных революционеров“ (под последними подразумевались Троцкий и его сторонники. — Б. С.). Поэтому для него не было неожиданностью последние московские процессы, включая и процесс Тухачевского…

Бенеш особо подчеркнул, что, по его убеждению, в московских процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионах и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщицкой деятельности с целью ниспровержения существующего строя. Бенеш говорил, что он понимает нежелательность „по тактическим соображениям“ подчеркивать именно этот смысл событий. Он сам, дескать, тоже предпочел бы в аналогичных условиях „сводить дело только к шпионажу“. Тухачевский, Якир, Путна (Бенеш почти всё время называл только этих трех), конечно, не были шпионами, но они были заговорщиками. Тухачевский — дворянин, офицер, у него были друзья в официальных кругах не только Германии, но и Франции (со времени совместного плена в Германии и попыток

Тухачевского к бегству). Тухачевский не был и не мог быть российским Наполеоном. Но Бенеш хорошо представляет себе, что перечисленные качества Тухачевского плюс его германские традиции, подкрепленные за советский период контактами с рейхсвером, могли сделать его очень доступным германскому влиянию и в гитлеровский период. Тухачевский мог совершенно не осознавать, что совершает преступление поддержкой контакта с рейхсвером. Особенно если представить себе, что Тухачевский видел единственное спасение Родины в войне рука об руку с Германией против остальной Европы, в войне, которая осталась единственным средством вызвать мировую революцию, то можно даже себе представить, что Тухачевский казался сам себе не изменником, а даже спасителем Родины… Бенеш под большим секретом заявил мне следующее: во время пребывания Тухачевского во Франции в прошлом году Тухачевский вел разговоры совершенно частного характера со своими личными друзьями французами. Эти разговоры точно известны французскому правительству, а от последнего и Бенешу. В этих разговорах Тухачевский весьма серьезно развивал тему возможности советско-германского сотрудничества и при Гитлере, так сказать, тему „нового Рапалло“. Бенеш утверждает, что эти разговоры несколько обеспокоили Францию… Бенеш, между прочим, говорил, что ряд лиц мог руководствоваться такими побуждениями, как неудовлетворенность положением, жажда славы, беспринципный авантюризм и т. д. В этой связи он упомянул еще раз Якира и Путну. О последнем Бенеш знает, что он был под Варшавой со своей 27-й дивизией и, очевидно, „не мог помириться с тем, что от него ускользнула слава покорителя Варшавы“…

Бенеш был уверен в победе „сталинского режима“ именно потому, что этот режим не потерял морали, в то время как крикуны о перманентной революции явно не были на моральной высоте. В Москве расстреливают изменников, и т. н. европейский свет приходит в ужас. Это лицемерие. Бенеш не только отлично понимает, но и прямо одобряет московский образ действий. Москва продолжает жить в эпоху революции…

Бенеш напомнил, что в разговоре со мной… он говорил, что почему бы СССР и не договориться с Германией? Я ответил, что помню, и признался, что меня тогда очень удивила эта часть разговора, как совершенно выпадающая из рамок обычного рода мыслей Бенеша. Лукаво смеясь, Бенеш ответил, что теперь может объяснить мне скрытый смысл своего разговора. Свои объяснения Бенеш просил считать строго секретными и затем рассказал следующее: начиная с января месяца текущего года Бенеш

получал косвенные сигналы о большой близости между рейхсвером и Красной Армией. С января он ждал, чем это закончится. Чехословацкий посланник Маетны в Берлине является исключительно точным информатором… У Маетны в Берлине было два разговора с выдающимися (в смысле: высокопоставленными. — Б. С.) представителями рейхсвера… Бенеш даже сомневается, сознавали ли эти представители рейхсвера, что они выдают свой секрет. Но для Бенеша из этих разговоров стало ясно, что между рейхсвером и Красной Армией существует тесный контакт. Бенеш не мог знать, что этот контакт с изменниками. Для него возникала проблема, что делать, если Советское правительство действительно вернется к какой-нибудь политике „нового Рапалло“. В этой связи Бенеш задал риторический вопрос, где средство для защиты Чехословакии, и без обиняков отвечал на этот вопрос, что тогда Чехословакия тоже должна была бы заключить соглашение с Германией. Это было бы началом чехословацкой зависимости, но другого выхода не было. Гитлер вовсе не стремится к тому, чтобы физически немедленно уничтожить Чехословакию, но он хочет „союза“ с ней. На чехословацком языке это означало бы зависимость, вассальное состояние, а Бенеш не для того потратил столько лет на освобождение от австрийского ига, чтобы принять германское ярмо. Бенеш говорил, что Москва должна самым серьезным образом оценить эти его заявления и раз навсегда понять, что Чехословакия хочет быть свободной в полном смысле слова. Она не примет никогда никакого диктата, но она будет драться за свою свободу, за демократию, за европейский мир. Поскольку это является и задачей СССР, постольку Чехословакия безоговорочно является союзником Москвы, постольку бенешевская политика как аксиому принимает неизменность советско-чехословацких дружественных взаимоотношений. Никакие расстрелы, никакие внутренние изменения не могут потрясти эту дружбу. В этой связи Бенеш задавался и таким вопросом: что произошло бы, если бы в Москве победил не Сталин, а Тухачевский. Тогда Чехословакия вынуждена была бы оставаться в дружбе с Россией Тухачевского. Но тогда Чехословакия была бы вынуждена достигнуть соглашения с Германией, а это опять-таки было бы началом зависимости либо от России, либо от Германии. Вернее всего от Германии, ибо Россия Тухачевского не постеснялась бы заплатить Германии Чехословакией. Бенеш ценит именно „нынешний СССР“, „сталинский режим“, потому что он не предъявляет претензии на Чехословакию и ее свободу. В заключение Бенеш еще раз повторил, что расценивает московские процессы как признак укрепления СССР и его концепция дружбы с

СССР была и остается главной основой внешнеполитического поведения Чехословакии».

Теперь всё становится на свои места. Никакого досье на Тухачевского люди Гейдриха людям Бенеша никогда не передавали. Траутмансдорфу с Гаусгофером сделать это было бы весьма затруднительно. Что бы они, в самом деле, сказали чехословацкому послу Маетны: тут в Москве прогерманский переворот готовится, но мы из любви к братьям чехам решили вам все документы по этому вопросу передать, может, в Москву пошлете Сталину, он уж вас отблагодарит? Но и каким-то более сложным путем, через лиц, которым Бенеш должен был доверять, немцы никакой «красной папки» для чехословацкого президента не передавали, а тот, естественно, никаких личных писем Сталину по данному поводу не писал. Гитлер решил совсем иначе воспользоваться сведениями, полученными от генерала Скоблина.

Вероятно, фюрер не верил, что Тухачевский действительно замышляет военный переворот, да еще в пользу Германии. Иначе бы не стал так быстро доводить их до Бенеша. Он просто надеялся, что слухи о скором свержении Сталина и прочешски настроенного наркома иностранных дел М. М. Литвинова сделают Бенеша гораздо сговорчивее на переговорах с Германией. Бенеш же и не подумал сообщать сведения о заговоре Сталину, а предпочел выжидать.

В марте информация о будущем военном перевороте в Москве поступила уже из Франции со ссылкой на русских эмигрантов, то есть фактически на того же Скоблина. Так, 16 марта 1937 года советский полномочный представитель в Париже В. П. Потемкин послал свою телеграмму с изложением своей беседы с французским министром обороны Эдуардом Даладье сразу в три адреса: Сталину, Молотову и Литвинову. В ней говорилось: «Из якобы серьезного французского источника он недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии… Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством из русских эмигрантских кругов… Даладье пояснил, что более конкретными сведениями он пока не располагает, но что он считал „долгом дружбы“ передать нам свою информацию, которая может быть для нас небесполезна». Нет сомнений, что аналогичные сообщения тогда же поступили к Бенешу как от французских друзей, так и от чехословацкой разведки.

Потемкин к словам Даладье отнесся весьма скептически: «Я, конечно, поблагодарил Даладье, но выразил решительное

сомнение в серьезности его источника, сообщающего сведения об участниках представителей командования Красной Армии в германском заговоре против СССР и в дальнейшем против Франции. При этом я отметил, что недостаточная конкретность полученных сообщений лишь подтверждает мои сомнения. Даладье ответил, что, если получит более полные данные, он немедленно мне их сообщит. Он-де всё же не исключает возможности, что в Красной Армии имеются остатки троцкистов. Эта часть разговора произвела на меня двойственное впечатление. Во-первых, Даладье явно заинтересован в том, чтобы своими „дружественными“ сообщениями внушить нам больше доверия к нему самому. Во-вторых, он невольно выдает привычный страх французов, как бы мы не сговорились против них с немцами».

Из трех адресатов телеграммы посла сообщение о якобы готовящемся высшими командирами Красной Армии прогерманском перевороте по-настоящему могло напугать только непосвященного Литвинова. Тем более что слова французского министра об «остатках троцкизма» почти буквально совпадали с утверждениями Ворошилова на недавнем пленуме ЦК. Сталин и Молотов сами являлись авторами интриги против Тухачевского и ничуть не взволновались информацией о мнимом заговоре. С их санкции Ежов еще в августе 36-го начал завершающий этап операции против Тухачевского, арестовав Примакова и Путну. И совсем не случайно вскоре после этого, в сентябре, Скоблин сообщил своим партнерам из германской разведки о будто бы зреющем военном заговоре. Данные сведения, по замыслу руководителей НКВД, должны были через несколько месяцев подтвердиться на процессе Тухачевского. Тем самым повысилась бы ценность двойного агента в глазах того же Гейдриха, что позволило бы в дальнейшем более уверенно запускать через Скоблина любую нужную дезинформацию. Распространение же слухов в Германии, Франции, Чехословакии и других европейских странах о подготовке государственного переворота в СССР призвано было как подготовить общественное мнение к будущему раскрытию «военно-фашистского заговора», так и получить «улики» против Тухачевского, Якира и прочих в виде полученной из-за границы «достоверной» информации (в действительности — лишь отражении чекистской дезинформации) об их будто бы преступных связях с германскими военными.

А вот Бенеш испугался не на шутку. Ведь сведения о заговоре в СССР поступили теперь уже как бы от двух независимых источников — в Германии и во Франции. Значит, дело серьезное. Вдруг подготовка к перевороту зашла столь далеко и ею охвачено

столь большая часть командиров Красной Армии, что предотвратить неблагоприятное для Чехословакии развитие событий уже невозможно? Поэтому Бенеш ничего сообщать Сталину не стал, а предпочел дать понять советскому послу в Праге, что останется лояльным СССР даже в том случае, если советским руководителям придет в голову фантазия подружиться с Гитлером. Не оставляйте меня, я еще пригожусь… Ведь если два гиганта, Москва и Берлин, смогут сговориться за счет карлика — Праги (а заодно, наверное, и Варшавы), тогда о независимости Чехословакии придется забыть надолго. Судеты наверняка отойдут Германии, а Карпатская Украина-Русь (быть может, вместе со Словакией) — Советскому Союзу. А то, что останется от Чехословацкого государства, будет всецело зависеть от воли двух диктаторов. От такой перспективы можно было потерять голову. И со стороны, когда читаешь сегодня разговор Бенеша с Александровским, чехословацкий президент выглядит уж очень жалко. Александровский, который в апреле 37-го о слухах насчет заговора Тухачевского еще ничего не знал, был удивлен и потрясен поведением своего собеседника. Когда же состоялся суд и казнь мнимых заговорщиков, Бенеш испытал чувство глубокого облегчения. И в новом разговоре с Александровским в начале июля он готов был одобрить все самые жестокие казни и шитые белыми нитками судебные фарсы в СССР, самое суровое подавление демократии Сталиным. Лишь бы тот сохранил антигерманскую направленность советской внешней политики и неизбежный в таких условиях союз с Чехословакией. Только вот честно признаться Александровскому, что сведения о военном заговоре получены во время тайных германо-чехословацких переговоров, Бенеш никак не мог — его бы обоснованно заподозрили в двойной игре. Поэтому пришлось выдумать двух мифических германских военных, с которыми будто бы встречался чехословацкий посол в Берлине. А сам момент получения информации передвинуть с февраля на январь, на время перерыва в переговорах Маетны с Траутмансдорфом, чтобы на случай, если советская разведка всё же узнала о них, не было оснований считать, будто сведения о заговоре Тухачевского получены во время этих переговоров.

Однако опытный дипломат Александровский разгадал игру Бенеша. В личном письме наркому Литвинову, отправленном 13 июля 1937 года, вскоре после беседы с одним из ближайших сотрудников Бенеша, Лауриным, и одновременно с записью беседы с президентом 3 июля, он вскрыл смысл основных шагов чехословацкой дипломатии в последние месяцы: «Насколько припоминаю, усиленные разговоры о возможности чехословацко-

германского сближения, и в частности разговоры Лаурина, в которых он утверждал, что Бенеш сам ищет возможность договориться с Германией, относятся к началу этого года, главным образом к февралю и марту (в действительности германо-чехословацкие переговоры шли еще с конца 36-го. — Б. С.)… Мой последний разговор с Бенешем… мне кажется, не оставляет… сомнений в том, что чехи действительно имели косвенную сигнализацию из Берлина о том, что между рейхсвером и Красной Армией существует какая-то особая интимная связь (здесь „интимная“, безусловно, — только в значении „близкая, доверительная“.. — Б. С.) и тесное сотрудничество. Конечно, ни Бенеш, ни кто бы то ни было другой не могли догадаться о том, что эта сигнализация говорит об измене таких крупных руководителей Красной Армии, какими были предатели Гамарник, Тухачевский и др. Поэтому я легко могу себе представить, что Бенеш делал из этих сигналов тот вывод, что советское правительство в целом ведет двойную игру и готовит миру сюрприз путем соглашения с Германией. В положении Бенеша было вполне естественно задаваться тогда вопросом, что же делать Чехословакии перед лицом такой возможности… Я не сомневаюсь в том, что Бенеш и Крофта (министр иностранных дел Чехословакии. — Б. С.) действительно зондировали почву у немцев, встречались с Траутмансдорфом и пользовались своим посланником Маетны в Берлине для того, чтобы расчистить дорогу для чехословацко-германского соглашения, а Бенеш имел в виду забежать таким образом вперед и договориться с Германией раньше, чем ожидавшийся им „сюрприз“ советско-германского сближения стал бы общеизвестным фактом. Одновременно он поручал Лаурину сигнализировать через меня, что он может договориться с Германией раньше, чем это сделает СССР, и тем понудить нас если не заговорить с ним откровенно, то учесть заблаговременно такую возможность в пактировании с Германией. Если бы советское правительство действительно подготовляло соглашение с Германией, то такой план Бенеша был бы вполне понятен и достиг бы своих результатов. Я считаю весьма характерным то, что сказал мне Бенеш теперь, а именно, что Чехословакия вынуждена была бы „опираться и на Россию Тухачевского“, а также договориться с Германией, хотя это и было бы началом зависимости Чехословакии от Германии».

Всё хорошо в этом по-своему блестящем анализе. Вот только одно удивляет. Почему-то ни Бенеш, ни Александровский не задались элементарным вопросом: отчего, если прогерманский заговор в Красной Армии действительно существовал, Гитлер

столь поспешно организовал утечку данной информации в Прагу? Не надежнее ли было дождаться исхода переворота? Ведь в случае успеха Чехословакия от Германии всё равно никуда бы не делась. А тут — риск, что информация каким-то образом дойдет до Сталина и тот успеет принять меры. Вот если бы фюрер блефовал, тогда его поведение легко поддавалось объяснению. Но и президент и посол тогда не сомневались, что Тухачевский возглавлял вполне реальный заговор, и не задумывались над фактами, не укладывающимися в данную схему.

Бенеш надеялся, что Москва не захочет лишать его страну независимости и ликвидировать там демократические свободы. Через год с небольшим оказалось, однако, что Гитлер смог сговориться насчет Чехословакии не со Сталиным, а с лидерами западных демократий — тем же Даладье и Чемберленом в Мюнхене. Цену же сталинской дружбы Бенеш окончательно узнал через десять лет после Мюнхена, в феврале 48-го. Как вспоминает один из руководителей советской разведки и обертеррорист генерал П. А. Судоплатов: «Молотов (в то время курировавший разведку. — Б. С.) вызвал меня в свой кремлевский кабинет и приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть свой пост, передав власть Готвальду, лидеру компартии Чехословакии. Чтобы напомнить Бенешу о его тесных неофициальных связях с Кремлем, я должен был предъявить ему расписку на десять тысяч долларов, подписанную его секретарем в 1938 году, когда эти деньги нужны были Бенешу и его людям для переезда в Великобританию. В противном случае мне предписывалось сказать ему, что мы найдем способ организовать утечку слухов об обстоятельствах его бегства из страны и оказанной ему финансовой помощи для этого, тайном соглашении о сотрудничестве чешской и советской разведки, подписанном в 1935 году в Москве, секретном договоре о передаче нам Карпатской Украины и об участии самого Бенеша в подготовке политического переворота в 1938 году и покушения на премьер-министра Югославии…

Официальные советские представители и без того оказывали на Бенеша весьма сильный нажим, а тут еще и мы должны были внести свою лепту. Зубов (бывший советский резидент в Чехословакии. — Б. С.) и я провели в Праге целую неделю, и за это время Зубову, который перед войной встречался с Бенешем в присутствии нашего посла Александровского, удалось, использовав всё свое умение и прошлые связи, на пятнадцать минут встретиться с Бенешем в его резиденции… Смысл нашего послания он довел до президента, сказав, что в стране

произойдут кардинальные перемены независимо от того, сохранится нынешнее руководство или нет, но, по его мнению, Бенеш был единственным, кто мог бы обеспечить плавную и бескровную передачу власти. В соответствии с инструкциями Зубов сказал Бенешу, что не ожидает от него ответа, а всего-навсего передает ему неофициальное послание. По словам Зубова, Бенеш казался сломленным, больным человеком, который постарается сделать всё, что можно, с тем, чтобы избежать взрыва насилия и беспорядков в Чехословакии… Через месяц Бенеш мирно уступил бразды правления Готвальду».

Мавр сделал свое дело — мавр должен уйти. Расчеты Бенеша, что Сталин согласится терпеть его в качестве советской марионетки, рухнули. У Москвы была марионетка понадежнее — Клемент Готвальд. И компромат предъявлять не потребовалось (впрочем, о его существовании Бенеш помнил всегда и насчет благородства Сталина с Молотовым в момент разговора с Зубовым уже не заблуждался). Вскоре отставной чехословацкий президент скоропостижно скончался. Уж не приложили ли к его смерти руки коллеги Судоплатова из специальной «лаборатории-Х» профессора Майрановского, снабжавшей рыцарей плаща и кинжала смертоносными ядами, не оставлявшими следов? Все-таки Бенеш чересчур много знал о тайных советско-чехословацких связях. Только дела Тухачевского эта, возможно роковая, осведомленность не касалась.

И последнее, связанное с якобы переправленной через Бенеша Сталину «красной папкой» на Тухачевского. Бригадефюрер Беренс, якобы игравший ключевую роль во всей этой истории, до того, как его выдали Тито, находился в плену у англичан. Неужели он не рассказал бы британской разведке сенсационной новости: осуждение Тухачевского, Якира, Уборевича и других явилось следствием провокации германской разведки? Не рассказал хотя бы в надежде, что им заинтересуются и как ценного свидетеля не отправят на верную смерть в Белград (там-то вообще могли растерзать, не доводя до зала суда и виселицы) … Но ничего подобного в плену Беренс не говорил. Вероятно, Шелленберга он привлек не только тем, что давно уже был мертв, но и подходящей биографией. Первый начальник Берлинского управления Службы безопасности действительно мог использоваться Гейдрихом для столь ответственного и тайного задания, как фабрикация досье на Тухачевского… но только в том случае, если бы это досье существовало в действительности, а не было бы плодом богатой творческой фантазии Шелленберга.

Чем же на самом деле располагали Сталин и Ежов относительно связей Тухачевского с германской, японской и

другими иностранными армиями и разведками? Наиболее серьезно, на первый взгляд, выглядит документ, добытый Главным Управлением Государственной Безопасности НКВД в апреле 1937 года. Документ был на японском языке и представлял собой письмо японского военного атташе в Польше Саваду Сигеру начальнику Главного управления Генерального штаба Страны восходящего солнца Накадзима Тецудзо. Написал же письмо от руки почему-то помощник Сигеру — Арао. Текст документа гласил: «Об установлении связи с видным советским деятелем. 12 апреля 1937 года. Военный атташе в Польше Саваду Сигеру. По вопросам, указанным в заголовке, удалось установить связь с тайным посланцем маршала Красной Армии Тухачевского. Суть беседы заключалась в том, чтобы обсудить (далее два иероглифа и один знак переводчику НКВД прочитать не удалось. — Б. С.) относительно известного Вам тайного посланца от Красной Армии № 304». Это письмо людям Ежова удалось сфотографировать во время перевозки дипломатической почты из Польши в Японию по советской территории. Качество фото оказалось низким. Поэтому часть текста прочитать так и не удалось.

20 апреля Ежов доложил о перехвате Ворошилову, а тот на следующий день — Сталину. Любопытно, что для перевода столь интересного документа пришлось обратиться к… незадолго до этого, 2 апреля, арестованному по подозрению в шпионаже в пользу Японии бывшему сотруднику Иностранного отдела НКВД Р. Н. Киму — крупнейшему знатоку японского языка. Ему посчастливилось уцелеть, и в 60-е годы он дал показания Комиссии ЦК. Ким сообщил, что за расшифровку документа ему обещали значительное облегчение его участи. Снимок был очень смазанный, и перевести текст удалось только ценой огромных усилий. По словам Кима, письмо было на служебном бланке военного атташе и писал его не сам Сигеру, а его помощник Арао, почерк которого бывший сотрудник НКВД знал очень хорошо, поскольку ранее переводил многие исполненные им документы. Одновременно с текстом перевода Ким представил письменное заключение, что документ поддельный и подброшен японцами с провокационной целью. Он не без оснований полагал, что не стали бы столь важную и секретную информацию, непосредственно касающуюся Красной Армии, везти в незашифрованном виде через советскую территорию без дипкурьера, просто в опечатанном мешке с дипломатической почтой, с которым еще неизвестно что в пути случится (и действительно случалось: НКВД регулярно производил выемку японской диппочты и читал ее, как свою собственную). Ким был

уверен: если бы японцы захотели надежно скрыть содержание документа от глаз советской разведки, они бы передали его шифром или с дипкурьером. А в данном случае у японской разведки была другая цель: довести до сведения советской стороны содержание документа. Возможно, таким образом хотели проверить, действительно ли японская дипломатическая почта перлюстрируется.

Скорее всего, японская записка о Тухачевском была не более чем возвращением в Москву в несколько измененном виде слухов, распущенных Скоблиным по заданию НКВД. Похоже, это был единственный реальный вариант не существовавшего в природе немецкого «досье», будто бы сработанного по заданию Гейдриха. Что Тухачевский не был японским агентом, доказывает доклад помощника военного атташе Японии в Москве Коотани, выступившего в июле 37-го с анализом дела Тухачевского перед политической и военной элитой Страны восходящего солнца. Он совершенно справедливо заявил: «Неправильно рассматривать расстрел Тухачевского и нескольких других руководителей Красной Армии как результат вспыхнувшего в армии антисталинского движения. Правильно будет видеть в этом явлении вытекающее из проводимой Сталиным в течение некоторого времени работы по чистке, пронизывающей всю страну».

Ежов быстро понял, что перед ним дезинформация. Потому-то и не вменил на суде Ульрих Тухачевскому работу на японскую разведку. И в газетах об этом не писали, дабы японцы не поняли, что чекисты ознакомились с посланием Сигеру Тецудзо. А вот в стенограмму задним числом признание Тухачевского в связях с японским Генштабом внесли — как заготовку на будущее.

Кстати сказать, история с письмом японского военного атташе из Варшавы — еще одно доказательство, что немецкой папки с компроматом на Тухачевского Ежов и Сталин никогда не получали. Если даже короткое письмо на одну страницу оставило заметный в архивах и в памяти уцелевших свидетелей (кроме Кима, о нем рассказал и бывший чекист М. Е. Соколов, непосредственно передававший документ Киму, и те люди, что непосредственно вынимали письмо из почтового вагона), то объемистая папка тем более не могла испариться в воздухе.

Второй своеобразный аналог «красной папки» Гейдриха — это доносы на Тухачевского одного из архитекторов операции «Трест», бывшего начальника Иностранного отдела НКВД (то есть разведки), а затем заместителя начальника Разведуправления Красной Армии А. Х. Артузова. Еще в конце 1932 года из Германии агент по кличке «Сюрприз» сообщил со ссылкой на

представителя абвера Германа фон Берга, будто в СССР существует «военная партия», готовящаяся к «большой исторической задаче» — «взять на себя в нужный момент роль спасителя отечества в форме сильной и авторитетной военной диктатуры». Агент докладывал: «Идеологической головой этого течения Берг называет „генерала Турдеева“. Турдеев якобы бывший царский офицер около 46 лет, в этом году (1932) приезжал в Германию на маневры. Турдеев в штабе Ворошилова является одним из наиболее ответственных организаторов Красной Армии. Турдеев в большой дружбе с Нидермайером, с которым он на „ты“. Берг говорит, что Турдеев произвел на него впечатление определенного националиста». В других донесениях фамилия генерала варьировалась: Тургалов, Тургулов, Тургуев… Сотрудники ОГПУ быстро установили, что как генерал Тургуев в Германию ездил Тухачевский.

Позднее, весной 33-го, из-за гибели одного агента-посредника связь советской разведки с «Сюрпризом» прервалась навсегда. Но история с «генералом Тургуевым» имела продолжение. В январе 1937 года за ряд крупных провалов своей агентуры Артузов был снят с поста заместителя начальника Разведупра РККА и некоторое время оставался без работы, а потом был возвращен в НКВД рядовым сотрудником одного из отделов Главного Управления Государственной Безопасности. Чувствуя, что кольцо вокруг него смыкается (были арестованы многие его друзья и родственники), Артур Христианович попробовал применить старый проверенный способ спасения: свою шею выкупить чужими головами. 25 января 1937 года Артузов направил Ежову записку, где изложил давние донесения «Сюрприза» о «военной партии». К записке опальный чекист приложил «Список бывших сотрудников Разведупра, принимавших активное участие в троцкизме», на 34 фамилии. На записке нарком на следующий день наложил благожелательную для автора резолюцию: «Тт. Курскому и Леплевскому. Надо учесть этот материал. Несомненно, в армии существует троцкистская организация». Но ничто уже не могло спасти доносчика. В ночь на 13-е мая Артузова арестовали. Две недели он отрицал, что является давним агентом германской и польской разведок, а 27 мая, не выдержав интенсивных допросов, признался.

О Тухачевском он заявил следующее: «Штейнбрюк (работник НКВД. — Б. С.) стал уверять, что если мы 270-го (агента, через которого поддерживалась связь с „Сюрпризом“. — Б. С.) не выдадим, то немцы нас уничтожат. Пришлось на выдачу 270-го согласиться… Это было тяжелейшим ударом для СССР. Ведь еще в 1932 году из его донесений мы узнали о существующей в СССР

широкой военной организации, связанной с рейхсвером и работающей на немцев. Одним из представителей этой организации, по сообщению 270-го, был советский генерал Тургуев — под этой фамилией ездил в Германию Тухачевский». Следующий допрос Артура Христиановича состоялся уже после казни участников «военно-фашистского заговора», 15 июня. Он послушно подтвердил оглашенную на суде над Тухачевским ахинею: «…Ягода всё больше приоткрывал карты, и в конечном счете мне стало известно, что во главе антисоветского заговора стоят Рыков, Бухарин и Томский, а военных представляет Тухачевский. Их главной целью было восстановление капитализма в СССР. Они хотели восстановить всякого рода иностранные концессии, добиться выхода советской валюты на международный рынок, отменить ограничения на въезд и выезд иностранцев, объявить о свободном выборе форм землепользования — от колхоза до единоличного хозяйства. Затем — широкая амнистия политзаключенным, свобода слова, печати, собраний и, конечно же, свободные демократические выборы».

Программа, согласимся, не столь уж абсурдна и сильно напоминает ту, что осуществляется в России в последние годы перестройки и первые годы независимости. Беда, однако, в том, что прекраснодушные пожелания свободных демократических выборов и амнистии политзаключенным существовали лишь в фантазии следователей и подследственного, не имея никакого отношения к подлинным взглядам Бухарина и Ягоды, Рыкова и Тухачевского… А насчет союза заговорщиков с Германией фантазия Артузова разыгралась вовсю: «Целью заговорщиков являлось достижение такого рода отношений между Германией и СССР, при которых немцы отказались бы от вооруженного нападения на Советский Союз после захвата власти заговорщиками. Гитлер на это согласился, правда, при условии, что проживающим в СССР немцам будет обеспечено право экстерриториальности, что германские промышленники получат возможность иметь концессии, что мы не будем возражать, если вермахт займет Литву, Латвию и Эстонию. Если эти условия будут выполнены, то Гитлер даже обещал помощь в реализации задач антисоветского заговора».

Почему-то никому не бросился в глаза идиотизм поведения тех, кто будто бы готовил военный переворот. Зачем, интересно, руководителям Красной Армии разрешения на свержение Сталина надо было спрашивать у Гитлера? И отчего вдруг Гитлер должен торжественно обещать отказаться от нападения на Советский Союз, если для такого нападения у него пока что нет

ни сил, ни средств? И как может Германия помочь заговорщикам свергнуть Сталина? Разве что дивизии вермахта по воздуху в Москву перебросит?

Позднее Артузов кровью написал на тюремной квитанции, что он никогда не был немецким шпионом. И привел ряд доказательств, в частности, что любой германский агент на его месте «позаботился бы получить через немцев какой-либо транзитный документ для отъезда за границу». На это внимания не обратили. 21 августа 1937 года Артур Христианович был расстрелян.

Но что же представлял из себя агент «Сюрприз», доносивший о «генерале Турдееве»? Это был германский подданный Адольф Хайровский, уроженец Австрии и хорват по происхождению. Он с 1931 года являлся агентом разведки рейхсвера в Югославии и Албании, а в 1932 году, незадолго до вербовки ОГПУ, стал внештатным экспертом по делам авиации в Абвере. В Москве с самого начала с очень большим недоверием относились к донесениям Хайровского, поскольку сообщения о способе получения материалов и сами материалы были «малоправдоподобны» и больше напоминали «болтовню». Один из сотрудников советской резидентуры в Германии по кличке «Эрих» по поводу информации о «военной партии» писал: «Как „Сюрприз“, не работавший непосредственно в Абвере, может узнать настоящие фамилии агентов в чужой стране просто так? Ведь допустить, что в Абвере дела поставлены так скверно, что „Сюрприз“, являющийся только экспертом по делам авиации, не получающий даже… жалованья (только за отдельные поручения), австриец, ставший несколько лет тому назад германским подданным, может так легко от отдельных работников узнавать такие конспиративные данные…»

Агент же А-270, на которого ссылался Артузов в своих показаниях и через которого только и поддерживалась связь с «Сюрпризом», сотрудниками ОГПУ подозревался в работе на германскую разведку. Это был, как и Хайровский, австриец, барон Курт фон Позаннер, член национал-социалистической партии Германии. Еще до прихода Гитлера к власти он был сотрудником разведки НСДАП (из нее потом выросло ведомство Шелленберга). В 1931 году Позаннер сам явился в советское полпредство в Берлине и предложил свои услуги ОГПУ. Свое решение он мотивировал желанием отомстить партийному руководству, у которого впал в немилость. Похоже, что австрийский барон открыл список перебежчиков-мстителей. Позднее он пополнился полковником Олегом Пеньковским, мстившим руководству ГРУ за то, что так и не произвело его в генералы, и высокопоставленным

сотрудником ЦРУ Олдричем Эймсом, мстившим своим начальникам, как он утверждал, за косность и нежелание использовать передовые методы работы. И судьба Позаннера была столь же печальна, как и у Пеньковского и Эймса. В марте 33-го А-270 был арестован немецкой полицией, через несколько дней выпущен, и сразу же после освобождения убит при загадочных обстоятельствах. Труп Позаннера, сильно обезображенный и с несколькими ножевыми и огнестрельными ранениями, нашли в лесу вблизи Потсдама.

Обстоятельства смерти А-270 позволяют предположить, что с советской разведкой он всё-таки не вёл двойной игры. Хотя, очевидно, более всего был озабочен получением денег любой ценой. Тот же «Эрих», как кажется, справедливо подозревал Позаннера в финансовой нечистоплотности: «Парень нахально врет. Денег „Сюрпризу“ не дал, а нужного самообладания при всовывании нам фальшивой расписки у него нет… Врал он сегодня не только в связи с деньгами, но вообще, заявив мне на вопрос, почему нет ничего интересного, что Конрад, Росинг и Штельце — все трое заболели, что лишает „Сюрприза“ возможности видеться с ними… Я еще раз… подтверждаю свое мнение: с А-270 больше не тянуть… если он еще сегодня не провокатор, а просто мелкий жулик, то он станет и провокатором из-за колоссальной жадности к деньгам». Была разработана операция по проверке Позаннера, но провести ее не успели. Скорее всего, контрразведка рейхсвера установила, что барон связан с ОГПУ, и решила убрать предателя. Не исключено, что перед этим через Позаннера в Москву передавалась дезинформация, в том числе и насчет Тухачевского, и что Хайровский-«Сюрприз» как раз и исполнял роль двойного агента, помогая разоблачению А-270. Тогда вполне объяснимо последующее исчезновение «Сюрприза» из поля зрения советской разведки и полная фантастичность его сообщений о «генерале Турдееве».

Нельзя, впрочем, исключить, что Хайровский двойным агентом не был, а просто набивал себе цену (в буквальном смысле, увеличивая гонорары), сообщая информацию, основанную на слухах и его собственных домыслах, но зато будто бы относящуюся к самой высокопоставленной германской агентуре в СССР. Но в любом случае тогда, в 1932–1933 годах, руководители ОГПУ рассматривали сообщения «Сюрприза» и А-270 о Тухачевском как отражающие ранее легендированные данные в связи с операцией «Трест». И никаких мер против будущего маршала предпринято не было. А в 1937 году сообщения «Сюрприза» в его следственном деле не фигурировали.

Ежову даже не нужно было создавать какую-то более или менее правдоподобную картину шпионской и заговорщической деятельности мнимых заговорщиков. Проще было добиться от арестованных подтверждения придуманного следователями.

Информацию о связях Тухачевского с германскими военными передавал и агент гестапо немецкий журналист Карл Виттиг, ранее откровенно симпатизировавший Чехословакии и имевший обширные связи в Праге. По заданию Службы Безопасности нацистской партии (СД) он в июле 1936-го сообщил своим чешским друзьям, что между рейхсвером и Красной Армией сохраняется тайная связь, несмотря на формальное прекращение сотрудничества в 1933 году, и что со стороны русских эту связь поддерживает Тухачевский. Однако здесь речь не шла о каких-то отношениях втайне от советского правительства и тем более направленных против него. Цель подобной дезинформации была очевидна — напугать чехов двуличием Москвы, за спиной партнера по договору о взаимопомощи продолжающей секретное сотрудничество с Берлином, не скрывавшим намерений аннексировать часть чехословацкой территории. Эта история тоже не имела под собой реальной почвы. Аналогичная информация несколько месяцев спустя, как мы убедились, до смерти напугала Бенеша.

Почти все люди, так или иначе связанные с делом Тухачевского, ненадолго пережили маршала и умерли, как правило, не своей смертью. Генералу Скоблину недолго пришлось пользоваться доверием германской разведки, завоеванным благодаря сообщению о «заговоре Тухачевского». 23 сентября 1937 года советские агенты похитили из Парижа руководителя РОВСа генерала Е. К. Миллера (два года спустя его расстреляли в лубянском подвале). Но старый генерал оставил записку, где указал, что отправляется на встречу с представителем германской разведки вместе со Скоблиным, в котором подозревает советского агента. После исчезновения Миллера Скоблину удалось обмануть коллег из Русского общевоинского союза и бежать. Но далеко уйти ему не удалось. Вот что рассказал Судоплатов: «О Скоблине как об агенте гестапо впервые написала газета „Правда“ в 1937 году. Статья была согласована с руководством разведки и опубликована, чтобы отвлечь внимание от обвинений в причастности советской разведки к похищению генерала Миллера… Единственным упоминанием в деле Скоблина является ссылка на его обманный маневр, с помощью которого удалось заманить Миллера на явочную квартиру… где якобы должна была состояться его встреча с офицерами германской разведки. Там он и был задержан… Скоблин бежал из Парижа в

Испанию на самолете… Погиб во время воздушного налета на Барселону…» Единственное, что вызывает некоторое сомнение, так это то, будто Скоблин погиб от франкистской бомбы. Тут есть и другие версии. В. Александров в своей беллетристической по сути книге приводит жуткую историю, как в Барселонском порту похожего на Скоблина человека силой погрузили на борт советского судна, идущего в Одессу. И с тех пор бывшего генерала никто не видел. Думаю, что на самом деле Судоплатов прав, когда утверждает, что Скоблин погиб в Барселоне, а Александров — когда намекает, что отправиться в лучший мир ему помогли хозяева-чекисты. Знал Николай Васильевич довольно много, а после того, как засветился в записке Миллера, в качестве агента уже не представлял никакой ценности. Вывозить же его в Советский Союз для допросов и последующей ликвидации смысла не было. Ведь ничего нового и важного сообщить Скоблин при всем желании не мог. Зато охваченная гражданской войной Испания представляла собой куда более подходящее место для устранения провалившегося агента. Барселону часто бомбила авиация мятежного генерала Франко и поддерживавший его германский легион «Кондор». Скорее всего, кто-то из коллег Судоплатова во время одного из налетов помог генералу Скоблину покинуть грешную землю старым проверенным способом — выстрелом в затылок. А труп потом списали на неприятельскую авиацию.

Маршала Блюхера арестовали 22 октября 1938 года по обвинению в заговоре и шпионаже в пользу Японии. Потрясенный маршал сначала всё отрицал. Тогда его стали методично избивать (Тухачевскому в этом отношении повезло больше — его как будто не били). Бывшая врач Лефортовской тюрьмы Розенблюм вспоминала, что, когда оказывала помощь арестованному Блюхеру, на лице маршала имелись обильные кровоподтеки, под глазом имелся большой синяк, причем удар был настолько сильный, что произошло глазное кровоизлияние. Василий Константинович рассказывал «наседке»-сокамернику: «Физическое воздействие… Как будто ничего не болит, а фактически всё болит». Когда следователи в присутствии Берии избивали Блюхера резиновыми дубинками, несчастный маршал кричал: «Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают?» В результате Блюхер признал связь с «правотроцкистской организацией», то есть всё с тем же «военно-фашистским заговором» Тухачевского, участников которого сам осудил на смерть полутора годами раньше. Но вот в том, что он японский шпион, Василий Константинович упорно не хотел признаваться. Допросы «с пристрастием» продолжались. 9 ноября 1938 года

заплечных дел мастера переусердствовали: Блюхер скончался от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза. Вероятно, такие же избиения ждали бы Тухачевского, не признайся он достаточно быстро. Но Михаил Николаевич довольно скоро пришел к выводу, что судьба его предрешена, и не стал тянуть время.

Еще один из судей Тухачевского, командарм Н. Д. Каширин, будучи арестован 19 августа 1937 года, всего через два с небольшим месяца после того, как сам был членом Специального присутствия, написал Ежову, что тогда, 11 июня, он «чувствовал себя подсудимым, а не судьей». Его тоже притянули к «заговору Тухачевского» и расстреляли годом позже, 14 июня 1938 г.

Против бывшего начальника Штаба РККА маршала А. И. Егорова, одобрившего на Военном Совете расправу над Тухачевским и его товарищами, применили тот же самый прием, что и против Михаила Николаевича. Жена Егорова Т. А. Цешковская была объявлена польской шпионкой и арестована. Маршал 25 января 1938 года был снят с должности и направлен командовать Закавказским военным округом. При этом в постановлении Политбюро утверждалось, что он «пытался установить контакт с заговорщиками через Тухачевского», а также «решил организовать и свою собственную антипартийного характера группу, в которую он вовлек т. Дыбенко и пытался вовлечь в нее т. Буденного». Егоров 28 февраля обратился со слезным письмом к Ворошилову: «*Я* не безгрешен… Но со всей решительностью скажу, что я тотчас же перегрыз бы горло всякому, кто осмелился бы говорить и призывать к смене руководства… Дорогой Климент Ефремович! Я переживаю исключительно тяжелую моральную депрессию. Я знаю и сознаю, что показания врагов народа, несмотря на их вопиющую гнусность и клеветничество, надо тщательно проверить. Но я об одном не могу не сказать, а именно: конечно, партия должна получить исчерпывающие данные для окончательного решения моей судьбы. Решение будет являться следствием анализа показаний врагов против меня и анализом моей личности и совокупности всех моих личных свойств… Я подал записку СТАЛИНУ с просьбой принять меня хоть на несколько минут в этот исключительный для моей жизни период. Ответа нет. Я хочу в личной беседе заявить ему, что всё то светлое прошлое, наша совместная работа на фронте остается и впредь для меня самым дорогим моментом жизни и что это прошлое я никогда и никому не позволял чернить, а тем более не допускал и не могу допустить, чтобы я хоть в мыслях мог изменить этому прошлому и сделаться не только уже на деле, но и в помыслах врагом

партии и народа. Прошу Вас, Климент Ефремович, посодействовать в приеме меня тов. СТАЛИНЫМ… Еще раз заявляю Вам как своему непосредственному начальнику, соратнику по боевым дням гражданской войны и старому другу (как выразились Вы в своем приветствии по случаю моего пятидесятилетия), что моя политическая честность непоколебима как к партии, так к родине и народу».

Но Сталин Егорова, в отличие от Тухачевского, так и не принял. Теперь уже не было нужды поддерживать какие-то иллюзии у опального маршала; никаких резких движений, зная характер Егорова, Иосиф Виссарионович от него всё равно не ожидал. Друг и соратник Клим ничем не помог. 2 марта Егорова вывели из кандидатов в члены ЦК. На следующий день он вновь написал Ворошилову: «Это тяжелейшее для меня политическое решение партии признаю абсолютно и единственно правильным, ибо этого требует непоколебимость авторитета ЦК ВКП (б), как руководящего органа нашей великой партии… Вы простите меня, Климент Ефремович, что я надоедаю Вам своими письмами. Но Вы, я надеюсь, понимаете исключительную тяжесть моего переживания, складывающегося из двух, совершенно различных по своему существу, положений.

Во-первых, сложившаяся вокруг меня невообразимая и неописуемая обстановка политического пачкания меня врагами народа и, во-вторых, — убийственный факт вопиющего преступления перед родиной бывшей моей жены, является неоспоримым фактом, то первое, то есть политическое пачкание меня врагами и предателями народа, является совершенно необъяснимым, и я вправе назвать его трагическим случаем моей жизни.

Чем объяснить эту, сложившуюся вокруг меня, чудовищную обстановку, когда для нее нет никакой политической базы и никогда не было такого случая, чтобы меня, или в моем присутствии, кто-либо призывал к выступлению против руководства партии, Советской власти и Красной Армии, то есть вербовал как заговорщика, врага и предателя».

Егоров всё еще на что-то надеялся, еще верил, что старый друг не выдаст, еще доказывал свою невиновность очевидными, как казалось маршалу, вещами: «Дорогой Климент Ефремович! Я провел в рядах нашей родной Красной Армии все 20 лет, начиная с первых дней ее зарождения еще на фронте в 1917 г. Я провел в ее рядах годы исключительной героической борьбы, где я не щадил ни сил, ни своей жизни, твердо вступив на путь Советской власти, после того, как порвал безвозвратно с прошлым моей жизни (офицерская среда, народническая идеология и абсолютно

всякую связь, связь, с кем бы то ни было, из несоветских элементов или организаций), порвал все мосты и мостики, и нет той силы, которая могла бы меня вернуть к этим старым и умершим для меня людям и их позициям. В этом я также абсолютно безгрешен и чист перед партией и родиной. Свидетелем моей работы на фронтах и преданности Советской власти являетесь Вы, Климент Ефремович, и я обращаюсь к вождю нашей партии, учителю моей политической юности в рядах нашей партии т. Сталину и смею верить, что и он не откажет засвидетельствовать эту мою преданность делу Советской власти. Пролитая мною кровь в рядах РККА в борьбе с врагами на полях сражений навеки спаяла меня с Октябрьской революцией и нашей великой партией. Неужели теперь, в дни побед и торжества социализма, я скатился в пропасть предательства и измены своей родине и своему народу, измены тому делу, которому с момента признания мною Советской власти я отдал всего себя — мои силы, разум, совесть и жизнь. Нет, этого никогда не было и не будет».

Свидетельствовать о преданности Егорова Советской власти Ворошилов не стал. А от «вождя и учителя» ответ пришел довольно скоро. 27 марта Егорова арестовали. Дальше — по стандартной схеме: отрицание вины — пытки — признание всех нелепых обвинений и оговор товарищей. По свидетельству одного из чекистов, Ежов пообещал Егорову сохранить жизнь, если он «раскается и вскроет преступную деятельность других лиц». Егоров вскрыл, но Ежов при всем желании обещания исполнить не мог: его сняли с поста наркома внутренних дел еще до окончания следствия по делу маршала. Расстреляли Егорова уже при Берии, в день Красной Армии — 23 февраля 1939 года.

Не спасли Егорова ни дружба с Ворошиловым, ни то, что значительную часть гражданской войны провел вместе с Климентом Ефремовичем и Иосифом Виссарионовичем, никогда не оспаривал их мнения по принципиальным вопросам и послушно возвеличивал роль Сталина в гражданской войне. В глазах диктатора перевесило прошлое членство маршала в партии левых эсеров и сравнительно высокий чин его в царской армии — полковник.

Достоверно не известно, писал ли Тухачевский письма Сталину и Ворошилову в короткий промежуток времени от снятия с поста заместителя наркома обороны и до момента ареста. В любом случае, их тексты до наших дней не дошли. Но если писал, то, вероятно, в том же духе, что и Егоров. Только о дружбе с Ворошиловым, разумеется, не упоминал, поскольку отношения у них с Климентом Ефремовичем были как у кошки с

собакой. А вот душевное состояние в те дни у Михаила Николаевича наверняка было таким же, как и у Александра Ильича Егорова. Тухачевский прекрасно знал, что ни в каком заговоре, а тем более шпионаже, не виноват, и с тем большим недоумением и ужасом наблюдал, как после ареста Кузьминой и ссылки в Куйбышев нарастает отчуждение окружающих.

Кстати сказать, мне бросилось в глаза, что из большинства тех военных, что арестовали после суда над Тухачевским, признания приходилось выколачивать с помощью мер физического воздействия. На примере участников «военно-фашистского заговора», большинство из которых, замечу, бить не потребовалось, они убедились, что признание вины и раскаянье от расстрела не спасают, и пытались сохранять стойкость до конца. Только мало кому это удавалось. Имя же Тухачевского вплоть до смерти Сталина было непременным атрибутом почти всех «военных заговоров», придумываемых людьми Ежова и Берии, символом самого черного и подлого предательства.

Не очень надолго пережил Михаила Николаевича Тухачевского и главный архитектор его дела Николай Иванович Ежов. «Чистку» в партии и армии пора было на время приостановить. Надвигалась вторая мировая война, и вскоре часть уцелевших военных, главным образом тех, кто так ничего и не подписал, выпустили и вернули в ряды Красной Армии. Ежова же с поста наркома внутренних дел без особого шума убрали. Хотя случилось это 24 ноября 1938 года, в газетах о смещении Ежова было объявлено только 8 декабря. Любопытно, что за три дня до падения бывшего любимого сталинского «железного наркома», 21 ноября, при загадочных обстоятельствах в подмосковном санатории умерла жена Николая Ивановича Евгения Соломоновна Хаютина. Впоследствии ее, как и любовницу Тухачевского и жену Егорова, объявили шпионкой. По Москве ползли слухи, что Ежов отравил свою дорогую супругу, опасаясь каких-то разоблачений с ее стороны. С не меньшим успехом, правда, можно предположить, что Хаютину убрали люди Берии, несколькими месяцами ранее навязанного Ежову в заместители. Ведь на мертвую гораздо проще было навесить обвинения хоть в шпионаже, хоть в терроре, а затем притянуть к ним и уже впавшего в немилость у Сталина мужа жертвы. Мавр Ежов тоже должен был уйти. Арестовали его 10 апреля 1939 года. На следствии Николай Иванович послушно показал, что давно подозревал жену в шпионских связях. К делу привлекли и бывшего любовника Хаютиной писателя Исаака Бабеля и сконструировали из всех троих шпионско-террористическую группу, замыслившую убить Сталина. Помимо традиционных

заговора, шпионажа и подготовки терактов, Ежову добавили и более оригинальные, зато полностью соответствующие истине обвинения: в фальсификации уголовных дел и гомосексуализме (по тем временам, напомню, уголовно наказуемое деяние). На следствии Николай Иванович всё признавал. Его даже бить не пришлось. Ежов слишком хорошо знал, как развязывают языки, и не имел ни малейшего желания испытать на своей шкуре весь букет методов физического воздействия. А вот на суде отрицал всё, кроме гомосексуализма. Да еще покаялся, но довольно своеобразно: «Есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять… Я почистил 14 тысяч чекистов. Но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил… Везде я чистил чекистов. Не чистил их только лишь в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа». Николая Ивановича, конечно же, расстреляли. Произошло это 4 февраля 1940 года. Подобно Тухачевскому, Якиру и многим другим, Ежов умер со словами: «Да здравствует Сталин!» Парадоксально, но эта здравица объединяла в предсмертные минуты и жертв, и палачей, в одночасье превратившихся в жертв.

Погибло и большинство родных и близких Тухачевского, арестованных вслед за ним. Третью жену, Нину Евгеньевну Гриневич, сначала заключили в лагерь, а в июле 1941 года расстреляли вместе с женами Уборевича и Гамарника. Мать маршала Мавра Петровна не отреклась от сына и умерла в лагере. Погибли в заключении все остававшиеся к 37-му году в живых братья Михаила Николаевича и сестра Софья. Другие сестры — Ольга, Елизавета и Мария — дожили до реабилитации в 57-м сестры. Уцелели обе дочери — Светланы. Выжила и Юлия Кузьмина, освобожденная из лагеря 8 мая 1945-го — в день победы…

Михаилу Николаевичу Тухачевскому не довелось участвовать в той грянувшей 1 сентября 1939 года большой войне, к которой он готовился сам и готовил Красную Армию. Работы Тухачевского по военной теории и истории, хотя и были переизданы после его реабилитации (а некоторые впервые увидели свет только в самые последние годы), во многом неизбежно устарели и в общем-то довольно основательно забыты. В современной военной науке ссылаются на них редко.

Проведенные Тухачевским успешные операции против Колчака и Деникина давно уже не изучают в академиях, да и при жизни маршала им уделялось не так уж много внимания. Слишком очевидно было, что в будущей мировой войне масштабы

и условия боевых действий будут другими. Крупнейшее же в своей жизни Варшавское сражение Михаил Николаевич проиграл по всем статьям. Что же и сегодня привлекает наше внимание к Тухачевскому? Периодически возобновляющиеся споры, был ли в действительности он заговорщиком? Да, конечно. В деле о «военно-фашистском заговоре», как и в жизни Тухачевского, остается еще немало загадок и тайн; и книга, которую вы прочитали, отнюдь не претендует на то, чтобы все из них разрешить и раскрыть раз и навсегда. Но главное, чем интересен Тухачевский и через шестьдесят лет после смерти, думаю, всё-таки заключается в другом — в его блестящей военной карьере. Михаил Николаевич теперь уже навеки остался самым молодым из советских маршалов. И то, что карьера была оборвана на взлете, резко и жестоко, придало ей трагический отсвет и некую абсолютную завершенность — почти одновременно с ней закончилась и земная жизнь маршала.

Мог ли Тухачевский сам избрать иной путь? Или могла ли судьба его сложиться иначе по воле случая? Скажем, если бы не удался его побег из Ингольштадтской крепости и ему пришлось бы пробыть в немецком плену гораздо дольше — вплоть до Октябрьской революции в России и окончания первой мировой войны. Тогда, несмотря на прежнюю дружбу с большевиком Кулябко, у Михаила Николаевича было бы довольно много шансов оказаться в белой армии. Скорее всего, у Деникина (до Колчака было слишком далеко). Особенно если бы Тухачевский вернулся в Россию в период успехов белых, скажем, летом 18-го. Общий ход гражданской войны его пребывание в той же Добровольческой армии, разумеется, не изменило бы, но до генерала Тухачевский наверняка бы дослужился. Напомню, что колчаковский наштаверх, то есть фактически командующий всей армией, Лебедев был не старше Михаила Николаевича. Дальше, очевидно, было бы прозябание в эмиграции в качестве одного из сотен свежеиспеченных белых генералов. Тогда Тухачевского помнили бы только историки гражданской войны, но путь во всемирную историю ему был бы заказан. А так он — один из виднейших руководителей самой многочисленной и вооруженной армии мира, которого с готовностью принимали высшие военные руководители и в Париже, и в Лондоне, и в Берлине. И даже процесс и казнь сыграли на то, чтобы обессмертить имя Тухачевского. И сразу после процесса, и в период реабилитации во всем мире на разных языках появлялись статьи и книги о Тухачевском. Сначала в нем видели несостоявшегося советского Бонапарта, проигравшего решающую схватку со Сталиным; потом, когда стало ясно, что никакого заговора не было, — безвинную

жертву сталинского террора и несостоявшуюся альтернативу руководству Красной Армии в Великой Отечественной войне, но в любом случае — фигуру неординарную, действительно мирового значения.

Был и еще один вариант судьбы. Тухачевский мог остаться в Германии, или сразу после освобождения из плена, или вновь оказавшись здесь после отступления из России белых армий. Мог жениться на немке, поступить на службу в рейхсвер, сделать там карьеру, достичь генеральского чина. Скажете, фантастика? А между тем, с одним из наших соотечественников, как кажется, именно так и случилось.

В боевом расписании на 21 июня 1941 года изготовившейся к вторжению в Россию немецкой группы армий «Центр» я нашел командира 31-й пехотной дивизии 12-го армейского корпуса — генерал-майора с «исконно немецкой» фамилией Калмыков. Дивизия эта наступала севернее Бреста, и ее артиллерия обстреливала легендарную Брестскую крепость. Больше я ничего не знаю о генерале Калмыкове. Не знаю даже его имени или инициалов. Не знаю его дальнейшей судьбы. 31-я пехотная дивизия была уничтожена в Белоруссии в июле 1944 года, когда Красная Армия проводила знаменитую операцию против группы армий «Центр» под кодовым названием «Багратион». Но фамилия Калмыкова не встречалась мне в списках убитых или попавших в советский плен германских генералов. Вероятно тогда, в 44-м, он уже не командовал 31-й дивизией. Возможно, Калмыков стал командиром или начальником штаба корпуса (армией-то он точно не командовал) или перешел на службу в штаб так называемых «Восточных войск», которому подчинялись власовцы и другие формирования из бывших советских граждан. А может, просто умер уже после начала советско-германской войны от какой-нибудь болезни…

Полагаю, что у Калмыкова или мать, или жена были немки. Иначе необъяснимо, как эмигранту из России удалось поступить в рейхсвер, где было всего 4 тысячи офицеров, тогда как после окончания первой мировой войны без работы оказались сотни тысяч офицеров кайзеровской армии. А Калмыков непременно должен был служить в рейхсвере. Ведь не мог же человек, пришедший в гитлеровский вермахт со стороны, да к тому же иностранец, к 41-му году дорасти уже до генерал-майора!

Очевидно, и для Тухачевского, служи он в германской или любой другой иноземной армии, например во французской (тогда, скорее всего, был шанс вторично очутиться в немецком плену), пределом карьеры было бы командование дивизией или корпусом. Но это был явно не тот уровень, к которому стремился

честолюбивый гвардейский подпоручик. И такой исход Михаил Николаевич, думаю, почел бы для себя величайшим несчастьем. Не говоря уж о том, что Тухачевский был русским патриотом и к Германии, где ему пришлось страдать в плену, теплых чувств не питал. Поэтому при любой линии судьбы невозможно представить Михаила Николаевича, во главе германской дивизии идущего к берегу Буга, чтобы через несколько часов завоевателем вступить на землю родины. Хотя, если бы какой-нибудь из перечисленных вариантов всё же осуществился, Тухачевский хоть и не стал бы маршалом, но прожил бы значительно дольше…

Так почему же погиб Тухачевский? Почему вступил в игру с дьяволом — коммунистической властью (Сталин — лишь одно из наиболее ярких и страшных ее порождений)? На что рассчитывал или надеялся? Истинные в последней инстанции ответы на эти вопросы маршал унес с собой в могилу. Но мне кажется, что для Тухачевского главным был даже не патриотизм и тем более не мечта о мировой пролетарской революции (которую он по необходимости принял, а потом стал сознавать уже и как свою собственную). Главным было — создать величайшую в мире армию, встать во главе ее и когда-нибудь испытать ее в деле. Для такого дела лозунг мировой пролетарской революции очень хорошо годился, и большевики представлялись Михаилу Николаевичу вполне приемлемыми союзниками. Ради достижения своей цели он был готов если не на всё, то на многое: травить газом тамбовских крестьян, расстреливать взбунтовавшихся кронштадтских матросов, заставить весь народ потуже затянуть пояса и делать пушки вместо масла… И не думал о том, что уцелеть шансов нет. С его умом, талантом, независимостью характера в условиях тоталитарной диктатуры выжить Тухачевскому было никак нельзя. Он, несомненно, лучше всех советских военачальников подходил для той войны, к которой стремился подготовить Красную Армию. Но в итоге вторая мировая война прошла без него.

Литература

Тухачевский М. Н. Война классов. Статьи 1919–1920 гг. Смоленск, 1921.

Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. Т. 1, 2. М., 1964.

Тухачевский М. Н. Новые вопросы войны; Трифонов В. А. Контуры грядущей войны. М., 1996. В этой книге приведена наиболее полная на сегодняшний день библиография сочинений М. Н. Тухачевского и посвященных ему работ.

Тухачевский М. Н. Поход за Вислу; Пилсудский Ю. Война 1920 года. М., 1992.

Александров В. Дело Тухачевского. Пер. с франц. Ростов-на-Дону, 1990.

Бобренев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М., 1993. Буденный С. М. Пройденный путь. Т. Т. 1–3. М., 1958–1973.

Волкогонов Д. А. Семь вождей. Т. 1. М., 1995.

Горелик Я. М. Маршал М. Н. Тухачевский. Саратов, 1986. Гуль Р. Красные маршалы. Тухачевский. Ворошилов. Блюхер. Котовский. М., 1990.

Давыдов П. М. В огне трех войн. Ставрополь, 1972. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. Т. 1–3. М., 1962.

Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. М., 1992.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 12-е изд. Т. Т. 1–3. М., 1995.

Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Смоленск, 1996. Иванов В. М-. Маршал М. Н. Тухачевский. 2-е изд. М., 1990.

Какурин Н. Е. Как сражалась революция. 2-е изд. Т. Т. 1, 2. М., 1990.

Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963.

Кровавый маршал / Сост. Г. В. Смирнов. СПб., 1997.

Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965.

Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Досье на маршала. М., 1996.

Никулин Л. В. Тухачевский. Биографический очерк. М., 1964.

Операции на Висле в польском освещении. Сб. Статей и документов. Пер. с польского. М., 1931.

Павленко Н. Г. Была война… Размышления военного историка. М., 1994.

Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. (Алексеев Ю.). Измена родине. М., 1995.

Самойло А. А. Две жизни. М., 1958.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

Соколов Б. В. Красная Армия в меж военный период, 1921–1941. М., 1990.

Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. Сб. Статей. СПб., 1998.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997.

Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М., 1963.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1991.

Фельдман Б. М. К характеристике новых тенденций в военном деле. 2-е изд. М., 1931.

Шатуновская Л. Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982.

Шелленберг В. Мемуары. Пер. с нем. М., 1991.

Щетинов Ю. А., Старков Б. А. Красный маршал. М., 1990.

Butson Th. G. The Tsar´s Lieutenant — The Soviet Marshal. N. V. etc, 1984.

Glantz D. M. Stumbling Colossus. The Red Arm V on the Eve of World War. Lawrence (Kansas), 1998.

Hoettl W. The Secret Front. The StorV of Nazi political Espionage. Transi. BV R. H. Stevens. N. V., 1954.

Wieczorkiewicz P. P. Sprawa Tuchaczewskiego. Warszawa, 1994.

Аптекарь П. А. «Химчистка» по-тамбовски//Родина, 1994.

Будберг А. Дневник//Архив русской революции. Т. Т. 12–15. М., 1991–1993 (репринтное воспроизведение берлинского издания 1923–1934 г. г.).

Дайнес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский// Вопросы истории, 1989, N 9-10.

Иссерсон Г. С. Записки современника о М. Н. Тухачевском// Военно-исторический журнал, 1963, № 4.

Как Климент Ефремович «настучал» на Семена Михайловича. Публикация Л. Х. Казщаковой и В. С. Лебедевой// Военно-исторический журнал, 1993, № 4.

М. Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор». Публикация В. А. Лебедева//Военно-исторический архив. Вып.1, 2. М., 1997 (ранее материал 1-го выпуска публиковался: Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993).

Мартиролог РККА//Военно-исторический архив. Вып.2. М., 1997.

На борьбу с «лимитрофами». Публикация Н. Ю. Березовского//Военно-исторический журнал, 1993, № 4.

Норд Л. А. Маршал Тухачевский//Возрождение, Париж, 1957,

№№ 63–69, 71.

Опишня И. Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства //Возрождение, Париж, 1955, № 39.

Сопельняк Б. «Честнейший товарищ? Расстрелять!» // Родина, 1995, № 2.

Соколов Б.

Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала». – Смоленск: Русич, 1999. – 512 с. («Мир в войнах»).

ISBN 5-88590-956-3

«Мой герой не был бездушной машиной, но и излишней рефлексией не страдал. Знал крупные победы и не менее крупные поражения. Храбро держал себя под неприятельскими пулями, но смалодушничал перед лицом скорого и неправого суда. Стяжал славу выдающегося полководца и не менее выдающегося карателя. Не верил и верил в Бога, как верил и не верил в большевизм и мировую пролетарскую революцию...»

ISBN 5-88590-956-3